Библиотека
всемирной литературы

Серия первая*

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бээкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Печкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

ПОЭЗИЯ МИННЕЗИНГЕРОВ

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1974

Вступительная статья
Б. Пуришева

И
П67

П $\frac{70404-239}{028(01)-74}$ подписное

© Издательство «Художественная литература», 1974 г.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

1

Когда вспоминают о средних веках, то обычно представляют себе закованного в латы рыцаря, тяжелым мечом поражающего врага, каменные громады феодального замка, изнурительный труд крепостного крестьянина, унылый колокольный звон, раздающийся за монастырской стеной, и монаха, отрекшегося от мирских соблазнов. Железо. Камень. Молитвы и кровь.

Да, все это, конечно, так и было. Немало в средние века нагромождалось тяжелого, темного, бесчеловечного. Но люди всегда оставались людьми. Они не могли, как этого требовали от них хмурые благочестивцы, думать только о смерти и загробном царстве. Земля их кормила и поила. С землей прежде всего были связаны их горести, радости, надежды и разочарования. Они любили, трудились, воевали, веселились и оплакивали умерших. Разумеется, они также молились, но ведь и в молитвах просили они бога даровать им хлеб насущный и избавить от лукавого в этой земной юдоли.

Впрочем, страшила их не только нечистая сила, но и внезапные набеги врагов, самоуправство власть имущих, моровая язва, а также, как многим казалось, близость светопреставления. Однако, вопреки мрачным пророчествам неистовых прорицателей, конец мира не наступал и река средневековой жизни продолжала катить свои медленные и широкие волны. Земля оставалась землей. И люди, как и в другие исторические эпохи, тянулись к свету и красоте. При этом им хотелось, чтобы красота обитала не только в тесных храмах, но и на просторах их повседневной жизни. И чтобы выражалась она не только в холодном неподвижном камне, но и в теплом человеческом слове, гибком и музыкальном. Именно в средние века поэзия стала королевой европейской словесности. Время прозы еще не пришло. Даже летописи облекались в стихотворную форму. Священное

писание обретало стихотворные ритмы. Понятно, что при отсутствии книгопечатания стиху суждено было играть особую подсобную роль, ведь стихотворные тексты лучше запоминались. Но дело, конечно, не сводилось к удобству запоминания. Звучные стихотворные формы придавали поэтичность даже самому сухому дидактическому тексту, как бы приобщая его к царству красоты. А люди, жившие в суровую и в чем-то даже мрачную эпоху, нуждались в красоте, как нуждались они в солнечном свете.

Поэтическое слово звучало в то время повсюду — и в храме, и в рыцарском замке, и на городском торжище, и в кругу хлебопашцев. Искусные певцы вспоминали о славных богатырях, совершавших удивительные подвиги. Люди разного звания и положения, женщины и мужчины пели о любви, о весне, о веселых и грустных событиях в человеческой жизни. Так, видимо, обстояло дело уже в начале средних веков. Недаром церковные власти и каролингские короли не уставали клеймить «бесстыдные любовные песни», «дьявольские постыдные песни, распеваемые в деревнях женщинами», «нечестивые женские хоровые песни», имевшие, можно предполагать, широкое распространение в народной среде. Но все эти песни, противоречащие постной церковной морали, до нас не дошли. Никому не приходило в голову их записывать, тратить на них драгоценный пергамент. Грамотеями в то время являлись обычно клирики, а для них произведения, вызывавшие нарекания церкви, не могли представлять интерес. К тому же народная лирика вряд ли вообще тогда воспринималась как что-то ценное, и не только потому, что она была «простонародной»: ведь человек в те «эпические» столетия неизменно выступал как представитель рода, племени или сословия. От него ожидали подвига, способности сокрушить супостата. В героизме видели его главное достоинство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Карл Великий, твердой рукой насаждавший христианство, живо интересовался древнейшими «варварскими» песнями, посвященными деяниям былых королей. Что же касается лирических песен, не укладывавшихся в эпическую концепцию мира, то их в лучшем случае просто не замечали либо решительно отвергали, занося в рубрику греховных. Этим и объясняется то прискорбное обстоятельство, что народная лирика раннего средневековья бесследно исчезла.

Но вот подошел XII век, и любовная лирика, правда не народная, но рыцарская, как-то сразу заняла одно из самых видных мест в литературе средних веков. Этот расцвет светской лирической поэзии, начавшийся на юге Франции, в Провансе, а затем охвативший ряд европейских стран, знаменовал наступление нового этапа в культурной истории средневековой Европы. В XII и XIII веках в западноевропейской жизни многое изменилось. Правда, феодальные порядки еще продолжали оставаться незыблемыми и католическая церковь сохраняла власть над умами верующих. Но уже быстро начали расти города, стремившиеся освободиться от власти феодальных сеньоров и зачастую превращавшиеся в очаги религиозной и

социальной крамолы. Там в начале XII века возникли первые частные школы, не связанные непосредственно с церковными организациями и поэтому более свободные в своих начинаниях. Именно в стенах этих школ протекала деятельность одного из наиболее выдающихся философов-вольнодумцев средних веков — Пьера (Петра) Абеляра (1079—1142), воззрения которого дважды осуждались господствующей церковью как еретические. Ставя человеческий разум выше предания и мертвой догмы, французский мыслитель с огромным уважением отзывался об античных философах, которые для него олицетворяли истинную мудрость и по своему нравственному благородству превосходили представителей современного католического клира. Стирая грани между античностью и средними веками, он даже осмеливался утверждать, что христианское учение о троице было предвосхищено «величайшим из философов» — Платоном и его учениками. О том, насколько к этому времени возросло самосознание личности, свидетельствует «История моих бедствий», принадлежащая перу того же Абеляра. Автор уверен, что его жизнь представляет несомненный интерес для любознательного читателя. И он обстоятельно рассказывает о том, как он достиг громкой славы ученого, как его преследовали облаченные в сутану завистники и как горячая любовь соединила его с умной и красивой Элоизой. Он даже считает нужным сообщить, что сочинял любовные стихи, которые «нередко разучивались и распевались во многих областях» [1]. Перед читателем возникает образ человека, примечательного не тем, что он имеет отношение к церкви или сеньору, но тем, что он, при всем его несомненном благочестии, выступает, так сказать, сам по себе, являя миру неповторимое богатство ума и пылких человеческих чувств. В чем-то автобиография Абеляра уже предвосхищает «Письмо к потомкам» Франческо Петрарки, первого великого итальянского гуманиста, пожелавшего рассказать людям о себе и своей жизни.

Однако не только города, но и феодальные замки были в XII и XIII веках охвачены новыми веяниями. В это время пышно расцветает придворная рыцарская культура, блестящая, изысканная и нарядная, весьма отличная от примитивной и суровой культуры господствующего сословия раннего средневековья. Рыцарь продолжает оставаться воином. Но придворный этикет требует, чтобы наряду с традиционной доблестью он обладал светскими изящными манерами, соблюдал во всем «меру», был приобщен к искусству и почитал прекрасных дам, то есть являл собой образец придворного вежества, именуемого куртуазией. Совершенные куртуазные рыцари, преданные прекрасным дамам, заполняют страницы рыцарских романов, идущих на смену тяжелоступным героическим эпопеям. Куртуазия становится знаменем социальной элиты, претендовавшей на господство в социальной, нравственной и эстетической сфере. Конечно, в романах феодальный обиход до крайности идеализирован, но из этого вовсе

[1] Петр Абеляр. История моих бедствий. М., 1959.

не следует, что куртуазный рыцарь являлся лишь поэтической фикцией. Он действительно блистал при дворах могущественных феодалов. Крестовые походы заметно расширили его кругозор. Быстрое развитие товарно-денежных отношений, разрушая былую замкнутость феодального поместья, пробуждало в нем желание не уступать городскому патрициату в блеске и великолепии. Враждуя нередко с горожанами, он в то же время готов был усваивать материальные и духовные ценности, создававшиеся в городской среде. У Абеляра были друзья и единомышленники среди дворян. Между куртуазных поэтов нередко встречались выходцы из городских кругов. Характерной тенденцией куртуазной поэзии можно считать заметно возросший интерес к миру и человеку, который способен не только молиться и воевать, но и нежно любить, восхищаться красотой природы, а также искусными изделиями человеческих рук. Хотя аскетическая доктрина продолжала громко заявлять о себе, многочисленные поэты воспевают земную чувственную любовь как великое благо. Поэт не так охотно прислушивается к звону мечей, как к биению пылкого человеческого сердца. Всеми признанной владычицей поэзии становится Любовь, а ее верной спутницей — Прекрасная Дама.

С культа прекрасной дамы, собственно, и началась куртуазная поэзия. Она возникла в конце XI века в Провансе, принадлежавшем к числу наиболее развитых стран тогдашней Европы. По словам Ф. Энгельса, «южнофранцузская — vulgo провансальская — нация не только проделала во времена средневековья «ценное развитие», но даже стояла во главе европейского развития. Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам. Она не только «блестящим образом» развила «одну фазу средневековой жизни», но вызвала даже отблеск древнего эллинства среди глубочайшего средневековья» [1].

Говоря об «отблеске древнего эллинства», Ф. Энгельс имеет в виду поэзию многочисленных старопровансальских трубадуров, бросивших вызов угрюмому аскетизму средних веков. Встречались среди них и знатные феодалы, и люди скромного происхождения, но преобладали рыцари-министериалы, то есть служилые рыцари, тесно связанные с аристократическими дворами, являвшимися признанными центрами новой куртуазной культуры. Здесь звучали песни трубадуров, здесь охотно рассуждали о любви и ее природе, здесь складывались правила любовного служения, ставшего своего рода светской религией высшего круга. При этом к поэтическому творчеству причастны были не только мужчины, но и женщины. В феодальных кругах Южной Франции женщины вообще пользовались

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 378.

относительно большей свободой. Согласно древним римским законам, сохранившимся в Провансе, они могли наследовать феодальные владения и выступать в роли феодальных сеньоров, окруженных толпой придворных. Понятно, что знатные дамы весьма благосклонно относились к куртуазной поэзии, которая подымала их на высокий пьедестал.

В поэзии трубадуров прекрасная дама заняла примерно такое же место, какое в религиозной поэзии средних веков отводилось мадонне. Только мадонна царила на недосягаемых небесах, в то время как прекрасная дама являлась лучшим украшением земли и царила в сердце влюбленного поэта. Трубадуры дружно воспевали ее красоту и благородство. Как ювелир, любующийся редким собранием драгоценных камней, возьмет то один самоцвет, то другой, так и поэт в стихотворении перебирает драгоценные черты своей повелительницы. У ней сверкающие золотом волосы, лучистые глаза, лоб — «белизной превосходящий лилеи», румяные щеки, красиво очерченный нос, маленький рот, пурпурные губы, руки с тонкими и длинными пальцами, изящные брови, «зубы жемчуга ясней» (Арнаут де Марейль и др.). Поэту, лицезреющему такое совершенство, даже кажется, что он пребывает в раю (Понс де Капдюэль). Правда, это рай особого рода, это рай куртуазный, весьма далекий от призрачной обители бесплотных духов, о которой тосковали средневековые анахореты. Куртуазному раю соответствует куртуазная теология, не раз смущавшая суровых ревнителей церкви. Сам бог создает прекрасную даму. И создает ее из собственной своей красоты (Гильем де Кабестань). Прославленному трубадуру Пейре Видалю даже кажется, что, глядя на даму, он видит бога. Улыбка четырехсот ангелов не может сравниться с улыбкой любимой (Рамбаут д'Ауренга). А один из поэтов, имя которого до нас не дошло, так пленен несравненной женской красотой, что не находит в сердце своем места для бога. Зато крылатый бог любви, прославленный еще во времена классической древности, легко проникает в сердце поэта. Именно он побуждал каноника Дауде де Прадас (кансона «Сама Любовь приказ дает...») и других стихотворцев петь о любви и ее великой власти. Любовь собирает под своими священными знаменами старопровансальских поэтов. Она одушевляет их и умножает их творческие силы. Недаром один из самых талантливых трубадуров — Бернарт де Вентадорн — заявлял:

Коль не от сердца песнь идет,
Она не стоит ни гроша,
А сердце песни не споет,
Любви не зная совершенной.
Мои кансоны вдохновенны —
Любовью у меня горят
И сердце, и уста, и взгляд.

Но что же представляла собой эта «совершенная», или куртуазная, любовь (fin amor) трубадуров, вызывавшая и продолжающая вызывать

сноры среди историков европейской средневековой культуры?[1] Немецкий ученый Э. Векслер в начале XX века даже утверждал, что любовь в лирике трубадуров — это чистейшая фикция и что любовные песни старопровансальских поэтов на самом деле имели только одну практическую цель: «прославление госпожи в расчете на награду», которую сеньор дарует своему вассалу. Векслеру весьма основательно возражал выдающийся русский исследователь В. Ф. Шишмарев («Несколько замечаний к вопросу о средневековой лирике», 1912). Не отрицая в поэзии трубадуров приемов идеализации и известной условности стиля и отдельных ситуаций, он выражал уверенность, что «любовная лирика провансальцев в ее целом» — это «поэтическое изображение вполне реальных переживаний» и что «любовная поэзия провансальцев реальна не менее всякой другой», а «психологические корни» ее надо, между прочим, искать «в отрицательной оценке современного брака, строившегося обыкновенно на расчете или необходимости». В культе дамы, по словам В. Ф. Шишмарева, «впервые был поставлен вопрос о самоценности чувства и найдена поэтическая формула любви»[2].

Дело в том, что прекрасная дама, воспеваемая трубадурами,— как правило, замужняя женщина, обычно супруга феодала. На это в свое время обратил внимание Ф. Энгельс, заметивший, что «рыцарская любовь средних веков отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот. В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты воспевают это»[3].

Можно в связи с этим сказать, что любовь трубадуров явилась своего рода бунтом человеческих чувств, потребовавших своей доли в безличном сословном мире. Ведь в средние века брак заключался по соображениям чисто деловым. Сословие поглощало человека. Голос чувства не мог звучать там, где звучал голос холодного расчета, основанного на кастовых прерогативах. В любовной лирике провансальцев человеческое чувство стремится обрести свои права. И в этом ее первостепенное историческое значение. И хотя вся атмосфера куртуазного служения связана с феодальными дворами, собственно кастовый элемент подчас отступает здесь под натиском освобожденного чувства.

Любовь расшатывала сословные преграды. Ведь в царство куртуазной поэзии доступ открыт не только для знатных, но и для незнатных. Сыном замкового пекаря был Бернарт де Вентадорн, из семьи скорняка происходил Пейре Видаль, резчиком был Эльяс Кайрель, нотариусом — Арнаут

---

[1] См.: Р. А. Фридман. Любовная лирика трубадуров и «Кодекс» и «Законы» куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуров.— «Ученые записки Рязанского государственного педагогического института», т. 34, М., 1966.

[2] В. Ф. Шишмарев, Избранные статьи. Французская литература. М.— Л., 1965, с. 182—183.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 72—73.

де Марейль и т. д. В поэзии трубадуров любовь даже выступает в роли великой уравнительницы. Перед ней, как перед богом, теряют свое значение сословные преимущества. Совершенной любви достоин не тот, кто знатен и богат, а тот, у кого благородное сердце, будь он при этом беден и незнатен (Дальфин). Поэты охотно твердят о том, что любовь несовместима с корыстью и тщеславием, что совершенная любовь облагораживает человека. По словам Монтаньяголя, «любовь не грех, а добродетель, в силу которой дурные люди становятся хорошими, а хорошие — совершенными». Ведь всякий, кто хочет обладать внутренней ценностью, «должен обратить свое сердце и свои надежды к любви, ибо любовь научает благородным и приятным поступкам; она внушает человеку, как жить надлежащим образом, она приносит радость и устраняет скорбь» (он же).

Но у куртуазной любви свои особенности. Прежде всего это «тайная» любовь. Поэт избегает называть свою даму по имени. Такая откровенность могла бы ей повредить. В произведениях трубадуров то и дело упоминаются злоязычные соглядатаи и ревнивые мужья, которые доходят до того, что бьют своих законных жен. Поэтому влюбленный поэт в стихах называет прекрасную даму условным прозвищем (так называемый сеньяль). Хранить тайну любви — его первейшая обязанность. «Я так преданно и верно люблю вас, что ни одному другу не доверю тайну моей любви к вам»,— заявляет Пейре Видаль.

Затем куртуазная любовь — это любовь «тонкая», изысканная, в отличие от грубо-чувственной, примитивной, «глупой» любви (fol amor), свойственной неотесанным вилланам. Это вовсе не означает, что куртуазная любовь несовместима с чувственным влечением. Нередко поэты прямо признаются в том, что охвачены неодолимым желанием, что умрут, если не удостоятся «высшей награды», что страстно жаждут «обладать» прекрасной (Пейре Раймон). Но при этом куртуазная любовь чуждается дерзости, шумного озорного напора. Она выступает преимущественно как трепетное обожание. Ей сопутствует робость, подчас лишающая поэта дара речи. Только вздохи намекают на чувства влюбленного. Но вот льется песня поэта, прославляющего прекрасную даму, достойную преклонения, преданности и высокой любви. Любовь эта не ходит быстрым, резвым шагом. Она движется медленно, почти торжественно. Иногда она даже как будто становится совсем призрачной. Поэты заявляют, что, не ища взаимности, в самом обожании обретают они драгоценную награду, что страдания любви сладостны, а трубадур Арнаут де Марейль даже утверждал: «Я не думаю, что любовь может быть разделенной, ибо, если она будет разделена, должно быть изменено ее имя».

Конечно, куртуазная любовь не была лишена известной условности. Она не только подчинялась придворному этикету, но и подчас сливалась с великосветской модой. Вероятно, многие стихотворения были прямо продиктованы этой модой. Прославляя красоту и добродетели жены своего сюзерена, рыцари-министериалы оставались почтительными царедворцами.

Их звонкие песни, льстя самолюбию дамы, одновременно окружали сиянием исключительности феодальный двор, среди которого она царила. Однако не следует думать, что куртуазная любовь — всего лишь изысканная великосветская игра. Ведь самый факт, что любовь могла стать модой и даже, пожалуй, наиболее ярким проявлением куртуазии, свидетельствует о том, что в сознании средневекового человека произошли глубокие сдвиги. Поэтому «высокий» тон провансальских любовных песен не может быть всецело сведен к придворному этикету.

Любовной лирике трубадуров действительно присуща ясно выраженная идеализирующая тенденция. Но доктрина куртуазной любви не только поднимала на высокий пьедестал прекрасную даму, но и от влюбленного требовала непрерывного совершенствования. В связи с этим апофеоз прекрасной дамы превращался в апофеоз земной любви, которая вырастала в могучую нравственную силу, призванную преобразить человека, приобщенного к ней. Для прославления этой «совершенной» любви поэт, естественно, использовал те понятия и речения, которые предлагали ему средние века. Религиозная и феодальная фразеология была вполне уместна там, где возникала атмосфера любовного служения. Поэт охотно признавал себя вассалом дамы. Своей «госпоже» он клялся в нерушимой «верности» либо, подчиняясь приказу амура, становился ее «пленником». Люди на земле и ангелы на небесах ликуют при виде совершенств прекрасной дамы. Как и мадонну, поэты называют ее путеводной звездой, майской розой, утешительницей скорбящих и т. п. Само собой понятно, что после смерти прекрасная дама возносится в горние сферы рая. Так, приближая прекрасную даму к сонму ангелов, провансальские поэты освящали куртуазную любовь, ставили ее по ту сторону греха и утверждали в качестве великого блага.

Впрочем, независимо от куртуазной концепции, средние века в сиянии земной красоты готовы были видеть отблеск великой красоты небесной. Недаром надпись на фасаде церкви в Сен-Дени, сделанная по распоряжению ученого аббата Сугерия (начало XII в.), гласила: «Чувственною красотою душа возвышается к истинной красоте и от земли возносится к небесам». Подобное утверждение, обращенное в данном случае к искусству церковному, в то же время далеко выходило за пределы монашеского ригоризма, поскольку земную красоту рассматривало как прочное звено в цепи мудрого божественного миропорядка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поэты, воспевавшие чувственную красоту куртуазной дамы, вспоминают об ангелах и небесах. На языке средневековой поэзии это означало, что достоинства куртуазной дамы, и прежде всего ее красота, поистине безмерны. Такая красота вполне достойна «высокой» любви, а высокая любовь достойна апофеоза.

И любовь прочно утвердилась в творениях трубадуров. Она преобразила суровую средневековую поэзию, заставив поэтов по-новому взглянуть на окружающий мир. Она обостряла чувство прекрасного. Никогда еще средневековые поэты не восторгались столь самозабвенно земной красотой.

И пленяла их не только красота молодой куртуазной дамы, но и красота вечно живой природы, в которой они улавливали соответствие своему душевному состоянию. Мир цвел и благоухал в песнях трубадуров. Особенно охотно вспоминали они о весне, когда луга начинали пестреть цветами, нежной листвой одевались сады и пернатый хор немолчно славил пробуждающуюся любовь. С подобным «весенним запевом», восходящим к традициям народной, а также поздней античной поэзии, нередко встречаемся мы в песнях Бернарта де Вентадорна (около 1140—1195), Гираута де Борнейля (расцвет творчества — 1175—1220 гг.), Джауфре Рюделя (около 1140—1170) и других трубадуров. Весна — прекрасный символ любви в поэзии провансальцев. Она радует глаза и сердце, возвышает душу. Песни соловьев и жаворонков звучат в ее честь. Повсюду разлита светлая радость. И поэта побуждает она слагать звонкие, вдохновенные песни.

В то же время к «весеннему запеву» поэт подчас обращается лишь затем, чтобы оттенить грусть, овладевшую его сердцем. Ликует весенняя природа, а прекрасная дама холодна к влюбленному поэту. Томление по цели, едва достижимой, составляет один из характерных мотивов любовной лирики трубадуров. На разные лады у разных поэтов звучал этот мотив. Как часто жалуются поэты на суровость донны, на то, что она холодна как лед, что им не дана радость разделенной любви, что тоска щемит их сердце, что жизнь отринутого донной превращается в тяжкий сон, что благой бог любви склонен к жестокости и т. п.

Правда, порой поэт утешает себя мыслью, что совершенная любовь может быть только «высокой» любовью, а «высокая» любовь не ищет «бренной награды», что любить следует не ради чувственных услад, а самозабвенно. Так утверждал замечательный певец «высокой» любви Бернарт де Вентадорн («Коль не от сердца песнь идет...»). По мнению Аймерика де Пегильяна, любовь сама по себе является великой наградой, мучения, приносимые ею, сладки, а тоска, порожденная ею, светла и чиста («Зря — воевать против власти любви...»). В свой черед Джауфре Рюдель, прославленный певец «любви издалека», именно в этой призрачной любви находил высшую меру радости («Мне в пору долгих майских дней...»). Чувственную любовь от любви куртуазной решительно отделял жизнелюбивый каноник Дауде де Прадас. По его мнению, тот нарушает закон любви, кто стремится овладеть прекрасной дамой и тем самым свести ее с куртуазных высот. Самое большее, на что следует надеяться поклоннику,— это поцелуй, а такие ее скромные подарки, как перстень или шнур, стоят величайших сокровищ. Другое дело — девица, с ней уже можно вести себя более свободно, а с разбитной простолюдинкой и вообще дозволено играть в любые любовные игры («Сама Любовь приказ дает...»).

Но не следует все-таки преувеличивать платонизм куртуазной любви. В лучших песнях трубадуров горячее человеческое чувство одерживает верх над жесткой схемой. Тот же Бернарт де Вентадорн привлекает удивительной искренностью и силой переживаний. Его любовным излияниям

верить. Нет в них ничего мишурного, показного. Этот простолюдин, склоненный перед знатной дамой, обладал пылким сердцем. Не будучи, видимо, взыскан особыми милостями донны, он в то же время упрямо мечтал о взаимности. В мечтах он уже видел ее обнаженной на ложе сна, в мечтах покрывал ее тело жадными поцелуями. Надежда сопутствовала у него любовной тоске.

Следует заметить, что мечты, грезы, сны, видения играют немалую роль в поэзии трубадуров. Они как бы образуют второй мир, существующий наряду с миром повседневным, наполненным жалобами влюбленных. В этом «поэтическом» мире умолкают жалобы и пени и осуществляются самые заветные чаяния. Здесь даже Джауфре Рюдель, расставшись с «любовью издалека», ясно слышит нежный призыв прекрасной донны, близкой и ласковой. Характерно, что грезы и сны трубадуров обычно лишены серафических устремлений. В отличие от средневековых «Видений», герои которых блуждали по загробным царствам, видения и сны трубадуров не покидали земных пределов. В них «высокая» любовь обретала свои земные права. Так, знойной страстью напоен сон Арнаута де Марейля. Словами: «Длись без конца, мой сон,— исправь // Неутоленной страсти явь!» — заканчивает он свое любовное «Послание».

Но не только в сновидениях и в грезах возникала у трубадуров тема разделенной любви. Ликованием и радостью наполнена, например, кансона «Полна я любви молодой...» талантливой поэтессы Беатрисы де Диа. Когда же любимый рыцарь покинул Беатрису, она, не страшась злой молвы, с удивительной откровенностью в песне напоминает ему о былых любовных восторгах («Я горестной тоски полна...»). Земной, разделенной любви всецело посвящен жанр альбы, широко распространенной в старопровансальской поэзии. Влюбленные расстаются на заре, после тайного свидания. О приближении дня их предупреждает друг или слуга рыцаря, стоящий на страже. Влюбленный обычно сетует на то, что так быстро прошла ночь и приблизилось расставание. В известной альбе Гираут де Борнейль, предвосхищая Петрарку, даже мечтает о том, чтобы ночь любви продолжалась вечно.

Любовь нередко служила в провансальской поэзии предметом споров и рассуждений. Трубадурам вообще присуща склонность к размышлениям, дебатам, обмену мнений, поискам дефиниций. Мастера средневековой схоластической культуры могли им в этом подавать, а подчас, видимо, и подавали надежный пример. Понятно, что в кругу дебатируемых вопросов любви отводилось одно из первых мест. Вопрос этот рассматривался в разных аспектах. Но особенно занимала поэтов его, так сказать, «практическая сторона». Поэты, например, спорили о том, какую женщину следует предпочесть — доступную, но неверную или же верную, но суровую (Фолькет де Марселья: «Надежный друг, вот вы знаток...»). Можно ли считать счастливым в любви того, кто не делил ложа с дамой сердца? (Пейре Гильем и Сордель: «— Сеньор Сордель! Так вы опять...»). Или обсуждался весьма

щекотливый вопрос о поведении кавалера на ложе любви (Аймерик де Пегильян и Эльяс д'Юссель: «— Эльяс, ну как себя держать...»). Участники диалогов охотно давали «полезные» советы,— например, совет не быть чрезмерно робким в любви, не упускать благоприятного момента и т. д.

В идеальный мир куртуазии проникали таким образом бытовые, прозаические интонации. Иногда они как бы завуалированы шаловливой наивностью (Арнаут Каталан: «Я в Ломбардии, бывало...»), а иногда лишены всяких прикрас. Случалось даже так, что галантный поклонник утрачивал необходимую любезность, становился груб с прекрасной донной. По мнению Рамбаута д'Ауренга, поклонник, отвергнутый донной, вправе ей угрожать, злословить, вообще не слишком церемониться с ней («В советах мудрых изощрен...»). А кое-кто из поэтов начинал подсмеиваться над самим куртуазным каноном. Так, ученик Маркабрю, считавшего любовное служение делом безнравственным и греховным, Пейре Карденаль в одном из своих произведений радовался тому, что расстался наконец с любовным рабством, освященным канонами куртуазного служения. Приветствуя обретенную свободу, он с облегчением заявляет, что не должен больше среди слащавых стонов и вздохов нагромождать лживые слова и твердить, что свет не производил таких красавиц и что цепи рабства легки и желанны. Подобные тирады не могли не расшатывать куртуазных устоев, тем более что и самый мир куртуазного идеала опирался на довольно зыбкую почву. В начале XIII века Гираут де Борнейль уже мог с глубокой грустью констатировать: «Многие крупные феодалы отвернулись от поэзии и от радостей жизни, поддавшись своим грубым инстинктам. Они проводят свое время в войнах и грабежах. Настоящая куртуазность уже не существует».

Конечно, любовная лирика трубадуров не была такой одноцветной, как это может показаться с первого взгляда. В ней много оттенков, нюансов, переливов красок. Огромная историческая заслуга ее в том, что она открыла для европейской поэзии трепетный мир человеческих чувств. Учениками трубадуров в той или иной мере были Данте, Петрарка и другие поэты эпохи Возрождения. Вместе с тем кругозор провансальских певцов любви весьма узок. Они видят только Любовь и слышат только ее голос. Сравнительно редко реальный, внешний мир проникает в эту зачарованную обитель, где воображение поэта способно творить чудеса, преображая снежную равнину в цветущий луг (Бернарт де Вентадорн). Такая поэзия, на протяжении многих десятилетий торжественно прославлявшая любовь, стала своего рода ритуалом, в котором личный элемент зачастую исчезал в устойчивых формулах и общих местах.

В этих условиях очень большое значение приобрела поэтическая форма, дававшая поэту возможность проявить свою творческую силу и оригинальность. Трубадуры высоко ценили литературное мастерство. Они соревновались друг с другом в создании новых стихотворных форм. Они хотели быть виртуозами в поэзии. Само слово «трубадур» происходило от провансальского «trobar», что означает «сочинять, находить, изобретать».

«Совершенная» любовь требовала совершенной формы, и поэты стремились к филигранной отделке поэтических произведений, они их тщательно шлифовали, заботились об их красоте и мелодичности. Ведь творения трубадуров были предназначены для пения, и автор текста нередко являлся автором мелодии, а также исполнителем песни (впрочем, иногда в роли исполнителя выступал жонглер). Эта забота о звуковом строе поэзии проявлялась отчасти в обращении к рифме. Именно трубадуры ввели ее в широкий литературный обиход. Об этом хорошо сказал А. С. Пушкин: «Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков... Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы...» («О поэзии классической и романтической», 1825). Действительно, если вначале провансальская поэзия была сравнительно простой, то со временем она приобретала характер все более изысканный и сложный. Особенно эта тяга к сложности проявлялась у сторонников так называемого темного, или «замкнутого», стиля (trobar clus), обращавшихся к узкому кругу знатоков, в то время как их противники — мастера «светлого» стиля (trobar clar) — стремились быть понятными многим. В приводимой на странице 88 тенсоне Гираута де Борнейля и Линьяуре (Рамбаута д'Ауренга) обе стороны излагают свои взгляды по данному вопросу.

Но, стремясь всемерно расширять метрические и строфические возможности поэзии, трубадуры вместе с тем тяготели к «твердым» каноническим формам, в которые, как в рыцарские доспехи, плотно облекались их творения. Наиболее распространенными формами были: канcона («песня»), состоящая из ряда строф и посвященная чаще всего любовной теме; уже упоминавшаяся альба (буквально: утренняя заря, рассвет, денница), каждая строфа которой заканчивалась словом «альба»; тенсона («спор», или жокпартит — «разделенная игра», или партимен — «раздел») — стихотворный диспут, в котором обычно принимают участие два поэта; пасторела — стихотворение, изображающее встречу рыцаря и пастушки; баллада — плясовая песня; сирвентес — строфическая песня, посвященная политическим, общественным темам, нередко содержащая выпады против врагов поэта; плач — песня, приближающаяся к сирвентесу, в которой поэт оплакивает смерть сеньора или близкого ему человека.

Наличие в провансальской поэзии таких форм, как сирвентес, плач и тенсона, свидетельствует о том, что, хотя любовная тема и занимала в ней господствующее положение, она вовсе не являлась единственной. Трубадуры при случае охотно откликались на злобу дня, касались вопросов политических и социальных. Даже в любовную поэзию изредка проникали вопросы, имевшие социальную подоплеку,— например, вопрос: кто больше достоин любви — учтивый простолюдин или бесславный барон (тенсона Дальфина и Пердигона, около 1200 г.)? Следует помнить, что социальный

состав трубадуров был довольно пестрым, что наряду с крупными феодалами и рыцарями заявляли о себе люди незнатные, лишенные сословных привилегий. В связи с этим в провансальской поэзии заметны разнородные социальные тенденции. Выходец из народа Маркабрю (около 1140—1185) неприязненно относился к рыцарству и его элитарной культуре, в то время как выдающийся поэт, представитель феодально-рыцарских кругов Бертран де Борн (около 1140—1215), принимавший деятельное участие в феодальных распрях, пел о стычках и битвах, прославляя войну и рыцарскую отвагу. С ненавистью говорил он о горожанах и крестьянах, полагая, что в интересах господствующего сословия их следует держать в черном теле. В то же время Бертрана де Борна тревожило, что феодалы перестают заботиться о славе дедовских гербов, что феодальная щедрость вытесняется жалким скопидомством, что пустым звуком становится рыцарская честь, а обнаглевшие богатеи лезут в дворянство и уже щеголяют приобретенными замками.

Вопрос о рыцарских добродетелях тревожил умы многих трубадуров. Придерживаясь подчас разных взглядов, они сходились на том, что без щедрости не может быть настоящего рыцаря. «Никоим образом не говорю я худо о доблести и уме,— заявлял Гираут Рикьер,— но щедрость все превосходит». По словам же одной анонимной песни, «щедрость — это главная добродетель», в то время как «скупость — смертный грех». При этом, толкуя о щедрости, поэты, подобно Бертрану де Борну, прежде всего имели в виду владетельных сеньоров, от которых зависело благосостояние мелких рыцарей-министериалов, составлявших основную массу стихотворцев.

С годами в провансальской поэзии усиливались нападки на власть имущих, заметно расширился ее публицистический диапазон. Этому в значительной мере содействовали трагические события, обрушившиеся в начале XIII века на Прованс. По призыву папы северофранцузские феодалы начали «крестовый поход» против южнофранцузских областей, в которых широко распространилась так называемая альбигойская ересь, отрицавшая многие кардинальные догматы католической церкви. В течение двадцати лет с перерывами (1209—1229 гг.) продолжались «альбигойские войны», приведшие к страшному опустошению Прованса. Богатая, цветущая страна лежала в развалинах. Инквизиция свирепствовала там, где еще совсем недавно поэты прославляли светлую земную радость. Впрочем, еще Маркабрю, сетуя на возрастающую испорченность мира, грозил ему великими испытаниями. А темпераментный Пейре Карденаль (около 1210 — конец XIII в.), юность которого совпала с потрясениями альбигойских войн, в своих сатирических сирвентесах не щадил ни феодалов, ни городских толстосумов, ни католического клира. Обличая разбой больших господ, он с сочувствием относился к беднякам, на долю которых выпало так много страданий. Клириков называл он волками в овечьей шкуре и исчадиями ада. И даже самого господа бога обвинял в несправедливости и жестокости. Разве справедливо ввергать в ад несчастных, которые уже на земле испытали столько

мук? Гневными упреками осыпáл римскую курию современник Карденаля Гильем Фигейра. Папский Рим ненавистен ему и как вместилище самых низких пороков, и как злая сила, раздувшая на юге Франции пламя опустошительной войны. В этой войне погибли культурные центры Прованса, многим трубадурам и жонглерам пришлось бежать из разоренной страны в Италию и Испанию. В новых трагических условиях заметно оживилась религиозная поэзия.

Но каким образом сложилась поэзия трубадуров, сыгравшая такую выдающуюся роль в культурной истории Европы? У нас есть основания полагать, что она многим обязана поэзии народной. Ведь не раз к этому животворному источнику обращалась литература разных народов и разных эпох. К фольклорной традиции восходит, видимо, «весенний запев», встречающийся в провансальских кансонах. Со свадебными, хороводными песнями и обрядами связан жанр альбы. К жанрам народного происхождения можно отнести пасторелу и балладу, в которой нередко встречается рефрен, распространенный в народной хоровой лирике. Только, конечно, в изысканных творениях трубадуров фольклорные элементы подчинялись требованиям куртуазной эстетики. Не могли пройти трубадуры мимо латинской средневековой поэзии, как светской, так и духовной. Иногда в их песнях слышится лукавая интонация вагантов (монах из Монтаудона, Дауде де Прадас, Карбонель).

Вероятно, и древнеримская поэзия привлекала их внимание. Ведь античная литература никогда полностью не исчезала из культурного обихода средневековой Европы, а в XII—XIII веках интерес к ней заметно возрос. В Провансе в то время следы античной цивилизации встречались на каждом шагу. Еще и сейчас там можно увидеть античные мосты, акведуки, триумфальные арки, амфитеатры и храмы. Фасады ряда церквей, воздвигавшихся в XI—XII веках, напоминают сооружения классической древности. Например, римскую триумфальную арку напоминает фасад монастырской церкви Сен-Жиль. Зодчие охотно украшали стены церквей колоннами с коринфскими капителями, античными орнаментами. Встречаются классические черты и в поэзии Прованса, вобравшей в себя разнородные элементы, но достигшей в то же время замечательной художественной цельности.

Цельность эта, однако, не стала единообразием. И, хотя обилие общих мест и поэтических формул несомненно умаляло роль личного начала, поэзия трубадуров все-таки не была безличной. Как всегда, здесь многое зависело от таланта и творческой смелости. Наряду с поэтами достаточно бесцветными, появлялись яркие, запоминающиеся фигуры, наделенные им одним присущими чертами. Как различны, например, суровый Маркабрю и трепетный Бернарт де Вентадорн или воинственный Бертран де Борн и мечтательный Джауфре Рюдель! «Лица не общим выраженьем» наделены были и пылкий Пейре Видаль, и «обличитель монархов» Сордель, обративший на себя внимание Данте («Чистилище», VI и VII). Ведь и современники видели в знаменитых трубадурах не только искусных поэтов, но и

людей с примечательными судьбами. В середине XIII века даже появились прозаические биографии наиболее известных трубадуров, малодостоверные с фактической стороны, но интересные тем, что именно поэты, а не только государи, отцы церкви или святые стали героями средневековых жизнеописаний.

2

Трубадуры были первыми куртуазными лириками Европы. За ними последовали поэты других европейских стран. Среди них видное место заняли немецкие миннезингеры («певцы любви»), выступившие в последней трети XII века. К этому времени в феодальной Германии сложились условия, благоприятствовавшие развитию придворной рыцарской культуры. К началу XIII века немецкая куртуазная поэзия, как лирическая, так и эпическая (рыцарский роман), уже достигла замечательного расцвета.

Понятно, что миннезингеры широко использовали опыт провансальских трубадуров, впервые разработавших концепцию куртуазного служения, и их северофранцузских последователей — труверов. У миннезингеров, в частности, встречаем мы поэтическую форму, восходящую к романским образцам. Например, распространенная у миннезингеров «песня рассвета» (тагелид) совпадает с провансальской альбой, а строфическая любовная «песня» приближается к канцоне. Вместе с тем миннезанг (так начиная с XVIII в. называют немецкую средневековую рыцарскую лирику) обладает рядом своеобразных черт. В нем меньшую роль, чем в поэзии романской, играет чувственный элемент. Немецкие поэты более склонны к рефлексии, морализации, к перенесению житейских проблем в сферу умозрительных спекуляций. Их гедонизм носит обычно более сдержанный характер. Нередко их произведения окрашены в религиозные тона. Однако, как и поэзия трубадуров, поэзия миннезингеров была в основном светской. Наряду с провансальской поэзией, она явилась заметной вехой на пути «обмирщения» европейской литературы средних веков. Встречаются среди миннезингеров поэты талантливые, тонкие, искусные версификаторы и в то же время, несмотря на известную схоластическую скованность, задушевные и простые, способные радостно воспеть природу и любовь или ополчиться на всемогущую кривду. Еще и сейчас охотно прислушиваешься к их звонким голосам и вполне понимаешь Рихарда Вагнера, воздвигшего им величественный памятник в своей опере «Тангейзер».

Следует заметить, что не сразу миннезанг подчинился требованиям куртуазии. Поначалу, наряду с направлением собственно куртуазным, связанным с традициями трубадуров, заметную роль играло другое направление, обращенное к традициям отечественной старины, близкое к народным любовным песням и даже к героическому эпосу. Поэты этого направления, возникшего на юго-востоке Германской империи, не стремились к сложным, изысканным формам, их строфика проста, стихи обычно связаны парными

рифмами. На связь с героическим эпосом указывает «нибелунгова» строфа, встречающаяся у поэта Кюренберга, творившего между 1150 и 1170 годами. Сам поэт называет ее «строфой Кюренберга», что дало повод некоторым ученым считать его автором одной из ранних редакций «Песни о Нибелунгах». Охотно обращаются старшие миннезингеры, и в их числе Кюренберг, к «женским песням», восходящим к древней фольклорной традиции. В этих песнях женщина обычно сетует на одиночество, на то, что ее покинул возлюбленный. В песни Кюренберга «Этот сокол ясный был мною приручен...» женщина сравнивает возлюбленного с соколом, взлетевшим под облака. Вообще концепция любви у поэтов-архаистов подчас заметно отходит от куртуазных представлений. У них в роли лирического героя нередко выступает женщина, а то и девушка. Именно ей суждено вздыхать и молить о любви, в то время как надменный и суровый мужчина с легкостью ее оставляет.

Однако уже у поэтов этого направления проступали куртуазные черты. Они стали определяющими в куртуазной лирике, зародившейся на Рейне, в непосредственной близости от рыцарской Франции, и в дальнейшем распространившейся по всей стране. Одним из ее создателей был автор первого немецкого (на нижнефранконском наречии) куртуазного романа «Энеида» — Генрих фон Фельдеке (род. в середине XII в.— умер до 1210 г.). Впрочем, в его лирических песнях, писавшихся по образцу куртуазных песен трубадуров, еще слышатся отзвуки поэзии немецких шпильманов с ее лукавыми народными интонациями.

В меланхолические тона окрашены любовные песни Фридриха фон Хаузена (около 1150—1190), участника крестового похода, поэта, сыгравшего видную роль в развитии куртуазного миннезанга. Сравнивая себя с Энеем, много испытавшим на своем веку, поэт уверен, что прекрасная дама, которой он отдал свое сердце, никогда не согласится стать его Дидоной («О, как она была горда...»). К тому же душевный разлад снедает поэта. Одержимый любовью, он бежит от нее, отправляясь в крестовый поход. В служении богу надеется найти он избавление от мирских треволнений («С моим упрямым сердцем в ссоре тело...»).

Тем временем приближался расцвет миннезанга. За Генрихом фон Фельдеке и Фридрихом фон Хаузеном потянулся длинный ряд поэтов, весьма изысканно воспевавших «высокую любовь». Попав в любовный плен, они почти не замечают окружающего мира, все существо их соткано из любовного томления, из тончайших переливов чувства. Особенно характерно это для поэзии Рейнмара фон Хагенау, названного Старым (около 1160 — около 1205), виднейшего предшественника Вальтера фон дер Фогельвейде. Поэт как бы бродит по заколдованному кругу наедине со своей любовной тоской. Песни его — обычно скорбные монологи, наполненные жалобами и пенями. Рейнмар не устает сетовать на жестокосердие прекрасной дамы, которая хотя и принимает его служение, но лишает его даже самых незначительных своих милостей. Мелькают годы, а единственное приобретение вер-

ного миннезингера — это печальная седина («Ею жил я столько лет...»). Как и всякий влюбленный, поэт втайне мечтает о близости, о том, что счастье ему когда-нибудь улыбнется. Но он подавлен тем, что госпожа не пожелала оценить его преданности, верности и пылкого сердца. А ведь в мире вряд ли найдется любовь, которая была бы сильнее его любви («Госпожу я заклинаю столько лет!..»). И напрасно клеветники подвергают сомнению искренность его любовных излияний. В любви — его жизнь, но также и его горе. Горе исторгает из сердца влюбленного поэта скорбные песни. Иногда поэту даже начинает казаться, что любовная тоска превратила жар его сердца в леденящий холод. Даже весна не может совладать с его тоской. Для него перестали цвести цветы, умолкли певчие птицы. Вечная зима воцарилась в его сердце («От этих бед печаль жива...»).

При всем том поэт не отрекается ни от жизни, ни от любви. Даже истерзанный отчаянием, не смеет он клясть и порочить прекрасных дам («Что влюбленному страдальцу мой совет...»). Разве награда заключена не в самой любви? Разве не должен он радоваться тому, что госпожа не отвергает его песен? Да и следует ли вообще посягать на безупречную чистоту прекрасной дамы? Пусть уж лучше, не снисходя к земной суете, озаряет она мир своим дивным небесным сиянием («Поют не от хорошей жизни...»).

Встречаются у Рейнмара «женские песни» и стихотворные диалоги с участием женщин. В них порой раскрывается важная тайна. Оказывается, внешняя холодность дамы далеко не всегда означает ее бессердечие. Подчас это лишь маска, под которой таится трепетное сердце. Охотно внимая нежным песням рыцаря, испытывая к нему глубокое влечение и вместе с тем страшась падения, благородная дама в суровости находит выход из затруднительного положения («Все печали достаются мне одной...»).

Впрочем, не всегда поэты-рыцари блуждали в густом тумане любовной меланхолии. К ярким краскам питал, например, склонность выдающийся миннезингер Генрих фон Морунген (около 1150—1222). Его изящным, искусно скомпонованным песням присуща пластическая выразительность и общий светлый, жизнелюбивый тон. Даже в песнях о неразделенной любви земной мир не утрачивал для поэта своей привлекательности и многоцветности. Венцом земной красоты была, разумеется, прекрасная дама, пленившая миннезингера. На ее лице он видел «белые лилии и алые розы». Магия любви превращает красавицу в солнце, дарующее тепло и жизнь очарованному поэту. Малейшая благосклонность прекрасной дамы наполняет его беспредельной радостью и ликованием, и вся природа радуется и ликует вместе с ним («Сердце в небо воспарило...»). Та же природа подсказывает поэту сравнения и поэтические образы. Подобно молниям, зажигающим деревья, глаза красавицы воспламеняют его сердце. Ласточка не ждет так солнечных лучей, как поэт ждет нежных ласк своей избранницы («Очень многих этот мучает недуг...»). Себя поэт охотно сравнивает с певчей птицей, услаждающей слух госпожи. Есть основания полагать, что Генрих фон

Морунген был знаком с латинской поэзией — средневековой и античной. Так, сравнение с Нарциссом поэта, заглядевшегося на возлюбленную («Чаянья, мечты, предположенья!..»), заимствовано из «Метаморфоз» Овидия.

Младшими современниками Генриха фон Морунгена были Гартман фон Ауэ (около 1170 — около 1210) и Вольфрам фон Эшенбах (около 1170— около 1220). Они прежде всего эпики, авторы замечательных рыцарских романов, но и куртуазная лирика их привлекала. Правда, лирическое наследие Гартмана не очень значительно. Среди многочисленных песен «высокой» любви, наводнявших в то время Германию (Генрих фон Ругге, Альбрехт фон Йохансдорф, Рудольф фон Фенис, император Генрих VI и др.), песни Гартмана не выделялись особенно заметно. Несравненно ярче его песня «Я теперь не слишком рад...», в которой поэт отрекался от служения знатным дамам и прямо заявлял, что «низкую» любовь предпочитает бесплодной и оскорбительной для мужчины куртуазной любви. Следует в связи с этим напомнить, что в романе «Бедный Генрих» Гартман с явным сочувствием повествовал о том, как самоотверженная крестьянская девушка стала законной супругой высокородного рыцаря, осмелившегося бросить вызов сословным предрассудкам средних веков.

Печатью сильного и самобытного таланта отмечены «песни рассвета» Вольфрама фон Эшенбаха, столь восхитившие Ф. Энгельса [1]. В одной из них автор «Парцифаля» смело сравнивает рассвет, разлучающий влюбленных, со страшным чудовищем, неуклонно взбирающимся на небосвод и раздирающим тучи своими огненными когтями («Вот сквозь облака сверкнули на востоке...»).

Но, конечно, самую высокую вершину немецкой средневековой лирики образует многообразное творчество Вальтера фон дер Фогельвейде (около 1170 — около 1230). Начав как ученик Рейнмара, он вскоре широко раздвинул границы миннезанга, обогатив его новыми темами и формами и той глубиной чувства, той задушевностью, которых не найти у других немецких поэтов средних веков. Бедный рыцарь, ведший беспокойную жизнь шпильмана и лишь на склоне лет получивший от императора Фридриха II небольшую усадьбу, избавлявшую его от нужды, Вальтер ближе стоял к окружающему миру, чем его знатные сотоварищи по искусству. Он много странствовал, многое видел, близко к сердцу принимал судьбы отчизны. Ему не было свойственно сословное высокомерие, обуревавшее, например, Бертрана де Борна. Напротив того, Вальтер в пору своего творческого расцвета демократизировал поэзию миннезанга, черпая из народных поэтических источников и прославляя наряду с «высокой» любовью любовь «низкую», бесконечно далекую от чопорного аристократического этикета. В чем-то он иногда перекликается с жизнерадостной поэзией вагантов. Для Вальтера подлинная, а следовательно, радостная любовь — это всегда «бла-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 73.

женство двух сердец», ибо одно сердце не может ее вместить («Любовь — что значит это слово?»). При этом простое, теплое слово «женщина» (wîp) поэт предпочитает заносчивому, холодному слову «госпожа» (frouwe) и даже позволяет себе подшучивать над госпожами, лишенными женской привлекательности («Прямо скажу вам, что обществу только во вред...»). И героиней его песен подчас выступает не знатная, надменная дама, заставляющая страдать влюбленного, но простая девушка, сердечно отвечающая на чувства поэта. За ее стеклянное колечко поэт готов отдать «все золото придворных дам» («Любимая, пусть бог...»). Широко известна чудесная песенка Вальтера «В роще под липкой...» с веселым припевом «тандарадай», написанная в духе народной «женской» песни, такая милая и наивная, поднимающая «низкую» любовь на огромную высоту подлинного человеческого чувства.

При всем том Вальтер был и оставался поэтом куртуазным. Только для него куртуазия являлась не модой, не развлечением высшего света, но выражением нравственного и эстетического совершенства. Он был требователен к людям, ему ненавистна пошлость, лицемерие, своекорыстие, непостоянство. Он хочет, чтобы не по внешности судили о человеке, а по его душевным, нравственным свойствам («За красоту хвалите женщин...»). Тем острее воспринимал Вальтер начавшийся упадок куртуазной культуры, связанный с деградацией рыцарства, все более утрачивавшего свое историческое значение. Ему представлялось, что мир сбился с пути, без крова остались Верность и Правда, забыты Честь и Щедрость («Плох ты, мир!..»). Обычаи и нравы доброй старины ныне многим кажутся глупыми и смешными («День за днем страдать...»). Скудеют рыцари, перестают служить прекрасным дамам. При дворе грубостью вытесняется вежество. Благородному духу соответствовала благородная, благозвучная, высокая поэзия. Ныне хриплое кваканье жаб заглушает при дворе пенье соловьев («Горе песням благородным...»).

Для своих медитаций, наставлений и обличений Вальтер широко использовал жанр дидактического шпруха, распространенного к тому времени в немецкой поэзии демократического склада. Еще в 60—70-х годах XII века под именем поэта Сперфогеля увидело свет собрание однострофных шпрухов, связанных парными рифмами и содержащих моральные поучения и назидательные басни. Гибкая форма шпруха как нельзя лучше подходила для целей, которые ставил перед собой Вальтер. Ведь был он не только певцом любви, но и поэтом-публицистом, откликавшимся на события, волновавшие страну. В то время в Германии шла борьба за императорский престол и папа римский стремился извлечь наибольшую выгоду из немецкой неурядицы. Осуждая феодальные междоусобицы, раздиравшие империю после смерти в 1197 году Генриха VI, единственного сына Фридриха Барбароссы, Вальтер в императорской короне видел символ единой и могущественной Германии («В ручье среди лужайки...», «Я подсмотрел секреты...» и др.). В ряде язвительных шпрухов бичевал он преступную алчность

папы и католического клира, беззастенчиво обиравших немцев и сеявших смуту в государстве. Антиклерикальные шпрухи Вальтера имели огромный успех в самых широких кругах. Вызывая ярость сторонников папской партии, они свидетельствовали о росте антиклерикальных настроений в стране, со временем пришедшей к Реформации.

К концу жизни Вальтер утратил былую жизнерадостность. Им овладели религиозные настроения. Он твердит, что мир наряден и привлекателен только снаружи, внутри же он черен и страшен, как смерть. Да и вообще все меняется к худшему, куда ни посмотришь. Настали тяжелые времена («Увы, промчались годы, сгорели все дотла...»).

Когда Вальтер с негодованием писал о мерзких жабах, заглушавших при дворе стройное пение соловьев,— он имел в виду прежде всего «деревенский миннезанг», шедший на смену «высокой» куртуазной поэзии (Нейдхарт фон Рейенталь, около 1180—1237, и др.). В рыцарскую поэзию вторгались бытовые сценки из крестьянской жизни, с перебранками, потасовками и прочими натуралистическими деталями. Подошла пора бюргерской поэзии, тяготевшей к изображению «низкой» прозы повседневной жизни. Угасал лирический порыв, уступавший место сухому дидактизму, столь ценимому в бюргерских кругах. Пожалуй, порыв этот еще продолжал сохраняться в религиозной поэзии, окрашенной в мистические тона (сестра Мехтхильд из Магдебурга (умерла около 1280 г.), анонимные песни), но то была поэзия отречения, расставшаяся с землей и обращенная к миру потустороннему. Впрочем, миннезанг угас не сразу, он еще довольно долго заявлял о себе, приобретя, однако, эпигонский характер. Но и среди эпигонов попадались поэты несомненно одаренные. К числу таких поэтов принадлежали, например, последний выдающийся куртуазный эпик Германии горожанин Конрад Вюрцбургский (около 1220—1287), не пренебрегавший лирической поэзией, и несомненно интересный поэт Марнер (годы творчества приблизительно — 1230—1270), последователь Вальтера фон дер Фогельвейде, написавший немало шпрухов, весьма разнообразных по своему содержанию.

Среди поэтов, связанных с традицией Нейдхарта, обращает на себя внимание Тангейзер (время творчества — около 1228—1265), ставший со временем героем популярной легенды. Тяготея к мотивам «низкой» любви, к формам народной плясовой песни, он подсмеивался над несообразностями куртуазного служения. Из автобиографических признаний поэта мы узнаем, что, подобно вагантам, он не сидел долго на одном месте, подвергался опасностям на суше и на море, в драной одежде, с пустым карманом, растратив все, что у него было, на женщин и вино. В легенде, впервые засвидетельствованной в народной песне 1515 года, Тангейзер становится возлюбленным г-жи Венеры и живет вместе с ней в сказочной «Венериной горе». Папа Урбан проклинает раскаявшегося грешника, заявляя, что как не может зазеленеть посох в его руке, так не может Тангейзер обрести прощение на земле. Удрученный Тангейзер возвращается в Венерину

гору, а посох папы тем временем покрывается молодой зеленью, обличая недостойное жестокосердие верховного первосвященника.

Все чаще в XIII—XIV веках появляются поэты бюргерского происхождения, то перепевавшие мотивы высокого, или «деревенского», миннезанга (Иоганнес Хадлауб, Фрауенлоб), то с несомненным успехом трудившиеся на ниве дидактической поэзии. Подъем городов укреплял их силы, питал их вольнодумство и обличительный пафос (Фрейданк). Но с литературной арены не сошли еще и рыцари, стремившиеся поддержать угасавший авторитет куртуазной поэзии. Одним из таких ревнителей куртуазии являлся Ульрих фон Лихтенштейн (1200—1275), проявлявший себя в различных экстравагантных выходках, которые вместо того, чтобы прославлять любовное служение, превращали его в нелепый фарс.

В XIV и XV веках наступил закат миннезанга. Все реже рыцари обращаются к поэзии. К тому же в новых исторических условиях само куртуазное служение становится явным анахронизмом. Иные веяния проникают в придворную поэзию. Собственно куртуазный элемент отходит на второй план, уступая место бытовым зарисовкам и размышлениям о состоянии современного общества. Графу Гуго фон Монтфорту (1357—1423) любовное служение даже начинает казаться греховным. Он твердит о быстротечности всего земного и предостерегает сильных мира сего от несправедливых поступков. Его удручает трагическое неустройство окружающей жизни. По его словам, «мир сбился с пути», превратился в «дурацкий балаган». О торжествующей кривде и деградации рыцарства с тревогой и негодованием писал последний талантливый миннезингер — Освальд фон Волькенштейн (1377—1445), проживший бурную, наполненную приключениями жизнь. Подобно Тангейзеру, он склонен рассказывать о пережитом. Призрачному миру куртуазного идеала предпочитает он конкретные проявления жизненной правды. Даже весна наделена у него местным, тирольским колоритом. Наряду с пылкими любовными песнями, создавал он песни кабацкие, наполненные хмельным разгулом.

На этом заканчивался миннезанг, уступавший место бюргерскому мейстерзангу.

3

Наше представление о лирической поэзии средних веков было бы, конечно, весьма неполным, если бы мы прошли мимо латинской поэзии вагантов (vagantes — «бродячие люди»), озорных школяров, неунывающих клириков, поклонников Бахуса и Венеры. В средние века латинский язык был не только языком католической церкви, но также языком науки и образованности. В университетах, монастырских и городских школах занятия велись на латинском языке. Это давало возможность школярам, склонным к перемене мест, перебираться из одного университета в другой, из одной страны в другую, повсюду встречая привычную обстановку латинского

велеречия. Встречались среди вагантов также клирики без определенных занятий, появлявшиеся то здесь, то там, представители нищего духовенства, не взысканные щедротами фортуны, разбитные клерки,— пестрая и шумная толпа латиноязычных поэтов из разных стран. Поднимая вагантов над массой «профанов», латинский язык приобщал их к духовной элите средних веков, вместе с тем на иерархической лестнице того времени они занимали достаточно скромное место. Большие господа посматривали на них свысока. Ваганты знали, что такое бедность и что такое униженье. Это сближало их с демократическими слоями, да, вероятно, многие из них вышли из этих слоев.

Во всяком случае, в поэзии вагантов проступали демократические черты. Ученые почитатели Овидия и Горация, искусные версификаторы, при случае блиставшие школьной эрудицией, охотно обращались к фольклору, используя мотивы и формы народных песен. По-латыни зазвучали и женские песни, и песни рассвета, и «весенние запевы» и т. п. Ваганты не стремились приукрашивать жизнь. Им совершенно чужда куртуазная манерность. В их жилах буйно колобродила молодая кровь. Они всегда готовы прославить щедрые дары природы, без всякого жеманства воспеть плотскую любовь, радости винопития и азартные игры. Один из самых талантливых вагантов, называвший себя Архипиитом, то есть «поэтом поэтов» (середина XII в.), даже признавался, что кабацкий разгул укрепляет его вдохновение («Исповедь»). С уважением относясь к науке, гордясь тем, что со временем и они станут ее оплотом, ваганты в то же время шумно ликуют, когда приходит «день освобождения от цепей учения», песнями, плясками, любовными забавами отмечают они этот знаменательный день.

Радость и свобода — вот к чему устремлена душа вагантов. Устремлена в то время, когда вся жизнь средневекового человека была всецело подчинена строгой сословной и корпоративной регламентации. Этому чопорному миру ваганты противопоставляли свое вольное братство, в которое доступ открыт всем добрым и веселым людям, всем, кто готов поделиться последним грошом с нуждающимся, кто лишен высокомерия и ханжества,— без различия пола и возраста, общественного и имущественного положения, национальной принадлежности и вероисповедания. Зато лицемерным святошам, наглым щеголям и хищным стяжателям в вольное братство доступ заказан («Орден вагантов»). Манифест вагантов уже намечал путь, со временем приведший к «Телемскому аббатству» великого гуманиста эпохи Возрождения Франсуа Рабле.

Однако, мечтая о свободе и человеческой доброте, ваганты по собственному опыту знали, что мир, окружавший каждого из них, был скорее злым, чем добрым. Бедность следовала за ними по пятам, прерывала их учение, заставляла их мерзнуть и голодать. И хотя молодые весельчаки готовы были подчас и себе и другим внушать утешительную мысль, что бедность даже добродетель, им все же было трудно продираться сквозь жизнь с пустым карманом в дырявом рубище. Не раз и не два в песнях ваган-

тов звучали жалобы на унизительную бедность, которая делала их игралищем бездушной фортуны. Об этом писал Архипиит Кельнский, сравнивавший себя с листом, гонимым по полю неутомимым ветром. Об этом писал и другой замечательный вагант — Гугон, по прозвищу Примас Орлеанский (около 1093 — около 1160), немало испытавший на своем веку. Он, как и Архипиит, бойко выставлял на всеобщее обозрение свои неудачи и гораздо реже — удачи. Впрочем, ведь и куртуазные лирики в духе времени позволяли окружающим заглядывать в свою интимную жизнь, но то была жизнь, граничившая с легендой, подчиненная изысканной куртуазной моде. Ваганты не отрывались от грешной земли. Они гораздо конкретнее, откровеннее, хотя, вероятно, и им свойственно стремление подчинять поэтический мир определенной схеме, в которой уже не «высокая» любовь, а кабацкий разгул занимал одно из главных мест. В этом разгуле ваганты обретали желанную свободу, в то же время из-за него они часто превращались в голодранцев, тщетно взывавших о помощи к сильным мира сего.

Жестокосердие, обличаемое в песнях вагантов, чаще всего сопряжено с алчностью, с сребролюбием, стяжательством. Особенно широко эта тема развита в поэзии Вальтера Шатильонского (около 1135—1200), одного из самых образованных латинских поэтов XII века, автора обширной эпической поэмы «Александреида», посвященной деяниям Александра Македонского. Вальтер и ваганты, его последователи, гневно сетуют на то, что мошна стала подлинной владычицей мира. Ей служат надменные графы и дворяне, гоняющиеся за роскошью, и что особенно худо — ей служит духовенство, возглавляемое папской курией. Обличая клир и прежде всего разросшуюся симонию, поэты не стесняются в выборе крепких словечек. Церковников они называют волками в овечьей шкуре, церковь сравнивают с продажной блудницей, а папский Рим — с грязным рынком, преисполненным скверны. Эти резкие выпады против князей церкви и их подручных, если и не делали вагантов воинствующими еретиками, наподобие Арнольда Брешианского, казненного папой в 1155 году, все же свидетельствовали о их вольномыслии. Ваганты не были раболепными чадами церкви. Они не желали кривить душой и прославлять то, что считали дурным и вредным. Дух вольномыслия царил в их лирической поэзии, от которой, говоря словами Рабле, «скорее пахнет вином, чем слеем». Архипиит Кельнский мог, например, вполне благочестивую стихотворную «проповедь» неожиданно закончить обращением к богу, которого он убедительно просит снабжать его деньгами. А в своей знаменитой «Исповеди», пронизанной горьким юмором, прославить беспутную жизнь ваганта, предпочитающего умереть не на ложе, а в кабаке. Серьезные жанры духовной словесности тем самым приобретали пародийное звучание. Обращаясь к распространенному в средние века жанру «прений» (диспутов), ваганты заставляют заурядное пиво спорить с виноградным вином («Спор между Вакхом и пивом») или же, касаясь традиционного вопроса: кому в делах любовных следует вручить

пальму первенства, ставят молодого школяра-клирика выше высокородного рыцаря («Флора и Филида»).

Достигнув в XIII веке большого расцвета, поэзия вагантов имела свою предысторию. Еще в пору раннего средневековья встречались латинские стихотворения, близкие по своему духу к вагантам. Они обращают на себя внимание уже в Каролингский период («Каролингские ритмы», VIII—IX вв.). Светские стихотворения о весне, любви и забавных происшествиях встречаются в сборнике XI века «Кембриджские песни», названном по месту нахождения рукописи (в Кембридже). Что же касается до вагантов, то с ними мы знакомимся прежде всего по обширному сборнику «Carmina Burana» («Буранские песни»), составленному в XIII веке в Баварии и найденному в начале XIX века в Бенедиктбейренском монастыре. На немецкое происхождение этого сборника указывает то, что в нем наряду с латинскими текстами иногда встречаются тексты на немецком языке.

Творчество трубадуров, миннезингеров и вагантов, хотя и не исчерпывает всего богатства европейской лирики средних веков, все же дает ясное представление о том расцвете, который наступил в лирической поэзии Европы в XII—XIII веках. Если оставить в стороне классическую древность, это был первый великий расцвет европейской лирики, за которым в свое время последовал еще более могучий расцвет, порожденный эпохой Возрождения. Но ведь ренессансная поэзия множеством нитей была связана с прогрессивными литературными исканиями предшествующих столетий. Об этом не следует забывать.

Б. ПУРИШЕВ

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

СОСТАВЛЕНИЕ И ПЕРЕВОД СО СТАРОПРОВАНСАЛЬСКОГО
ВАЛЕНТИНЫ ДЫННИК

* * *

Все цветет! Вокруг весна!
— Эйя! —
Королева влюблена,
— Эйя! —
И, лишив ревнивца сна,
— Эйя! —
К нам пришла сюда она,
Как сам апрель, сияя.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Ею грамота дана,
— Эйя! —
Чтобы, в круг вовлечена,
— Эйя! —
Заплясала вся страна
— Эйя! —
До границы, где волна
О берег бьет морская.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Сам король тут, вот те на!
— Эйя! —
Поступь старца неверна,
— Эйя! —
Грудь тревогою полна,
— Эйя! —

Что другому суждена
Красавица такая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Старца ревность ей смешна,
— Эйя! —
Ей любовь его скучна,
— Эйя! —
В этом юноши вина,
— Эйя! —
У красавца так стройна
Осанка молодая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

В общий пляс вовлечена,
— Эйя! —
Королева нам видна,
— Эйя! —
Хороша, стройна, видна,—
— Эйя! —
Ни одна ей не равна
Красавица другая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

* * *

Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Не слишком ли судьба ко мне сурова?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Свою мечту я вам открыть готова.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Хочу любить я друга молодого!
Я так бы с ним резвилась и шутила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Наскучил муж! Ну, как любить такого?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Сколь мерзок он, не передаст и слово.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
И от него не надо мне иного,
Как только бы взяла его могила.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Довольно ждать! Давно решиться надо.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
В любви дружка — одна моя отрада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Без милого мне горькая досада.
Зачем страдать, коль счастье поманило?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

И про дружка я всем поведать рада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Мне верен друг, и ждет его награда.
Я хороша, а жизнь моя уныла.
Мне муж не мил, его любовь постыла.
В любви к дружку с собой не знаю слада,
Так сердце мне она заполонила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Неплох напев, и хороша баллада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
За песню мне нужна теперь награда.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Пускай везде, не нарушая лада,
Поют о том, кого я полюбила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

* * *

Отогнал он сон ленивый,
Забытье любви счастливой,
Стал он сетовать тоскливо:
— Дорогая, в небесах
Рдеет свет на облаках.
Ах!
Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Вот бы диво,
Если день бы суетливый
Не грозил любви пугливой
И она, царя в сердцах,
Позабыла вечный страх!
Ах!
Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Сколь правдиво
То, что счастье прихотливо!
Вот и мы — тоски пожива!
Ночь промчалась в легких снах —
День мы встретили в слезах!
Ах!
Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Сиротливо
Я уйду, храня ревниво
В сердце образ горделивый,
Вкус лобзаний на устах,—
С вами вечно я в мечтах!
Ах!
Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Сердце живо —
В муке страстного порыва —
Тем, что свет любви нежданной
Вижу я у вас в очах.
А без вас я — жалкий прах!
Ах!
Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

* * *

Боярышник листвой в саду поник,
Где донна с другом ловят каждый миг:
Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

— Ах, если б ночь господь навеки дал,
И милый мой меня не покидал,
И страж забыл свой утренний сигнал.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Под пенье птиц сойдем на этот луг.
Целуй меня покрепче, милый друг,—
Не страшен мне ревнивый мой супруг!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Продолжим здесь свою игру, дружок,
Покуда с башни не запел рожок:
Ведь расставаться наступает срок.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Как сладко с дуновеньем ветерка,
Струящимся сюда издалека,
Впивать дыханье милого дружка.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил! —

Красавица прелестна и мила
И нежною любовью расцвела,
Но, бедная, она невесела,—
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

* * *

Глядя на зелень лугов
И на цветенье граната,
Грустью раздумий и снов,
Мукой любви я объята.
Скорбь за мечту мою плата,
Удел мой таков...
Сердце любовью разъято
Без острых клинков!
Ах!..

Плачу всю ночь напролет.
Чуть позабудусь дремóю,
Сон как рукою сметет:
Мнится, мой милый со мною.
Что ж он порою ночною
И въявь не придет?
Боже, пред ночью одною
Все муки не в счет!
Ах!..

Встретить любовь и не жди,
Если ты к ней не готова
И безразлично почти
Любишь того иль другого.
Верность — не праздное слово!
Нигде не найти
Верного сердца такого,
Как в этой груди.
Ах!..

Если доныне дружка
Донна еще не любила,
То не страдала пока.
Все ж и на муки есть сила.
Их бы любовь приносила,
Но помощь легка:
Их бы любовь исцелила.
О ней — и тоска!
Ах!..

Будь же ты сметлив и скор —
Утром, гонец голосистый,
К другу во весь ты опор
Мчись по дороге росистой.
Спой о любви моей чистой,
Ему не в укор:
Верю в его неречистый
Со мной уговор.
Ах!..

Кто под мой полог душистый
Крался, как вор,
Тот моей нежности истой
Пленник с тех пор!
Ах!..

* * *

Желаньем петь я вдохновен
О том, как горем я согбен:
Не к милым доннам в Лимузен —
В изгнанье мне пора уйти!

Уйду, а сыну суждена —
Как знать! — с соседями война.
Рука уже занесена,
Неотвратимая почти...

Феод свой вновь не обрету,
Но родичем тебя я чту,
Фолькон Анжерский,— Пуату,
А с ним и сына защити!

Коли Фолькон не защитит
Или король не охранит,—
Анжу с Гасконью налетит,
У этих верность не в чести!

Тогда от сына самого —
Ума и доблести его —
Зависеть будет, кто — кого!
Мужай, дитя мое, расти!

А я в содеянных грехах
Пред всеми каюсь. Жалкий прах,
В молитвах и в простых словах
Взываю ко Христу: прости!

Я ради наслаждений жил,
Но бог предел мне положил,
А груз грехов, что я свершил,
Мне тяжек стал к концу пути.

Забыв и рыцарство и власть —
Все, что вкушал я прежде всласть,—
Готов к стопам творца припасть:
Лица, господь, не отврати!

Прошу я каждого из тех,
Кто помнит мой веселый смех,
Роскошества моих утех:
Когда умру, мой прах почти!

Отныне мне не даст утех
Ни беличий, ни куний мех.
Мой графский горностай, прости!

* * *

Ненастью наступил черед,
Нагих садов печален вид,
И редко птица запоет,
И стих мой жалобно звенит.
Да, в плен любовь меня взяла,
Но счастье не дала познать.

Любви напрасно сердце ждет,
И грудь мою тоска щемит!
Что более всего влечет,
То менее всего сулит,—
А мы за ним, не помня зла,
Опять стремимся и опять.

Затмила мне весь женский род
Та, что в душе моей царит.
При ней и слово с уст нейдет,
Меня смущенье цепенит,
А без нее на сердце мгла.
Безумец я, ни дать ни взять!

Всей прелестью своих красот
Меня другая не пленит,—
И если тьма на мир падет,
Его мне Донна осветит.
Дай бог дожить, чтоб снизошла
Она моей утехой стать!

Ни жив ни мертв я. Не грызет
Меня болезнь, а грудь болит.
Любовь — единый мой оплот,
Но от меня мой жребий скрыт,—
Лишь Донна бы сказать могла,
В нем гибель или благодать.

Наступит ночь, иль день придет,
Дрожу я, все во мне горит.
Страшусь открыться ей: вот-вот
Отказом буду я убит.
Чтоб все не разорить дотла,
Одно мне остается — ждать.

Мне б лучше сгинуть наперед,
Пока я не был с толку сбит.
Как улыбался нежный рот!
Как был заманчив Донны вид!
Затем ли стала мне мила,
Чтоб смертью за любовь воздать?

Томленье и мечты полет
Меня, безумца, веселит,
А Донна пусть меня клянет,
В глаза и за глаза бранит,—
За мукой радость бы пришла,
Лишь стоит Донне пожелать.

Я счастлив и среди невзгод,
Разлука ль, встреча ль предстоит.
Всё от нее: велит — и вот
Уже я прост иль сановит,
Речь холодна или тепла,
Готов я ждать иль прочь бежать.

Увы! А ведь она могла
Меня давно своим назвать!

Да, Серкамон, хоть доля зла,
Но долг твой — Донну прославлять.

* * *

Встретил пастушку вчера я,
Здесь, у ограды блуждая.
Бойкая, хоть и простая,
Мне повстречалась девица.
Шубка на ней меховая
И кацавейка цветная,
Чепчик — от ветра прикрыться.

К ней обратился тогда я:
— Милочка! Буря какая
Нынче взметается злая!
— Дон! — отвечала девица.—
Право, здорова всегда я,
Сроду простуды не зная,—
Буря пускай себе злится!

— Милочка! Лишь за цветами
Шел я, но вдруг, будто в раме,
Вижу вас между кустами.
Как хороши вы, девица!
Скучно одной тут часами,
Да и не справитесь сами —
Стадо у вас разбежится!

— Дон! Не одними словами,
Надо служить и делами
Донне, восславленной вами.

Право,— сказала девица,—
Столько забот со стадами!
С вами пустыми речами
Тешиться мне не годится.

— Милочка, честное слово,
Не от виллана простого,
А от сеньора младого
Мать родила вас, девица!
Сердце любить вас готово,
Око все снова и снова
Смотрит — и не наглядится.

— Дон! Нет селенья такого,
Где б не трудились сурово
Ради куска трудового.
Право,— сказала девица,—
Всякий день, кроме седьмого —
Дня воскресенья святого,
Должен и рыцарь трудиться.

— Милочка, феи успели
Вас одарить с колыбели,—
Но непонятно ужели
Вам, дорогая девица,
Как бы вы похорошели,
Если б с собою велели
Рядышком мне приютиться!

— Дон! Те хвалы, что вы пели,
Слушала я еле-еле,—
Так они мне надоели!
Право,— сказала девица,—
Что бы вы там ни хотели,
Видно, судьба пустомеле
В замок ни с чем воротиться!

— Милочка, самой пугливой,
Даже и самой строптивой
Можно привыкнуть на диво
К ласкам любовным, девица;
Судя по речи игривой,
Мы бы любовью счастливой
С вами могли насладиться.

— Дон! Говорите вы льстиво,
Как я мила и красива,
Что же, я буду правдива:
Право,— сказала девица,—
Честь берегу я стыдливо,
Чтоб из-за радости лживой
Вечным стыдом не покрыться.

— Милочка! Божье творенье
Ищет везде наслажденья,
И рождены, без сомненья,
Мы друг для друга, девица!
Вас призываю под сень я,—
Дайте же без промедленья
Сладкому делу свершиться!

— Дон! Лишь дурак от рожденья
Легкой любви развлеченья
Ищет у всех в нетерпенье.
Ровню пусть любит девица.
Исстари общее мненье:
Если душа в запустенье,
В ней лишь безумство плодится.

— Милочка! Вы загляденье!
Полно же без сожаленья
Так над любовью глумиться.

— Дон! Нам велит Провиденье:
Глупым — ловить наслажденье,
Мудрым — к блаженству стремиться!

* * *

В саду, у самого ручья,
Где плещет на траву струя,
Там, средь густых дерев снуя,
Сбирал я белые цветы.
Звенела песенка моя.
И вдруг — девица, вижу я,
Идет тропинкою одна.

Стройна, бела, то дочь была
Владельца замка и села.
И я подумал, что мила
Ей песня птиц, что в ней мечты
Рождает утренняя мгла,
Где песенка моя текла,—
Но тут заплакала она.

Глаза девицы слез полны,
И вздохи тяжкие слышны:
— Христос! К тебе нестись должны
Мои рыданья,— это ты
Послал мне горе с вышины.
Где мира лучшие сыны?
Не за тебя ль идет война?

Туда ушел и милый мой,
Красавец с доблестной душой.
О нем вздыхаю я с тоской,
И дни безрадостно-пусты,—
Проклятье проповеди той,
Что вел Людовик, сам не свой!
Во всем, во всем его вина!

И вдоль по берегу тотчас
Я поспешил на грустный глас
И молвил: — Слезы скорбных глаз —
Враги цветущей красоты.
Поверьте, бог утешит вас!
Он шлет весну в урочный час —
И к вам придет души весна!

— Сеньор,— она тогда в ответ,—
Господь прольет, сомненья нет,
На грешных милосердный свет
Небесной, вечной чистоты,—
Но сердцу дорог здешний свет,
А он любовью не согрет,
И с другом я разлучена.

* * *

В час, когда разлив потока
Серебром струи блестит,
И цветет шиповник скромный,
И раскаты соловья
Вдаль плывут волной широкой
По безлюдью рощи темной,
Пусть мои звучат напевы!

От тоски по вас, далекой,
Сердце бедное болит.
Утешения никчемны,
Коль не увлечет меня
В сад, во мрак его глубокий,
Или же в покой укромный
Нежный ваш призыв,— но где вы?!

Взор заманчивый и томный
Сарацинки помню я,
Взор еврейки черноокой,—
Всё Далекая затмит!
В муке счастье найдено́ мной:
Есть для страсти одинокой
Манны сладостной посевы.

Хоть мечтою неуемной
Страсть томит, тоску струя,
И без отдыха и срока
Боль жестокую дарит,

Шип вонзая вероломный,—
Но приемлю дар жестокий
Я без жалобы и гнева.

В песне этой незаемной —
Дар Гугону. Речь моя —
Стих романский без порока —
По стране пускай звучит.
В путь, Фильоль, сынок приемный!
С запада и до востока —
С песней странствуйте везде вы.

* * *

Мне в пору долгих майских дней
Мил щебет птиц издалека,
Зато и мучает сильней
Моя любовь издалека.
И вот уже отрады нет,
И дикой розы белый цвет,
Как стужа зимняя, не мил.

Мне счастье, верю, царь царей
Пошлет в любви издалека,
Но тем моей душе больней
В мечтах о ней — издалека!
Ах, пилигримам бы вослед,
Чтоб посох страннических лет
Прекрасною замечен был!

Что счастья этого полней —
Помчаться к ней издалека,
Усесться рядом, потесней,
Чтоб тут же, не издалека,
Я в сладкой близости бесед —
И друг далекий, и сосед —
Прекрасной голос жадно пил!

Надежду в горести моей
Дарит любовь издалека,
Но грезу, сердце, не лелей —
К ней поспешить издалека.

Длинна дорога — целый свет,
Не предсказать удач иль бед,
Но будь как бог определил!

Всей жизни счастье — только с ней,
С любимою издалека.
Прекраснее найти сумей
Вблизи или издалека!
Я бы, огнем любви согрет,
В отрепья нищего одет,
По царству сарацин бродил.

Молю, о тот, по воле чьей
Живет любовь издалека,
Пошли мне утолить скорей
Мою любовь издалека!
О, как мне мил мой сладкий бред:
Светлицы, сада больше нет —
Всё замок Донны заменил!

Слывет сильнейшей из страстей
Моя любовь издалека,
Да, наслаждений нет хмельней,
Чем от любви издалека!
Одно молчанье — мне в ответ,
Святой мой строг, он дал завет,
Чтоб безответно я любил.

———

Одно молчанье — мне в ответ.
Будь проклят он за свой завет,
Чтоб безответно я любил!

* * *

Наставников немало тут
Для наставления певцов:
Поля, луга, сады цветут
Под щебет птиц и крик птенцов.
Хоть радует меня весна,
Но эта радость не полна,
Коль испытать мне не дано
Любви возвышенной услад.

Забавы вешние влекут
Детишек или пастухов,—
Ко мне же радости нейдут:
Напрасно жду любви даров,
Хоть Донна и огорчена,
Что так судьба моя мрачна,
Что мне стяжать не суждено
То, без чего я жить не рад.

Далёко замок, где живут
Они с супругом. Тот суров.
Пускай друзья мне подадут
Благой совет без лишних слов:
Как передать ей, что одна
Спасти меня она вольна,
Будь сердце мне оживлено
Хоть самой малой из наград?

Всех, что оттуда род ведут,
Где был ее родимый кров,
Пускай мужланами их чтут,
Я звать сеньорами готов.
Повадка их груба, смешна,
Но их страна — ее страна!
И Донна поняла давно,
О чем те чувства говорят.

К ней, только к ней мечты зовут,
Я вырван из родных краев,
Обратно корни не врастут.
Усну ль, усталый от трудов,—
Душа лишь к ней устремлена.
В груди надежда зажжена:
А вдруг мне будет воздано
За все наградой из наград?

Спешу к ней. Вот ее приют,
А мне в ответ на страстный зов
Увидеть Донну не дают
Ни свет дневной, ни тьмы покров.
Но, наконец, идет она —
Сказать лишь: «Я удручена!
Сама хочу я счастья, но
Ревнивец и враги следят».

Желанья так меня гнетут,
Что рассказать — не хватит слов.
И слезы горькие текут,
И день лишь новой мукой нов.
Пускай скупа, пускай скромна,
Мне только ласка и нужна:
От слез лекарство лишь одно,—
Меня врачи не исцелят!

* * *

Коль не от сердца песнь идет,
Она не стоит ни гроша,
А сердце песни не споет,
Любви не зная совершенной.
Мои кансоны вдохновенны —
Любовью у меня горят
И сердце, и уста, и взгляд.

Готов ручаться наперед:
Не буду, пыл свой заглуша,
Забыв, куда мечта зовет,
Стремиться лишь к награде бренной!
Любви взыскую неизменной,
Любовь страданья укрепят,
Я им, как наслажденью, рад.

Иной такое наплетет,
Во всем любовь винить спеша!
Знать, никогда ее высот
Не достигал глупец презренный.
Коль любят не самозабвенно,
А ради ласки иль наград,
То сами лжелюбви хотят.

Сказать ли правду вам? Так вот:
Искательница барыша,
Что наслажденья продает,—
Уж та обманет непременно.
Увы, вздыхаю откровенно,
Мой суд пускай и грубоват,
Во лжи меня не обвинят.

Любовь преграды все сметет,
Коль у двоих — одна душа.
Взаимностью любовь живет,
Не может тут служить заменой
Подарок самый драгоценный!
Ведь глупо же искать услад
У той, кому они претят!

С надеждой я гляжу вперед,
Любовью нежной к той дыша,
Кто чистою красой цветет,
К той, благородной, ненадменной,
Кем взят из участи смиренной,
Чье совершенство, говорят,
И короли повсюду чтят.

Ничто сильнее не влечет
Меня, певца и голыша,
Как ожиданье, что пошлет
Она мне взгляд проникновенный.
Жду этой радости священной,
Но промедленья так томят,
Как будто дни длинней стократ.

Лишь у того стихи отменны,
Кто, тонким мастерством богат,
Взыскует и любви отрад.

Бернарт и мастерством богат,
Взыскует и любви отрад.

* * *

Люблю на жаворонка взлет
В лучах полуденных глядеть:
Все ввысь и ввысь — и вдруг падет,
Не в силах свой восторг стерпеть.
Ах, как завидую ему,
Когда гляжу под облака!
Как тесно сердцу моему,
Как эта грудь ему узка!

Любовь меня к себе зовет,
Но за мечтами не поспеть.
Я не познал любви щедрот,
Познать и не придется впредь.
У Донны навсегда в дому
Весь мир, все думы чудака,—
Ему ж остались самому
Лишь боль желаний да тоска.

Я сам виновен, сумасброд,
Что мне скорбей не одолеть,—
В глаза ей заглянул, и вот
Не мог я не оторопеть;
Таит в себе и свет и тьму
И тянет вглубь игра зрачка!
Нарцисса гибель я пойму:
Манит зеркальная река.

Прекрасных донн неверный род
С тех пор не буду больше петь:
Я чтил их, но, наоборот,
Теперь всех донн готов презреть.
И я открою, почему:
Их воспевал я, лишь пока
Обманут не был той, к кому
Моя любовь так велика.

Коварных не хочу тенёт,
Довольно Донну лицезреть,
Терпеть томленья тяжкий гнет,
Безжалостных запретов плеть.
Ужели — в толк я не возьму —
Разлука будет ей легка?
А каково теперь тому,
Кто был отвергнут свысока!

Надежда больше не блеснет,—
Да, впрочем, и о чем жалеть!
Ведь Донна холодна, как лед,—
Не может сердце мне согреть.
Зачем узнал ее? К чему?
Одно скажу наверняка:
Теперь легко и смерть приму,
Коль так судьба моя тяжка!

Для Донны, знаю, все не в счет,
Сколь к ней любовью ни гореть.
Что ж, значит, время настает
В груди мне чувства запереть!
Холодность Донны перейму —
Лишь поклонюсь я ей слегка.
Пожитки уложу в суму —
И в путь! Дорога далека.

Понять *Тристану* одному,
Сколь та дорога далека.
Конец любви, мечте — всему!
Прощай, певучая строка!

* * *

Нет, не вернусь я, милые друзья,
В наш Вентадорн: она ко мне сурова.
Там ждал любви — и ждал напрасно я,
Мне не дождаться жребия иного!
Люблю ее — то вся вина моя,
И вот я изгнан в дальние края,
Лишенный прежних милостей и крова.

Как рыбку мчит игривая струя
К приманке злой — на смерть — со дна морского,
Так устремила и любовь меня
Туда, где гибель мне была готова.
Не уберег я сердце от огня,
И пламя жжет сильней день ото дня,
И не вернуть беспечного былого.

Но я любви не удивлюсь моей,—
Кто Донну знал, все для того понятно:
На целом свете не сыскать милей
Красавицы приветливой и статной.
Она добра, и нет ее нежней,—
Со мной одним она строга, пред ней
Робею, что-то бормоча невнятно.

Слуга и друг, в покорности своей
Я лишь гневил ее неоднократно
Своей любовью,— но любви цепей,
Покуда жив, я не отдам обратно!
Легко сказать: с другою преуспей,—
Но я чуждаюсь этаких затей,
Хоть можно все изобразить превратно.

Да, я любезен с каждою иной —
Готов отдать ей все, что пожелала,
И лишь любовь я посвятил одной,—
Все прочее так бесконечно мало.
Зачем же Донна так строга со мной?
Зачем меня услала с глаз долой?
Ах, ждать любви душа моя устала!

Я шлю в Прованс привет далекий мой,
В него вложил я и любви немало.
Считайте чудом щедрым дар такой:
Меня любовью жизнь не наделяла,
Лишь обольщала хитрою игрой,—
Овернец, правда, ласков был порой,
Очей Отрада тоже обласкала.

Очей Отрада! Случай мой чудной,
Все чудеса — затмили вы собой,
Вы, чья краса столь чудно воссияла!

* * *

Чтоб стих вдохновенно звучал,
Запомните, песен творцы:
В любви им ищите начал,
Любовью скрепляйте концы.
Если конца я не знаю,
Песни я не начинаю:
К радостям прежде мечтанье зовет,
Только потом пониманье придет.

Любовь я и радость познал,
Но, словно добычу скупцы,
От глаз любопытных скрывал,—
Охочи болтать наглецы.

Я ж без конца и без краю
Донну свою почитаю,
И, повредить ей страшась наперед,
Прежде раскрыть опасался я рот.

Но стал я хитер и удал,
Молвы не страшны мне гонцы:
Сам разум спасенье мне дал —
Меня произвел во лжецы.
Я пересказчиков стаю
Сказочками угощаю.
Мне эта ложь не в укор, не в зачет,
Если от Донны позор отвлечет.

Гнусней не найдется нахал,
Чем наши злословы-глупцы:
О чем я тихонько вздыхал,
Звонят они, как бубенцы.
Я от досады сникаю,—
Им-то отрада какая?
Тайну другого пусть каждый блюдет,
В душу чужую свой нос не сует.

Я Донну б к отваге призвал,
И струсят тогда наглецы,
И пыльный злословия шквал
Не бросит в нее ни пыльцы.
Робость у донн презираю,
Смелой я сердце вверяю.
Злобных моих ненавистников сброд
Скоро ль от зависти весь перемрет?

Копье смертоносно метал
Пелей, говорят мудрецы,
Но тот же металл исцелял,
Тогда оживали бойцы.
Я ваши губы лобзаю —
Сердце себе я терзаю.
Ранено сердце — тоской изойдет,
Только от вас исцеления ждет.

Я Донны милей не знавал,
Признáюсь вам без хитрецы.
Лица так прекрасен овал
Что смолкли без дела льстецы.

В очи взгляну — утопаю,
Речи — в восторге впиваю.
Все в ней прелестно, все в плен нас берет,—
Равных ей нет! Не слепой же я крот.

Донна! Я вас величаю —
Навеличаться не чаю.
Кто же *Отрадой Очей* не сочтет
Ту, чьих достоинств никто не сочтет!

* * *

Все зеленеет по весне,
Все ждет цветения садов.
Ночами в свежей гущине
Не молкнет пенье соловьев.
Но хоть мила краса апрельских дней,
А Донна, та — самой весны милей.
Повсюду радость вешняя светла,
Но свет любви затмить бы не могла.

И все ж, с собой наедине,
Я в забытьи несвязных снов:
Я не очнулся бы вполне,
Сам став добычею воров!
Увы, Любовь, ведь ты меня сильней,
Нет у меня защиты, пожалей!
Пока моя погибель не пришла,
Ты б Донну покорить мне помогла!

Пред нею не хватает мне
Ни сил, ни смелости, ни слов.
А между тем я весь в огне:
Взгляну ль на блеск ее зрачков —
И в восхищенье кинулся бы к ней,
Да страх берет: та, что красой своей
Лишь для любви назначена была,
В любви и холодна и несмела.

Держусь покорно в стороне
И молчаливо ждать готов,
А в сердце, в самой глубине,
Не замолкает страстный зов.

Ей и без слов он ясного ясней.
Как быть со мною — ей самой видней:
Порой она так ласкова, мила,
Порой строга: молва людская зла!

Нет злости в детской болтовне,
Эх, знать бы чары колдунов,
В младенца бы по всей стране
Был каждый превращен злослов!
Тогда бы Донна стала веселей,
Живей — глаза, уста — еще алей.
Да что уста! Вся стала бы ала
От жадных поцелуев без числа.

Вот бы застать ее во сне
(Иль сне притворном) и покров
С нее откинуть в тишине,
Свой стыд и робость поборов!
Нам с вами, Донна, нужно стать ловчей,
Чтобы не упускать таких ночей,
Чтоб наконец любовь свое взяла,—
Ведь юность не навеки расцвела.

С трусихой Донна наравне,
Коль после ласковых кивков
Твердит уныло о возне
И происках своих врагов.
Чушь! Ты глаза им отвести умей
Лишь на другого из своих гостей.
В такой уловке я не вижу зла:
Ведь ласки мне бы Донна припасла!

Гонец мой! Мне грозит ее хула,
Но все сказать не смею без посла!

* * *

Дням пасхи каждый рад.
Листвой оделся сад,
А луг цветы пестрят,
Расправив свой наряд,

И в честь любви услад
Все песенки звенят,—
Лишь у меня звучат
Они на грустный лад.

Сеньоры, бросьте взгляд:
Мне за любовь дарят
Награду из наград —
Коварства горький яд!
А Донну я стократ
Нежней люблю, чем брат,
И к ней мечты летят,—
Мечтами я богат!

Немало я скорбел
И много бед терпел,—
Но в том лишь преуспел,
Что их стерпеть умел.
Хоть есть любви предел,
Его я одолел,
Пред Донной чист и бел.
Лукавить — дони удел!

Я с детства пламенел
К той, без кого б коснел
Среди житейских дел.
За годом год летел,
А я не охладел.
Пускай я с ней несмел,
В любви не преуспел,—
Я б старость ей согрел.

Увы, зачем нужна
Мне жизнь, когда она —
Без той, чья белизна,
Как первый снег, нежна?
Мне радость не дана
Быть с ней на ложе сна
Иль в роще, где весна
Господствует одна.

Для Донны грош цена
Любви, что столь сильна:
Мол, в том моя вина,
Что страсть моя видна.

Вот так награждена
Всей страсти глубина.
Пусть Донна и скромна,
Но скромность тут грешна!

Гадать нет больше сил,
Вам мил я иль немил,
И срок уж наступил,
Чтоб тот, кто вам служил
И вас одну любил,—
Ваш поцелуй испил.
Хоть дар сей вам претил,
Но щедрость бы явил.

Взор Донны нежен был.
Он ласку всем струил,
И вдруг мой страстный пыл
Его оледенил!
Зачем же он манил?
Зачем же отстранил,
Едва лишь покорил?
Теперь мечта — без крыл!

Очей Отраду чтил,
Ей песни посвятил,—
Я только этим жил —
А то б мне мир постыл.

* * *

У любви есть дар высокий —
Колдовская сила,
Что зимой, в мороз жестокий,
Мне цветы взрастила.
Ветра вой, дождя потоки —
Все мне стало мило.
Вот и новой песни строки
Вьются легкокрыло.
И столь любовь нежна,
И столь любовь ясна,
Что и льдины, как весна,
К жизни пробудила.

Сердце страсть воспламенила
Так, что даже тело
И в снегах бы не застыло,
Где кругом все бело.
Лишь учтивость воспретила
Снять одежды смело,—
Ей сама любовь внушила
Крепнуть без предела.
Любви мила страна,
Что Донною славна,
Не пизанская казна —
Не в богатстве дело!

Донна пусть и охладела,
Но живу мечтая.
Ненароком поглядела —
Вот и рад тогда я!
Лечит сердце мне умело
Греза молодая,
Коль оно осталось цело,
От любви страдая.
Моей любви волна
В любые времена
Через Францию вольна
Плыть, как песня мая.

Счастье мреет, обещая
Все, что мне желанно.
Так кораблик, чуть мелькая,
Виден средь тумана,
Где грозит скала седая
Бездной океана.
На душе тоска такая!
Счастье столь обманно...
Моя любовь грустна,
И я не знаю сна.
Мне судьбина суждена
Бедного Тристана...

Боже, взвиться бы нежданно
Ласточкой летучей!
Вот лечу к ней утром рано,
Обгоняя тучи,

А она лежит, румяна,
Всех на свете лучше.
— Сжальтесь, Донна! В сердце рана —
Словно пламень жгучий!
Ах, как любовь страшна!
Коль Донна холодна,
То любовь напоена
Скорбью неминучей.

Но упрямы и живучи
Страстные желанья,
Их стремит порыв могучий
Через расстоянья.
Если ж выпадает случай,
Что мои стенанья
Вдруг сменяет смех певучий,—
Отдал сердцу дань я:
Ведь так любовь чудна,
Что радостью пьяна,
Хоть и в радости слышна
Горечь расставанья.

Спеши, гонец,— она
Тебе внимать должна!
Пусть польются письмена
Песнею страданья.

* * *

Нет зеленых сéней,
Оголены сады,
Но гляжу без пеней
На осени следы.
Что в любви весенней?
Одних обид чреды!
Донна все надменней —
Красавицы горды!
Прочь бы от мучений,
Но все мы не чужды
Тщетных обольщений,—
И горше нет беды.

Знать, судьбина склонна
Смеяться надо мной:
Привечала Донна,
Но стала вдруг иной —
Смотрит отчужденно,
И голос ледяной.
Где же оборона
Мне от печали злой?
Бог не слышит стона
Больной души людской.
Видно, смерти лоно
Одно мне даст покой...

Лживого мечтанья
Рассеялся туман.
Ждать ли состраданья?
Ужель любовь — тиран?
Грезе отдал дань я —
И только впал в обман.
Пил я упованья
Губительный дурман!
Но глушит рыданья,
Всю боль сердечных ран
Струн моих бряцанье —
Ведь я не плакать зван!

Был я не умнее
Последнего глупца,
Любоваться смея
Красой ее лица.
Той, кто всех милее,
Не надо и льстеца —
Зеркало сильнее
Льстит Донне без конца.
Тем смешней затея
Безумного певца.
Нож бы в лиходея,
Зеркальных дел творца!

Если Донна милым
Меня не хочет звать,
Пусть не с прежним пылом —
Должна хоть приласкать,—

И моя по жилам
Взыграет кровь опять.
Болтунам постылым
Про нас не разузнать.
Больше не по силам
Мне счастья ожидать.
Я дневным светилом
Клянусь ей жизнь отдать!

Все же справедливо
Покаялся бы я:
Чересчур строптива
Была любовь моя!
Слишком торопливо
Я кинул те края,
Сам искал разрыва,
Хоть слез ручьи лия.
А теперь, не диво,
Признáюсь, не тая,
Что вдвойне тосклива
Мне жизни колея.

Донна! Вы далёко!
Я лишь одним живу:
Во мгновенье ока
К вам думой поплыву.
Жду я только срока
Свиданья наяву.
Я грущу жестоко —
Не слушайте молву!
Петь вас — мне без прока,
Но не прерву хвалу.
Сердце без упрека —
Залогом назову!

———

Сердце без упрека —
Залогом назову:
Жду лишь, Донна, срока
Свиданья наяву!

Миниатюра из рукописного «Псалтыря».
XII век.

* * *

— Мой славный Бернарт, неужель
Расстались вы с песней своей?
А в роще меж тем соловей
Выводит победную трель,
Страстно и самозабвенно
Ликуя в полуночный час.
В любви превосходит он вас!

— Мне, Пейре, покой и постель
Рулад соловьиных милей.
Душе опостыли моей
Несчастной любви канитель,
Цепи любовного плена.
Уж я отбезумствовал раз,
Постигнув любовь без прикрас.

— Бернарт, перестаньте, мой друг,
Бесстыдно любовь порицать.
Она заставляет страдать,
Но в мире нет сладостней мук,
Ранит любовь и врачует.
В ней — счастье великое нам.
Пускай и с тоской пополам.

— Эх, Пейре, вот стали бы вдруг
Любви у нас донны искать,
Чтоб нам их владыками стать
Из прежних безропотных слуг!
Где уж! Три года минует,
Как мог убедиться я сам:
Не сбыться сим дерзким мечтам!

— Бернарт! Что валять дурака!
Любовь — вот исток наших сил!
Ужели бы жатвы решил
Я ждать от сухого песка!
В мире такой уж порядок:
Положено донну любить,
А донне — к любви снисходить.

— Мне, Пейре, и память горька
О том, как я нежно любил,—
Так донной обижен я был,
Такая на сердце тоска!
Донны коварных повадок
Вовек не могу я простить.
Ловка она за нос водить.

— Полно, Бернарт мой! Нападок
Умерьте безумную прыть.
Любовь нам положено чтить.

— Пейре, мой жребий несладок,
Коварную мне не забыть —
Так как же безумным не быть!

* * *

— Соловей, прошу тебя я
К Донне с весточкой слетать.
В путь обратный улетая,
Попроси ответ прислать.
Пусть поймет:
Кто в полет
Вести посылает,
Кто их ждет,—
Верно, тот
В ней души не чает.

Пусть не медлит, отвечая,
Ты ж не вздумай зря порхать:
Буду я, часы считая,
Твоего прилета ждать.—
В путь! И вот
В небосвод
Соловей взлетает,
Все вперед
И вперед
Крылья устремляет.

Прилетает, не плутая,
К той, что рождена пленять.
Вот и песнь его лесная
Стала воздух оглашать.
Он поет,
Но забот
Все ж не отгоняет:
Страх берет —
Как сойдет
То, на что дерзает?

Все же, смелость обретая,
Донне стал он напевать:
— Друг ваш, тайну соблюдая,
К вам решил меня послать:
Путь, мол, тот
К ней найдет,
Кто напевы знает,—
Все поймет,
Все смекнет
И не зря слетает.

Ждет вас радость, и большая.
Нужно другу отвечать.
Не видал, везде летая,
Никого ему под стать.
Но ведет
Время счет —
Друг часы считает,
И зовет,
И клянет:
Где ж посол летает?

Все ж, отлет свой замедляя,
Не могу я умолчать:
Срок придет, и прядь седая
В русую вплетется прядь!
Кто не рвет
Свежий плод —
Счастье упускает.
Жизнь не ждет:
Друг уйдет,
Время все меняет.—

Так ей птичка напевала,
Был посол неглуп, хоть мал!
Донна сразу отвечала,
Голос нежностью звучал:
— Поживей,
Соловей,
Отнеси признанье:
Мол, для ней
Нет милей
Вашего вниманья!

Как тоска меня снедала!
Друг далёко пребывал.
Я прекрасней не видала,
Он мне всех желанней стал.
Тем грустней,
Тем трудней
Было расставанье.
Сколько дней
Без вестей
С милым ждать свиданья!

С ним мечта моя витала,
Сон и тот не разлучал,
И во сне-то мне, бывало,
Милый смех его звучал.
Чем скромней
От людей
Я таю желанья,
Тем сильней,
Тем жадней
Счастья ожиданье!

Он меня спервоначала
Словно бы заколдовал:
Мне жара не докучала,
И мороз меня не брал.
Всех славней,
Всех знатней
И богаче стань я,
Мне князей,
Королей
Он затмит блистанье!

Если злато зря лежало,
Кто-то им пренебрегал,
У прекрасного металла
Цвет поблек, огонь пропал,—
Чем нежней,
Чем добрей
Будет к нам вниманье,
Тем сильней,
Тем полней
В нас любви сиянье.

Вот, соловушка, немало
От меня ты услыхал.
Завтра — в путь, чуть зорька встала,
Чтобы друг не заскучал.—
День светлей,
Все быстрей
Крылышек сверканье.
Нет затей
Веселей,
Чем носить посланья!

* * *

В советах мудрых изощрен,
Я всем влюбленным их давал,
Но сам, хоть нынче и влюблен,
Таких советов я лишен —
И вот успеха не искал
Дарами, лестью, клеветой:
Любовь по-новому мне зрима —
Чиста, добра, неугасима.

Тому же, кто иным прельщен,
Я в помощи не отказал.
Пусть мой совет усвоит он
И будет удовлетворен —
Получит то, чего желал,
К тому же с общей похвалой
(А ею брезгать нетерпимо,
Молва всегда неумолима).

Итак, кто был одной из донн,
Чьей дружбой он бы щеголял,
С пренебреженьем отстранен,
Тот донне угрожать волён;
А резче отповедь слыхал —
Дай донне по́ носу рукой:
Со злючкой злость необходима,
Иначе цель недостижима.

Коль больше встретит он препон,
И тут бы пусть не унывал,—
У недотроги свой канон:
Кем не один стишок сложен,
Такой, чтоб донну задевал
Злословьем или похвальбой,
Кто девки не пропустит мимо,
Чей дом не келья нелюдима,—

Тот донной не пренебрежен:
На любопытстве он сыграл!
Но путь такой мне не сужден,
Моим же сердцем воспрещен.
Когда б успеха и не знал,
Я все же с донной, как с сестрой,
Что нежно, преданно любима,
Хранил бы скромность нерушимо.

Но должен быть предупрежден
Любой, кто мне бы подражал:
Тоской он будет изможден,
Да и глупцом провозглашен.
Уж лучше б скромность нарушал
И с тою донной и с другой
(Хотя притом недопустимо
И бушевать неукротимо).

А я, сознаться принужден,
Любви услад не испытал
(Хоть этим, право же, смущен).
И лишь недавно награжден
Мне милым перстнем, что блистал
На ручке... но молве людской
Грех то предать, что столь ценимо.
Нет! Тайна бережно хранима.

Лишь вы, *Жонглер Прекрасный* мой,
Вы знаете неоспоримо,
Какая Донна мною чтима.

Я шлю свой верс в Родез родимый —
Пусть там пребудет невредимо!

* * *

Мне любовь дарит отраду,
Чтобы звонче пела я.
Я заботу и досаду
Прочь гоню, мои друзья.
И от всех наветов злых
Ненавистников моих
Становлюсь еще смелее —
Вдесятеро веселее!

Строит мне во всем преграду
Их лукавая семья,—
Добиваться с ними ладу
Не позволит честь моя!
Я сравню людей таких
С пеленою туч густых,
От которых день темнее,—
Я лукавить не умею.

———

Злобный ропот ваш не стих,
Но глушить мой смелый стих —
Лишь напрасная затея:
О своей пою весне я!

* * *

Полна я любви молодой,
Радостна и молода я,
И счастлив мой друг дорогой,
Сердцу его дорога я —
Я, никакая другая!
Мне тоже не нужен другой,
И мне этой страсти живой
Хватит, покуда жива я.

Да что пред ним рыцарь любой?
Лучшему в мире люба я.
Кто свел нас, тем, господи мой,
Да́руй все радости мая!
Речь ли чернит меня злая,
Друг, верьте лишь доброй, не злой,
Изведав любви моей зной,
Сердце правдивое зная.

Чтоб донне о чести радеть,
Нужно о друге раденье.
Не к трусу попала я в сеть —
Выбрала славную сень я!
Друг мой превыше презренья,
Так кто ж меня смеет презреть?
Всем любо на нас поглядеть,
Я не боюсь погляденья.

Привык он отвагой гореть,
И его сердца горенье
В других заставляет истлеть
Все, что достойно истленья.
Будет про нрав мой шипенье,—
Мой друг, не давайте шипеть:
Моих вам измен не терпеть,
С вами нужней бы терпенье!

Доблести вашей горенье
Зовет меня страстью гореть.
С вами душой ночь и день я,—
Куда же еще себя деть!

* * *

Повеселей бы песню я запела,
Да не могу — на сердце накипело!
Я ничего для друга не жалела,
Но что ему душа моя и тело,
И жалость, и любви закон святой!
Покинутая, я осиротела,
И он меня обходит стороной.

Мой друг, всегда лишь тем была горда я,
Что вас не огорчала никогда я,
Что нежностью Сегвина превзошла я,
В отваге вам, быть может, уступая,
Но не в любви, и верной и простой.
Так что же, всех приветом награждая,
Суровы и надменны вы со мной?

Я не пойму, как можно столь жестоко
Меня предать печали одинокой.
А может быть, я стала вам далекой
Из-за другой? Но вам не шлю упрека,
Лишь о любви напомню молодой.
Да охранит меня господне око:
Не мне, мой друг, разрыва быть виной.

Вам все дано — удача, слава, сила,
И ваше обхождение так мило!
Вам не одна бы сердце подарила
И знатный род свой тем не посрамила,—
Но позабыть вы не должны о той,
Что вас, мой друг, нежнее всех любила,
О клятвах и о радости былой!

Моя краса, мое происхожденье,
Но больше — сердца верного влеченье
Дают мне право все свои сомненья
Вам выразить в печальных звуках пенья.
Я знать хочу, о друг мой дорогой,
Откуда это гордое забвенье:
Что это — гнев? Или любовь к другой?

Прибавь, гонец мой, завершая пенье,
Что нет добра в надменности такой!

* * *

Я горестной тоски полна
О рыцаре, что был моим,
И весть о том, как он любим,
Пусть сохраняют времена.
Мол, холодны мои объятья —
Неверный друг мне шлет укор,
Забыв безумств моих задор
На ложе и в парадном платье.

Напомнить бы ему сполна
Прикосновением нагим,
Как ласково играла с ним
Груди пуховая волна!
О нем нежней могу мечтать я,
Чем встарь о Бланкафлоре Флор,—
Ведь помнят сердце, тело, взор
О нем все время, без изъятья.

Вернитесь, мой прекрасный друг!
Мне тяжко ночь за ночью ждать,
Чтобы в лобзанье передать
Вам всю тоску любовных мук,
Чтоб истинным, любимым мужем
На ложе вы взошли со мной,—
Пошлет нам радость мрак ночной,
Коль мы свои желанья сдружим!

* * *

— Друг мой! Я еле жива,—
Все из-за вас эта мука.
Вам же дурная молва
Не любопытна нимало,
Вы — как ни в чем не бывало!
Любовь вам приносит покой,
Меня ж награждает тоской.

— Донна! Любовь такова,
Словно двойная порука
Разные два существа
Общей судьбою связала:

Что бы нас ни разлучало,
Но вы неотлучно со мной,—
Мы мучимся мукой одной.

— Друг мой, но сердца-то — два!
А без ответного стука
Нет и любви торжества.
Если б тоски моей жало
Вас хоть чуть-чуть уязвляло,
Удел мой, и добрый и злой,
Вам не был бы долей чужой!

— Донна! Увы, не нова
Злых пересудов наука!
Кру́гом пошла голова,
Слишком злоречье пугало!
Встречам оно помешало,—
Зато улюлюканья вой
Затихнет такою ценой.

— Друг мой, цена дешева,
Если не станет разлука
Мучить хотя бы едва.
Я ведь ее не желала,—
Что же вдали вас держало?
Предлог поищите другой,
Мой рыцарь-монах дорогой.

— Донна! В любви вы — глава,
Не возражаю ни звука.
Мне же в защите права
Бо́льшие дать надлежало,-
Большее мне угрожало:
Я слиток терял золотой,
А вы — лишь песчаник простой.

— Друг мой! В делах плутовства
Речь ваша — тонкая штука,
Ловко плетет кружева!
Рыцарю все ж не пристало
Лгать и хитрить, как меняла.
Ведь правду увидит любой:
Любовь вы дарите другой.

— Донна! Внемлите сперва:
Пусть у заветного лука
Ввек не гудит тетива,
Коль не о вас тосковало
Сердце мое, как бывало!
Пусть сокол послушливый мой
Не взмоет под свод голубой!

— Мой друг, после клятвы такой
Я вновь обретаю покой!
— Да, Донна, храните покой:
Одна вы даны мне судьбой.

* * *

Вот и зимняя пора —
Грязь, и снег, и ветер злющий.
Птичья песенка с утра
Не звенит над сонной пущей.
Ветки хрупки — знай ломай!
Где ты, наш зеленый май?
Смолк под кущей благовонной
Соловей неугомонный...

Но сознать давно пора —
Мне безделицею сущей
Стали снежные ветра,
Да и сам наш май цветущий.
Нет, Ауренги дальний край,
Слов теченья не сбивай
И покой, мной обретенный,
Не смущай мечтой бессонной!

Донны — всех безумней донн,
Если сердце им избрало
Тех, кто властью облечен
Выше скромного вассала.
Мысль Овидия проста:
Власть и нежность — не чета.
Я смеюсь над чванной донной,
Только титулом плененной.

Друг мой — прост, таких имен
Слава звонкая бежала,
Но зато мне предан он,
Ревность мне не кажет жала.
И чисты его уста,
Все в нем — честь и прямота.
Свет любви, во мне зажженный,
Замутит ли лжец прожженный?

Милый друг! Любовь свою
Вам навек по доброй воле
Вместе с сердцем отдаю —
Только с сердцем, но не боле!
Разве клятва не свята,
Коль у вас, мой друг, взята?
В час, свиданьем озаренный,
Честь мне ваша — обороной!

Вам же, Бельвезерский двор,
И Ауренги град счастливый,
И Прованс, и сам сеньор,
И друзья, что ныне живы,—
Всем — «прости»! И вам, места,
Где зажглась моя мечта
Пред душою изумленной —
И навеки опаленной...

Мой жонглер! Теперь туда,
Где, мудра, мила, проста,
Правит Донна всей Нарбонной.
К ней спеши с моей кансоной!

* * *

— Молю тебя, всесильный, светлый бог,
Чтоб друг живым уйти отсюда мог!
Да бодрствует над ним твоя десница!
С зари вечерней здесь свиданье длится,
И близок час рассвета.

Мой милый друг, взгляните на восток!
Уже господь и ту звезду зажег,
Что нам вещает, как близка денница.
Не медлите! Давно пора проститься,
И близок час рассвета.

Мой милый друг, опасный это час:
Вот пенье птиц, как звонкий утра глас,
Сюда летит через леса и нивы.
Боюсь, проснется сам барон ревнивый,—
Ведь близок час рассвета!

Мой милый друг, я заклинаю вас
На свод небес взглянуть хотя бы раз —
Тогда б понять, наверное, могли вы,
Что вам не лжет товарищ ваш пугливый
И близок час рассвета.

Мой милый друг! Я с вечера не спал,
Всю ночь я на коленях простоял:
Творца молил я жаркими словами
О том, чтоб снова свидеться мне с вами.
А близок час рассвета.

Мой милый друг, да кто же заклинал,
Чтоб я и глаз на страже не смыкал!
Я вас готов оберегать часами,—
Зачем же мной пренебрегли вы сами!
А близок час рассвета.

— Мой добрый друг! Ах, если бы навек
Продлилась ночь любви и сладких нег!
Моя подруга так сейчас прекрасна,
Что, верьте мне, пугать меня напрасно
Ревнивцем в час рассвета.

* * *

Любви восторг недаром я узнал,—
О сладостных не позабуду днях:
Пернатый хор так радостно звучал,
Была весна, весь сад весной пропах.
А в том саду, средь зелени аллей
Явилась мне лилея из лилей,
Пленила взор и сердцем завладела.
С тех самых пор весь мир я позабыл,
Лишь помню ту, кого я полюбил.

И ей одной я песни посвящал,
По ней одной томился я в слезах.
Тот сад, что мне блаженством просиял,
Все вновь и вновь являлся мне в мечтах.
Люблю ее с тех самых, вешних дней,
Ведь нет нигде ни краше, ни милей,
Затмила всех красой лица и тела.
За славный род, за благородства пыл
Ее везде почет бы окружил.

Еще б я громче славу ей воздал,
На целый свет воспел, кабы не страх:
Наветчики — вам скажет стар и мал —
Повергнуть могут эту славу в прах.
Доносчиков не сыщется подлей:
Чем чище ты, тем их наветы злей.
Зато целуюсь нежно то и дело
С ее родней — ведь сердцу каждый мил,
Кто б чем-нибудь причастен милой был.

А вас-то ждет, наветчики, провал!
Судить-рядить начнете впопыхах:
«Да кто она? Да что он ей сказал?
И встретились когда, в каких местах?»
Чтоб злобных сих не соблазнять судей,
Я сторонюсь и лучших из людей:
Иной сболтнет — вот и готово дело!
(Чужой сынок, бывает, начудил,
А ты в отцы чудиле угодил!)

Среди друзей насмешки я стяжал:
«Как пыжится юнец, ну просто страх.
Нас знать не хочет! Больно нос задрал!»
Пускай меня честят они в сердцах,
Но как же быть, когда вослед за ней
Мой слух и взор стремятся все сильней,
Хотя б вокруг и ярмарка галдела:
Единственной себя я посвятил —
Навек душой в беседу с ней вступил.

* * *

— Увы мне! — Что с тобою, друг?
— Умру от мук!
— А чья вина?
— Она со мною холодна,
Забыла первый свой привет.
— В том вся причина? Да иль нет?
— Да, да!
— Ты любишь? В чем же тут беда?
— Люблю, да как!
— И сильно мучишься, чудак?
— Всех мук моих не описать.
— Так надобно смелее стать.

— Пугаюсь! Робость — мой недуг.
— К чему испуг?
— А вдруг она
Не любит? — Грусть твоя смешна:
Сначала получи ответ.
— Но мне со страхом сладу нет.
— Всегда?

— Лишь перед нею.— Ну, тогда
Ты сам свой враг.
Ужель любви страшишься так?
— Нет, но боюсь о ней сказать.
— Тогда надежды все утрать!

— Подать совет ты мог бы мне?
— Могу вполне.
— Ну, и какой?
— На глупый страх махнуть рукой
И объясниться напрямик.
— Боюсь, она прогонит вмиг!
— И что ж?
— Да как такой позор снесешь?
— Стерпи его:
В терпенье — страсти торжество.
— Но у нее ревнивый муж.
— А хитрость женская к чему ж?

— Найду ль сообщницу в жене?
— Наедине
Она с тобой
Обсудит все.— То сон пустой!
— Он сбудется.— О, сладкий миг!
— Ты смелостью всего б достиг.
— Хорош
Твой план, не то ведь пропадешь.
— Он для того,
Кто выше страха своего.
— В надежде — сила нежных душ.
— Смотри же, плана не нарушь!

— Да я бы действовать готов...
Не хватит слов!
— Пора найти.
— Тут нужно тонкость соблюсти.
— Но что же ты, совсем немой?
— Немой лишь перед ней самой.
— Смущен?
— Уверенности я лишен.
— Любви венец
Так потеряешь ты вконец!
— Нет, план мой тверд.— Так исполняй,
Блажь на себя не нагоняй.

Уныл конец
Для унывающих сердец.
Тебе б хороший нагоняй!
Теперь хоть время нагоняй.

— Я наконец
Закон любви постиг, простец:
Мелькнет удача — нагоняй,
Упустишь — на себя пеняй!

* * *

Когда порою зуб болит,
Я издаю за стоном стон.
Когда вокруг весна царит,
Во мне родится песни звон,
Я радость обретаю.
Цветами роща убрана
И щебетом оглашена,—
Тоску я забываю.
В полях, в лугах — везде весна,
И с ней душа моя дружна.

Любовь меня к себе манит
И песня — я для них рожден.
А память радостно хранит
Мой давешний пасхальный сон:
Я руку простираю,
Схватила сокола она,
Но птица так разъярена,
Что в страхе замираю,
И вдруг она уже смирна,
Цепочка вмиг укреплена.

Друг ничего не утаит,
Коль помнит дружества закон.
Про сон молчать душе претит,
Пусть подивится мой барон!
И он сказал,— большая
Удача мне, мол, суждена:

Дождусь, настанут времена,
И я любовь стяжаю
Той, что прекрасна и знатна,
И выше всех вознесена.

И я теперь то страх, то стыд
Испытывать приговорен.
Меня сомнение томит:
Быть может, сон тот — только сон,
А я, глупец, мечтаю!
Коль так надежда нескромна,
То на позор обречена.
Но вот я вспоминаю
О встрече с вами, и ясна
Мне явь: в ней исполненье сна!

И мой певец к вам зачастит —
Дом пеньем будет оглашен.
Тоскою больше не убит,
Я петь хочу, я вдохновлен
И нынче же дерзаю
Послать вам песню. Не сполна
Закончена еще она:
Ведь песня — я-то знаю —
Тогда вполне завершена,
Когда опора ей дана!

Строитель башню завершит,
Коль укрепил основу он —
Тогда и башня устоит.
Таков строителей закон.
Основу укрепляю
И я: коль песня вам нужна,
Коль вами не возбранена,
К ней музыку слагаю,—
Пусть усладится тишина
Для той, кем песня внушена!

А петь другому мне не льстит,
Король иль император он.
Но если кто меня сманит
И буду я вознагражден,
В награду избираю
Изгнанье — новая страна

Да будет столь отдалена
От милого мне края,
Чтоб не узнал я, как гневна
Та, кем душа восхищена.

Теперь вы знаете сполна,
Язык мой понимая,
О чем вещали письмена,
Где речь была еще темна.

Моей любви к вам глубина
Теперь открыта вам до дна.

* * *

— Сеньор Гираут, да как же так?
Вы утверждали, слух идет,
Что песням темный слог нейдет,—
Тогда я вам
Вопрос задам:
Ужель, избрав понятный слог,
Себя я показать бы мог?

— Сеньор Линьяуре, я не враг
Затей словесных,— пусть поет
Любой, как петь его влечет,—
Но все же сам
Хвалу воздам
Лишь простоте певучих строк:
Что всем понятно — в том и прок!

— Гираут, зачем тогда, чудак,
Трудиться, зная наперед,
Что труд усердный попадет
Не к знатокам,
А к простакам,
И вдохновенных слов поток
В них только вызовет зевок!

— Линьяуре! Я из работяг,
Мой стих не скороспелый плод,
Лишенный смысла и красот.
Вот и не дам
Своим трудам
Лишь тешить узенький мирок.
Нет, песни путь всегда широк!

— Гираут! А для меня — пустяк,
Широко ль песня потечет.
В стихе блестящем — мне почет.
Мой труд упрям,
И — буду прям —
Я всем свой золотой песок
Не сыплю, словно соль в мешок!

— Линьяуре! Верьте, много благ
Спор с добрым другом принесет,
Коль бог от ссоры упасет.
Что здесь и там
По временам
Я допускал на вас намек,—
Поставлю сам себе в упрек!

— Гираут! И мне понятен смак
Задорных шуток и острот.
Нет! Вам их не поставлю в счет,
Вес не придам
Таким словам.
В другом — тревог моих исток:
Люблю я, сердцем изнемог!

— Линьяуре! Хоть отказа знак
Красавица нам подает,
Но смысл его совсем не тот,
И по глазам
Дано сердцам
Узнать, что это все — предлог
Раздуть любовный огонек!

— Гираут! Сочельник недалек,
Зачем спешите за порог?

— Линьяуре! Вдаль я не ездок,
Но сам король на пир увлек.

* * *

Нежным ветерка дыханьем
Мне милы апрель и май!
Соловьиным щекотаньям
Хоть всю ночь тогда внимай!
А едва заря пожаром
Встанет из ночных теней,
Час наступит птичьим парам
Миловаться меж ветвей.

Люб весной земным созданьям
Их зазеленевший край.
Люб и мне — напоминаньем,
Что любовь для сердца — рай.
И тревожит нас недаром
Дуновенье теплых дней:
Я, подвластный вешним чарам,
Рвусь к избраннице моей.

С Донною кудрей сияньем
И Елену не равняй.
Донны голосок мечтаньем
Полнит сердце через край!
А блеснут нежданным даром
Зубки, жемчуга ясней,
Вижу — бог в сем мире старом
Не хотел соперниц ей.

Где предел моим страданьям,
Май цветущий, отвечай!
Иль она, воздавши дань им,
Поцелует невзначай?..
Так, томим любовным жаром,
Я брожу в мечтах о ней,
С утренним впивая паром
Вешний аромат полей.

* * *

Вас, Донна, встретил я — и вмиг
Огонь любви мне в грудь проник.
С тех пор не проходило дня,
Чтоб тот огонь не жег меня.
Ему угаснуть не дано —
Хоть воду лей, хоть пей вино!
Все ярче, жарче пышет он,
Все яростней во мне взметен.
Меня разлука не спасет,
В разлуке чувство лишь растет.
Когда же встречу, Донна, вас,
Уже не отвести мне глаз,
Стою без памяти, без сил.
Какой мудрец провозгласил,
Что с глаз долой — из сердца вон?
Он, значит, не бывал влюблен!
Мне ж не преодолеть тоски,
Когда от глаз вы далеки.

Хоть мы не видимся давно,
Но и в разлуке, все равно,
Придет ли день, падет ли мрак,—
Мне не забыть про вас никак!
Куда ни поведут пути,
От вас мне, Донна, не уйти,
И сердце вам служить готово
Без промедления, без зова.
Я только к вам одной стремлюсь,
А если чем и отвлекусь,
Мое же сердце мне о вас
Напомнить поспешит тотчас

И примется изображать
Мне светло-золотую прядь,
И стан во всей красе своей,
И переливный блеск очей,
Лилейно-чистое чело,
Где ни морщинки не легло,
И ваш прямой, изящный нос,
И щеки, что свежее роз,
И рот, что ослепить готов
В улыбке блеском жемчугов,
Упругой груди белоснежность
И обнаженной шеи нежность,
И кожу гладкую руки,
И длинных пальцев ноготки,
Очарование речей,
Веселых, чистых, как ручей,
Ответов ваших прямоту
И легких шуток остроту,
И вашу ласковость ко мне
В тот первый день, наедине...

И все для сердца моего
Таит такое волшебство,
Что я бледнею и в бреду
Неведомо куда бреду.
И чувствую — последних сил
Порыв любви меня лишил.

Ночь не приносит облегченья,
Еще сильней мои мученья.
Когда смолкает шум людской
И все уходят на покой,
Тогда в постель и я ложусь,
Но с бока на бок лишь верчусь.
От горьких дум покоя нет,
И я вздыхаю им в ответ.
То одеяло подоткну,
А то совсем с себя стяну.
То вскинусь, то лежу опять,
А то примусь подушку мять,
Ту ль, эту ль руку подложу,—
Покоя я не нахожу.
И, изнурен в бессонной муке,
Вот я совсем раскинул руки,

Глаза уставя в темноту,
Чтобы страну увидеть ту,
Где издалёка ищет вас
Моей любви печальный глас:
«Ах, Донна милая, когда ж
Найдет поклонник верный ваш
Приют иль просто уголок,
Где б свидеться он с вами мог,
Чтоб этот нежный стан обнять,
Чтоб вас ласкать и миловать,
Вам целовать глаза и рот,
Теряя поцелуям счет,
Сливая все в одно лобзанье
И радуясь до бессознанья.

Быть может, речь моя длинна,
Но в ней ведь объединена
Вся тысяча моих речей —
Бессонных дум в тоске ночей...»

Всего я не договорил —
Порыв любви меня сморил.
Смежились веки, я вздохнул
И, обессиленный, заснул.

Но и во сне вы предо мной
Желанной грезою ночной.
Хоть день и ночь моя мечта
Одною вами занята,
Но сон всего дороже мне:
Над вами властен я во сне.
Я милое сжимаю тело,
И нет желаниям предела.
Ту власть, что мне приносит сон,
Не променял бы я на трон.
Длись без конца, мой сон,— исправь
Неутоленной страсти явь!

* * *

Мила мне радость вешних дней,
И свежих листьев, и цветов,
И в зелени густых ветвей
Звучанье чистых голосов,—
Там птиц ютится стая.
Милей — глазами по лугам
Считать шатры и здесь и там
И, схватки ожидая,
Скользить по рыцарским рядам
И по оседланным коням.

Мила разведка мне — и с ней
Смятенье мирных очагов,
И тяжкий топот лошадей,
И рать несметная врагов.
И весело всегда я
Спешу на приступ к высотам
И к крепким замковым стенам,
Верхом переплывая
Глубокий ров,— как, горд и прям,
Вознесся замок к облакам!

Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтоб пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцая.
Я ничего за тех не дам,

Чей меч в бездействии упрям,
Кто, в схватку попадая,
Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам.

Вот, под немолчный стук мечей
О сталь щитов и шишаков,
Бег обезумевших коней
По трупам павших седоков!
А стычка удалая
Вассалов! Любо их мечам
Гулять по грудям, по плечам,
Удары раздавая!
Здесь гибель ходит по пятам,
Но лучше смерть, чем стыд и срам.

Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!» —
И ржание, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: «На помощь! К нам!»
Боец и вождь в провалы ям
Летят, траву хватая,
С шипеньем кровь по головням
Бежит, подобная ручьям...

На бой, бароны края!
Скарб, замки — всё в заклад, а там
Недолго праздновать врагам!

* * *

Наш век исполнен горя и тоски,
Не сосчитать утрат и грозных бед.
Но все они ничтожны и легки
Перед бедой, которой горше нет,—
То гибель *Молодого Короля.*
Скорбит душа у всех, кто юн и смел,
И ясный день как будто потемнел,
И мрачен мир, исполненный печали.

Не одолеть бойцам своей тоски,
Грустит о нем задумчивый поэт,
Жонглер забыл веселые прыжки,—
Узнала смерть победу из побед,
Похитив *Молодого Короля.*
Как щедр он был! Как обласкать умел!
Нет, никогда столь тяжко не скорбел
Наш бедный век, исполненный печали.

Так радуйся, виновница тоски,
Ты, смерть несытая! Еще не видел свет
Столь славной жертвы злой твоей руки,—
Все доблести людские с юных лет
Венчали *Молодого Короля.*
И жил бы он, когда б господь велел,—
Живут же те, кто жалок и несмел,
Кто предал храбрых гневу и печали.

Нам не избыть унынья и тоски,
Ушла любовь — и радость ей вослед,
И люди стали лживы и мелки,
И каждый день наносит новый вред.
И нет уж *Молодого Короля...*
Неслыханной отвагой он горел,
Но нет его — и мир осиротел,
Вместилище страданья и печали

Кто ради нашей скорби и тоски
Сошел с небес и, благостью одет,
Сам смерть приял, чтоб, смерти вопреки,
Нам вечной жизни положить завет,—
Да снимет с *Молодого Короля*
Грехи и вольных и невольных дел,
Чтоб он с друзьями там покой обрел,
Где нет ни воздыханья, ни печали!

* * *

Люблю, чтобы под старость отдавали
И власть свою, и дом свой молодым:
В большой семье достойных нет едва ли,
Чтобы отцам наследовать своим.
Вот признаки, что больше говорят,
Чем птиц прилет или цветущий сад:

Миниатюра из рукописной хроники.
XIII век.

Красавицу, сеньора ли сменить
Не значит ли и жизнь омолодить?

Но наши донны юность потеряли,
Коль рыцаря у них уж больше нет,
Иль сразу двух они себе стяжали,
Иль любят тех, кого любить не след,
И честью замка мало дорожат,
Иль о делах любовных ворожат.
Что им жонглер? Ведь сами говорить
Охочи так, что не остановить!

И чтобы донну молодой считали,
Достойных чтить ей подаю совет
И отстранять все подлое подале —
Не наносить своей же чести вред;
Заботиться, чтоб тело и наряд
Неряшеством не оскорбляли взгляд,
И юношей молчаньем не томить,—
Не то легко притворщицей прослыть.

А рыцарю стареть бы не давали
Отважный риск и вкус к делам большим,
Пиры в его гостеприимном зале
И щедрость, чей порыв неудержим:
Пусть на турнир иль боевой отряд
Свое добро он тратит все подряд,
В пылу игры умеет все спустить
И знает, как красавицу прельстить.

Не молод тот, кто о вине и сале
Велит забыть нахлебникам своим
И, чтоб быстрей запасы вырастали,
Постится сам, корыстью одержим;
Кого досуг или игра страшат —
Вдруг денежек они его лишат,—
Кто впроголодь коня готов кормить,
Носить тряпье, чтоб платье сохранить.

Жонглер Арна́ут! И старь и новь пестрят
Мой сирвенте́с,— пусть Ричарду внушат
Старинного богатства не щадить,
Чтоб новое — а с ним и честь! — добыть.

* * *

Я сирвентéс сложить готов
Для тех, кто слушать бы желал.
Честь умерла. Ее врагов
Я бы нещадно истреблял,
В морях топил без дальних слов,—
Но выйдут те из берегов.
Огонь бы трупов не сожрал,
Уж разве б Страшный суд настал.

Я не ворчун и не злослов,
А наглецам бы не прощал.
Господь, помимо всех даров,
Рассудок человеку дал,
Чтоб скромным быть. Но не таков
Любой из золотых мешков:
Из грязи в графы прет нахал,—
Уже и замок отмахал!

Короны есть, но нет голов,
Чтоб под короной ум блистал.
О славе дедовских гербов
Маркиз иль князь радеть не стал.
А у баронов при дворах
Я бы от голода зачах:
Хоть богатеет феодал,
Пустеет пиршественный зал.

Пускай я много ездоков
На дорогих конях встречал,
Но кто бы этих мозгляков
К Ожье, к Берару приравнял?
Мне жалок щеголь-вертопрах:
Хоть разодет он в пух и прах
И зубки отполировал,
А для любви он пуст и вял.

Где слава рыцарских дворов?
Цвет рыцарства куда пропал?
А замки! Там радушный зов
Всех на недели собирал,
Там друг, солдат или жонглер
Был милым гостем с давних пор.

В тех замках нынче лишь развал,—
Я сам во всех перебывал.

Король французов не суров,
Уж он-то щедрость показал!
Жизор свой славный — вот каков! —
В удел он Ричарду отдал:
Филиппа испугал раздор.
Ну что ж, спасибо за Жизор!
Но я б того к чертям послал,
Кто ратный потерял запал!

———

В путь, Папиоль! Будь нынче скор:
Льва — Ричарда почтить не вздор!
Король Филипп ягненком стал —
Утратит все, чем обладал.

* * *

Донна! Право, без вины
Покарали вы меня,
Столь сурово отстраня,—
Где ж моя опора?
Мне не знать
Счастья прежнего опять!
Сердце я лишь той отдам,
Что красой подобна вам.
Если ж не найду такую,
То совсем я затоскую.

Но красавиц, что равны
Были б вам, весь мир пленя
Блеском жизни и огня,
Нет как нет! Коль скоро
Вам под стать
Ни единой не сыскать,
Я возьму и здесь и там
Все у каждой по частям.
И красавицу иную
Обрету я — составную.

Самбелида! Вы должны
Дать румянец ярче дня,
Очи, что горят, маня
Страстной негой взора
(Больше взять
Мог бы — и не прогадать!).
А красавицы устам
Речь Элизы я придам,
Чтоб, беспечно с ней толкуя,
Разогнал свою тоску я.

Плечи будут ей даны
Из Шале,— и на коня
Сяду вновь, его гоня,
Чтобы к ряду, споро
Всё собрать,
В Рокакорт не опоздать.
Пусть Изольдиным кудрям
Предпочтенье дал Тристрам,
Но, Изольдины минуя,
У Агнесы их возьму я.

Аудиарда! Холодны
Вы ко мне, но, сохраня
Свойство миловать, казня,
Хоть красу убора
Дайте взять
И девиз: «Не изменять!»
Лучше Всех! Похищу сам
Шейку, милую очам,—
Я так нежно расцелую
Красоту ее нагую!

Зубки чудной белизны,
Всех улыбкой осеня,
Даст Файдида. Болтовня
С ней мила, но скоро
В путь опять!
Донна Зеркальце мне дать
Стан должна, столь милый нам,
Смех свой, сладостный ушам,—
Помню я пору былую,
Шутки с ней напропалую.

Вы же, Донна, вы вольны,
Всех собою заслоня,
Но восторгов не ценя,
Дать приказ — без спора
Перестать
Вас любить, о вас мечтать.
Нет! Хоть предан я скорбям,
Сердце я лишь вам отдам!
Как своей наименую
Эту донну составную?

* * *

На легкий, приятный напев
Слова подобрав и сложив,
Буду я их шлифовать,
Чтоб они правдой сияли.
В этом любовь мне поможет —
В Донне чудесный исток
Доблестей я обретаю.

Смотрю на нее, онемев
И сердце к ней так устремив,
Что и в груди не сдержать,
Если б на нем не лежали
Думы о той, что умножит
Власть надо мною в свой срок,—
Только о том и мечтаю!

Готов я, любви восхотев,
Жечь свечи и масло олив,
Тысячи месс отстоять,
Лишь бы мне счастие дали.
Пусть мне Люцерну предложат,—
Светлой головки ĉивок
Я на нее не сменяю.

На папском престоле воссев
Иль царственный Рим покорив,
Все соглашусь потерять,
Только б надеяться дале,
Что поцелует, быть может,—
Иначе — ведает бог! —
Нет ей и доступа к раю.

Хоть множество мук претерпев,
Я свой не смиряю порыв!
Стал и друзей избегать,
Чтоб рифмовать не мешали.
Тот, кто мотыгой корежит
Поле, не так изнемог!
Словно Монкли́, я страдаю.

Так Даниель подытожит:
Зайцев мне травит бычок,
Ветер я впрок собираю.

* * *

Давеча я в рай ходил,
Перед господом предстал —
И душой возликовал:
Милость он ко мне явил!
Расспросил нецеремонно:
— С чем прибрел? Да где бродил?
Я давненько не слыхал
Новостей из Монтаудона!

— Я, господь, свой прежний пыл
Два-три года унимал,
Песен больше не слагал,
Лишь молитвы возносил
Вам коленопреклоненно.
Всем друзьям я опостыл —
Отвернулся стар и мал,
До последнего барона!

— Ты, монах, поклоны бил
И мирского избегал
(Впрочем, тяжбы затевал!) —
Мне устав такой не мил.
Лучше б песней сладкозвонно
Ближним дух увеселил,
На обитель насбирал,
Чем молиться исступленно!

— Я б, господь, как прежде жил,
Всюду с песнями сновал,
У испанцев побывал,
Людям слух бы усладил,—

Божий страх всему препона:
Ложь грешна, я грех свершил
Тем, что песни сочинял,
Ведь безбожно лжет кансона!

— Ты, монах, не тем грешил —
Королем пренебрегал!
Он тебя все звал да звал,—
Знать, с досады прекратил
Слать гонцов из Олерона.
А ведь он тебя любил,
Стерлингами забросал,
Спас от нищеты исконной.

— Я б, господь, его почтил,
Но по морю мавр гулял,
После в плен король попал...
Тот — глупец, кто в бой вступил,
Веря в ваш покров хваленый.
Вам и ярый турок мил,—
Как бы Акру не забрал
Мореходец беззаконный!

* * *

Я к господу как-то попал.
Вижу — его обступили.
Статуи в гневе вопили,
Чтоб он наших донн обуздал:
На краски вскочила цена,—
Все больше идет их для донн,
А статуям храмов — урон,
Их лики бледней полотна!

Мне бог, обернувшись, сказал:
— Жены, монах, нагрешили,
Статуи красок лишили,—
Их облик святой облинял.
Смотри, как вот эта бледна!
Почаще всходи на амвон,
Громи их, повапленных жен!
Для кары пришли времена.

— Господь,— я ему отвечал,—
Сами вы донн сотворили,
Сами красой одарили
Еще при начале начал.
А если краса им дана,
Для донн красоваться — закон.
Урон-то святым нанесен,
Но краска и доннам нужна!

— Монах, ты в нечестие впал!
Речи твои не грешны ли,
Чтобы творения были
Прекрасней, чем я замышлял?
Недолго цветет их весна,—
Ведь смертный стареть обречен,—
Но краской обман совершен:
Глядишь — а старуха юна!

— Господь, вам совет бы я дал:
Вы в своей славе и силе
Крашеных донн невзлюбили,—
Так кто ж вам продолжить мешал
Их юность до вечного сна?
А лучше бы,— я убежден,—
Земля до скончанья времен
Всей краски была лишена!

— Монах, я и слушать устал!
Разум утратил ты или
Жены тебя совратили,
Что ты их оправдывать стал?
Нет! Женам да будет сполна
Природный их вид возвращен.
Хоть красками лик испещрен,
Сотрет их прекрасно слюна.

— Господь, я бы с ними пропал:
Так уж носы набелили,
Столько румян наложили,
Что я бы слюней не набрал!
Хоть дело мое — сторона,
Но кто красотой обделен,
Прикрасу искать принужден,—
Какая ж на доннах вина?

— Монах, но прикраса грешна:
Ведь каждый, кто ей обольщен,
В распутство уже вовлечен,
И тешится тем Сатана.

— Господь, но Монфора жена
Элида — как розы бутон,
Слюнявить ее не резон:
Живая в ней прелесть видна!

* * *

— *Надежный Друг,* вот вы знаток,—
Скажите, кто из донн милей?
Одна хоть любит и верней,
Но не пускает на порог,
Моленья ваши отвергая.
Вторая хоть не столь верна
(Резвушки изменять ловки),
Зато нежнее к вам она.
Уж слишком муки велики,
Которые сулит другая!

— Фолькет! Подумать дайте срок,
Не знаю случая сложней —
Одно лишь ясного ясней:
Не оберетесь вы тревог,
Хоть ту, хоть эту выбирая.
С резвушкою судьба одна —
С ней ревность вас возьмет в тиски.
Уж лучше вам лишиться сна
И умирать от злой тоски,
Достойной сердце отдавая.

— *Надежный Друг,* да в чем тут прок?
Как пред достойной ты ни млей,
А ведь с резвушкой веселей!
Любить обидно недотрог,
Малейшей ласки не стяжая.
Любить без ласки! Вот те на!

Нет, донна! Что за пустяки!
Пусть ты для трона рождена,
С себя надменность совлеки,
Ко мне вниманье умножая!

— Фолькет! Ужель вам мил порок?
Что может быть коварства злей!
Что ласк изменницы подлей?
Их получить любой бы мог,
Вас, бедный, нагло унижая.
А той, что с виду холодна,
Пренебрегут лишь простаки.
Ей не затем любовь дана,
Чтоб тешить злые языки,
Нескромно чувства обнажая.

— *Надежный Друг!* То лишь предлог —
Даря любовь, томить людей.
Дар без привета, без речей
Всегда обиден и жесток,
Пренебреженье выражая.
Душа резвушкой пленена,
Всем опасеньям вопреки.
Да, верить ей нельзя сполна,
Но и у вашей есть грешки,—
Видать, судьба у всех такая.

— Фолькет! Прервите слов поток!
С подругой нежною своей
Я знал немало светлых дней.
Иначе жил бы одинок,
С другим делиться не желая.
А вашим песням — грош цена,
И нет в них правды ни строки.
Зачем вам надо, старина,
Кропать столь бодрые стишки,
Душой от ревности сгорая?

— *Надежный Друг!* Их плел, играя,
Для вас я — бодрость вам нужна:
Ведь есть преловкие дружки,
К ним ваша донна так нежна,
Что вы к отчаянью близки,—
Моя ж, поверьте мне, иная.

— Фолькет! То похвальба пустая.
Таусельма нас судить должна.
Вопросы эти ей легки.
Сдаюсь, коль скажет, смущена,
Что донну у меня дружки
Крадут, в измены вовлекая!

* * *

Нет! Хватит волн морских,
Докучных берегов,
Подводных скал крутых,
Неверных маяков!
Я насмотрелся их
За все свои блужданья.
Судьбы превратности познав
И в милый Лимузен попав,
Там честь и радости стяжав,—
Воздам молитвой дань я
За то благодеянье,
Что я вернулся, жив и здрав.

Владыку дней моих
Восславить я готов,
Вновь, после бед лихих,
Свой обретая кров
И сад, что, свеж и тих,
Струит благоуханье
Своих простых цветов и трав,
Красою скромною поправ
Кичливый блеск чужих держав.
А Донны обаянье!
Ее очей сиянье,
Ее дары и кроткий нрав!

Пускай звучит мой стих,
Нежданным счастьем нов,
Среди бесед живых
При лучшем из дворов,

Где для сердец людских
Священны предписанья
Любви — источника всех прав.
Под звон ручья среди дубрав
Брожу, забвению предав
И барки колыханье,
И шторм, и злодеянья
Морских разбойничьих орав.

Кто ради дел святых
Искал чужих краев,—
За гробом ждет таких
Прощение грехов.
Но кто, в разбое лих
И жаждая стяжанья,
Решится, совесть потеряв,
Пиратский соблюдать устав,—
Тот, в битвах, в бурях доконав
Себя и достоянье,
Умрет без покаянья —
Вот вся цена таких забав!

* * *

Вместо нежного привета
Ей, царице всех услад,
Чтоб забыться, песнь рассвета
Я сложу на новый лад.
Лунный свет забрезжил где-то,
В птичьих трелях дремлет сад,—
Так мне тяжко бденье это,
Что заре я был бы рад.
О, боже, как
Наскучил мрак!
Как я жду рассвета!

Хоть Евангельем осмелюсь
Я поклясться: ни Андрей,
Ни Тристан или Амелис
Даме не были верней.
Строки «Pater noster» [1] пелись
Наново душой моей:
«Господи, qui es in coelis [2],
Дай увидеться мне с ней!»
О, боже, как
Наскучил мрак!
Как я жду рассвета!

[1] «Отче наш» *(лат.)*.
[2] Иже еси на небесех *(лат.)*.

Среди гор, в морской стихии
Не умрет любовь моя,
И, наветчики лихие,
Верить вам не буду я!
Провожу уныло дни я,
Без еды и без питья.
К ней от стен Антиохи́и
В смертный час помчался б я!
О, боже, как
Наскучил мрак!
Как я жду рассвета!

Брал я с бою замок грозный,
Мне не страшен был медведь,
Леопард неосторожный
Попадал мне часто в сеть,—
Пред любовью же ничтожна
Мощь моя досель и впредь:
Трепет сердца невозможно
Ни унять, ни одолеть!
О, боже, как
Наскучил мрак!
Как я жду рассвета!

* * *

Зачем пою? Встает за песней вслед
Любовный бред,
Томит бесплодный зной
Мечты больной,
Лишь муки умножая.
Удел и так мой зол,
Судьбины произвол
Меня и так извел...
Нет! Извелась сама я.

А вы, мой друг, плохой вы сердцевед,
Любви примет,
Сдружившейся со мной
Тоски немой
Во мне не замечая.
Всеобщий же глагол
Вас бессердечным счел:
Хоть бы приветил, мол,
Несчастной сострадая.

Но я верна вам до скончанья лет
И чту обет
(Хоть данный мной одной!),
Свой долг святой
Безропотно свершая.
Вас древний род возвел
На знатности престол,
Мою ж любовь отмел,—
Для вас не столь знатна я.

Вы для меня затмили целый свет,—
Отказа нет
Для вас ни в чем от той,
Кто день-деньской
Все ждет, изнемогая,
Чтоб ожил тихий дол
И вестник ваш прибрел
Иль пыль клубами взмел
Скакун ваш, подлетая.

Украв перчатку, милый мне предмет,
У вас, мой свет,
Но потеряв покой,
Своей рукой
Ее вам отдала я,—
Хоть грех мой не тяжел,
Но он бы вас подвел,
Коль ревности укол
Не стерпит... та, другая...

Гласят заметы стольких зим и лет:
Совсем не след,
Чтоб к донне сам герой
Ходил с мольбой.
Коль, время выжидая,
Сперва бы сети сплел,
С ума бы донну свел,
То в плен не он бы шел —
Спесивица младая!

Ты б к *Самой Лучшей* шел
И песню спел, посол,
Как некто предпочел
Мне ту, с кем не чета я.

Друг Славы! Мир не гол
Для тех, кто зло из зол —
В вас холодность обрел,
Но страстью расцветая!

* * *

Жадно издали вбирая
Провансальский ветер милый,
Чувствую, как полнит силой
Грудь мою страна родная.
Без конца я слушать рад,
Чуть о ней заговорят,
Слух лаская похвалою.

Весь простор родного края
Рона с Венсой оградила,
С гор — Дюранса путь закрыла,
С юга — глубь и зыбь морская.
Но для мысли нет преград,
И в Прованс — сей дивный сад! —
Вмиг переношусь душою.

Сердце, Донну вспоминая,
О печалях позабыло,—
Без нее же все уныло.
Песнь моя — не лесть пустая:
Что хвалить всех донн подряд! —
Славословья воспарят
К лучшей, созданной землею.

В ней одной искал всегда я
Правды верное мерило.
Жизнь она мне озарила,

Даром песен награждая.
Славных дел свершу я ряд
За единый только взгляд
Той, что стала мне судьбою.

* * *

Жаворонок с соловьем
Всех пернатых мне милей
Тем, что радость вешних дней
Славят первые они.
Я, должно быть, им сродни:
Трубадуры все молчат,
Песни о любви звучат
У меня лишь — для Виерны.

Мне дозволено притом
Ту из донн, что всех славней,
Донной называть своей,
Как ведется искони!
Я достоинства одни
За награду из наград
Восславлять отныне рад —
Прелесть и красу Виерны.

Но стрелой или ножом
Поразить нельзя больней,
Чем любовью: ты о ней
Сколь, глупец, ни раззвони,
Ожиданья тяжки дни.
Я не знатен, не богат,
Да зато верней навряд
Друг найдется для Виерны.

А теперь я перстеньком
Награжден — он чудодей:
С ним знатней я всех людей,
Сам король — и то в тени!
И куда ни загляни —
В замок или шумный град,—
Я богаче всех стократ!
Так он дорог, дар Виерны.

* * *

Сеньор мой Драгоман, да мне б коня —
Враги в испуге прыснут от меня.
Так, ястреба завидев в небе, утка
Спешит, бедняжка, скрыться в зеленя.
Враги-то знают: что́ мне их броня!
При имени моем и то им жутко.

Двойной мой панцирь блещет ярче дня,
Мой меч — Гвидона дар, ведь мы родня.
Мне путь не уступить — плохая шутка!
Все прочь бегут, доспехами звеня.
От поступи моей дрожит земля,
Так и гудит — ее страшна погудка!

В боях — Роланда с Оливье сменя,
В любви — Берара вежество храня,
Я милых донн совсем лишил рассудка:
Шлют перстни, ленты, письма — беготня
Гонцов любви растет день ото дня,
Бегут ко мне почти без промежутка!

Я бью врагов играючи, дразня,
Своей отвагой кровь им леденя:
Вы, рыцари, со мной сразитесь, ну-тка!
Я всех милей (скажу вам без вранья),
Пред доннами колени преклоня,
Коль меж боев мне выпадет минутка.

Вот был бы взыскан щедрым даром я —
Конем могучим,— я б для короля
Под Балагьером нес дозоры чутко.
В Провансе, в Кро и в Монпелье — резня.
А рыцари — как стая воронья,
Бесстыднее разбойника-ублюдка.

Придет король, изменников казня,—
Ему претит тулузская грызня.
Шли лучников, Тулуза-баламутка,—
Тебе верну их, пред собой гоня.
Помчится граф искать, невзвидев дня,
Найдется ль для него хотя б закутка.

Для каждого, кто льстит, в душе кляня,
Кому и долг и верность — болтовня,
Кто честь не ставит выше предрассудка,—
Меча не пожалею и огня:
Будь ты стальной — сгоришь, как головня,
Останется одна лишь пепла грудка.

Реньер с Виерной, счастьем осеня,
Здесь, в Монпелье, приветили меня,—
И рыцаря скромнее пусть найдут-ка!

* * *

Мила мне лета славная пора,
Мила земля под ясными лучами,
Мил птичий свист меж пышными ветвями,
И мил узор цветочного ковра;
Милы мне встречи дружеских кружков,
Милы беседы и уютный кров,—
Милей всего, что скоро буду там,
Где милой Донне снова честь воздам.

Любовь со мной на радости щедра,
Любовь дарит бесценными дарами.
В мечтах любви тепло мне вечерами,
Любви отвагой полон я с утра.
Пришла любовь — и мир как будто нов.
Любви всю жизнь я посвятить готов.
Любовь приносит юный пыл сердцам,—
Через любовь я побратим юнцам.

Рад все заботы гнать я со двора,
Рад похвалам, летящим вслед за вами,
Рад, ваш вассал, восславить вас делами,
Рад, Донна, вам — источнику добра!
Рад красоты внимать всевластный зов,
Рад не снимать с себя любви оков,
Рад предаваться сладостным мечтам,
Рад следовать за вами по пятам.

Будь божья длань над Донною бодра!
Грянь божья кара над ее врагами!
Весь божий день молю в житейском гаме
Тебя, о боже, нынче, как вчера:
Божественный тому простри покров,
Кто, боже, любит без обиняков,
Будь, боже правый, грозен ко льстецам,
Лжецам безбожным — клеветы гонцам.

Ах, Донна, сколь судьба моя пестра!
Пред Донной я — бедняк меж бедняками,
Пред Донной я — король меж королями,
Коль Донна то сурова, то добра.
У Донны нет смиреннее рабов,
Чтоб волю Донны угадать без слов.
Но, Донна, раб ваш уповать упрям:
Чтя Донну, ждет он милосердья сам!

В своем веселье сколь любовь мудра!
Сколь весело в вас, Донна, жизни пламя!
Веселье, излучаемое вами,
Мир веселит, как ветерка игра.
Весельем я исполнен до краев —
Мне весело от лучезарных снов,
И весело звучать моим устам
Хвалой веселью, и любви, и вам.

* * *

— Ужель, Ги д'Юссель, вы сполна
Стихи отказались слагать?
Вольны вы молчать, но вольна
И я к вам в тенсоне воззвать!
В мире любви вы немалый знаток —
Этот знаток мне ответить бы мог:
Есть ли для любящих общий закон,
Донну и друга равняет ли он?

— Хоть, донна Мария, должна
Виола моя отзвучать,
Но, раз вам тенсона нужна,
Возьмусь я за пенье опять:
Как бы у донны был род ни высок,
Он для господства в любви — не предлог!
С донной,— отвечу вам,— друг уравнен,
Если и в низкой он доле рожден.

— Ги, вовсе не тем, что знатна,
Должна она славу стяжать,
А тем лишь, что донна она,
Что может любовь даровать.
Тот, кто по донне тоской изнемог,
Должен прийти к ней с мольбой на порог,
Чтобы любовью он был одарен
Не потому, что он знатный барон.

— Но, донна, одна сторона
Не ниже другой ни на пядь:
И донна, коли влюблена,
Должна о любви умолять.
В чем же тут другу от равенства прок:
Он ее славит, она же — молчок!
Нет уж! Коль был ты в любви предпочтен,
Значит, тобой и почет заслужён!

— Ги, в чем тогда клятве цена?
Зачем же колени склонять
И славить на все времена
Владычицы разум и стать,
После ж не помнить, чуть выдержав срок,
Как он пред донной валялся у ног!
Тот же и взял свою донну в полон,
Кто, как вассал, к ней ходил на поклон...

— Нет, донна! Коль та не склонна
Его своим ровней считать,
Зачем же любовь призвана
Сердца воедино сливать?
Вот и тенсоны стал ясен итог.
Донна — не донна, коль ей невдомек:
Равенство любящих — высший закон,
Только любовью и держится он.

* * *

Я велел с недавних пор
Сердцу своему молчать,
Но Любовь со мною спор
Не замедлила начать:
— Друг Пейроль, решили, знать,
Распрощаться вы со мной,
Да и с песнею былой?
Что ж, бесславный ждет удел
Тех, кто сердцем охладел!

— Ах, Любовь, на ваш укор
Мне не трудно отвечать:
Долго Донны светлый взор
Я готов был воспевать,
Но в награду мог стяжать
Только боль обиды злой,—
Дайте ж наконец покой!
Я роптать на вас не смел,
Но уж песни-то отпел!

— Друг Пейроль! Со мной в раздор
Не годится вам вступать:
Ведь, поверьте мне, не вздор —
В жизни донну повстречать,
Чтоб умела привечать
Вас улыбкой молодой,
И веселой, и простой.
Кто ж ей раньше славу пел?
Видно, дар ваш оскудел!

— Все ж, Любовь, я на запор
Должен сердце закрывать:
На Востоке стал позор
Крестоносцам угрожать.
Бога буду умолять:
Пусть пред общею бедой
Пренебречь своей враждой
Королям бы он велел —
И маркиз бы преуспел!

— Друг Пейроль, к чему задор?
Турок и арабов рать,
Верьте мне, любой напор
Будет долго отражать.
Стен Давидовых не взять!
Да и не утихнет бой
Королей между собой.
А бароны! Кто и смел,
Тоже в распрях закоснел.

— Пусть дерутся меж собой,
Но Дальфин — совсем другой:
Он, Любовь, для славных дел
Вас бы позабыть умел.

— Нет, без Донны дорогой
Можно изойти тоской!
Саладин осточертел —
Людям мил родной предел!

* * *

— Мой сеньор, сейчас вопрос
О двух доннах я задам,
Что, допустим, милы вам
И свежее майских роз,—
Ту ль, кто без забот
Сердце отдает,
Вы б предпочитали?
Ту ль, кто норовит
Строгой быть на вид
Чтоб болтать не стали?

— Мой Пейроль! Без мук, без слез
Жить привольно, знаю сам.
Неразумно все же нам
Трусить толков и угроз.
С милой мук не знать
Хорошо, но глядь —
Оба заскучали!
А какая сласть —
Наконец украсть
То, о чем мечтали.

— Мой сеньор, хвалу вознес
Я бы смелым сим словам,
Если бы по временам
В рощах не трещал мороз,
Не было вокруг
Ни дождей, ни вьюг
Там, где встречи ждали.
Если ты продрог,
Зря прождать свой срок —
Сладостно едва ли!

— Мой Пейроль, ни стуж, ни гроз
Не страшится, кто упрям,
И наперекор ветрам
Мужу он натянет нос.
Слаще нет побед:
После тяжких бед,
Что любви мешали,
Ты всего достиг —
И земных владык
Так не ублажали!

— Эх, сеньор, ей-ей,
Лучше без скорбей!
Не люблю печали!

— Эх, Пейроль, ей-ей,
Хуже всех скорбей
Счастье без печали!

* * *

— Ласточка, ты же мне спать не даешь —
Хлопаешь крыльями, громко поешь!
Донну свою, за Жирондой-рекою,
Зря прозывал я *Надеждой Живою,*—
Не до тебя мне! Что́ песенка эта
Бедному сердцу, чья песенка спета!

— Добрый сеньор! Вы послушайте все ж
То, что давно мне сказать невтерпеж:
К вам я ведь послана Донной самою:
Будь, мол, я тоже касаткой ручною,
Я бы слетала к нему на край света.
Верен ли мне? Ведь ни слова привета!

— Ласточка! Сколь же я был нехорош!
Встретил ворчаньем, а ты мне несешь
Радость нежданную с песней лесною.
Все же прости, хоть прощенья не стою.
Милостью божьей да будешь согрета,
Милая вестница счастья и света!

— Добрый сеньор! Где же силы найдешь
Донны ослушаться: всюду, мол, сплошь
Ты побывай и, любою ценою,
Другу напомни про данное мною —
Перстень заветный, застежку колета
И поцелуй в подкрепленье обета.

— Ласточка! Донне известно давно ж:
Мне ненавистны измена и ложь!
Но короля не оставлю — весною
С ним на Тулузу идем мы войною.
Я у Гаронны, в лугах ее где-то,
Насмерть сражаться готов без завета.

— Добрый сеньор! Храбреца не запрешь
Даже у Донны в светелке. Ну что ж!
С богом, воюйте! Но не успокою
Донну я вестью досадной такою!
Гневаться будет,— а перышки мне-то
После отращивать целое лето...

* * *

Когда впервые вас я увидал,
То, благосклонным взглядом награжден,
Я больше ничего не возжелал,
Как вам служить — прекраснейшей из донн.
Вы, Донна, мне одна желанной стали.
Ваш милый смех и глаз лучистый свет
Меня забыть заставили весь свет.

И, голосом, звенящим, как кристалл,
И прелестью бесед обворожен,
С тех самых пор я ваш навеки стал,
И ваша воля — для меня закон.
Чтоб вам почет повсюду воздавали,
Лишь вы одна — похвал моих предмет.
Моей любви верней и глубже нет.

Я к вам такой любовью воспылал,
Что навсегда возможности лишен
Любить других. Я их порой искал,
Чтоб заглушить своей печали стон,
Едва, однако, в памяти вы встали,
И я, в разгар веселья и бесед,
Смолкаю, думой нежною согрет.

Не позабуду, как я отдавал
Перед разлукой низкий вам поклон,—
Одно словцо от вас я услыхал —
И в горе был надеждой окрылен.

И вот, когда доймут меня печали,
Порою радость им идет вослед.
Ужели ей положите запрет?

Снося обиду, я не унывал,
А веровал, любовью умудрен:
Чем больше я страдал и тосковал,
Тем больше буду вами награжден.
Да, есть отрада и в самой печали...
Когда, бывает, долго счастья нет,
Уменье ждать — вот весь его секрет.

Ах, если б другом вы меня назвали!
Так затрепещет сердце вам в ответ,
Что вмиг исчезнет всех страданий след.

* * *

Я сердцем та́ю,
Забыв весь мир порой,
Воображаю
Вас, Донна, пред собой.
Стихи слагаю
Я только вам одной,
Изнемогаю,
Томим своей мечтой.
Как от любви бежать?
Где б ни укрылся, глядь,
Любовь уже опять
Мной овладеть готова.
Отверженный сурово,
Вновь стану воспевать
Ваш нрав, красу и стать.

Я почитаю
Любви завет святой,
Не уступаю
Я прихоти пустой,
О вас мечтаю,
Не нужно мне другой.
И счастье знаю,
И одержим тоской.

О Донна, вам под стать
На свете не сыскать!
Так мог ли вам давать
Я клятвы суеслова!
Нет, не забыть былого,
И невозможно снять
С себя любви печать.

Зачем другого
Искать в чужих краях?
Блеск жемчуговый
В смеющихся устах,
Груди шелкóвой
Мерцанье при свечах —
Все это снова
Предстанет в светлых снах.
(Коль так я б верен был
Царю небесных сил,
Меня б он в рай пустил...)
Всех донн других объятья
За ваш поклон отдать я
Немедля бы решил —
Так ласков он и мил.

Дня прожитого
Не помню, чтоб во прах
Не падал снова
Пред вами я в мечтах.
Одно бы слово,
Чтоб я по вас не чах!
Огня б живого,
Любви у вас в очах!
Ужель за весь свой пыл
Ее не заслужил?
А и́наче бы жил —
Немало, как собратья,
Даров бы мог собрать я.
О них я не тужил:
Ваш дар меня манил.

Чтобы страдать я
Не стал еще сильней,
Чтоб мог стяжать я
Награду стольких дней,

К вам шлю заклятье —
Мольбу любви моей.
Пусть без изъятья
Вы всех вокруг щедрей,
Но, Донна, буду рад
Одной лишь из наград
Она мне во сто крат
Других даров дороже.
А коль желанья тоже
И вас ко мне стремят,
Блаженству нет преград!

Могу ль не знать я,
Кто в мире всех милей!
Могу воздать я
И славу только ей.
Лицеприятья
Нет в похвале моей.
Нет вероятья,
Чтоб стал я холодней.
Дары волхвов назад
Я все верну подряд —
Пусть только подарят
Мне дар, ни с чем не схожий:
Пусть, этой нежной кожи
Вдивая аромат,
Уста мои горят!

Касаясь нежной кожи
И поцелуи множа,
О милая, чего же
Уста не посулят —
И правду возвестят!

Раймон! Ну до чего же
Я духом стал богат,
Вкусив любви услад!

* * *

Сирвентéс сложу
Про римские порядки,
Все, как есть, скажу,
Лишь на напев в оглядке,—
Знаю, заслужу
Жестокие нападки:
Ведь стихом своим
Мéчу в папский Рим!
Бесом одержим,
Растления зачатки
Он несет другим.

Так чего ж хотим
От паствы подопечной,
Коль неукротим
Сам Рим, не первый встречный!
Честь, добро, как дым,
Раздор развеял вечный.
Рим, ты корень зла.
Ласкова, мила,
Лесть твоя подла
И Англии беспечной
Рану нанесла.

Паства стричь дала
Ужель себя навеки?
Вот кабы ушла
Овца от злой опеки

И покров нашла
В нем, в богочеловеке!
Вняв моим мольбам,
Дал бы по зубам
Он святым отцам,—
А нам-то с вами, греки,
Их позор — бальзам.

Рим! И беднякам
Глодаешь плоть не ты ли?
Горе им, слепцам!
Ты их ведешь к могиле.
Риму стыд и срам:
Торговлю там открыли:
«Коль грехи томят,
Раскошелься, брат,—
Будешь чист и свят».
Но сроки наступили,
Карой день чреват!

Рим! Ты виноват
В потере Дамиетты.
Нам бедой грозят
Всегда твои советы.
Алчный пустосвят,
Лишь помнишь о себе ты.
Да низвергнет бог
Пышный твой чертог!
Низость и порок —
Вот, Рим, твои приметы.
Глуп ты и жесток.

Рим! В поход повлек
Ты цвет французов лучший,
Шли не на Восток —
На братьев темной тучей,
Во грехе полег
Пришельцев строй могучий.
Ты людей мутишь,
Людовика ты ж
Загубил, бесстыж:
Ты свой призыв трескучий
Слал к нему в Париж.

Рим! Ты все хитришь,
В коварстве ты повинен:
Сарацин щадишь,
А греков и латинян
Скоро истребишь,—
Так список павших длинен.
Будет соблюден
Божеский закон:
Ад тебе сужден
За то, что звал, бесчинен,
Всех на Авиньон.

Рим! Последний стон
Те вскоре издавали,
Кто за светлый сон
Считал войну вначале:
Тот же небосклон,
А не чужие дали.
Но не божий, нет,
Шли творить завет:
Возжелав побед,
Безумцы поспешали
Дьяволу вослед.

Рим! Держи ответ,
Не жди себе прощенья.
Каждый твой совет —
Лишь беса наущенье,
Для тебя всех бед
Желаю ночь и день я.
Братьев христиан
Двух соседних стран
Нудит твой обман
Сражаться в исступленье,
Теша басурман.

Рим! Твой новый план
Вершить пошли французы,
Их военный стан
У самых стен Тулузы.
Бесом обуян,
Ты чести снял обузы,
Но тулузский граф,

К счастью, жив и здрав,
И других держав
Еще вольны союзы
Обуздать твой нрав.

Рим! Ногой поправ
Все заповеди бога
И святых устав,
Ты сатане подмога,
Глуп ты, хоть лукав.
От дел твоих тревога
И напасти ждут
Наш крещеный люд.
Козни все растут,
Раймону-графу много
Злых обид несут.

Рим! А все же суд
Господний есть над нами,
И французы мрут,
Устлав поля телами.
Графа ратный труд
Несет им смерть и пламя.
Граф на бой не звал,
Ссор не затевал,
Но торжествовал,
Свое воздвигнув знамя
На сраженных вал.

Рим! Конец настал
Твоим мечтам ископным,—
Мир давно желал,
Чтобы вождем законным
Император стал
Народам истомленным,
Чтобы, мудр, и смел,
И в боях умел,
Распрям он умел,
Тобою учиненным,
Положить предел.

Рим! Ты закоснел
Во лжи и преступленьях,—
Мастер гнусных дел,
Ты множишь каждый день их,—

Я б не преуспел
В одних перечисленьях.
Всюду сея страх,
Все ввергая в прах,
Чтоб держать в цепях,
Ты лишь о новых звеньях
Помышлял в мечтах.

Рим! Ты вор в ворах
И, что себе ни сцапай
Ты в чужих краях,
Все держишь цепкой лапой.
Воровством пропах
Давно ты, вкупе с папой.
Ты, с чумою схож,
Миру смерть несешь,
И не скроет ложь
Ту смерть под яркой вапой.
Что ж, господь, ты ждешь!

Рим! Мне невтерпеж
Все дожидаться срока,
Скоро ли падешь
Ты, чудище порока,
Скоро ль в ад пойдешь,
Покаранный жестоко!
Господи, вонми!
Сжалься над людьми,
Грозно устреми
На Рим святое око,
Власть его сомни!

Рим! Легло костьми
Из-за тебя немало
Тех, кого детьми
Ты называл, бывало.
Я б хлестал плетьми
Любого кардинала.
Правя смертный пир,
Жаждет римский клир
Покорить весь мир
Во что бы то ни стало.
Власть — вот твой кумир!

Рим! Твоих проныр
Змеится вереница,
В мире лад и мир
Сгубить она стремится.
Ты их командир,
Так нечему дивиться!
Гнев мой справедлив,
Если, стыд забыв,
Корыстолюбив,
Ты слышишь, как блудница,
Лишь греха призыв.

Рим! Чуть возомнив,
Что император славный
Слаб иль нерадив,
И на венец державный
Посягнуть решив,
В свой замысел злонравный
Рад вовлечь ты всех.
Гнусен твой успех:
Снять измены грех —
Он тайный или явный —
Папе нет помех.

Рим! И тех и сех
Ты совратил обманом,
Но смени свой смех
Рыданьем покаянным:
Там, на небесех,
Бог оком недреманным
Над землею бдит!
Твой кошель набит,
Ты же все не сыт
Тем златом окаянным.
Ад тебе грозит.

Рим! Елей струит
Толпе твой голос скромный.
Как елей смердит
Враждою неуемной,
Как он ядовит,
Не распознать ей, темной:
В жилах яд течет

И к войне влечет,
Жизнь — уже не в счет!
А пастырь вероломный
Множит свой доход.

Рим! Слушок идет,
Что, мол, тонзура часто
Вред попам несет:
Зазябнет мозг подчас-то,
Вот и не растет,
Глуп, а пасть — зубаста!
На Безье, в разбой
Зван Сито́ тобой,
Скорбным головой.
Пуста башка — так баста!
Снять ее долой!

Рим! Любой ценой —
Насилья иль подвоха —
Жрешь ты кус чужой,
Когда лежит он плохо.
Агнца вид святой
Состроил ты, пройдоха,
Лют, как волк иль змей.
Много, лиходей,
У тебя сетей,—
Да, уж такого жоха
Бесу нет милей!

* * *

Хоть клирик ядовит
И злобою смердит,
А в пастыри глядит,—
Он за одежды чтим.
Смекнул же Изенгрим:
Овечью шкуру надо —
И псам сторожевым
Не уберечь их стада.
В овцу преображен,
В овечий влез загон
И всласть наелся он,—
Вот тем и поп силен!

Наш император мнит,
Что всюду он царит,
Король свой трон хранит,
А граф владычит с ним
И с рыцарством своим,—
Поп правит без парада,
Но поп неодолим,
Нет с этим вором слада.
Поповский трон — амвон,
И под церковный звон
Даятель обольщен,
А поп обогащен.

Тем выше он сидит,
Чем меньше башковит,
Тем больше лжет и мстит,
Тем меньше укротим,
Тем больше риска с ним.
Попы — не церкви чада:
Враги один с другим,
Они — исчадье ада.
Попами осквернен
Всевышнего закон,—
Так не был испокон
Господь наш оскорблен.

Поп за столом сопит,—
Уже настолько сыт! —
А сам на стол косит,
В жратве неудержим,
Тревогой одержим,
Что жирная услада
Сжуется ртом чужим.
Да для какого ляда,
Не зван, не приглашен,
За стол к нам лезет он!
Для нищих есть канон,
Вот, получай — и вон!

Арабов защитит
Их мусульманства щит,
Арабам не грозит,
Что поп вотрется к ним,
Смирен, как пилигрим.
А где у нас ограда,
Коль так попов мы чтим
Лишь из-за их наряда?
Но нынче посрамлен
Их черный легион:
Был Фридрих принужден
Поставить им заслон.

Кто ими охмурен,
Да будет упрежден:
Мерзавцев всех времен
Сей сброд затмить рожден!

* * *

Ну вот! Свободу я обрел,
Способен снова есть и спать,
Совсем забыв, что может, мол,
И в жар, и в дрожь любовь бросать.
И по ночам хожденье
Меня теперь уже не ждет:
Хоть писем мне никто не шлет,
Не чувствую томленья.
С игрою в кости кончен счет!
Не всё продул — и то везет!

Я новой радостью расцвел:
Не стал изменниц обличать
И вспоминать обид укол,
На гнев мужей негодовать,
Метаться в исступленье,
Скорбеть, что годы напролет
Любовь мне счастья не несет,
Что стал с тоски как тень я.
Нет! Искренность душа блюдет.
И в том — свобода из свобод.

Я ворох слов пустых отмел,
Что лучшей донны не сыскать,
Что свет еще не произвел
Других красавиц, ей под стать.
Не плачу ночь и день я,
Твердя, что рабство не гнетет
И мне всего наперечет
Милей сей цепи звенья.
Пусть донны знают наперед,
Что это все — наоборот.

Да тем, кто в плен к любви пошел,
Ужель наград пристало ждать?
Народный присудил глагол
Лишь победителей венчать.
Кто знал страстей волненье,
Желаний буйный хоровод,
Но их смирил,— уж верно, тот
Достойней восхищенья,
Чем лучший между воевод,
Что замки сотнями берет.

Противно свой позорить пол —
Метаться, млеть, молить, мечтать:
Кто все к слащавым стонам свел,
Тех надобно гадливо гнать!
Я не меняю мненья:
Честь тем, кто честь за чушь не чтет!
Стрела любви стремит свой лет
Лишь в сердце, чье стремленье
К восторгу высшему ведет.
К достойным должный дар дойдет.

Не вздор, не вожделенье
Меня к возлюбленной влечет,
А величавой воли взлет.

* * *

Искусницы скрывать свои грешки,
Уж верно, похитрей, чем Изенгрим:
В той знатный род, мол, чтят ее дружки,
Той — в бедности дружок необходим,
Та — любит старца, словно дочь родная,
Та — лишь как мать нежна с юнцом своим,
Тем нужен плащ,— пугает стужа злая...
Путь женских шашней неисповедим!

Бои с врагом-соседом нелегки,
Но в доме враг и впрямь неодолим!
Да, жалости достойны муженьки,
Коль женам опостыли молодым.
Мой скромный друг, в Толедо отбывая,
Женой, свояченицей нелюбим,
Напрасно ждет, чтобы душа живая
Сказала: «Возвращайся невредим!»

А в грабежах — бароны мастаки!
У этаких под рождество, глядим,
Чужие забиваются быки:
Своих им жаль, а пир необходим.

Омрачена разбоем ночь святая —
Бедняк сидит перед котлом пустым,
Но вор-то горд, чужое уплетая:
«Мы нынче славно господа почтим!»

Коль простыню своруют бедняки,
То делом не бахвалятся таким,
Но богачу ограбить — пустяки,
Он нос дерет, стыдом не уязвим.
За кражу ленты к смерти присуждая,
Судья крадет коней — и не судим!
Воришек мелких — так видал всегда я —
Казнить даны права ворам большим.

Играть на флейте, петь — прошли деньки!
Лишь для себя петь буду, нелюдим,
Другим не пропою ни полстроки:
Сам соловей такими не ценим.
Не фриза, не фламандца речь чужая —
Родной язык и тот невнятен им,
В моих стихах позор их обличая.
Так злоба — злого делает глухим.

———

Скажу невежде, душу облегчая:
«Стихи, свинья, не по зубам твоим!»

* * *

Всем суждено предстать на Страшный суд,—
И сирвентес тому хочу сложить,
Кем был я сотворен и пущен жить,—
Пускай мои стихи меня спасут
И от кромешного избавят ада!
Я господу скажу: «Ужели надо,
Перетерпев при жизни столько бед,
В мучениях держать за все ответ?»

Блаженных сонмы дерзостью сочтут
О воле всемогущего судить,
Но я, речей не обрывая нить,
Все выскажу, уста мне не замкнут!

Какая вседержителю отрада
Прочь от себя гнать собственное стадо?
Пускай и грешник по скончанье лет
Увидит божьей благодати свет.

Пусть от усопших рай не стерегут —
Ворота настежь надо бы открыть,
Пришельцев же улыбкою дарить.
Апостол Петр хоть свят, да слишком крут!
К чему красоты царственного града,
Коль кара ждет одних, других — награда?
Хоть царь царей и славою одет,
На ропот мой молчать ему не след.

Ад сатанинский несказанно лют,
Его давно бы надо упразднить,
И ты, владыка, властен так решить —
Освободи ж туда попавший люд!
Тогда чертей бессильная досада
Заставит нас смеяться до упада.
Пусть сатана не ведает побед
И дел его исчезнет самый след.

Вот я стою, земной окончив труд.
На господа привык я уповать:
Пускай земные муки мне дадут
Хоть адских мук за гробом не узнать!
А коль не так, зачем же вся надсада
Работнику земного вертограда?
Нет, поверни мне вспять теченье лет,
Чтоб вовсе не рождался я на свет.

В ад низвергать — ни смысла в том, ни лада,
То грех, господь, то дьявола привада.
На грозный приговор скажу в ответ:
Знать, и в суде господнем правды нет!

Ты, приснодева, нам во всем ограда,
И сына умолить ты будешь рада:
Да обретают рай и внук и дед,—
Сам Иоанн да будет им сосед!

* * *

Морские волны! Море вас несет
Туда-сюда, назад или вперед,—
Быть может, с вами весточка придет
С тех берегов, где милый мой живет?
Увы, любовь, твой бог
Хоть благ порой, но как порой жесток!

Ты, ветерок, бываешь в той стране,
Где в этот час мой друг лежит во сне,
Так принеси его дыханье мне
И дай испить — уста мои в огне!
Увы, любовь, твой бог
Хоть благ порой, но как порой жесток!

Горька любовь к вассалам стран чужих.
Звенел мой смех — и вот уже затих,
И льются слезы. Не утрет мне их
Тот, кто забыл всю нежность ласк моих.
Увы, любовь, твой бог
Хоть благ порой, но как порой жесток!

* * *

Стереги,
Приятель молодой,—
Береги
Ты с башни наш покой,
Нам враги
Лучи рассвета!
К нам беги,
О мрак ночной,
И сокрой
Нас от рассвета, ох, рассвета!

Громче, брат,
Ты с башни покричи,—
Я богат,
И счастлив я в ночи.
Но, стократ
Сильней рассвета,

Днем нудят
Меня лучи.
Нет, молчи,
Вестник рассвета, ох, рассвета!

Не зевать!
Неси, дружок, дозор.
Вдруг, как тать,
Прокра́дется сеньор —
Нас поймать
В часы рассвета,
Нас предать
С ней на позор.
Как ты скор,
Приход рассвета, ох, рассвета!

Донна, нам
Расстаться близок срок,—
Знаю сам:
Супруг ревнивый строг.
Все отдам,
Лишь бы с рассвета
Снова к вам
Прильнуть я мог.
Но жесток
Приказ рассвета, ох, рассвета...

* * *

В моей любви — поэзии исток,
Чтоб песни петь, любовь важнее знанья,—
Через любовь я все постигнуть мог,
Но дорогой ценой — ценой страданья.
Предательски улыбкой растревожа,
Влекла меня любовь, лишь муки множа.
Сулили мне уста свое тепло,
Что на́ сердце мне холодом легло.

Хоть жалость и не ставится в упрек,
Но не могу сдержать свое роптанье:
Ведь не любя жалеть — какой тут прок?
Чем медленней, тем горше расставанье.
Нет, в жалости искать утех негоже,
Когда любовь готовит смерти ложе.
Так убивай, любовь, куда ни шло,
Но не тяни — уж это слишком зло!

Смерть жестока́, но более жесток
Удел того, кто жив без упованья.
Как грустно брать воздержности урок
Из милых уст, расцветших для лобзанья!
За счастья миг я все бы отдал, боже,—
Чтоб жизнь опять на жизнь была похожа
(Лишь сердце бы сомнение не жгло,
Что пошутить ей в голову пришло).

Меня в беду не Донны нрав вовлек,—
Сам виноват! Я сам храню молчанье,
Как будто бы, дав гордости зарок,
О днях былых прогнал воспоминанье.

Меж тем любовь одна мне в сердце вхожа,
В нем помыслы другие уничтожа.
Безумен я — немею, как назло,
Когда молчать до боли тяжело!

Она добра, и дух ее высок,
Я не видал прекраснее созданья,
И прочих донн блистательный кружок
С ней выдержать не в силах состязанья.
Она умна не меньше, чем пригожа,
Но не поймет меня по вздохам все же,—
Так что ж тогда узнать бы помогло,
Как властно к ней мне душу повлекло?

———

Но я судьбой еще наказан строже,
С той разлучен, что мне всего дороже.
Ах, и в тоске мне стало бы светло,
Лишь бы взглянуть на светлое чело!

———

И в Арагон шлю эту песню тоже.
Король, вы мне опора и надежа,
Да ваших дел столь выросло число,
Что в песню бы вместиться не могло.

* * *

Зря — воевать против власти Любви!
Если в войне и победа видна,
Все же сперва нас измучит война.
Лучше на бой ты Любовь не зови.
Войны несут — их жестоки повадки —
Мало добра, а страданья — в достатке.
Мучит тоскою Любви маета,
Но и тоска так светла и чиста!

Счастлив, кто знал даже скорби Любви,—
Скорби глубоки, но счастье без дна!
Радость утех над тоской вознесена,
Стоны глушит ликованье в крови.
Что же скрывать? Не играю я в прятки:
Мучит Любовь, но мученья нам сладки.
Вот почему, хоть мечта и пуста,
Нам дорога и такая мечта.

Не сосчитать всех даяний Любви!
Речь дурака стала смысла полна,
А в подлеце снова честь рождена,
Злой подобрел — хоть святым объяви,
Скаредный — щедр, и мерзавцы не гадки,
Скромен гордец, робкий — смел без оглядки.
Жизнь не собой лишь одной занята,
С жизнью другой воедино слита.

Верно, не зря послужил я Любви
(Впрочем, теперь поскупее она!):
Чести закон я усвоил сполна,—
Ну-ка, и честь без Любви наживи!
Были во мне и дурные задатки,—
Но позабыл я былые ухватки.
Стала близка мне и слов красота,
Песню Любовь мне вложила в уста.

Донна! И вам, и высокой Любви
В песне хвала неспроста воздана.
Что я без вас? Вами песня сильна —
Значит, певец, благодарность яви!
Мысли, слова в благозвучном порядке
Ваши хранят на себе отпечатки
(Ваша ко мне возрастет доброта —
Будет хвала выше звезд поднята).

Песня, плыви, восхваленьем Любви,
Прямо к тому, кем германцев страна
Прежде всех стран и горда и славна,—
К Фридриху ты, моя песня, плыви!
Щедр он, могуч, смел в атаке и схватке,
Да и в любви — благородной он складки.
Пусть суетой занята мелкота,
Подвиги славные не суета.

Донна! Тут хитрой не нужно догадки!
Ночью и днем я горю в лихорадке.
В вашей красе — всех красот полнота.
Здесь я навек! И разгадка проста...

* * *

— Эльяс, ну как себя держать
С той, без кого мне счастья нет?
Она взяла с меня обет —
Когда с ней буду возлежать,
Желанья пылкие сдержать,
А лишь прижаться потесней
Да тихо целоваться с ней,—
И вот позволила прийти!
Могу ль обет не соблюсти?

— Что ж, Аймерик, тут рассуждать!
Вам случай упускать не след.
Ведь вы, мой друг, не старый дед —
Как можно с донной лечь в кровать
И наслажденья не урвать!
Нет, не такой я дуралей:
Любовь обетов всех сильней.
А клятва станет на пути —
Нарушу, господи прости!

— Эльяс, ведь я не плут, не тать.
Даете вы дурной совет,—
Повергнет он в пучину бед!
Тем, кто готов ему внимать,
Любви вовеки не понять.
А клятве изменив своей,
Ни в Донне, ни в царе царей
Мне милосердья не найти.
Нет, против клятвы не пойти!

— Но, Аймерик, зачем опять
Нести бессмыслицу и бред!
Какой же в этом будет вред —
Свою красавицу ласкать
И невзначай добычу взять?
Потом, изволь, хоть слезы лей,
Плыви за тридевять морей,—
Святую землю посети
И отпущенье обрети.

* * *

Мне б тыщу марок звонким серебром,
Да и червонцев столько — не беда,
Амбары бы с пшеницей и овсом,
Коров, баранов и быков стада,
В день — по сту ливров, чтобы жить широ́ко,
Да замок бы, воздвигнутый высоко,
Да порт — такой, как любят моряки,
В заливе, при впадении реки.

Но мудрость Соломонову притом
И здравый смысл мне б сохранять всегда,
А давши слово, вспоминать о нем,
Когда придет для дела череда;
Вовек не ведать скупости порока,
Чтоб рыцари не слали мне упрека,
Не пели бы жонглеры-шутники,
Что не видать щедрот моей руки.

Вот стать бы мне красавицы дружком,—
Да чтоб была мила и не горда!
Мне б сотню рыцарей, они б верхом
За мною вскачь неслись туда-сюда,
Блестя бронею и с мечом у бока —
В вооруженье я, признаться, дока!
Да и купцы б везли ко мне тюки —
Тюки бы скоро делались легки!

Кто пропитанья ищет день за днем,
Униженно, сгорая со стыда,
Тех бы созвать к себе в богатый дом —
Пусть не гнетет их горькая нужда,—
Кормить их сытно до любого срока,
А платы с них не требовать жестоко...
Одна помеха — грезам вопреки,
Доходишки мои невелики!

Зато уж вам, любовию влеком,
Я, Донна, отдал сердце навсегда,
А будь я всемогущим королем,
Весь мир принадлежал бы вам тогда.
Но я и так прославлю вас далёко,
При всех дворах, до самого Востока.
Вам посвящу все песни, до строки,
О мой источник счастья и тоски!

* * *

Не мудрено, что бедные мужья
Меня клянут. Признать я принужден:
Не получал еще отказов я
От самых добродетельных из донн.

Ревнивца склонен пожалеть я вчуже:
Женой с другим делиться каково!
Но стоит мне раздеть жену его —
И сто обид я наношу ему же.

Муж разъярен. Да что поделать, друже!
По нраву мне такое баловство —
Не упущу я с донной своего,
А та позор пусть выместит на муже!

* * *

— Сеньор Сордель! Так вы опять
Графиню стали осаждать?
С Блакацем вместе вам страдать!
Ведь он, я слышал, ей одной,
Прием встречая ледяной,
Обязан ранней сединой.

— Пейре Гильем! Всевышний, знать,
Чтоб горестям меня предать,
Задумал ей красу придать
Превыше всей красы земной!
Коль умысел таю дурной —
Болтаться мне в петле тугой!

— Сеньор Сордель, как странны вы!
Досель не слышал я, увы,
Чтоб были чувства таковы.
Молва гласит: кто полюбил,
Тот счастья с донной не вкусил,
Коль с нею ложе не делил.

— Пейре Гильем, что суд молвы!
Нет, без мечты сердца мертвы.
Я счастлив выше головы,
Что в ней доверье пробудил,
А взгляд ее мне все б затмил,
Когда бы лаской подарил.

— Сеньор Сордель, в ваш скромный нрав,
Быть может, и поверит граф,
Но, осторожность потеряв,
Как бы не каялся затем!
У вас, простите, кое с кем
Уже так вышло между тем!

— Пейре Гильем, как был я прав,
Врага любви в вас угадав!
Ведь, помня вежества устав,
Граф должен быть и глух и нем
И мирно спать. Да и зачем
То, что сокрыто, видеть всем!

— Насчет супруга буду нем,
Но все ж готовьте щит и шлем!

— Любовь чревата тем да сем,
Но я не отступлю, Гильем!

* * *

Передаст эта песня под струн перезвон
Смертный плач по Блакацу — души моей стон.
Мне не только сеньором, мне другом был он.
Был закон его сердца — отваги закон,
Так для сердца его — никаких похорон!
Его сердца вкусить должен каждый барон.
Чтоб к отваге Блакаца он был приобщен,
Если сам он в отважных делах не силен.

Прежде всех его сердца вкусить надлежит
Императору римскому: он норовит
Взять Милан, да, увы, с немчурою разбит.
Враг меж тем всю страну его растеребит.
И французский король пусть отваги вкусит:
Проворонил Кастилью — отбить не вредит!
Он бы рад, но мамаша ему не велит,—
Из мамашиных рук до сих пор он глядит.

Да вкусил бы отваги король англичан.
Робкий нрав был ему от рождения дан,—
Вот французский король и пошел на обман,
Захватил его земли, негадан, нежданн.
А Кастилец двойною короной венчан,—
Значит, дважды вкусить и отваги он зван,
Но тайком,— ведь иначе владыка двух стран
От клюки материнской потерпит изъян.

Пусть король арагонский, отважнее став,
Королевских своих добивается прав:
Тот позор, что узнал он, Марсель потеряв,
Можно смыть, лишь обратно Марсель отобрав.
А наваррский стал трусом, забвенью предав,
Сколь он смелым был раньше — тогда еще граф!
Так карает господь, даже властью взыскав!
Плох король, если он только властью и прав.

И тулузскому графу, уж верно, не грех
Запасаться отвагой, да более всех.
Он владенья свои отдает без помех,
А потом не заштопаешь этих прорех!
Провансальский же граф, он — и горе и смех! —
С перепугу творит за огрехом огрех:
Без отваги воитель — презреннее всех,
Ни себе, ни другим не приносит утех.

Ненавидят меня у властителей тех.
Это значит — стяжал обличитель успех!

* * *

На́ землю упавший слон
Поднимается опять,
Если крик вокруг поднять,—
Я, как слон, свалившись с ног,
Без подмоги встать не мог.
Такой проступок мною совершен
И так мне душу угнетает он,
Что двор Пюи осталось мне молить,
Где есть сердца, способные дружить:
Пусть к милосердью громко воззовут
И снова встать мне силы придадут.

Коль не буду я прощен,
Счастья мне уже не знать!
С песнями пора кончать,—
Спрячусь, грустен, одинок,
В самый дальний уголок.
Кто Донною сурово отстранен,
Тому вся жизнь — лишь труд, лишь тяжкий сон,
А радость может только огорчить:
Я не ручной медведь, чтоб все сносить,
Терпеть, когда тебя жестоко бьют,
Да и жиреть — коль есть тебе дают!

Может, мой услышав стон,
И простят меня, как знать?
Симон-маг Христу под стать
Вознестись хотел, но бог
Грозный дал ему урок:
Господней дланью тяжко поражен,
Был Симон-маг за дерзость посрамлен.

И я был тоже дерзок, может быть,
Но только тем, что я посмел любить.
Не по грехам бывает грозен суд.
Так пусть со мной не столь он будет крут!

Впредь я скромности закон
Не осмелюсь нарушать.
Фениксом бы запылать,
Чтоб сгореть со мною мог
И болтливости порок!
Сгорю, самим собою осужден
За то, что чести наносил урон,
Восстану вновь — прощения молить
И Донны совершенство восхвалить,
Когда в ней милосердье обретут
Те слезы, что из глаз моих бегут.

В путь посол мой снаряжен —
Эта песня! Ей звучать
Там, где я не смел предстать,
Каяться у милых ног —
И в очах читать упрек.
Два года я от Донны отлучен,
В слезах спешу к Вам, *Лучшая из Донн,*—
Вот так олень во всю несется прыть
Туда, где меч готов его сразить.
Ужель меня одни лишь муки ждут?
Ужель чужим я стал навеки тут?

* * *

Жил в старину Персеваль,—
Изведал вполне я
Сам Персеваля удел:
Тот с изумленьем глядел,
Робко немея,
На оружия сталь,
На священный Грааль,—
Так, при Донне смущеньем объят,
Только взгляд
Устремляю вослед
Лучшей из Донн,— ей соперницы нет.

Врезано в сердца скрижаль
Свидание с нею:
Взор меня лаской согрел,
Я оробел, онемел,—
Этим себе я
Заслужил лишь печаль
И сомненье, едва ль
Я других удостоюсь наград.
Но стократ
Муки прожитых лет
Сладостней радостей легких побед.

Ласкова речь ваша,— жаль,
Душа холоднее!
Иначе я бы посмел
Верить — не зря пламенел
Молча, робея:
И без слов не пора ль
Знать, как тягостна даль
Для того, кто, любовью богат,
Вспомнить рад
Хоть ваш первый привет,
Хоть упованья обманчивый бред.

В небе найдется звезда ль,
Что солнца яснее?
Вот я и Донну воспел
Как совершенства предел!
Краше, милее
Мы видали когда ль?
Очи, словно хрусталь,
Лучезарной игрою манят
И струят
Мне забвение бед,
Тяжких обид и печальных замет.

Жизнь не зовет меня вдаль,
Всего мне нужнее
Сердцу любезный предел.
Все бы дары я презрел,—
Знать бы скорее:
Милость будет дана ль,
Гибель мне суждена ль?

Если буду могилою взят
Пусть винят —
Вот мой горький завет! —
Вас, моя Донна, очей моих свет!

Старость умом не славна ль?
Вы старцев мудрее.
Юный и весел и смел,
Все бы резвился и пел,—
Вы веселее!
Юность в вас не мудра ль?
Мудрость в вас не юна ль?
Блеск и славу они вам дарят,
Говорят,
Покоряя весь свет,
Как совершенен ваш юный расцвет.

Донна! Муки мне сердце томят,
Но сулят,
Что исчезнет их след:
Милость приходит на верность в ответ.

* * *

— Пердигон! Порой бесславно
Жизнь ведет свою барон,
Он и груб и неумен,
А иной виллан бесправный
Щедр, учтив, и добр, и смел,
И в науках преуспел.

Что донне можете сказать:
Кого из этих двух избрать,
Когда к любви ее влечет?

— Мой сеньор! Уже издáвна
Был обычай заведен
(И вполне разумен он!):
Если донна благонравна,
С ровней связывать удел
Тот обычай повелел.

Как мужику любовь отдать?
Ведь это значит потерять
И уваженье и почет.

— Пердигон! Зачем злонравный
Благородным наречен!
Нет! Лишь в сердце заключен
Благородства признак главный,
И наследственный удел
Не заменит славных дел.

Иной барон — зверям под стать.
Ужель медведя миловать?
Тут имя знатное не в счет!

— Мой сеньор! Мне так забавна
Ваша речь. Я поражен:
Ведь виллан же не рожден,
Чтобы донн ласкать, как равный!
Сколь бы он ни обнаглел,
И для наглых есть предел!

Как донну — донной величать,
Коль та с мужицкою смешать
Посмела кровь, что в ней течет?

Пердигон! Забыли явно
Вы про вежества закон,—
Вот так мудрый Пердигон!
Сердце с сердцем равноправно.
Я б на имя не глядел
И призвать бы донн посмел

Любовь достойным отдавать,
А званьями пренебрегать:
Мы все — один Адамов род!

— Мой сеньор! Вопрос исправно
Разберем со всех сторон.
Рыцарь верен испокон
Власти вежества державной,
А мужик в бароны сел,
Да глядишь — и охамел:

Кота-мурлыку сколь ни гладь,
Но стоит мыши зашуршать —
И зверем стал домашний кот!

— Пердигон! Кто ж одолел
В нашем споре? Срок приспел:

Чью правоту теперь признать,
Один Файдит волён решать.
Пускай сужденье изречет!

— Мой сеньор! Я б не хотел,
Чтоб его сей спор задел —

Он сам виллан! Но должен знать:
Любви достойна только знать,
Вилланов же — мотыга ждет!

* * *

Конь по холмам меня носил.
Кругом чуть-чуть лишь рассвело.
Цветы боярышник раскрыл,
И там, внизу, где все бело,
Девицу заприметил я.
Мчусь я к ней — холмы пологи,
У коня проворны ноги,—
А вдруг знакомка то моя?

Вот я на землю соскочил,
Забыт и конь мой, и седло,
Еще и рта я не раскрыл,
Как ручек ощутил тепло!
Потом, лицо в тени тая,
Мне под липой, в темном логе,
Целовала без тревоги
Глаза и рот она, друзья!

Без чувств упасть готов я был,
Но локон девичий взвило,
Он щекотнул, и все прошло.
Вкусив любви, я возносил
Хвалу владыке бытия.
И она твердит о боге:
Без божественной подмоги
Я, мол, не стала бы твоя!

— Подруга,— я проговорил,—
С тобой легко мне и светло.
Я тайну до сих пор хранил,
Не обрати ее во зло.
Сокрыла жизни толчея —
Языки людские строги! —
Ту, с кем был я на пороге
Счастливого житья-бытья.

— Сеньор, и мой удел уныл:
Ведь то меня — хитро и зло! —
Наветчик с вами разлучил.
Да, нам досталось тяжело.
Но, злобно клевету струя,
Все подвохи и подлоги
Стали тщетны и убоги,—
Нам злоба не страшна ничья!

— Теперь я горе позабыл,—
Тебя мне встретить повезло
На воле, где сердечный пыл
Ничто гасить нам не могло:
Ведь тут никто нам не судья,
Соглядатаи немноги —
Лишь холмов немых отроги
Да струи чистые ручья.

— Сеньор! Хоть Евы колея
По греховной шла дороге,—
Не стремлюсь я в недотроги,
Ведь вы ж не дьявол, не змея!

* * *

Я в Ломбардии, бывало,
К милой сердцу приходил —
Донна ласково встречала,
Словно я ей тоже мил.

Как-то раз наедине
С ней шалили мы сначала,
Но свершить случилось мне
То, что Донна запрещала.

С этой встречи все пропало:
Был я мил, а стал немил.
Прежде Донна привечала,—
Чем же я не угодил?

Все неясно, как во сне.
Ну, за что она серчала?
Я ведь дал понять вполне,
Как мила она мне стала.

* * *

К вам, моя Донна, пришел я просить
Освобожденья от клятвы моей.
Впрочем, за радости прожитых дней
Вечно признателен буду я вам.
Новое счастье, хвала небесам,
Стало вам прежнего счастья милей.
Что ж, пожелаю вам жить веселей,
Вас я другому без злобы отдам.
Ну, а коль встречу потом, может быть,
Буду учтивым, как следует быть.

Слез расставанья не стану я лить
И не вздохну, не насуплю бровей.
Впредь обойдусь без любовных скорбей:
С новою донной, назло болтунам,
Счастлив я так, что и не передам.
Правда, хоть, кажется, вы познатней,
Но в остальном не тягаться вам с ней,
Друг принесет вам и горе и срам,
Вам остается стареть и грустить,
Донне моей — и цвести и любить.

Право одно я хочу сохранить:
Быть вам защитой от злобных людей,
Освобождать от коварных сетей.
Лишь позовите — и помощь подам
Из сострадания к вашим слезам!
Платы не надо — ни ласк, ни речей,

Даже обещанных вами ночей,
Что, вопреки вашим нежным словам,
Не удосужились вы подарить,—
За вероломство не стану корить.

Если вам страшно обет преступить,—
Ад пострашнее упреков друзей! —
Что же, на это ведь есть иерей.
Так поспешите со мною во храм,
Вы отпущенье получите там:
Проще простого от клятвы своей
Освобождаются у алтарей!
Сразу расставится все по местам:
К новым обетам пора приступить,
Я же готов вам обиды простить.

Все ж я не стал бы от вас уходить,
Коль не страдал бы лютей и лютей
Самой мучительною из страстей:
Ревность не внемлет рассудка речам,
Ревность не верит словам и делам,
Ревность не знает спокойных ночей.
Ревность — проказа, уйти от людей
Надо больному, он чувствует сам.
Легче ему в отдалении жить...
Да, помогли вы мне жизнь облегчить!

С просьбой пришел я — меня отпустить,
Вот и порвется последняя нить.

* * *

Знаю, как любовь страшна,
Дротиком ее пронзен.
Скоро ль буду исцелен?
Рана-то, болит она!
Знаю, помощь мне нужна.
Врач один бы исцелил,—
Сам я стоны подавил,
Рану от него скрывая.

Я глупец! Моя вина,
Что я гибнуть осужден:
Немотой я поражен
Перед Донной, что одна
Исцелить меня должна,—
Врач сей так меня пленил,
Так меня ошеломил,
Что пред ним дрожу всегда *я*.

Будь решимость мне дана,
Я из дальних бы сторон
К той, кем в рабство обращен,
Кем душа моя полна,
Полз без отдыха, без сна,
Руки бы пред ней сложил,
Пренебречь молвой молил,
Милосердья ждал, рыдая.

Донна, вами издавна́
Лучший цвет добра взращен,
И, не увядая, он
Всюду сеет семена.
Сердцем предан вам сполна,
Наш союз я б свято чтил.
Как бы он прекрасен был,—
Что́ пред ним Ландрик и Айя!

А молва, что так жадна
Знать, в кого и кто влюблен,
Будет — чести чту закон! —
Неудовлетворена!
Тайну скроет пелена:
Я бы всех перехитрил,
Даже ложь себе простил,
Толкам пищи не давая.

Эти строки я сложил,
Чтоб *Алмаз* их затвердил,
Петь в Тулузу отбывая.

* * *

— Сеньор Эльяс Кайрель, задать
Хочу я вам вопрос такой:
Скажите, лживости людской
Не поддаваясь ни на пядь,
Зачем вы песни прежние забыли
И от меня вы сердце отвратили?
Ведь с вами я такая ж, как была,
Вам отказать ни в чем бы не могла.

— Нет, донна Изабелла, стать
Успели вы совсем другой,
Вы прежде щедрою рукой
Мне честь умели воздавать.
Мои вам песни радость приносили
И столь искусно вас превозносили,
Но замолчит жонглерская хвала,
Коли наград она не обрела.

— Сеньор Кайрель, что тут сказать!
Признаться, вижу я впервой,
Чтоб обернулась лишь игрой
Сердечной дружбы благодать.
Жаль, всех других я остеречь не в силе:
С моих же слов вас слишком полюбили.
А донну славят лишь ее дела,—
Вы не нужны мне! Все я поняла!

— Что ж, Донна! Песней оглашать
Не стану пышный ваш покой.
Но на душе моей покой:
Себя не жалко мне лишать
Своих заслуг неоцененных или
Всех тех наград, какими обходили...
Другая донна чванство отмела,
Не встречу в ней коварства или зла.

— Сеньор, легко вас разгадать!
К чему пустых упреков строй!
К чему обид притворных рой!
Ну что ж! Не стану вас держать —
Идите же, коль песни вам постыли,
В свой монастырь, где прежде дни влачили.
Я с просьбой к Иоанну бы вошла,
Чтоб вас опять обитель приняла.

— Мне, Донна, не к лицу вкушать
Свой хлеб в обители святой,—
Вот вам о суете мирской
Пора под старость забывать...
Нет, клевещу бесстыдно! Но не вы ли,
Жестокая, мне душу истомили?
Прекрасней вас земля не создала,
Но как меня обида извела!

— Сеньор Эльяс, вы так и не открыли,
Какой подруге сердце подарили?
Добиться милой я б вам помогла,
Когда и вправду столь она мила.

— Нет, Донна, нет! Уста бы всё сгубили,
Когда бы имя это возгласили!
Боюсь молвы, молва людская зла,—
И страсть моя во глубь души ушла.

* * *

Господь велел, чтоб Ева и Адам
Не устыдились сопрягать тела
И чтоб любовь такая перешла
Ко всем от них рожденным племенам.
Адам — наш корень. Дерево цветет,
Коли от корня жизнь к нему течет,
И днесь, тела влюбленных сочетая,
Творится воля господа святая!

* * *

Сама Любовь приказ дает,
Чтоб всем я в песне рассказал,
Сколь много от Любви стяжал
И как ей воздаю почет.
Во исполненье сих велений,
А также в честь красы весенней,
Я описать для вас решаю,
Какие радости вкушаю
(Не расставаясь и с мечтой,
Для сердца моего святой).

Счастливый нынче выпал год,
И выбор радостей немал.
Я все утехи испытал,
Какие нам любовь несет:
Пред Донной я склонил колени —
Она всех в мире совершенней,—
Пред знатною девицей та́ю
И девкой не пренебрегаю!
Но куртуазности былой
Не изменил в любви тройной.

На пользу мне же, долг зовет,
Чтоб Донне честь я воздавал.
А коль немного заскучал —
К девице знаю тайный ход.
Хочу ли бо́льших наслаждений —
Их без запретов, без стеснений

С веселой девкой получаю,
Когда часочек улучаю,
Чтоб с нею дань воздать порой
Любовной радости простой.

Закон Любви нарушит тот,
Кто Донну для себя избрал
И овладеть ей возжелал,
Сведя избранницу с высот.
У Донны жду я утешений
От самых скромных награждений,
Но шнур иль перстень, уверяю,
На трон кастильский не сменяю.
А поцелуй один-другой —
Подарок самый дорогой!

И у девицы мне почет:
Она радушно вводит в зал,
И сразу — я заране знал —
Садится рядом, так и льнет!
С ней не теряем мы мгновений:
Я все нежней, самозабвенней
Ее, притихшую, ласкаю.
Сначала к щечке приникаю,
Потом и поцелуй срываю,
Касаюсь груди молодой...
Но тут предел положен, стой!

А девка нежностей не ждет,
И не затем я девку взял,
Чтоб чем-нибудь себя связал!
Она готова наперед
Весь жар любовных вожделений
Со мной делить без возражений,
Все исполнять, чего желаю,
Когда с ней игры затеваю,
Да удивить и новизной,
Хотя игрок я записной!

* * *

Заботами наветчиков моих,
Гонителей всей прелести земной,
Гнев и тоска владеют нынче мной
Взамен надежд и радостей былых.
Жестокие и низкие созданья
Вас отдалить успели от меня,
И я томлюсь, в груди своей храня
Боль смертных мук, огонь негодованья.

Но толков я не побоюсь людских.
Моя любовь — вот гордый вызов мой.
Вы жизнь моя, мне жизни нет иной, —
Возможно ли, чтоб голос сердца стих?
Кто хвалит вас, тому почета дань я
Спешу воздать, превыше всех ценя.
Зато вскиплю, зато невзвижу дня,
Промолви кто словечко в порицанье.

Пусть тяжко мне, пускай удел мой лих,
Но сердце чтит закон любви одной,—
Поверьте же, я никакой ценой
Не повторю другому слов таких.
Есть у меня заветное желанье:
Счастливого хочу дождаться дня —
Постылых ласк угрозу отстраня,
Себя навек отдать вам в обладанье.

Вот, милый друг, и все мои писанья —
Примите их, за краткость не браня:
Любви тесна литых стихов броня,
И под напев не подогнать рыданье.

* * *

Дама к другу не была
Столь строга на этот раз:
Слово встретиться дала
С ним на днях, в вечерний час.
Срок желанный наступил,—
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

Страсть жестоко сердце жгла,
Нестерпимая подчас.
День сиял, и ночь не шла.
Бедный друг совсем угас,—
Ждать недоставало сил!
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

И любовь его могла
Всем открыться напоказ:
За слезой слеза текла
У несчастного из глаз.
Ясный день не уходил,
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

Если встреча нам мила,
Ожиданье мучит нас,—
От него так тяжела
Даже и любовь подчас.
День лишь душу бередил.
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

Серена сеньора Гир. Рикьера,
год 1263

* * *

Пора мне с песнями кончать!
Без радости и песни нет.
А радоваться мне не след,—
Чего от жизни ожидать?
В былом не помню светлых дней,
Но нынче дни еще темней.
Ничто надеждой не манит,
Лишь плакать хочется навзрыд.

Нет, песня мне и не сулит,
Что обрету отраду в ней.
Хотя по благости своей
Господь уменье мне дарит
Все в звуках мерных воссоздать:
Веселья хмель, тоски печать,
Скорбь неудач, восторг побед,—
Но поздно я рожден на свет!

На песни — чуть ли не запрет,
Презренью стали подвергать
Высокий дар стихи слагать.
Мил при дворах фиглярский бред,
Нестройный крик и гнусный вид,
А трубадур везде забыт.
Что́ в век разнузданных вралей
Его удела тяжелей!

Лжехристиане всё наглей,—
Ужель злодейством мир не сыт?
На них одних вина лежит,
Что в правом гневе на людей
Господь послал нам столько бед
И счастью ратному вослед
Нам час пришел — за ратью рать —
Святую землю покидать.

Вдвойне нам надо трепетать:
И мавра грозного побед,
И ада — по скончанье лет
Там нашим душам пребывать.
На свете нет греха лютей,
Чем распри меж земных властей,
И дух вражды столь ядовит,
Что вскоре всех нас изъязвит.

Великий боже, царь царей!
Свои творенья пожалей
И ниспошли безумцам стыд —
Их от греха да отвратит.

О богоматерь! Поскорей
Сердца надеждой отогрей,
Что сын твой с высоты воззрит —
И мир любовью озарит.

XXVII верс сеньора Гир. Рикьера,
год 1292

ПОЭЗИЯ МИННЕЗИНГЕРОВ

СОСТАВЛЕНИЕ И ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
ЛЬВА ГИНЗБУРГА

* * *

«Зачем сулишь мне горе, любимая моя?
С тобою распростившись, умру в разлуке я.
Мою любовь покину,
Моим суровым ближним истину явив:
Твоей любовью жизнь красна, любовью был я жив».

«Пренебрегать негоже другом дорогим.
Разумно и похвально не расставаться с ним.
Люблю я, как умею,
Я с другом не расстанусь, покуда друг мне мил,
А тот, о ком я говорю, такой же, как и был».

* * *

«Радость будет позже, тоска сначала.
Рыцаря пригожего я повстречала.
Только бы не отняли его у меня,
Сердце обезрадостив до последнего дня».

* * *

«Одна поздно ночью стою на башне.
Слышу, поет рыцарь. Нет песен краше!
Поет будто Кюренберг, не смолкнет он всю ночь.
Моим будет рыцарь — или пусть уедет прочь».

Несите мне доспехи! Седлайте мне коня!
Любимая в далекий путь отправила меня.
Отправлюсь я в далекий путь и стану ей милей.
Пусть она тоскует вечно по любви моей.

* * *

Стоял я поздно ночью у твоей постели,
Но разбудить не смел тебя, будучи у цели.
«Бог тебя накажет. Уходи ни с чем.
Я тебе не медведица. Я людей не ем».

* * *

«Когда в одной рубашке, бессонная, стою
И вспоминаю статность благородную твою,
Заалеюсь, будто роза, окропленная росой.
И сердце томится по тебе, любимый мой».

«Ноет мое сердце. Всегда болит оно,
Когда захочется того, чего не суждено.
Не золотом прельщаюсь я, не звонким серебром.
Живет мое желание в образе людском».

* * *

«Этот сокол ясный был мною приручен.
Больше года у меня воспитывался он.
И взмыл мой сокол в небо, взлетел под облака.
Когда же возвратится он ко мне издалека?

Был красив мой сокол в небесном раздолье:
В шелковых путах лапы сокольи,
Перья засверкали — в золоте они.
Всех любящих, господи, ты соедини!»

* * *

«Ах, как текут слезы от боли нестерпимой!
Меня покидает мой милый, мой любимый.
Лжецы виноваты. Господь их накажи!
Нам бы помириться и не слушать этой лжи».

* * *

Моею будь, красавица! Жизнь за тебя отдам.
И любовь и горе разделим пополам.
Одной тобою буду жить, одну весь век любя.
А полюбишь злого — пеняй на себя.

* * *

Во мраке ночи быстро скрывается звезда.
Так прячешься, красавица, ты от меня всегда.
Что ж, милая, попробуй слюбиться с другим!
Тогда на этом свете мне тесно будет с ним.

* * *

Знатнейшая девица, она прекрасней всех.
Посылаю к ней гонца, надеясь на успех.
Поехал сам бы свататься, да страшно — вот беда!
Вдруг я не понравлюсь ей? Что же делать мне тогда?

* * *

Женщину и сокола знай только замани!
Тобою прирученные, к тебе летят они.
Под стать невеста рыцарю, невеста хороша.
Едва подумаю о ней, поет моя душа.

* * *

О тебе наслышан, решил я на тебя взглянуть,
Ради красоты твоей пустился в дальний путь.
Теперь увидел я тебя и честно признаю:
Счастлив тот, кто посвятил тебе любовь свою.
Ты лучшая из лучших; умолчать грешно об этом.
Глазам твоим спасибо!
Кого хотят, согреют благословенным светом.

Тебе служить хотел бы тот, кто в тебя влюблен.
Влюбленный признается, что красивых самых жен
Ты, госпожа, затмила. Жен других и в мыслях нет.
Смилуйся, разумница, дай какой-нибудь совет!
Рассудок помутила ты и жизнь отнимешь вскоре.
Не по твоей ли воле
Ушла былая радость и воцарилось горе?

Кто хочет женщине служить, пусть будет скромен тот,
Пускай своей печали никому не выдает.
Свои надежды в сердце пускай таит он, скрытный,
Чтобы отстал скорее соглядатай любопытный.
Награды удостоен тот, кто преданно служил,
А кто развратен сердцем,
Старается напрасно. Он красавицам не мил.

Победами не хвастай, не бегай за женщиной вслед.
Народ кругом глазастый, чуть что — и радости нет.
Непостоянный рыцарь изменит, полюбив.
Запутается в сплетнях тот, кто нетерпелив.

Пусть никто кругом не знает, что она сказала: «Да!»
Сбей сплетников с толку —
И, как многие другие, счастье ты найдешь тогда.

Прекрасною и гордой очарован я навек.
Свободы не дождаться: я пропащий человек.
Она меня пленила. Теперь я сам не свой.
Очи мои не видали никогда красы такой.
Она была прекрасна и пребудет впредь.
Благословляю день я,
Когда ее впервые я сподобился узреть.

Служу неутомимо и знаю почему.
Дороже и дороже она сердцу моему.
Милее и милее со временем она.
Прекрасней и прекрасней: так хороша она одна.
Повсюду прославляю вечную мою любовь.
Пусть от любви умру я,
Из мертвых я воскресну, чтобы служить ей вновь.

«Ах, эти соглядатаи! Ах, эти шептуны!
Позорят меня, бедную. Страдаю без вины.
О том, что я влюбилась, толкуют все вокруг.
Мол, я его подруга, а он мой близкий друг.
Болтайте на здоровье! Я по-прежнему чиста.
Глаза колет верность.
К другому, бог свидетель, не влечет меня мечта.

Красавца молодого избрал мой нежный взор,
И женщины другие мне завидуют с тех пор.
Но я не виновата, что я прекрасней всех.
И телом и душою полюбить его не грех.
Когда была другая с ним, с доблестным, нежна,
Теперь отстать ей лучше.
Знать ничего не знаю! Моя радость мне нужна!»

Кругом посланцы лета, румяные цветы.
Как служит этот рыцарь, прекрасная, знаешь ли ты?
Готов служить он верно, была бы ты близка.
С тех пор как он уехал, в сердце у него тоска.
Чтобы не выжег душу ему полдневный зной,
Пускай вкушает радость,
В твоих объятьях лежа, благородный рыцарь твой.

* * *

Свои разносят сплетни по всей стране клеветники.
Умей хранить молчанье наветам вопреки.
Немногословный рыцарь дамами всегда любим.
Он человек надежный. Куда спокойней с ним!
Пока язык болтает, не надейся на успех!
Впакладе пустомеля. С болтуном — и смех и грех.

«От этой доброй вести прошла печаль моя.
Вернулся мой любимый в родимые края.
Пускай теперь оставит меня тоска в покое.
Любимого дождаться... Счастье-то какое!
Не надо мне другого. Он мною предпочтен.
Вернулся, слава богу! Как служить умеет он!»

Других она красивей, добрее и честней,
И никаких проступков не числится за ней.
Не потому, что ниспослал всевышний мне блаженство
Вкусить у ней на ложе все эти совершенства,
Нет, потому, что верю я собственным глазам,
Ей, благородной даме, службой должное воздам.
Нет женщины прекрасней. Для нее не жаль трудов.
Пускай она прикажет!
Любое повеленье рыцарь выполнить готов.

* * *

«Как добрый рыцарь мой хорош! Я вся принадлежу ему.
Как сладко сердцу моему, когда его я обниму!
Кто целый мир в себя влюбил
Высокой доблестью своей, тот мне навеки будет мил.

Пускай красавца моего они попробуют отбить!
Как прежде, любит он меня, и мне его не разлюбить.
Пускай от зависти умрут!
Мой рыцарь верен мне всегда. Его прельщать — напрасный труд».

* * *

Всю зиму проболел я. Мне было тяжело.
Женщина мне возвестила, что красное лето пришло.
Завистники вмешались. И сердце проболит,
Пока меня своей любовью госпожа не исцелит.

«Велят мне избегать его, а я бы не могла.
Припомню, как однажды тайком я с ним легла,
Как он обнимал меня,— и на́ сердце тоска.
Предсказывает сердце мне: разлука будет нелегка».

* * *

«Нам теперь друг друга надо
Любить как можно незаметней,
Хоть ему всегда я рада.
Завистник распускает сплетни
О том, что изменяет он,
Что, мол, в другую он влюблен.
Не верю злобной болтовне.
Навек любовь моя при мне».

Испытав любовь такую,
Я собою не владею.
Ни о чем я не тоскую,
Госпожу назвав своею.
Пускай враждуют все со мной,
Моя радость — в ней одной.
И во сне и наяву
Ее радостью живу.

* * *

Смолк соловушка в долине,
И не слышать мне отныне
Темной ночкой песню песней.
Но жизнь моя еще чудесней.
Себе нашел я госпожу
И госпоже моей служу.
Служу я, верность ей храня.
Растет любовь день ото дня.

Кюренберг.

Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи.
XIII век.

* * *

Мирская мудрость в том порука:
Любовь от неучей бежит.
Любовь — блаженная наука
Для тех, кто смел и даровит.
Каких бояться мне обид?
Сулит отраду эта мука.
Уж лучше вечная разлука
С любой красавицей земли,
Чем год безрадостной любви
От госпожи моей вдали.

* * *

Весной преобразился год.
Весело сердцам другим.
Так счастье мимо и пройдет,
Был ты неприветлив с ним.
Коли счастья нет,
Вот мой совет:
Время петь на новый лад.
Всех на свете веселят
Красные цветы.
Печален только ты.

* * *

Испытала ты меня,
И на пользу проба мне.
Тот, кто золоту родня,
Блещет золотом в огне.
Чтобы ярче заблистал
Благородный наш металл,
Нужно пламя, нужен жар.
Песня — самый чистый дар.
Испытай меня огнем!
Песня лучше станет в нем.

* * *

В путь она меня послала,
И разлуке я не рад.
Красавиц на земле немало,
Но возвращусь я к ней назад.
Когда я в чужом краю,
Храни, господь, любовь мою.
Закабалил я сам себя.
Легче умереть, любя,
Чем служить ей много лет,
Зная, что надежды нет.

* * *

О бедность горькая! Ты отнимаешь разом
У человека острый ум и разум:
Друзьям не дорог больше он,
Когда имения лишен,
Они к нему, едва кивнув,
Воротятся спиною.
Лишь тот, кто в роскоши живет,
Любим и чтим роднею.

* * *

Трави медведя молодою сворой,
И цаплю ястреб пусть терзает рыжеперый,
И старый конь на племя не годится,
И руки мой не едкою водицей.
Всем сердцем возлюби творца
И мира славь просторы,
На все проси совет у мудреца
И не вступай с ним в споры.

* * *

Героям должно и в беде являть отвагу.
На свете нет невзгод, чтоб не вели ко благу.
Удача новая придет к нам за уроном:
Мы потеряли то, что было обреченным.

Герои гордые,
Воспряньте духом.
Почто в унынье впадаем?
Давайте вновь сберемся с силой и счастья попытаем.

* * *

Добра не жди, кто волка звал на ужин.
Моряк, гляди, корабль ветхий перегружен.
Коль говорю, так верьте мне:
Кто круглый год своей жене
Наряды дорогие шьет, не о себе печется:
Ему не выпал бы почет,
Что и чужого в свой черед
Нести крестить придется.

* * *

«Какое горе и какая мука!
И словно камень на сердце разлука.
Следят за мною зорко сторожа»,—
Всю ночь грустит и плачет госпожа.

А рыцарь говорил: «Проходит время,
Но с каждым днем сильней печали бремя.
Скорбит душа. Пылает жар в крови.
Как счастлив тот, кто избежал любви!

Когда весь мир покой вкушает ночью,
Ты предо мною предстаешь воочью.
И грудь испепеляет мне тоска.
Как недоступна ты и далека!»

* * *

Страданьям дамы не было конца.
Она ко мне направила гонца.
Чтобы госпоже скорей утешиться,
Поспешил посланец юный спешиться.
«Скажи ей, гонец, я любил ее нежно,
Но наша разлука, увы, неизбежна».

И госпожа в слезах запричитала,
Когда она об этом услыхала:
«Никогда я раньше не грустила,

А теперь мне все вокруг немило.
Ах! Сбылось печальное пророчество,
И страшнее смерти одиночество.

Пусть судьба воздаст ему как следует
И его несчастие преследует.
Он лишил меня беспечной младости,
Но ему не ведать больше радости.
И его, что верным быть не может,
Вечное страдание изгложет».

* * *

Заиграла весна на свирели —
Это первые ручьи зазвенели.
И под ласковым солнцем из почки
Выбились зеленые листочки.

Я вернулся на широкую поляну,
И повсюду ты, куда ни гляну.
Вольно птицам по весне поется,
Жаль, любимая ко мне не вернется.

Лишь вчера мы с тобою расстались.
Неужели часы, а не годы промчались?
Отведен короткий миг свиданию
И тысячелетья ожиданию.

* * *

«Посреди зеленого луга
Жду печально милого друга.
Слышу взмах широких крыл.
Это сокол в небо взмыл.
До чего же ты, сокол, волен!
Знать, судьбою своей доволен!
Коли тяжким станет путь,
Ты присядешь отдохнуть.
Сердце рвется и плачет от боли.
И тоска моя пуще неволи.

Мой любимый снова там,
У своих прекрасных дам.
Не придет он сюда на лужочек.
Мне б увидеть его хоть разочек».

* * *

«Прощай, блаженство лета!
Мой друг далёко где-то.
Не воротится он, не вернется.
Птицам в чаще лесной не поется.
Мне лишенья терпеть и мытарства.
Ты ж в любви опасайся коварства.
Пусть нежны твои дамы и томны,
Лживы души, сердца вероломны.
Я на свете на этом одна
Терпелива, кротка и верна.
В тяжких муках, безмерно тоскуя,
Позабыть о тебе не смогу я».

* * *

Зима была бы хороша
И не страшны любые вьюги,
Когда бы тело и душа
Не рвались к ласковой подруге.
К чему от холода дрожать
Под завывание метели,
Когда бы мог с тобой лежать,
Моя любовь, в одной постели.

И в ожидании любви
Грустила дама одиноко:
«Меня к себе ты позови!
В твоей гордыне мало прока!
Быть в этот холод одному,
Что есть еще на свете хуже?
Тебя я крепко обниму.
Мы вместе не заметим стужи».

* * *

Как мне печаль свою избыть,
Укрыться от тревог
И об утратах позабыть?
О, помоги мне бог!

Ты можешь души врачевать
И окрылять судьбу.
И стану я к тебе взывать,
Услышь мою мольбу.

Прекрасный, кроткий, нежный лик
Хочу увидеть вновь.
Верни же на короткий миг
Ко мне мою любовь.

И сразу снимет как рукой
Всю горечь прежних дней.
И обретет душа покой,
Когда я буду с ней.

* * *

Служил я даме верно и послушно.
И с нею рядом был я как в раю.
Она же отвергала равнодушно
Мою любовь и преданность мою.
О, светлая печаль! Ей меня ничуть не жаль.
Не забыть ее вовеки ни в одном краю!

Она сказала мне, что полюбила
Прекраснейшего рыцаря. Он смел.
Она в него свои мечты вселила,
И он ее душою завладел.
О, светлая печаль! Ей меня ничуть не жаль.
Безысходная кручина! Тяжкий мой удел!

И сам не знал, что буду я несчастен.
Но лишь тебе одной хочу служить.
Вот так кораблик кормчему подвластен.
И без тебя я не сумею жить.
О, светлая печаль! Ей меня ничуть не жаль.
Буду тосковать и плакать, горестно тужить!

* * *

«Скорей проснись, желанный,
Любимый, долгожданный!
И разомкни ресницы.
Уже щебечут птицы».

«Я спал средь этой чащи.
И сна не видел слаще.
Но каждое свиданье
Таит в себе страданье.

Что ж ты грустишь и плачешь?»
«Я знаю, ты ускачешь.
И жизнь меня покинет,
Когда твой след остынет».

* * *

«Много дней пронеслось, много ночек,
Но забыть никогда не смогу,
Как сплетала я пестрый веночек
На душистом, на летнем лугу.
Это были счастливые дни:
В целом мире мы были одни.
Не воротится время вспять.
И увижу ль тебя опять?

Что обиды мои, что досада?
Сердце обручем боли свело.
Для души дорогая услада,
Ты надежда моя и тепло.
Мой любимый в далекой дали.
Воротись и печаль утоли!
Отправляйся в обратный путь.
Про голубку свою не забудь!

Но однажды зимой иль весною
Мы с тобою увидимся вновь.
Снова будет мой рыцарь со мною.
Не померкнет в разлуке любовь.

Верю я: наяву и во сне
Ты всегда вспоминал обо мне.
И разлука не в силах украсть
Твою преданность, нежность и страсть».

* * *

Хоть полно друзей вокруг,
В их советах мало прока,
Если сердце стало вдруг
Непослушно и жестоко.
Я давно ему велю:
«Успокойся! Быть несчастью!»,
А оно стучит «люблю!»,
Переполненное страстью,
Из груди стремится прочь
И не хочет мне помочь.

И назло моей мольбе,
Не советуясь со мною,
Рвется лишь к одной тебе
И живет одной тобою.
Стал я, как никто другой,—
Ты тому свидетель, боже,—
Самым преданным слугой
Дамы сердца своего же.
Полюбил я ее навечно.
Жаль, что ты, госпожа, бессердечна.

* * *

Сподобился я тоже
всей роскоши земной,
Пока была на ложе
прекрасная со мной.
Вкусил такие радости
тогда я вместе с ней,
Что я не мог уехать
от этой нежной младости
И предан ей всем сердцем
был много-много дней.

«Ни от кого не скрою:
мой рыцарь мной любим.
Как он красив собою!
Как хорошо мне с ним!
Так женщинам завидно,
Что сплетням нет конца.
Пускай подруги злятся!
Любить его не стыдно.
Не сыщешь в целом свете
такого молодца!»

* * *

«Зачем бы я пустила
тебя в такую даль?
Без друга жизнь постыла,
без друга жизнь — печаль.

Когда любимый сгинул
в далекой стороне,
Ничто во всей вселенной
Пропажи драгоценной
возместить не может мне».

Во всем ты безупречна.
С тобою мы вдвоем.
В моем ты сердце вечно:
и по ночам и днем.
Мою любовь украсил
твой ласковый привет.
И я тебе дарую
Оправу золотую,
дорогой мой самоцвет.

* * *

Привет мой с песней шлю, томясь в надежде.
Не отходя от милой ни на шаг,
Я сам бы мог в лицо сказать ей прежде:
«Жизнь без тебя — кромешный мрак».
Другими пусть напев мой будет спет.
Той, без которой мне покоя нет,
Пускай хоть кто-нибудь передаст мой привет.

Над государствами я властелин,
Если мне любовь моя — закон.
Если останусь без нее один,
Прах — держава моя, и не нужен мне трон.
Что тогда мне богатство, и слава, и сила!
Когда меня злая разлука сразила,
Скорбь — мое достоянье; мое утешенье — могила.

В моем сердце милый образ вечно.
Не перестану жаловаться слезно.
Со вздохом вняв мольбе моей сердечной,
Она ответит рано или поздно.
Как наградит она пыл мой влюбленный?
Преподнесет мне свой дар благосклонный.
Прежде, чем от милой, отказался я бы от короны

Грешно не верить моему обету.
Любовь дороже мне всех прочих благ.
Отдать любви я рад корону эту.
Жизнь без любимой — непроглядный мрак.
Без милой не избыть печали.
Без милой мои дарованья пропали.
Горький мой удел тогда — умереть в опале.

* * *

Привиделась во сне
Красавица одна
И полюбилась мне.
Нет с тех пор мне больше сна.
Она пропала слишком скоро,
И я не знаю, где она.
От собственного стражду взора.
На что мне жизнь моя нужна?
Любовь обречена...

* * *

Пришлось расстаться с ней.
Утрата из утрат!
Она мне всех милей,
И жизни я не рад.
Завистник-лиходей
На мой косится клад.
Завистливых людей
Загнать бы в самый ад,
Чтоб не пришли назад.

«Моя тюрьма крепка.
Завистники кругом.
И день и ночь тоска
О друге дорогом.
Скорее Рейн-река
Проляжет большаком,
Чем я издалека —
Теперь или потом —
Воздам за службу злом».

* * *

Любовь мне сердце рвет,
Страдаю долго и ужасно.
С ума сойду вот-вот.
Кто женщиной любим прекрасной,
Тот император полновластный,
Навеки счастлив тот.
Пунцовый этот рот
Сулит блаженство не напрасно.

Ей сердце как-то раз
Вручил я, пламенем палимый;
Нет, пыл мой не погас.
Моя любовь непобедима,
И не пройдет награда мимо.
Служу не напоказ.
Скажу я без прикрас,
Лишь мною так она любима.

Как много в сердце ран!
У смерти рыцарь на примете.
Такой удел мне дан.
За горькие страданья эти
Моя любимая в ответе.
Ах, этот стройный стан!
Когда любовь — обман,
Кому и верить в целом свете!

* * *

Воистину я вижу сам:
Господней силе нет предела.
Я причисляю к чудесам
Прекрасное такое тело.
Любимая мной овладела,
И жизнь с восторгом ей отдам.
Ей покоряюсь я всецело,
Готов служить ее мечтам.
Весь век служу я, как умею.
Не расставаться лишь бы с нею.

Хожу за нею по пятам,
Ей предан с детства неизменно.
Других не замечаю дам.
В ней все правдиво, все нетленно.
Ей сердце я вручил смиренно,—
Пускай, теряя счет годам,
Послужит ей самозабвенно,
Как челядь служит господам.
Весь век служу я, как умею.
Не расставаться лишь бы с нею.

* * *

Благословен творец небесный!
Господень дар — моя зеница,
Чтобы войти в меня прелестной
И в сердце бедном поселиться.
К сожалению, известно:
Соблазн для всех — такие лица.
Стой всегда на карауле,
Чтобы тебя не обманули.

Но если поздно или рано
Оказалась бы напрасной
Столь неусыпная охрана,
Стало быть, и я, злосчастный,
Не уберегся от обмана.
Расстаться лучше мне с прекрасной,
Но тайком везде и всюду
Ее носить я в сердце буду.

Я презирал страданья эти,
Любовным чарам неподвластный.
Теперь и я попался в сети.
Меня томит недуг ужасный.
Она прекрасней всех на свете,
И сердце рвется к ней всечасно.
Какая мука! Боль какая!
Погибнешь, милой избегая.

Я славлю зоркую охрану.
Однако, если разлюбила,
Я принуждать ее не стану.
Значит, никакая сила

Не воспрепятствует обману.
Пускай меня поссорят с милой.
Расскажет песня повсеместно
О кознях зависти бесчестной.

* * *

От этих вечных испытаний
С ума сойдет любой мудрец.
Нет, не спасешься от страданий,
Когда страдать велел творец.
И я влюбился наконец.
Когда бы ведать мне заране,
Какой любовь достойна дани!
В господней власти — дух и плоть.
Когда любовь послал господь,
Ее вовек не побороть.

Кто залечить способен рану,
Столь сладостную для сердец?
Любви перечить я не стану,
Ей покорившись наконец.
Напев — отныне мой гонец,
Стремительный и неустанный.
Уехал я в чужие страны.
Хоть обыщите целый свет,—
Нет сердца моего как нет.
С ней сердце — до скончанья лет.

* * *

Горе мне, горе! От любви мне плохо!
Мечте безумной предан я поныне,
Ей предаюсь до последнего вздоха,
А наслаждения нет и в помине.
Я возомнил,
что госпоже я мил.
Нет больше сил!
Пускай заглянет ныне
Она мне в душу, где царит унынье.

Горе мне! Я ли нанес ей обиду?
За что, за что немилость мне такая?
Пусть ранен я,— не подавая виду,
Буду служить, во всем ей потакая.
Знаю, она
на целый мир одна
И мне нужна
она со всей гордыней.
Без розги хлещет любовь меня ныне.

Люди любовью называют это,
А это — казнь, печаль, болезнь лихая.
С ума сошел я, невзвидел я света,
Теряю голову, изнемогая,
Когда со мной
случился грех такой,
Сам я не свой
от жару и от стужи.
Я знаю: впредь еще мне будет хуже.

Любовь моя! Как ты ко мне жестока!
Все радости у меня ты украла.
Выколоть бы завидущее око!
Если бы воля божья покарала
Свою рабу!
Благословлю судьбу,
Когда в гробу
увижу твое тело.
Живу, и нет моей тоске предела.

* * *

Я думаю в разлуке,
Как мне поведать милой
Об этой скорби вечной.
Пожалуюсь на муки —
И словно сократила
Мне путь мой бесконечный
Мольба тоски сердечной.
Ко мне вернется сила,
И скажет каждый встречный:
«Вот человек беспечный!»

Такой любви не зная,
Не знаешь этой боли,
Не ведаешь забот.
Судьба моя такая.
Безумец, я в неволе
Уже который год.
Отмучаюсь вот-вот.
Связали сердце, что ли?
Таких тугих тенёт
И смерть не разорвет.

Не дивное ли диво?
От злой моей врагини
Желанных жду наград.
Мне грустно, мне тоскливо.
Я стражду на чужбине.
А в чем я виноват?
Вернуться бы назад!
Мне худо на чужбине.
Был дома сущий ад.
Здесь хуже во сто крат.

В мечте — моя утеха.
Перед мечтой моею
Не устоит запрет.
Мне версты не помеха.
Я неразлучен с нею.
Объеду целый свет
И ласковый привет
Завоевать сумею.
Мой нерушим обет.
Надежней друга нет.

* * *

Радуюсь я и печалюсь, любя,—
Пускай завистников много вокруг.
Что служба мне, что самый лучший друг!
Ее люблю, как самого себя.
Она одна над моим счастьем властна,
Одна в моем несчастье виновата.
Что мне теперь бдительный соглядатай?
Охрана зоркая и та напрасна.

Другим сердцам охрана — будто нож,
Пытка, мученье, источник тоски.
На мой заклятый клад не посягнешь,
Моя любовь — до гробовой доски.
Изо дня в день то хорошо, то худо.
Выбрал я сам себе такой удел.
На зависть всем об этом я запел.
Радость со мною сотворила чудо.

Мне, к сожалению, неведом страх,
С которым совладать всего трудней,
И я не думаю о сторожах.
Себе на горе я уверен в ней.
Если бы жил я ревности в угоду,
Всегдашним подозрением томим,
Пресытился бы я житьем таким
И, может быть, обрел бы вновь свободу.

* * *

Не долго думая, она
Такое слово мне сказала,
Что в мыслях — лишь она одна,
И до других мне дела мало.
Лишь от нее — моя опала.
Погибель с нею не страшна.
Она мне только и нужна,
Конец мой и мое начало
Днесь и в любые времена.

Столь совершенную жену
На радость людям создавая,
Бог наделил ее одну
Всей стройной красотою рая,
И не сравнится с ней другая.
Когда блаженство я пожну?
Ликует сердце и в плену.
Искупишь ли ты, дорогая,
Свою передо мной вину?

Нет невозможного для бога,
И вот она неотразима.
В ней радостей таится много,
Мной до́ смерти она любима.

Любимая неколебима,—
Что ей печаль, что ей тревога!
Да разве жалоба — подмога?
Хоть в гроб от боли нестерпимой!
Туда мне только и дорога.

* * *

Сказал я ей давным-давно,
Как сердцу моему тоскливо.
А ей, прекрасной, все равно.
Знай только смотрит горделиво.
Я болен — и не мудрено.
В меня не верить ей грешно.
Красавица несправедлива:
Весь мир принес я в жертву ей,
И нет награды столько дней!

Меня избавить от забот
Она могла бы и вначале.
Еще один промчался год.
Впредь радоваться мне едва ли.
Смотрю я на нее, и вот
Не так тоска меня грызет,
Отрадней мне в моей печали.
Она моим глазам нужна.
Зачем не верит мне она?

* * *

Когда я только доживу
До возвращения с чужбины!
Увижу радость наяву —
И жаловаться нет причины.
Опередить бы мне молву,
Навек предавшись торжеству,
И ни покоя, ни кручины!
Родимый вспоминая дом,
Былую боль сочтешь добром.

В дороге путник тороплив.
Домой вернусь я не без чести.
Из дома слышен мне призыв.
Моя печаль и верность вместе,
А значит, я нетерпелив.
Рейн полноводный переплыв,
Услышу я такие вести,
Которых мне с давнишних пор
Не слышно было из-за гор.

* * *

О, как она была горда,
Когда я расставался с ней!
Пускай, мол, я зовусь Эней,
Она не согласится стать
Моей Дидоной никогда.
Моя беда
В том, что я навек пленен.
Она похитила меня
У самых лучших в мире жен.

И моя душа должна
Изведать новый свой удел.
Какой бы человек хотел
Жить в тревоге и в печали?
Не заставляла ни одна
Меня жена
Сетовать о ней уныло.
Зато теперь какую боль
Моя любовь мне причинила!

Отныне мое сердце — скит.
Обитель бедная тесна.
Другая дивная жена
В ней не сможет поселиться.
Когда она не исцелит
Моих обид,
И постоянство ей не мило,
Ей все равно я буду верен.
Всех в мире жен она затмила.

Разлука ранила меня.
Быть от любимой вдалеке
Мне горько, но моей тоске
Отраден помысел о том,
Что стражду, верность ей храня.
День ото дня
Надежда сладостней в груди:
Меня утешит госпожа.
Моя награда впереди.

Когда увижу вновь я свет,
Я, самый верный в мире друг?
Отлично знают все вокруг,
Какой меня томит недуг.
Мне житья в разлуке нет.
Ужасный вред
Мои глаза мне принесли.
Избрали лучшую из лучших.
Радость от меня вдали.

Когда бы в меру я любил,
Разлука мне бы помогла.
Так мне разлука тяжела,
Что госпожа забыть не смеет
Меня, того, кто ей не мил.
Нет больше сил!
Не знал я горя до сих пор.
Теперь со мной в разлуке счастье.
Вот что мой наделал взор!

* * *

Грешно винить меня во лжи,—
Нет мне житья без госпожи.
Кого безумный мой, шальной мой вид
Не убедит?
Увижу вечером зарю —
И людям «С добрым утром!» говорю.
Настанет ночь,
А мне сомкнуть глаза невмочь.
Не замечаю я средь бела дня
Того, кто рад приветствовать меня.

Жестокий бой проигран мной.
Сражен я лучшею женой.
И вот я предался на милость ей
Душою всей.
У ней во власти — дух и плоть.
Ее люблю. Пускай простит господь
Мой тяжкий грех.
Любимая прекрасней всех.
Расстаться с нею не хватает сил.
Он сам ее такою сотворил.

И день за днем, за годом год
Покоя нет мне от забот.
Любовь проникла глубоко в меня,
Мой дух тесня,
Чтобы, прельщенный сладкою мечтой,
Мой слабый разум к мудрости святой
Забыл дорогу.
Теперь служить хочу я богу,
Великому целителю сердец.
Может быть, приходит мне конец.

Немало времени уже
Служу прекрасной госпоже,
А кроме боли, кроме горьких бед,
Награды нет.
Давно бы ей пора смягчиться.
Тогда бы мог я радостью лечиться.
Моих заслуг
Не чтит безжалостный недуг.
Хочу служить, не ведая обид,
Тому, кто по заслугам наградит.

В любви обрел я лишь печаль,
А госпоже меня не жаль.
Влюбленному любовь приносит вред.
Надежды нет.
Но будь что будет! Я про госпожу
Вовек худого слова не скажу.
Не мудрено,
Что бога я забыл давно.
Грехи теперь я покаяньем смою.
Служить готов я богу всей душою.

* * *

С моим упрямым сердцем в ссоре тело,
Которое, собравшись на войну,
Разить уже язычников хотело,
А сердце, выбрав милую жену,
Не хочет оставлять ее одну.
Глаза мои! Вот ваше злое дело.
Как совместить мне в жизни два удела?
Суди, господь! Судить я не дерзну.

Я думал, что в защиту от кручины
Господень крест принять мне суждено,
Что горевать и плакать нет причины,
Что сердце с телом будет заодно.
Однако сердце ввергнуто давно
В любовь свою велением судьбины,
И что со мною будет в час кончины,
Отчаянному сердцу все равно.

Когда погибнуть, сердце, ты готово,
Дай бог тебе спастись в расцвете лет!
Услышишь ты неласковое слово,
Там, где радушный слышался привет.
Себе само ты просишь тяжких бед.
К себе само ты, глупое, сурово!
Где ты найдешь защитника другого?
Таких, как я, на свете больше нет.

Увидит каждый: это не измена!
Напрасен был бы суетный упрек.
Уж я ли не молил ее смиренно!
Я говорю, а милой невдомек,
Как будто слово — только мотылек.
Мелькнет и пропадет вдали мгновенно.
Она глуха? Так вырвусь я из плена,
Пока в тенетах я не изнемог.

* * *

Кто хочет жизнь сберечь свою,
Святого не берет креста.
Готов я умереть в бою,
В бою за господа Христа.

Всем тем, чья совесть нечиста,
Кто прячется в своем краю,
Закрыты райские врата,
А нас встречает бог в раю.

* * *

Когда бы не душою всей
Давал я господу обет,
Днесь был бы я среди друзей
На Рейне, там, где горя нет.
Не расставаться бы мне с ней.
Ей был я предан столько лет.
Вовек не знать бы ей скорбей!
Храни, господь, ее от бед,
Чтоб волю выполнил твою
Я в правом и святом бою.

А если лучшую из жен
Дерзнет прельстить однажды тот,
Кто страхом подлым поражен,
Кто не отправился в поход,—
Я буду в битве побежден.
Такой позор меня убьет.
Пусть мой напев, мой вечный стон
Ей говорит из года в год
Что, претерпев подобный стыд,
В своем гробу мертвец не спит.

* * *

Ликованье в мире снова.
Радостней любого зова
Щебет птичий по весне.
Для веселия людского
Вся земля цвести готова
В солнечной голубизне.
Не до веселья только мне.
И наказан я сурово,
Сердце, по твоей вине.

Многие красивы жены.
От Рейна и до самой Роны
Госпожа красивей всех.
Одолел я все препоны.
Был судьбою благосклонной
Дарован мне такой успех,
Что я от сладостных утех
Одурел, завороженный.
Вот он — мой невольный грех.

Чересчур она прекрасна.
Приближаться к ней опасно.
Я приблизился — и вот
Над любовью мысль не властна.
Лишь бы целовать всечасно
Эту шею, этот рот!
Пусть глядит хоть весь народ!
Благоразумие напрасно.
Не спастись мне от невзгод!

Любовью этой обуянный,
Бормотал я, словно пьяный,
За свой расплачиваюсь бред.
Наказан грешник окаянный.
Заслышав плач мой покаянный,
Обнять бы ей меня в ответ!
Неужто мне прощенья нет?
Разве что непостоянный
Таких заслуживает бед.

* * *

«Дни весенние настали.
Я весною весела.
Я не ведаю печали,—
Госпожа произнесла.—
Всегда была мне жизнь мила.
Вновь птицы мне защебетали.
Пока душа не знает зла,
Тоска меня смутит едва ли.

Он мне понравился сначала.
Мне служить он дал обет.
Его я очень отличала.
Теперь ему скажу я: «Нет!»
Ему во вред был мой привет.
Ему моих поблажек мало.
Осрамит на целый свет!
Пора мне проучить нахала.

Он хуже глупого дитяти.
Он приличий не постиг.
Он вдруг разнежился некстати
И домогался напрямик,
Как неотесанный мужик,—
Легко сказать! — моих объятий.
Он в обхожденье груб, он дик.
Обычных он лишен понятий,

Ну, был бы он любезней малость!
Вожусь я долго с ним, и что ж!
Напрасна вся моя усталость!
Когда бы только был похож

Мой рыцарь на других вельможек!
Другим к лицу любая шалость.
И все-таки как он хорош!
Он простоват... Какая жалость!

К порочной он склонял усладе
Меня сегодня и вчера.
Он тщетно молит о награде.
Столь безрассудная игра
Не доведет нас до добра.
Остался рыцарь мой внакладе.
Одуматься ему пора.
Он душу губит шутки ради».

* * *

Чтоб он был, как вор, повешен,
Тот, кто, честь мою марая,
Хочет к милой подольститься!
Ей сказав, что я безгрешен,
Будешь ты достоин рая.
Вот тебе моя десница!
Кто госпожа моя?
Объезди все края,
Не сыщешь столь прекрасной!
На много-много дней
Я солнце отдал ей.
Свети мне, месяц ясный!

Убиваться бы не надо —
Не умрет любовь от боли.
Счастьем сменятся печали,
После горестей — отрада.
Все в цветах, пестреет поле,
Птичьи песни зазвучали,
Растаяли снега,
И зелены луга.
Росистый клевер сочен.
Но блеск веселый дня
Не радует меня.
Я слишком озабочен.

* * *

Не только пагубная страсть
Извела Тристана.
Несчастный, он подпал под власть
Приворотного дурмана.
Изберу благую часть!
Самой любовью буду всласть
Упиваться неустанно.
Эликсиров я не пью.
Постоянно
Без обмана
День и ночь пою
Красоту твою.

Когда солнце в небесах
Никнет перед мертвой тьмою
И безмолвие в лесах,
Грусть овладевает мною,
Потому что малых птах
Снова настигает страх
Перед лютою зимою,
Ненавистницей цветов,
Мной любимых,
Уязвимых.
В пору холодов
Мой удел суров.

* * *

Когда в сладостную пору
Молодой ликует год,
Когда солнце лезет в гору
И когда на радость взору
День длинней и дрозд поет
Синеокому простору,—
Богу благодарен тот
Истинно влюбленный,
Кто вкусил таких щедрот.

Только соблаговолила —
И лучи прогнали тьму.
Хватит мне блуждать уныло!
Снова все на свете мило

Стало сердцу моему.
В ней добро мое и сила.
Мою радость обниму,
Истинно влюбленный.
Мне богатство ни к чему.

А завистливому сброду
Подобреть не суждено.
Завели такую моду,
Что и в ясную погоду
Даже в полдень им темно.
Ненавистен им я сроду.
Счастье мне теперь дано.
Истинно влюбленный,
Заслужил его давно.

* * *

Блажен, кто никаких грехов
Не числит за собою,
А кто грешить всегда готов,
Тот обделен судьбою.
Кто не плел другим тенёт,
Тот беспечно,
Тот навечно
Счастье в жизни обретет.

Любовь поет, но в свой черед
Скажи чистосердечно,
Что будешь ты за годом год
Служить ей безупречно.
Не плетет она тенёт
И беспечно
И навечно
Счастье в жизни обретет.

* * *

Когда солнцу роза рада,
Рада каждым лепестком,
Берет завистников досада,
И проклинают их кругом.

Они зовут любовь грехом,
А нам завистников не надо.
Где ограда
от косого взгляда?

Злым своей довольно муки.
Их проклинать я не могу.
Даже летом эти злюки
Как будто прыгают в снегу.
Не пожелаешь и врагу
Круглый год искать со скуки
Для науки
ягоды на буке.

* * *

Те времена прошли давно.
Когда-то, бог свидетель,
Царили в мире заодно
Любовь и добродетель.
Все в грех теперь погружено.
Любить грешно, и жить грешно.
Губительный владетель,
Грех греху радетель.

Везде разврат — и тут и там.
На что это похоже?
Винят в разврате знатных дам
Мужланы и вельможи.
Виновным спуску я не дам,
Но если ты развратен сам,
Других бранить негоже.
Честь всего дороже.

* * *

Тот, кто действительно влюблен,
Счастливее день ото дня,
Хоть от любви страдает он.
Кто служит, верность ей храня,
Любовью тот вознагражден.
Любовь — целительный закон.
Нет без любви моей меня.

Дитмар фон Айст.
Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи.

Моя любовь, как день, ясна,
А если я лукавый лжец,
Чудовищна моя вина,
И чистых в мире нет сердец.
Мне госпожа моя верна.
Ей песнь моя посвящена.
Любви боится лишь глупец.

* * *

Счастье в мире и веселье.
Мир весну прославить рад.
Нет, однако, и доселе
Всяким пагубам преград.
И хотя кругом разврат,
Радость новая пришла.
Злой обычай виноват
В том, что всюду столько зла.

* * *

Пусть завистникам досадно.
Мне до них какое дело.
Зависть — будь она неладна! —
Злопыхателей заела.
Жизнь такая безотрадна.
А моя душа и тело
Радостей взыскуют смело.
Нет счастливее удела,
Чем предаться им всецело.

* * *

Ни числа, ни счета
цветам в апреле.
Зеленеют буки,
лист на липах свежий.
После перелета
птицы запели.
Сладостные звуки!
Счастье птичье где же?

Там или тут
их любовь, их приют.
Пускай поют.
Петь зимою пташкам неохота.
Обрадовались птицы,
что на каждом стебле
Цветы в апреле
под синим небосклоном.
Птицам не сидится,
и, ветви колебля,
Запрыгали, запели
в шатре своем зеленом
На долгие дни.
Этим птицам я сродни.
Петь бы мне, как и они,
песней мне бы тоже насладиться.
Я с моей кручиной
совладать сумею,
Лишь бы меня, грешного,
госпожа простила,
Когда я с повинной
предстану перед нею;
Или, безутешного,
приберет могила,
Покаянный мой вздох,
пока совсем я не иссох,
Услышит бог, чтобы врасплох
не застала рыцаря кончина.

* * *

Давно твердят
Мне все подряд:
«Любить седого — сущий ад!»
Что ж, виноват.
У женщин разуменья нет.
Дурак набитый — ваш предмет,
Зато не сед.
Новинкам честь!
Резвушка Лесть
Готова злату предпочесть

Хотя бы жесть.
Имеет молодость успех.
Затмили молодые всех.
И смех и грех!

* * *

Господь! На белом свете
За меня в ответе
Женщина, в чьи сети
Попался я, грешный.
Клятвою поспешной
Ввержен в ад кромешный,
Смотрю, безутешный,
На прелести эти,
Как на розгу дети.

* * *

Перед ней не виноватый,
Госпожу мольбами трону.
Если б мог я, тороватый,
Преподнес бы ей корону.
Говорят, я бесноватый,
Нет мне в жизни угомону.
Госпоже я предан весь,
Где б я ни был, там и здесь,
Завтра, и вчера, и днесь.

* * *

Мои песни ей желанны,
Вот и стала благосклонней.
Мне залечивает раны.
Вопреки любой препоне
Ускользает от охраны,

Словно заяц от погони.
Я ловлю на сходстве с ней
Наших жен и дочерей.
Всех зверей они хитрей.

* * *

Сотню тысяч звонких марок,
Жемчуг, самоцветы в скрыне —
Госпоже моей в подарок
Лучше все доставить ныне,
Чем погаснуть на чужбине,
Словно брошенный огарок.
Ей отдать я был бы рад
Самый драгоценный клад.
Но лишь стихами я богат.

* * *

Щебечут птицы по весне,
Завидев дерево в цвету.
Снова теперь я радость обрету.
От этих песен легче стало мне.
Вознагради, господи, ту,
Которая в чужой стране,
Когда мне жить невмоготу,
Мою пригреет нищету.

* * *

Задрожали дерева.
Волею ночей холодных
На липе мертвая листва.
А душа моя жива.
Довольно вёсен сумасбродных!
Любовь пришла, любовь права
В своих веленьях благородных,
И я свободней всех свободных.

* * *

Никакого нет секрета
У любви и у весны,
Но не понять вам чувство это,
Если вы не влюблены,
Как я влюблен за летом лето.
У любви и у луны
Свет от солнечного света.

* * *

Всем скорбям любовь причиной.
Нежность больше не таю.
Пусть восторг — на миг единый,
Словно лебедь, запою
Перед грустною кончиной,
Тронув милую мою
Моей песней лебединой.

* * *

Снова год весною светел.
Прямо не узнать его!
Кто зимою не заметил,
Как тускнеет он мертво!
Холоду не прекословь!
Лютый враг лугов зеленых,
Он последнюю любовь
Отнимает у влюбленных.

* * *

Кто держит женщину под стражей,
Тот сам себе за палача.
Боязнь всегдашняя пропажи
Больнее всякого бича.
Хоть лезь на стенку сгоряча!
Забота день и ночь одна и та же.
Обычая не выдумаешь гаже.

* * *

В зелени ликует птица.
Наступил желанный срок.
Новым счастьем дышит в лица
Самый маленький цветок.
Если бы я только мог
В эту пору не влюбиться,
Чтобы сердцу так не биться
В предвкушении тревог!

* * *

Прекрасное близится лето.
Пернатые, за стаей стая,
Ликуют, чтобы воздух мая
Звенел от певчего привета.
Не стихнет, кудри нам лаская,
Вовеки дуновенье это.
Вся в брызгах солнечного света
Листва на липах молодая.

* * *

Любовь сразила Соломона,
А Соломон был всех мудрей.
Не помогла ему корона.
Когда таков удел царей,
Пока я не понес урона,
Не буду лучше спорить с ней.
Сопротивление напрасно.
Сдаюсь на милость ей, всевластной.

* * *

Слово с музыкой — услада
Тем, кто горестью томим.
Хорошим песням сердце радо,
И людьми напев любим.

Я пою, тоской томимый,
Из-за моей пою любимой,
Других не ведая услад.
Ей песни петь когда-то был я рад.

Убитый милою моею,
Я все равно в нее влюблен.
Тот, кто смертельно ранен ею,
Одною ею исцелен.
Велит — и умер я, влюбленный,
Прикажет — ожил, исцеленный.
Утешен милою моей,
Я, беззаботный, вечно буду с ней.

* * *

Семь лет, не говоря ни слова,
Страдал я от недуга злого.
Семь лет не ведала она,
Чем душа моя удручена.
Теперь, когда любимой все известно,
Ей жалобы мои послушать лестно.

* * *

Будет песням рад моим
Тот, кто любит и любим.
Не по душе они другим.
В сердце бережно хранимый,
Мой напев неукротимый
Словно дар неоценимый.
Кто любовью не томим,
Тот глупец неисправимый.

* * *

Кто выполнить готов любой приказ,
Тот служит милой не напрасно.
С тех пор, как видел в первый раз
Я госпожу, которой и сейчас

Моя душа во всем подвластна,
Мой пыл нисколько не погас.
Когда она согласна,
Нам с ней охрана не опасна.

Ничто теперь не причинит мне зла.
Я благодарен этим бедам.
Мне даже боль моя мила.
Любовь моя мне душу обняла,
Покончив с непристойным бредом.
Сожжет она меня дотла.
Восторг за мукой следом.
И мне давно покой неведом.

* * *

«Сколько горя ты, зима, нам причинила!
И в лесу и в поле — злая твоя сила.
Голо, холодно, уныло.
Ты уйдешь, и все мне снова будет мило.

Май вернется в одеянии лучистом,
Будет лес разбужен щебетом и свистом.
Радуясь цветам росистым,
На рассвете возликую сердцем чистым.

Никакого мне тогда не нужно зова.
Обниму под липой друга дорогого.
Засверкать роса готова,
Чтобы наш венок пышней сплетался снова.

О разлуке ненавистной думать гадко,
Пока сердцу моему с любимым сладко.
Сердце сердцу не загадка.
Все цветы сорвем на свете без остатка.

Обниму моими белыми руками,
Поцелую в губы алыми губами.
И какими же судьбами
Это чудо у меня перед глазами?»

* * *

Заманивает и морочит, грозя.
И снова — ни ответа, ни привета.
И я не ведаю, за что мне это,
Куда ведет меня моя стезя.
Так вот, спасаясь от хищного зева,
Залезешь вдруг на высокое древо.
Вверх невозможно, вниз тоже нельзя,
И не свернешь ты ни вправо, ни влево.

Как будто незадачливый игрок,
Очертя голову собой рискую.
Вовек не выиграть игру такую.
Передо мною роковой итог.
Разумные советы бесполезны,
Когда я на краю гибельной бездны.
Лукавый ростовщик меня завлек,
Столь бескорыстный на вид и любезный.

Пора заканчивать нашу игру.
Выигрыш пусть она присвоит смело.
Ей до меня нет никакого дела.
Лучше расстаться. Мешкать не к добру.
Служил я, красотою привлеченный.
Попусту здесь я томлюсь, удрученный.
Уеду прочь! Уеду и умру,
От всех своих мечтаний отлученный.

* * *

В несчастии поется поневоле.
Напев мою заботу бередит,
Чтобы заботе умереть от боли.
Давным-давно я на нее сердит.
Я столько претерпел уже обид,
Что песнь для ран моих подобна соли.
Мой помысел отчаяньем убит.

Когда любовь сочла меня достойным
Таких страданий и такого гнета,
В своем очарованье беспокойном
Блаженство мне сулят мои тенёта.
Пускай в напеве жалобная нота.
Когда палимо сердце пленом знойным,
К награде, может быть, ведет забота.

От госпожи вдали я пропадаю.
По временам даюсь я диву сам:
Нисколько я не рад чужому краю.
Я сохну не по дням, а по часам.
С ней быть! За это жизнь мою отдам!
К ней возвращусь — и снова прогадаю.
Удачи нет нигде — ни здесь, ни там.

С ней быть! Какая мука и тревога!
Глупец, вблизи подобного огня
Убережись попробуй от ожога!
Своими совершенствами маня,
Сжигает заживо она меня.
С ней быть! А без нее мне в гроб дорога.
Все тяжелее мне день ото дня.

И я прельстился чудом этой плоти.
Так нетопырь на свет летит стремглав,
Чтобы сгореть в погибельном полете.
Как этот блеск обманчивый лукав!
Неосторожный, жизнь свою поправ,
Себя сгубил я по своей охоте,
Прав перед ней, перед собой не прав.

* * *

Должно быть, сам себе я враг исконный.
Любимая пренебрегает мною.
Пускай ко мне другая благосклонна,
Я не прельщусь красавицей другою.
Одна твердит, что я любви не стою,
Я сам суров с другой, в меня влюбленной.
Их две, но нет мне счастья ни с одною.

Когда бы только ведать мне вначале,
Что днесь таких сподоблюсь я наград,
Что мне любовь сулит одни печали,
Вовеки не любить я был бы рад.
Безумец, я блуждаю наугад
И новых бед страшусь в моей опале.
В своих невзгодах сам я виноват.

* * *

Она меня так донимала,
Что с некоторых пор
Я выстрадал из-за нее немало.
Нет, не окончен спор.
Отнюдь не возвращает ей
Свободу мой отъезд.
Любимая останется моей,
Тому порукой крест.
Морям — бесчинствовать, воителям — рубиться.
Нельзя в другого ей влюбиться.
Кто разлучит на белом свете нас?
Разве что гром небесный.
И я не пропаду в дали безвестной,
Когда моя любовь со мною и сейчас.

Не знаю, как судьба решила:
Вернусь я или нет.
Пусть битва, пусть победа, пусть могила,
От сердца мой обет.
Всевышний ведает господь,
Как мной она любима.
Ей душу предал я свою и плоть,
Служил неутомимо.
Дай, господи, остаться нашим душам вместе,
Чтобы не запятнала чести
Она при всех соблазнах бытия,
Как прежде, безупречна.
Пусть в царствии твоем ликует вечно,
Пускай поселится навеки там, где я.

И вдалеке я не уйму
Мучительных тревог.
Непостоянство свойственно всему,
Кому разлука впрок?
Тогда чиста она была.
А какова теперь?
Кругом такие дивные дела,
Что хоть себе не верь.
Смерть в этот год царит, отважных одолев.
Во всем приметен божий гнев.
Увидеть могут мудрый и глупец,
Как все на свете тленно.
Глумится пусть над верностью измена.
Настанет грозный срок, всему придет конец.

Пока любовь твоя чиста,
Блаженством ты богат.
И перед господом ничьи уста
Тебя не обличат.
Кто любит верную жену,
Не подходя к дурным,
Тот может смело ехать на воїну,—
Не властна смерть над ним.
Покуда я любим, нигде не пропаду.
Готов сражаться хоть в аду.
Однако не хочу я пасть в бою
За злых и лицемерных,
И потому я славлю женщин верных,
Влюбленных в нас, как я — в красавицу мою.

* * *

Отмечен милостью особой,
Госпожу люблю я с детских лет
И верен буду ей до гроба.
Женщины прекрасней в мире нет.
Пускай меня губит.
Любит — не любит,
Моей красавице я предан весь.
Лето и радость пока еще здесь.

Госпожа меня пленила,
И моей тоске я песней вторю.
«Горе мне»,— я пел уныло.
Положить конец пора бы горю.
Учит петь отвага:
«Благо мне, благо!»
Так бы запеть мне и надобно днесь.
Лето и радость пока еще здесь.

* * *

Встретился с прекрасной
Я наедине средь бела дня.
Спрашивает властно:
«Что вам нужно, рыцарь, от меня?»
«Госпожа, судите сами...»
«Отвечайте напрямик, а не обиняками!»

«Сушит меня горе.
Все скажу я вам наедине».
«О подобном вздоре
Слушать, рыцарь, не угодно мне».
«Мне без вас отрады нет».
«Вам награды не дождаться хоть в тысячу лет!»

«Что же, королева,
Стало быть, задаром я служу?»
«Вне себя от гнева,
Дерзость вашу я не пощажу!»
«Это смертный приговор!»
«Рыцарь! Чем я заслужила горький ваш укор?»

«Слишком вы прекрасны!
Обречен без вас я погибать».
«Рыцарь сладкогласный!
Добродетель грех поколебать».
«Госпожа! Избави бог!»
«Победить хотите вы, застав меня врасплох?»

«Вы меня казните,
Между тем я вправе ждать наград».
«Рыцарь! Извините!
О таких делах не говорят».
«Чем же речь моя дурна?»
«Рыцарь мой! Признаться, я немного смущена».

«Я же самый верный!
Я по вас одной всегда тоскую».
«Рыцарь вы примерный!
Полюбить вам лучше бы другую».
«Значит, я противен вам?»
«Рыцарь мой! За вашу службу чем я вам воздам?»

«Или все напрасно:
Служба, подвиг, песня что ни час?»
«Рыцарь, я согласна.
Без награды не оставлю вас».
«Как понять мне вашу речь?»
«Впредь извольте вашу честь и честь мою беречь!»

* * *

Добрый человек!
Богатых ты богаче во сто крат,
Пока всевышний бог с тобой.
Чем страдать весь век,
Попробуй лучше обрести небесный клад,
В раю блаженство и покой.
Что смерть! Не страшно повстречаться с ней.
Погибель вечная куда страшней!
От господа твоя душа и тело.
Отдай ты богу плоть,
Чтоб душа к нему взлетела.

Дай свободу мне,
Любовь моя! Хоть на короткий срок
Оставь рассудок мой в покое,
Чтобы на войне,
Забот не ведая, служить я богу мог.
Когда вернусь, полюбишь вдвое.
А если, предвкушая торжество,
Ты сердца не оставишь моего,
Любовь со мной отправится в поход,
А за любовь господь
Всегда сторицей воздает.

Говорит жена:
«От горя мне дышать и жить невмочь.
Не обошла меня беда!
Ах, как я грустна!

Меня бросает он, чтобы уехать прочь,
Тот, кем я так была горда.
Одна я плачу перед целым светом.
Никто помочь не может мне советом.
Разлука — самый тягостный недуг.
Что делать мне теперь?
Собрался в путь любимый друг».

Благо той жене,
Чей милый образ друг с собой возьмет
Туда, в заморские края.
А в родной стране
Ждать будет рыцаря она за годом год,
Печаль привычную тая.
Лишь о тебе одном она грустит:
«Где мой любимый? Жив или убит?
Кто сотворил его таким прекрасным,
Пускай хранит его
В походе долгом и опасном!»

* * *

На все государство славится она —
Мила, благонравна, равных ей нет.
Ее неумолчно хвалит стар и млад.
Высоко над нами ночью луна,
Но всему миру виден лунный свет.
Этому сиянью радуется взгляд.
Блеск добродетели молвой не преуменьшен.
Про нее говорят:
«Женщина из женщин!»

Теперь преследует меня упрек:
Мою красавицу превознося,
Ко всем другим был я несправедлив.
Другими дамами я пренебрег.
В ней, гордой, чистой, радость моя вся.
На других не смотришь, такую полюбив.
Красою не прельщаешься иною.
Пока я жив,
Она одна владеет мною.

Разумна, весела, добра, чиста...
Храни ее, господи, в счастье и в беде!
Она дороже мне всех жен и дев.
Слаще всех эти алые уста,
Эти зубы белые славятся везде.
Непостоянство днесь преодолев,
Той предаюсь, которая по праву,
И мой напев
Моей любви звучит во славу.

Солнцем таким согреты все края.
Свет солнца ярче, если облака
В мае окутают его слегка.
На веки вечные любовь моя,
Моя отрада и моя тоска.
Она затмила всех издалека.
В землях немецких всем она известна.
Она близка,
Близка мне здесь и повсеместно.

* * *

Она моя отрада,
Так она была
Мне всегда мила,
Что не жалко жизни всей,
Другой любви не надо.
Вот она — гляди! —
У меня в груди,
Но как будто больно ей
От моих речей.
Что мне песня, что мне слово,
Если в жизни счастья нет мне снова
И на сердце все грустней!

На мой напев тоскливый
Беспощадным «нет»
Наложив запрет,
Все же сердится она:
«Что смолк ты, нерадивый?»
Значит, буду впредь,
Как и прежде, петь.
В этом ли моя вина?
Стала холодна
Милая моя со мною.
Ей моя любовь с моей тоскою
Ненавистна и смешна.

Скажи мне, посоветуй,
Как мне петь отныне
О моей святыне?
Лад нарушен без наград.
Быть может, песней этой
После стольких бед

Вымолю привет.
Жизни я теперь не рад,
И не утолят
Годы злую эту муку.
Взял бы кто-нибудь меня в науку!
Петь хочу на новый лад.

Прекрасная! Размыкай
Скорбь мою немую.
Я ли не тоскую
По тебе давным-давно?
Пусть радостью великой
Обернется вдруг
Тяжкий мой недуг!
Сердце не побеждено.
Сокрушит оно
С бою всякую преграду.
Милая! Не твоему ли взгляду
Исцелить меня дано?

Моя любовь слепая
Милой не нужна,
Мерзостна, смешна.
Как мне вымолить привет,
Весь век по ней вздыхая?
Мной не дорожа,
Злится госпожа.
Кроме как за нею вслед
Мне дороги нет.
Ей служу и днесь и присно.
Пусть моя любовь ей ненавистна,
Легок тяжкий мой обет.

* * *

Если бы не все на свете совершенства,
Если бы не эта красота,
Разве не нашел бы я в другой блаженство?
Мысль одною ею занята.
Даровало солнце свет
Обездоленной луне.
Как солнышко с луною,
Госпожа моя со мною.
Осветила взором сердце мне.

А теперь темно, и сам я виноват
В том, что не со мной моя отрада.
Если должен умереть мой супостат,
Самого себя убить мне надо.
Когда в сердце у меня
Так она была светла,
Почему сначала
Громче всех не зазвучала
Окрыленная моя хвала?

Если я умру, тоскуя и скорбя,
Утешение оставлю ей.
Пусть не мнит она свободною себя.
Сын мой — наследник всех моих скорбей.
Будет он хорош собой,
И умен, и даровит.
Вспомнишь меня, злая:
Тебе сердце разбивая,
За мои обиды сын мой отомстит.

* * *

Сердце в небо воспарило.
В жизни чувства радостнее нет.
Вечно думая о милой,
Облететь бы мог я белый свет.
Словно солнцем я согрет.
Через душу в сердце мне
Ласковый проник привет.

Не хочу другой награды.
Это солнце — чудо из чудес.
Радостью моею рады
Воздух и земля, луга и лес.
Как из мертвых я воскрес.
Обуял меня восторг.
Чтобы взмыть мне до небес.

Весть желанная, благая,
Сладостнее всех других вестей,
Никнет, в сердце западая
Тяжестью отрадною своей.

Изобильней всех ключей
Будто брызнула роса
Счастьем из моих очей.

Ликованью нет предела.
Радость бесконечная вокруг.
Слово с милых губ слетело,
Дорогой, желанный сердцу звук.
И потряс меня испуг.
И не знал я, что сказать,
Онемев пред нею вдруг.

* * *

Очень многих этот мучает недуг.
Каково же мне в злосчастный год
Тосковать по самой лучшей из подруг!
Мне любовь покоя не дает.
Горести не в счет!
Прошу я госпожу
Помнить, как я счастьем этим дорожу.
Таю, как на солнце тает лед.

Знать не знаю никаких других властей.
Повинуюсь ей всем сердцем я.
Соизволила бы только стать моей,
Сладостную верность мне храня,
Хоть бы на три дня!
Единственная ночь
Помогла бы мне погибель превозмочь.
Госпоже моей не до меня.

Как пылает от небесных молний дуб,
Я горю теперь от этих глаз.
Пусть попробует сказать, что я не люб!
Словно под дождем бы я погас.
В мой последний час
Я вспомню красоту,
Ту, которую всему я предпочту,
От которой плакал столько раз!

На меня глядит прекрасная в упор,
И как будто сердцу горячей.

Тот, кто застит от меня любимый взор,
Мой заклятый недруг, мой злодей.
Солнечных лучей
Так ласточка не ждет,
Как я жду желанных ласковых щедрот.
Радости дождусь ли я своей?

* * *

Если вам наскучила моя хвала,
Сами взгляните: разве не красива
Та, что сердце мне в клочки разорвала?
Не женщина — дивное диво.
В меня вошла без всякой двери,
И нет мне покоя.
Как мне лелеять ее чистоту,
Совершенств таких не стоя?

Наугад аукая в глухом лесу,
Я бы скорее дождался ответа.
Жалуюсь я на жестокую красу,
А ей смешна жалоба эта.
Пусть мой напев полон печали,
В песнях толку мало.
Пока я песни горестные пел,
Госпожа моя дремала.

Говорить бы научился тут скворец:
«Любовь, любовь»,— моей мольбе внимая.
Неужели не ответит наконец?
Молчит она, будто немая.
Разве что чудо совершится.
Уповать не смею.
Без топора бы дерево упало,
Тронуто мольбой моею.

* * *

Сколько женщин знатных,
Красивых и статных,
Около окна!
Что со мной такое?

Давно мне покоя
Не дает одна.
Сияет солнце поутру,
Чтобы любым секретам
Открыться при этом.
Светит ярким светом
Рыцарю она.

Говорить не смею.
Кто при встрече с нею
Не сойдет с ума?
На высоком троне,
В золотой короне
Красота сама.
Пусть придет она ко мне,
Утешая в горе,
Или мои зори
Окутает вскоре
Гробовая тьма,

Чтобы на могиле
Камень положили
Со стихом таким:
Из-за непреклонной
Умер я, влюбленный,
Тоскою томим.
Госпожу мою тогда
Обличит могила:
Друга порешила,
Тяжко согрешила
Она перед ним.

* * *

Требует, чтобы я был послушен,
И терзает злей,
Словно объявив мне вечную войну,
Нет спасенья. Мой покой нарушен.
Красотой своей
Разорит, пожалуй, целую страну.
Мне красота благою этой властью
Причинила много зла.

Взгляд лишь один,
И, несчастный, ты в плену,
И твоим заботам нет числа.

Своенравно помыкает мной,
Счастье посулив.
На земле все остальное — жалкий прах.
Я служу, как служит крепостной,
Лишь любовью жив.
У любви в тенетах я совсем зачах.
Без радостей, изранен или болен,
Простодушен или глуп,
Я разорен
Этими очами, ах!
Алым цветом этих жарких губ.

* * *

Эту даму неспроста
Называю госпожой моей.
Вся на свете красота
Воплотилась в ней, и только в ней.
Я избрал ее одну,
Верность вечную храня.
Только на нее взгляну,
Утро в сердце у меня.

«Он со мною распростился.
От меня уехал рыцарь прочь.
Он в далекий путь пустился,
И слезами горю не помочь.
Радость он с собой унес,
Ночь пришла средь бела дня.
Только не погас от слез
Пламень в сердце у меня».

Кто попробует о ней
Хоть одно сказать худое слово,
Всех клеветников гнусней.
И любовь и счастье — не для злого.
Лиходея прокляну.
Лжет, мою любовь черня!
Только на нее взгляну,
Утро в сердце у меня.

* * *

Я навеки пленник злополучный.
Когда бы вдруг ослеп он и оглох,
Зоркий соглядатай, страж докучный,
Чтобы мне застать ее врасплох
И мою печаль
Откровенно высказать при встрече!
Сблизили бы нас такие речи.
Души моей мне для нее не жаль.

Где бы я наперсника нашел,
Который, верой-правдой мне служа,
Перед ней предстанет, как посол?
Пускай хоть посмеется госпожа!
Мною стих пропет:
«Вслушался скворец в людское горе.
«Любовь, любовь»,— заговорит он вскоре».
Заговорил скворец, а счастья нет.

Если бы мысль мою она читала
И слышала печаль, как слышат плач,
Конечно, ей меня бы жалко стало.
Горе мне! Попробуй душу спрячь!
Жалуйся и сетуй,
Обличить обидчика не смея!
Поистине безумная затея —
Поведать о причинах скорби этой.

Люди потешаются напрасно,
Как ведется это искони,
Над злоключеньями любви несчастной.
Зачем смеются надо мной они?
Им бы посмотреть
На ту, в которой вся моя отрада!
Сердцу моему других не надо.
Тоску терпеть согласен я и впредь.

Если страсть зовут они любовью,
Не знаю, как назвать любовь тогда.
Страсть — вопреки людскому суесловью —
Порою радость, а любовь — беда.
Окрыляет страсть,
Щедрая, сулит нам наслажденье.
Что любовь! Любовь — лишь наважденье
И неизлечимая напасть.

* * *

Все страданья в мире я постиг.
Мне веселья не дождаться, понимаю сам.
Слышит госпожа мой скорбный крик
И возносится, ликуя, сердцем к небесам.
С нею будучи, внимал я строгим словесам
И, однако, видел что ни миг
Этот ясный лик.
Почему я не остался там?

Маленькая пташка ей милей.
Может пташка петь и даже говорит порой.
Вместо птицы я служил бы ей.
Никогда у женщин птицы не было такой.
Пел бы ночью, пел бы неумолчно день-деньской
«Госпожа! Меня ты пожалей!
Я — твой соловей!
Страждущего друга успокой!»

Жребий мой воистину жесток,
Если недостойна совершенства своего
Госпожа, которой все не впрок:
Моя служба, мое горе, мое торжество.
Преисполнено любовью сердце, и в него
Сверх любви проникнуть бы не мог
Даже волосок.
Истинное чувство таково.

* * *

Стоит ей только посмотреть сурово —
И я казнен, и нет меня как нет.
Свою вину оплакиваю снова,
И страшно мне услышать брань в ответ,
Так как мой напев
Для моей любви пропет.
Грех искажать мое верное слово.
Песней моею рожден я на свет.

Скажут иные: «Как поет он складно!
Когда бы мучился, петь бы не мог».
Моя отрада — в песне безотрадной.
Непосвященным это невдомек.

Тяжко мне теперь,
И полет мой не высок.
Не так мне горько и не так досадно,
Если напев мой добрым людям впрок.

Красивей красоты вы не встречали.
Всех совершенств нетленный образец,
Блаженства моего, моей печали
На веки вечные она венец.
Перед ней весь мир
Мой ходатай, мой гонец:
«Вознаградить страдальца не пора ли?
Иначе обезумеет вконец!»

Стою и на нее смотрю несмело.
Невиданное дело божьих рук —
Лицо такое и такое тело.
Нет ничего ужаснее разлук!
С нею распрощусь,
И меня сразит недуг,
Как будто вихрем туча налетела,
Скрыв от меня мое светило вдруг.

* * *

Как тяжело,
Когда твое служенье
И твои мечты
Неприметны с высоты.
Забыв себя,
Терпишь ты пораженье.
Жалобы не тронут
Сердце горней красоты.
Куда умней
Привлечь расположенье
Службою к себе,
Когда верно служишь ты,
Найдя цветы
Благосклонной доброты.

Пора бы ей
Сжалиться надо мною.
Госпожу мою
Солнцем я провозгласил.

Я своего
Добьюсь любой ценою.
Милостыню я
У нее одной просил.
Я с детских лет
Пленен такой женою,
Что стремлюсь я к ней
Из моих последних сил,
Пока мой пыл
Сам себя не погасил.

Где ты, звезда,
Которая когда-то
В темноте взошла?
Мое солнце в вышине,
Там, в небесах,
Расцвечено богато.
Недосуг ей думать
О моем печальном дне.
Скорее бы
Дождаться мне заката,
Чтобы снизошло
Мое солнце и ко мне,
Пусть хоть во сне
С моим сердцем наравне.

* * *

Как мне своего добиться,
Если слова ей сказать я не дерзну?
Угораздило влюбиться,—
Сам диву я даюсь! — избрав из всех одну,
Ей преданно служу в безумии своем.
Госпожу всем сердцем обожая,
Издалека пою ей песни день за днем.

Кажется, смешно ей было
На меня глядеть, не зная, кто таков
Перед ней стоит уныло.
Заметно по всему: чудак из чудаков.
Ни слова до сих пор я не сказал при ней.
Ей служу я песнею моею.
Нашев пристойней слов и, может быть, слышней.

Хоть одно промолвив слово,
Счастлив был бы я, но нет! Я слишком глуп
Наподобие немого,
Который лишь мычит, не разжимая губ,
Ладони робких рук молитвенно сложа,—
Раненое сердце предъявляю,
Упав к ногам ее: «Топчите, госпожа!»

* * *

Зачем, прельщен безумною мечтою,
Я сам взыскую пагубы своей?
Отвергнутый жестокой красотою,
Решил я наконец расстаться с ней.
Алее всяких роз и лилий всех белей
Сидит она, бывало, предо мною,
И расцветает полною луною
Моя погибель, свет моих очей.

Нет, я не ветер, склонный к переменам.
Страдая постоянством с детских лет,
Как тяготился я позорным пленом!
Презреньем незаслуженным задет,
Напрасно про себя таишь любовный бред.
Глупец, поступишься ты сокровенным!
Обмолвишься ты словом вдохновенным,
И снова промолчит она в ответ.

Так много было слов, так песен много,
Что я теперь молчу, изнемогая.
К чему сомнения, к чему тревога?
Тоске не видно ни конца, ни края.
Она не верит мне. Судьба моя такая.
Любимая карает слишком строго.
Когда бы жарко так молил я бога,
Давно бы он меня сподобил рая.

* * *

Дорогая!
Ей желаю всяких благ.
Стража злая!
Каждый страж — мой лютый враг.

Из-за них не светит мое солнце никому,
Будто спряталось на веки вечные во тьму.

Горе, горе!
Поскорей бы ночь прошла,
Чтоб во взоре
Навсегда пропала мгла,
Чтобы солнце милое зажглось перед очами,
Разгоняя облака жаркими лучами.

Проклят мною
Тот, кто женщин сторожит.
Бог женою,
Столь прекрасною на вид,
Одарил вселенную на радость людям всем.
В подземелье мрачном прятать золото зачем?

Горе своре
Ненавистных сторожей!
Жить в затворе
Для жены всего вредней.
Взаперти грехам цвести! Я замечал порой:
Прокаженный ходит на запретный водопой.
Афродита
Всех прекрасней, всех добрей.
Мог открыто
Сам Парис встречаться с ней.
Не было бы доступа к богиням заточенным,
Яблоко осталось бы вовеки неврученным.

* * *

Госпожа! Спаси меня!
Недуг мой хуже во сто крат,
Острее боль день ото дня.
Покинуть плоть я был бы рад.
Раненный, умру вот-вот.
Взгляд мой в этом виноват,
Мой взгляд и твой пунцовый рот.

Госпожа! Услышь мой зов!
Страстями плоть поражена.
Не надо беспощадных слов,
Благословенная жена!

Говоришь всегда ты «нет»,
Нет и нет, нет и нет.
Разбил мне сердце твой ответ.
Почему не скажешь «да»,
Да, да, да, да?
Как счастлив был бы я тогда!

* * *

Я виновен пред тобою, знаю сам,
В том, что дерзко предпочел тебя другим.
Если ты благоволишь к весельчакам,
То меня, увы! нельзя причислить к ним.
За тебя весь мир отдам,
Тобой гоним.
Увядаю не по дням, а по часам,
Истомлен моим тираном дорогим.

Хуже всех я? Нет! Но гордость я уйму.
И теперь, когда жестокая тоска
Не дает покоя сердцу моему,
Когда радость от меня так далека,
Неизвестно почему,
Исподтишка
Все завидуют страданью моему,
Мол, такой счастливей нас наверняка!

К жизни можешь только ты меня вернуть.
Госпожа! Спасать меня давно пора.
Если так в тебя влюбился кто-нибудь,
Это, стало быть, не детская игра.
Долог и тернист мой путь,
А ты добра!
Посмотри ты на меня, не обессудь!
Все одно мне: завтра, нынче и вчера.

Спеть о многом бы я мог на этот лад,
И любовь открыть, и верность, и печаль.
И пускай меня в ошибках уличат,
Лживым словом я обмолвился едва ль.
Если был я виноват,
Мне очень жаль.
Как дождаться мне спасительных услад?
Между мною и тобой такая даль!

* * *

Горевать и плакать некому со мною.
С миром я в раздоре.
Ей самой сегодня без прикрас открою
Злое мое горе.
От подобной хвори как найти лекарство,
Если променять любовь мою на царство
Я не согласился бы вовеки?
Разум помутился в человеке!

Взглядом благосклонным в сердце мне вселила
Гордую мечту.
Яркое сиянье этого светила
Солнцу предпочту.
На меня она украдкой оглянулась,
Алыми устами вдруг мне улыбнулась.
И предался своему я счастью,
Выше солнца вознесенный страстью.

Говорят про наши тайные свиданья.
Это клевета!
Свет на расстоянье мне в моем страданье,
Госпожа чиста.
Или каменные стены ей помеха?
И сквозь них она пройдет, моя утеха.
Никакой тогда мне путь не страшен.
С нею зашагаю выше башен.

Может быть, влюблен я в госпожу Венеру?
Ах, когда бы так!
Осчастливить сердце, грустное не в меру,
Для богинь пустяк.
Выглянет она в заветное оконце,
И воистину тогда мне светит солнце.
Отвернется, подойдет к подругам,
И один я со своим недугом.

Петь такие песни человек не вправе.
Это грешный жар!
Господи, помилуй, господи, избави
От любовных чар!
Я пою, как пел бы лебедь, умирая.
Выпрошу ли света? Сподоблюсь ли рая?
И порой становится обидно:
Я страдаю, а другим завидно.

Фридрих фон Хаузен.
Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи.

* * *

Голос отдаленный,
Песня лютни все нежней.
Для души влюбленной
Нет веселия грустней.
Солнце жизни моей,
Всех светлей,
Всех милей,
Пляшет и поет среди полей.
Окрыленный,
Мчусь я к ней.

Слезами омыта
У любви моей щека.
Дескать, жизнь разбита,
Умер друг наверняка.
Смерть моя далека.
И пока
Так близка
К моим устам ее рука,
Позабыта
Вся тоска.

Вот мое светило
Там на крепостной стене.
Сердце мне прельстила
Она в своей вышине.
Всей стране
Быть в огне.
Не во сне,—
По весне
Госпожа моя при ясном дне
Помутила
Душу мне.

* * *

Если женщин я кляну,
То, значит, согрешил я из-за госпожи.
У нее навек в плену,
Хоть песни пой,

Хоть верой-правдою служи!
Ярче в мае нет лучей!
Когда мой весенний день
Передо мной,
Всем сердцем улыбаюсь ей.

Когда она
Не так строга,
Освобождаюсь я от всех моих забот.
Моя весна
Мне дорога,
И веселей меня никто на свете не живет.
В благодарность ей пою
И желаю ей добра.
Такая радость исцелила боль мою.

Этой песней
Не мешало б
Дать самому себе заранее урок.
Вздох уместней
Громких жалоб.
Разве не сам я на себя беду навлек?
Получил я поделом
И желаю госпоже
Таких скорбей не ведать на веку своем.

* * *

Красное лето
скрылось в отдаленье.
Где цветы были,
на землю снег лег.
Я жду привета,
как ждут исцеленья.
Или конец мой
совсем недалек?
Пусть клевер мой поблек.
Не жаль мне солнца,
не жаль первоцвета,
Только бы видеть
румянец ее щек.

Ее зеница —
солнце для напева.
В белую шею,
в губы я влюблен.
С ней не сравнится
никакая дева.
На свете краше
я не видел жен.
Я ранен, я сражен,
Разум теряю.
Нет, не нужно гнева!
Сжалься, королева,
мой заслышав стон!

Венчаю песней
тебя, дорогая!
Как совершенно
искусство творца!
Нет звезд чудесней.
Никогда другая
Так не заблещет,
радуя сердца.
Восторгу нет конца.
Лучше всех песен
радостного мая,
Всех птиц счастливее
любовь певца.

* * *

Не правда ли, странно?
Болит моя рана,
А милой смешно.
Нет, не мечами,
Светлыми очами
Сердце пронзено.
Я не сплю ночами,
А ей все равно.

Ей, такой красивой,
Доброй и счастливой,
Как ей не грешно!

Когда ненароком
О горе жестоком
Запою, глупец,
Молвит она слово,
Поглядев сурово,
Тут мне́ и конец.
Любимый слышу голос,
Вижу госпожу...
Потерял я разом
Свой талант и разум.
Как в раю сижу.

* * *

Невмоготу...
Душа — рана сплошная.
Ее в этом виню, ту,
Мою мечту.
Беснуюсь, изнывая.
Рвусь я к дорогому рту.
Начистоту
сказать бы мне́: «Готов служить всегда я
Тебе, дорогая!»
Поцелуй похитив,
я здоровье обрету.

Устам твоим
любовь моя противна.
Я повсюду предан им,
Хоть не любим.
Под этой властью дивной,
Я тобою одержим.
Тобой томим,
день за днем служу я беспрерывно.
Мука неизбывна.
Где же, где награда
испытаниям таким?

* * *

Император без короны,
Без державы чувством я богат.
Осчастливлен я, влюбленный,
Красоте такой впервые рад.
Меня другие не прельстят.
Я буду верен ей всегда.
Прикован к ней мой ненасытный взгляд.

«Вверься, рыцарь, доброй даме!
Злых беги! Вот мой тебе совет.
Злые помыкают вами.
Им служить, поверь мне, смысла нет.
Любить злодейку — тяжкий грех.
Однако рыцарь мне знаком,
Которому она дороже всех».

«Сердце ноет, сердце тужит.
Кто бы сердце мне угомонил!
Пусть он верой-правдой служит,
Рыцарь мой мне все-таки не мил.
Весь мир он для меня забыл.
Уж лучше бы уехал он,
А то навеки будет мне постыл».

* * *

«Неужто ночь прошла?
Попробуй тут заснуть!
Как первый снег, бела
Нагая эта грудь.
Обманщица нежна.
Я думал, что она
Полночная луна.
И вот рассвет».

«Давно ему пора
Со мною распроститься.
Иначе до утра
Мой милый загостится.

Светает за стеной.
Лежал во тьме ночной
Он только что со мной.
И вот рассвет».

«Не даст она мне спать,
Целует горячей.
И жалобы опять,
И слезы из очей.
Свою судьбу кляня,
Мы не отсрочим дня.
Так обними меня!
И вот рассвет».

«Как ночью был он смел!
Мы не смыкали вежд.
Узреть меня хотел
Он без моих одежд.
Ах! Непристойный вид!
Смущение и стыд
Мой рыцарь мне простит.
И вот рассвет».

* * *

Чаянья, мечты, предположенья!
Я как тот малыш, которого влекло
Свое собственное отраженье:
К зеркалу прильнул он и разбил стекло.
От моей надежды было мне светло.
Нынче я прозрел в изнеможенье:
Бесполезно все мое служенье,
Принесла моя любовь мне только зло.

Ах, любовь на радость всей вселенной!
Сон сморил меня среди моих невзгод,
В госпожу во сне смотрюсь я, пленный,
Предвкушая изобилие щедрот.
И поныне мне покоя не дает
Отблеск этой красоты мгновенной.
Радостью прельщает сокровенной
Этот сладостный, пунцовый, жаркий рот.

Прелестью подобной наделенный,
На глазах завянуть обречен венец.
Блекнет лик, судьбою опаленный.
Это созерцать — вот пытка для сердец!
Так в колодец день за днем глядел юнец,
Жаждою томим неутоленной.
Изнывал он, сам в себя влюбленный,
И, собой любуясь, умер наконец.

Светлая жена! Еще в начале,
Когда только снизошла ты в дольний тлен,
Понял я: в разлуке и в опале
Чувству моему не ведать перемен.
Пусть продлится до могилы этот плен.
Я теперь одумаюсь едва ли,
В горестях моих, в моей печали
И в безумии моем навек блажен!

* * *

Так, значит, вы, палач мой нежный,
Всерьез меня задумали казнить?
Как будто смерти неизбежной
Вас и меня дано разъединить!
За гробом верность вам я не нарушу,
И если во плоти я вас не стою,
Моя душа признает вашу душу
Своею полновластной госпожою.
Когда нельзя награды ждать
Мне здесь от вашей плоти,
Там буду вам я угождать,
И там вы, госпожа, во мне
Вновь рыцаря найдете.

* * *

Мою любовь я не забуду,
Узрев далекие края.
Ей верен я везде и всюду,
Тому порукой — честь моя.
И подтверждают песнь моя и слово,
Что счастия не нужно мне другого.
Влюблен в одну и ту же,
Боюсь я лишь разлуки с ней.
Разлука! В мире нет напастей хуже.

Дождется радости своей
Тот, кто страстями наделен.
А если все как у людей
И славой ты не вдохновлен,
Тогда и радость — горькая досада.
Избрать себе возлюбленную надо.
Ничуть я не горюю,
Когда ворчит завистник злобный.
Перенести легко беду такую.

И тот, кто чист, и тот, кто свят,
Злых языков не избежит.
Завистники меня корят:
Чего, мол, человек блажит?
Души своей ни от кого не скрою!
Пока не властно чувство над тобою,
Жизнь для тебя — темница.
Ты мертв, пока не понял ты,
Что сердцу твоему нужна царица.

* * *

«Вновь едут рыцари сюда.
Когда им только надоест?
А у меня своя беда:
Скоропалительный отъезд
Того, кто мне милее всех,
Любезного героя,
Чей ослепительный успех
Завистливому не дает покоя».

Служил я, не жалея сил,
И послужить готов я впредь.
Кто госпожу, как я, любил?
Все был готов я претерпеть.
Но дали ей дурной совет,
Чтоб гневом испытала
Того, кто верен столько лет.
И началась тогда моя опала.

«Утешить я его должна,
За все страданья наградив.
Отныне буду с ним нежна,
Чтобы остался рыцарь жив.
Свое достоинство храня,
От милого не скрою:
Когда гостит он у меня,
Сам император, кажется, со мною».

Сдается мне, что никогда
Не ведать мне удачи.
Так не везет мне, что беда.
Пропал я, не иначе.
Хоть весть о том, что я любим,
Принять я рад на веру,
Как жить мне с пламенем таким?
Ведь госпожа любить привыкла в меру.

* * *

«Людей послушать я готова,
Но как они мне досаждают!
Один совет умней другого.
Веселье строго осуждают:
«На что это похоже?»

А загрущу,— так нет! грустить негоже.
Чужим умом бы я жила,
Да что-то умных не видать,
И жизнь мне тяжела.

Он служит мне зимой и летом.
Когда бы мудрый кто-нибудь
Помочь решился мне советом!
В чужое сердце заглянуть —
Вот что сейчас мне нужно.
Ах! Я перед обманом безоружна!
Поверив ласковым словам,
Не только тело,— всю себя
Любимому отдам!»

Я сразу понял госпожу.
Она меня не поняла.
Что ей на это я скажу?
Мне жизнь такая не мила.
Я весел только с виду.
Я затаил в душе моей обиду.
Своею жалобой беззвучной
Соперников не обвиняет
Вздыхатель злополучный.

Но не предам свою мечту,
Которая велит: «Служи!»
Я службой вновь приобрету
Расположенье госпожи.
Пусть милая бранится,
Лишь ей принадлежит моя десница.
Пусть буду в битве я сражен!
Без боя уступать грешно
Таких прекрасных жен.

* * *

Хотел бы знать я, каково
Тому, кто любит и любим.
Вся жизнь — блаженство для него.
Не расстается счастье с ним.
Вот если бы узнать мне точно:
Такая верность вправду ли бессрочна
И добрый слух о ней не лжив?

Дай бог изведать это мне,
Пока я, грешный, жив!

Я знаю: робость мне мешает
Взаимность вымолить у ней.
Такой мне страх она внушает,
Что я провел немало дней,
Не смея вымолвить ни слова
В предчувствии отказа рокового.
Награда не для робких душ!
И ни один ей до сих пор
Не приглянулся муж.

Увы! Дерзнув заговорить,
Я не был бы самим собой.
Нет, не по мне такая прыть!
Как мне вступить в подобный бой?
И все же в бой вступить мне надо.
Пусть не победа, пусть пощада.
Плен лучше моего томленья:
Когда страдать судил господь,
Где плен, там избавленье.

Чужим не верю голосам:
Мол, погибаешь ты, любя!
Что мне до них, когда я сам
Счастливым чувствую себя?
Мне хорошо. Пускай глумятся
И всячески мне досадить стремятся,
Я все готов перестрадать.
Подольше бы не проходила
Такая благодать.

А как на сердце тяжело,
Когда нельзя побыть мне с нею!
Вот это зло и вправду зло,
Но я его преодолею.
Хитрит напрасно мой хулитель.
Во мне навек моей любви обитель.
Я так любовью одержим,
Что не пристало госпоже
Считать меня чужим.

Утратить разум от любви,
Из-за любви пойти на гибель —

Уроном это не зови,
По-моему, все это прибыль.
Я всем пожертвую охотно,
Жилось бы только милой беззаботно.
Где красота, там доброта.
Навеки всем светилам свет,
Любимая чиста.

Наш судия неколебимый —
Бог — красоты не пожалел,
Чтобы обрел в лице любимой
Я свой целительный удел.
На чувство чувством отвечая,
Иного счастья на земле не чая,
Завистникам наперекор,
Я целый мир отдать готов
За этот нежный взор.

* * *

Что мне за дело до рассвета!
Мне безразлично, день или не день.
Не мне сияет солнце это.
Глаза подернула скорбная тень.
Пусть веселятся все, кому не лень.
Теперь мне все едино:
Куда себя ни день,
Кручина да кручина.
Поют напрасно птицы мне.
До певчих ли мне птиц теперь,
Когда зиме не рад я и не рад весне.

Другой хоть убежден, что дома
Жена в печаль о нем погружена.
Мне чувство это незнакомо.
По мне не плачет ни одна жена.
Играет скуки ради мной она.
Гнетет она мне сердце,
Чтобы не знать мне сна,
И на моем бы месте,
Подобных не взыскуя благ,
Разумней кончить спор пустой.
Однако я на это не решусь никак.

За что, любовь, меня ты бьешь?
Все радости другим ты отдала.
Несправедлив такой дележ.
И так я разорен тобой дотла.
Дурные ты затеяла дела.
Я ничего поныне
Не видел, кроме зла.
Нет радостей в помине.
Куда деваться от забот?
Того гляди, пройдет вся жизнь.
Мой день желанный, как он редко настает!

Нет, не открою никому,
Какая скорбь во мне за годом год.
Как я отчаянье уйму,
Когда настанет мой конец вот-вот?
Чего добился я ценой трудов?
Она не хочет верить,
Что для нее готов
Я сделать все на свете.
Один страдаю без вины.
Дай ты мне, господи, дожить
До нежных милостей, которым нет цены!

«Ах! Что же делать мне, злосчастной?
За радости расплачиваюсь днесь.
Томлюсь, увы! тоской всечасной.
Я знаю, был мне рыцарь предан весь.
И «за» и «против» ты попробуй взвесь!
Насколько же мне легче,
Когда мой рыцарь здесь!
Без этого привета
Заболеваю я всерьез.
Он жизнь мою с собой унес,
И без него мои глаза красны от слез».

* * *

Чуя радость впереди,
Сердце дрогнуло в груди.
Так дорога мне легка,
Будто мысль под облака

Вольной птицей взмыла,
Поспешая к милой.
Только бы она была,
Как и прежде, весела!
Дай нам, боже, новых встреч,
Чтобы мне ее развлечь,
Чтобы, как вначале,
Нам забыть печали
И, пускай забота зла,
Мы не горевали.
Ночь была, как день, светла.
В гости мы тоску не звали.
Ночью вместе, днем вдвоем.
Загрустишь едва ли!

* * *

Я знал всегда, что ей смешно,
Когда я говорю о горестях любовных,
И видит бог, что сам давно
Я болен от моих признаний многословных.
А в сердце у меня она,
Жена, которая со мною холодна.
Вот уже целый год я предан ей, и что ж!
Она не смотрит на меня,
Заслуг нисколько не ценя.
Без радостей так пропадешь!

Больше меня никто не пел.
Таков уж горький мой удел: я не у дел.
И вот пою, пока я цел,
Хотя из-за нее с ума сойти успел.
Когда же я сподоблюсь рая
И моя радость посетит меня, играя?
Меня, печального, утешить бы не грех.
Пора моей прекрасной даме
Моими говорить словами.
Не ведаю других утех.

Увы! День ото дня старею,
Не становясь ничуть умнее, вот беда!
Кто хворью заражен моею,
Тому готов помочь советом я всегда.

Дал я себе дурной совет:
Принес я сам себе непоправимый вред.
Умереннее быть мне надо бы в речах.
Я столько ей наговорил,
Что стал красавице не мил.
А молча я совсем зачах.

Когда себе я не помог,
Мои возвышенные нежные слова
Пойдут пускай другому впрок,
Чтобы другой в любви добился торжества.
Вы только не смущайте ту,
Которую поныне я всем сердцем чту.
Кто совратит ее, тот мой заклятый враг.
Без госпожи я пропаду.
Я чувствую себя в аду
Без этих несравненных благ.

Служить не стал бы я и дня,
Когда бы не надеялся на то, что вдруг
Всем предпочтет она меня,
Своею красотой мой исцелив недуг.
Вот и служу я, терпеливый.
Надеюсь я, что ждет меня конец счастливый.
А если вправду так смешны мои мечты,
Я состоять при ней готов,
Как самый верный из шутов.
Пускай берет меня в шуты!

* * *

Как хорошо тому, кто был
По милости судеб для счастия рожден!
Пусть человек такой уныл,
Он будет завтра же за все вознагражден.
Блаженствует он день за днем в своем раю.
Счастливец! Где ему понять печаль мою!
Не знать мне на моем веку
Подобных сладостных даров.
Любовь мне принесла тоску,
И приговор судьбы суров.

Наслушавшись напевов грустных,
Счастливец высмеет, конечно, скорбь мою.
Что толку в жалобах искусных?
Не зная радостей, как я о них спою?
Хитросплетения моим напевам чужды.
Измыслив с горя чудеса, солгу без нужды.
Служу я столько лет подряд!
Когда меня вознаградят?
Улыбка эта или взгляд —
Уже награда из наград.

К чему свобода, если я
Не ведаю и не желаю радостей других?
В любви — вся прелесть бытия.
Такой уж на меня нашел безумный стих.
В сердцах решился бы оставить вдруг ее,
Да прекратится в тот же день мое житье.
И дальше буду жить в заботе.
Она умрет, и я умру.
Живу не по своей охоте.
Нет, своеволье не к добру!

Умилосердится она
И страждущего вновь любовью исцелит.
За все вознаградит сполна.
Все делать буду я, как мне она велит.
Увещевать меня, увы! напрасный труд!
Тут все надежды, все мечты, все счастье тут.
А если мне не повезет,
Не ей, не миру, не судьбе
Я предъявлю печальный счет:
Себе, лишь самому себе.

* * *

И я взыскую благ мирских,
Как всякий человек, желанием влеком.
При виде совершенств таких
Воспеть их должен я всем грешным существом.
Других красавиц радует хвала.
Она к моей хвале глуха была.

Кому угодно клятву дам:
Греховный скользкий путь не по ее стопам.
Я вижу сам!

Я госпожою не любим.
Доволен я и тем, что я ее люблю.
Обетам верен я своим
И никогда мою любовь не оскорблю.
Вдруг, чудом, после всех моих обид
Ее любовь меня вознаградит?
Не стану проклинать я тех,
Кто будто бы имел у госпожи успех.
Как вам не грех!

Дает неверность мне совет:
«Уехать лучше бы тебе! Неужто впрямь
На ней сошелся клином свет?»
Попробуй ты свою любовь переупрямь!
Должно быть, не хватает мне ума.
Не сбросить мне блаженного ярма.
С рождения мой приговор
Служить ей преданно, хоть всем наперекор,
Как до сих пор.

Пусть проживу я много лет,—
Из них у госпожи не пропадет ни мига.
Так предан я, что силы нет,
Вздохнув, поколебать, когда не сбросить иго.
И все-таки служить я очень рад
В предчувствии — нет! в чаянье — наград.
Неужто пел я безуспешно,
Что жизнь моя из-за нее так безутешна
Во тьме кромешной?

Вдруг милость я приобрету?
Вдруг окажусь я у любви моей в чести?
Прильнув к возлюбленному рту,
Я поцелуй с собой сумею унести.
Награду эту свято сохраню.
А если вновь себя я уроню,
Я искуплю мою вину
И знак отличия, томясь в моем плену,
Назад верну.

* * *

Жену напрасно укорив,
Сам пострадаешь ты от собственных угроз.
Когда тебя страшит разрыв
И явной нет вины, к чему пустой допрос?
Если я хочу осилить правдой ложь людскую,
Непоправимых бед сам для себя, глупец, взыскую.
Не доверяй чужим наветам
И не расспрашивай о том,
Что держал бы сам ты под секретом.

Зачем терзает все больней
Она меня, вместо того чтоб наградить?
Ведь не следил же я за ней,
Чтоб застарелых ран моих не бередить.
Не был весел я с тех пор, как видел этот лик.
От сердца шло все то, что мой произносил язык.
Такие муки претерпев,
Другие могут подивиться
Лишь тому, что мой бессилен гнев.

Зачем служил я слишком верно?
Такую верность бы другая оценила.
А мне живется так же скверно,
И на свою судьбу я жалуюсь уныло.
С юных лет воспитан я жестокой красотою.
Каким я жил, таким умру. Я лучшего не стою.
И рвет и мечет человек.
Был он любим, потом к другим
От него любовь ушла навек.

Меня знакомый этот путь
Уводит от любви в печаль, пока я жив.
Как с этого пути свернуть,
Из горести в любовь дорогу проложив?
И хотя рассудок мой меня предостерег,
Я пропустил мимо ушей мучительный урок.
Когда любовь не знает бед,
Не знает радостей она.
Бледность ей к лицу в расцвете лет.

Преуспеваю лишь в одном.
Пока живу, в моем искусстве кто мне равен?
Таким владею мастерством,
Что вдохновением на целый мир я славен.

Так несу я скорбь мою, что скорбь моя прекрасна.
Над ней не властен ясный день, и ночь над ней не властна.
Так перед милой кроток я,
Что даже ненависти рад.
Радуюсь, хоть вовсе нет житья.

Боль после радостей острей,
И радость после боли слаще во сто крат.
Кто жаждет радости своей,
Пусть будет своему страданью тоже рад.
Нужно жаловаться скромно, как нам велит обычай,
Чтоб слишком громкою тоской не нарушать приличий.
Возрадуется только тот,
Кто все на свете претерпел.
Вот мое лекарство от невзгод!

* * *

Заслуга у меня еще и та,
Что я, тоскуя и скорбя,
Не осквернил упреками уста,
Не запятнал я сам себя.
Нет в мире рыцаря другого,
Который более, чем я, достоин ласкового слова.
Любым соблазнам вопреки,
Других не замечая, служишь
Всю жизнь до гробовой доски.

Доверившись пристрастному суду,
Чего я, полоумный, жду?
По доброй воле я терплю беду
И только жалуюсь в бреду.
Исполню я все, что угодно.
Моя владычица меня казнить и миловать свободна.
На помощь некого позвать.
Я повторяю: «Будь что будет!
Своей судьбы не миновать».

Как хорошо мне длинным летним днем!
Как он мне сердце веселит
В томительном парении моем,
Мой ослепительный зенит!
Не верю я в звезду иную.

Мою державную любовь я перед всеми короную.
И в песнях этих безответных
Не перечислить мне вовек
Всех совершенств ее несметных.

Не знал я и не знаю, кто бы мог
На госпожу глядеть спокойно.
Чем жизнь была бы без таких тревог?
Моя печаль меня достойна.
За счастием страданье вскоре.
Покинул многих женщин я, и, как на грех, такое горе!
Подобных не стерпев обид,
Был вынужден я прочь уйти,
Ошеломлен, пленен, убит.

Так тяжелы воспоминанья мне!
Я сам себя проклясть готов
За то, что с госпожой наедине
Не находил я нужных слов.
Так был я счастлив с нею рядом,
Что, кажется, не тосковал ни по каким другим наградам,
В своем блаженстве глух и нем.
Кто на нее хоть раз посмотрит,
Теряет голову совсем.

И для меня дурные дни настали.
Когда приходится мне худо,
Пристойность не поможет мне в печали.
Привык я уповать на чудо.
Так дни меня скрутили злые,
Что узнают меня с трудом товарищи мои былые.
И в чаянье лучших времен
Веселым баловнем судьбы
Я притворяться принужден.

Не оставляют милостью того,
Кто весел и доволен вечно.
От горестей страдает мастерство,
И песнь моя небезупречна.
Служу, служу, а пользы мало.
Вознаграждают не меня. Так было с самого начала.
Что делать, не возьму я в толк.
Я пел в угоду госпоже
И госпоже в угоду смолк.

* * *

Поют не от хорошей жизни,
И потому друзьям наскучил мой напев.
Однообразной укоризне
Весь век я предаюсь, в любви не преуспев.
Так, не ведая покоя с давних пор,
Терплю безвинно, видит бог, опалу и позор.
Любимою гоним,
Места я себе не нахожу.
Ничуть не рад я женщинам другим.

Пускай судачит злая спесь:
Мол, на словах влюблен, притворством знаменит.
В моей любви я, грешный, весь.
Лжец клеветою самого себя чернит.
В жизни я не ведал никаких утех:
Гонимому не суждено завоевать успех.
Останусь ни при чем!
Хоть бы милая вознаградила
Одним-единственным счастливым днем!

Благословенна ты, жена!
Пречистым именем любуются уста.
Другие меркнут имена,
Когда сияет нам такая чистота.
Умолкает посрамленная хвала.
Не знает горя тот, кого другим ты предпочла.
Томиться мне доколе?
Вдохновлен тобою целый мир.
Неужто нет мне в этом счастье доли?

Два помысла в моей груди
Ведут без устали борьбу между собой.
Один взывает: «Снизойди!
Умерь свой дивный блеск, совпав с моей судьбой!»
А другой взывает: «Ярче засверкай,
Любому рыцарю суля недостижимый рай!»
Пусть мне страдать и впредь!
Я ценой паденья твоего
Тобою не хотел бы завладеть.

Когда служил я столько лет
И претерпел такое множество обид,
Что делать, если счастья нет,
Как быть мне, если я любимою забыт?

Если обвинят меня в притворстве снова,
Клеветнику дадут отпор и песнь моя, и слово.
Других не знаю слов,
Кроме тех, что в сердце у меня.
Моя судьба — мой неумолчный зов.

* * *

Блаженная моя печаль
Вблизи моей любимой так помолодела,
Что мне трудов моих не жаль,
Хотя впустую все: и помысел и дело,
И нет страданиям конца,
И остается только ждать желанного гонца.
Жизнь за нее отдать я не премину.
Когда мне впредь не преуспеть,
Согласен хоть сейчас я на кончину.

Наверно, знают все на свете,
Что я из-за любви терплю такое горе.
Не откажите мне в совете!
Пока я жив, побыть бы у нее в фаворе!
Я жалуюсь лишь потому,
Что я перед любимой прав и вряд ли я пойму,
Зачем непостоянные в почете.
Дай бог влюбиться вам в нее!
Тогда меня скорее вы поймете.

Что посоветует мне друг?
Как мне сподобиться желанного успеха?
Не чтит она моих заслуг,
Как будто бы любовь и жизнь моя для смеха.
Я поневоле убежден
В том, что до гробовой доски не буду награжден.
Владычице внушая омерзенье,
Узнал я не со слов чужих,
Что значит стыд, что значит невезенье.

Язвительная болтовня
Меня, затравленного, мучает годами.
Вопрос преследует меня:
«Скажи нам, сколько лет прекрасной этой даме?

Не так уж, видно, молода
Красавица, которой ты пожертвовал года».
И за какое только прегрешенье
По милости любви моей
Терпеть я должен это поношенье?

Нет, значу я не так уж мало
Для госпожи моей, но каково притворство!
Смягчиться бы ей для начала,
И верх над ней потом возьмет мое упорство.
Ценой неимоверных мук
Ей доказать бы я хотел, что я надежный друг.
Пусть не дано достигнуть мне блаженства.
Как разлюбить, как позабыть
Пленительные эти совершенства?

Когда бы только знать мне точно,
Чего желает своенравная царица!
По долгу службы беспорочной
Душой и телом рад бы я преобразиться.
Уж я ли не на все готов?
Прилечь бы с нею, наконец услышав нежный зов!
Понравится — так вечно будем вместе,
А не понравится — ну что ж!
Докучный грех схороним честь по чести.

* * *

«Весна вернулась,— говорят,—
И все, что сердцу мило.
Время жить на свете веселей.
Пускай меня за грусть корят —
Судьба меня лишила
Радости единственной моей.
Тяжко мне весеннею порой.
Тот, кто ни разу не грустил, мой друг — в земле сырой,
Моих желаний господин.
Нет, никогда не ведал свет
Столь тягостных утрат!
На целый мир был он один.

Мне, бедной, мысль была сладка
О том, что вечно в нем

Счастью моему цвести дано.
Теперь грызет меня тоска
И по ночам и днем.
На земле мне жутко и темно.
Зеркала лишился белый свет.
Где радость глаз моих? Загублена в расцвете лет.
И нечем жить моей весне.
Сказали «мертв» — и до сих пор
Бушует в сердце кровь,
Захлестывая душу мне.

Зимой и летом, день и ночь
Печалюсь я с тех пор,
Как скончался мой любимый друг.
Никто не в силах мне помочь.
Осиротел мой взор.
Истерзал мне сердце злой недуг.
Горько плакать буду весь мой век.
Тот, кто меня утешить мог, веселый человек,
Оттуда не придет назад.
Таков господень приговор.
Достойнее гостей
У райских не бывало врат».

* * *

Говорить бы смело
Мне с красавицей моей:
«Жизнь мне надоела.
Мученика пожалей!»
День за днем служу в надежде
На будущую благодать.
Возрадуется тот, кто был печален прежде.

Привлеченный вестью
О такой прекрасной даме,
Что владеет с честью
Несравненными дарами,
Убедиться мог я сам:
Соперницам удастся вряд ли
Хоть малость повредить подобным чудесам.

И любовь и счастье —
Все, что мне на свете мило,—
У нее во власти.
Только бы вознаградила!
Мой рассвет, моя заря
Навеки в сердце у меня.
Другим на зависть царствует, животворя.

Редко, к сожаленью,
Она слышит мои речи.
Моему моленью
Слишком боязно при встрече.
Молча перед ней стою,
Как будто все слова забыл.
Вместо меня кто выскажет любовь мою?

Разве не пристало
Мне спросить у госпожи:
«Милость? Гнев? Опала?
Откровенно мне скажи,
Чтобы свой удел я знал».
Кто на такой вопрос решится,
По-моему, достоин всяческих похвал.

* * *

Что влюбленному страдальцу мой совет,
Когда меня замучила тоска!
Только тот, кто занемог от горших бед,
Меня бы принял за весельчака.
Дивная и злая власть!
Я жалуюсь, я негодую,
Но даже в бешенстве не смею женщин клясть.

Слишком редко доводилось быть мне с ней.
Роптать мне постоянство не велит.
Пусть на сердце год за годом все грустней,
Пусть нет лекарства от моих обид,
Говорю от всей души:
Прекрасных дам грешно порочить!
Нет, я не злоязычник. Дамы хороши.

Жалобы смешны, напрасны укоризны.
Лишь верной службой даму тронуть можно.
Эти гордые прелестницы капризны.
На сердце у меня всегда тревожно.
Награждать бы нужно тех,
Кто верен и красноречив,
Как я, не ведающий никаких утех.

В чем бы ни был я пред нею виноват,
Подобной кары я не заслужил.
Никогда не получаю я наград,
Хоть голову бы я свою сложил.
Кто страдал подобно мне!
Едва размыкаю тоску,
Меня заставит госпожа страдать вдвойне.

Жалуюсь, глупец, под гибельным ударом,
А госпожу мою винить не смею.
В сердце я ношу владычицу задаром,
Пожертвовав надеждою моею.
Не воздам ей злом за зло.
Иначе жить я не могу.
От постоянства моего мне тяжело.

* * *

Ею жил я столько лет.
Денек бы мною пожила она!
Волосы меняют цвет.
Вот вся моя награда — седина.
Жалуюсь я, поседев.
На милость не пора ли ей сменить неправый гнев?

Я бы службой пренебрег,
С ней распростившись, был бы я таков.
Жизнь мне без нее не впрок.
Не сбросить мне вовек моих оков.
Слабость я свою кляну.
Женою побежденный, оказался я в плену.

Разорив мой дом дотла,
Смиренных чувств моих не пощадив,

Злая мигом отняла
Мой разум, честь мою, все, чем я жив.
Пусть попробует в ответ
Сказать, что это я не прав, что доказательств нет!

«От проклятий толку мало.
Не смеет он задеть меня всерьез.
Мне бояться не пристало
Упреков, обвинений и угроз.
Красоту не побороть.
Сильнее всяких войск моя пленительная плоть».

Если ветреница мнит,
Что я возненавижу страсть мою,
Этих не стерпев обид,—
То в сердце я надежду затаю,
Для служения рожденный.
Перестрадав свое, утешусь я, вознагражденный.

* * *

Госпожу я заклинаю столько лет:
«Смилуйся ты надо мной!»
Ей до жалобных молений дела нет.
Я готов любой ценой
Самый трудный выполнить приказ.
Кто бы в мире меня спас
От моих влюбленных ненасытных глаз!

Если бы нашелся умный человек!
Он бы мне в беде помог.
Неужели мне томиться весь мой век?
Как ответ ее жесток!
Госпоже служить я дам обет.
Самому себе во вред
Клятвам верен я, пускай надежды нет!

Уличен людьми в обмане гнусном,
Я сгорел бы со стыда!
Жалобе моей, моим напевам грустным
Кто поверил бы тогда!

Сам себя судить я буду строже.
Сам я знаю: лгать негоже.
От подобного греха избави боже!

Вряд ли в мире есть любовь сильней моей.
Преданнее нет сердец!
Кто сказать посмеет: «Мне она милей!» —
Тот расчетливый хитрец.
Видит бог, как мне всегда была
Госпожа моя мила.
Что весь мир! Была бы госпожа цела!

В ней моя награда, слава и почет.
Лишь любовью рыцарь жив!
Что, если моя любимая умрет,
Радости меня лишив?
Ей понять бы надо в свой черед,
Что меня тоска берет.
Острой болью прерван гордый мой полет.

* * *

Много суетных утех.
Истинная радость, как всегда, на миг.
И, конечно, смех — не смех
Для того, кто в жизни счастья не достиг.
Прежде был я весел день и ночь,
До забав я был охоч.
Веселиться мне теперь невмочь.

Стражду по своей вине.
Сам себя признал я перед ней виновным.
Госпожа сказала мне,
Что, мол, нет конца моим делам греховным.
У нее в глазах такой укор,
Что я сам не свой с тех пор.
Слишком строг подобный приговор!

Сколько лет я ей служил!
Госпожа не хочет знать заслуг моих.
Сколько песен я сложил!
Госпоже моей как будто не до них.

Я ли не был праведен и смел!
Жизни я не пожалел.
Видите, как сладок мой удел!

Все напрасно: стыд и гнев.
Я схожу с ума. Не писан мне закон.
Госпожу мою узрев,
Я, непостоянный, был навек пленен.
В мире не проложено дорог,
По которым бы я мог
Убежать от злых моих тревог.

Навсегда любовь со мной.
Я любовь мою чужому не отдам.
Нет, не для меня покой.
Буду жить, как жил я, с горем пополам.
Видит бог, мне в мире ни одна
Так не нравилась жена.
Лишь бы мне она была верна!

* * *

«Слово каждое бесценно
В долгожданной песне, в доброй вести.
Отвечай мне откровенно:
Хорошо ему на новом месте?»
«Госпожа, он весел был.
По вашей милости в нем тот же самый пыл!»

«Если так, я очень рада.
Поумнел он, значит, если так!
Мне вздыхателей не надо.
Нравится мне больше весельчак».
«Госпожа! Покорный вам,
Перечить вашим не посмеет он словам».

«Лишь по моему приказу
Рыцарь петь поклялся или нет?»
«Госпожа! Пока ни разу
Не нарушен тягостный обет.
Или он уже нарушен?»
«Боюсь, не слишком ли мой рыцарь мне послушен!

Что бы я ни повелела,
Говорят, я петь ему мешаю.
Ну какое людям дело?
Радости, мол, я весь мир лишаю.
В толк я, право, не возьму,—
О, горе мне! — какой приказ мне дать ему!

Нет, не женским красноречьем,
Женской красотой пленился друг.
Ран сердечных не залечим!
От непостоянства столько мук!
С ним порвать бы наконец.
Ах! Постоянство — цепь для страждущих сердец!»

* * *

Хорошо мне, только бы чуть-чуть
Больше радостей и меньше бед!
Если бы вольготней мне вздохнуть,
Был бы мой напев получше спет.
Среди всех моих забот
Удручен я тем, что жалоба моя
Ей никак до сердца не дойдет.

Ближние мои ко мне жестоки:
Нет, мол, новизны в подобном плаче!
Ох уж эти праздные упреки!
Мне ли говорить и петь иначе!
Пел бы я всех веселей,
Если бы, как прежде, маленький посланец
Появился к ночи у дверей.

Если жил счастливый человек,
Значит, я был счастлив, только я!
Почему блаженство не навек?
Впал в немилость я, и нет житья.
И со мною счастье в ссоре.
Наслаждаться бы до самого утра!
Не с кем наслаждаться, вот в чем горе!

Осужденный радостью моей
Жить среди мучительных тревог,

Не жалел я песен и речей.
Лучше слов найти никто не мог.
Песня правдою красна.
Никогда со мною не сравнится лжец,
Чьим словам красивым грош цена.

Сам я положил начало бедам.
Ничего скрывать я не привык.
Ходит клеветник за мною следом,
Ядовитый у него язык.
Рыщут всюду шептуны.
Виноват ли я, что лучшие слова
У врага в устах искажены?

Или мне теперь жестоко мстит
Бывший друг, чью радость я украл?
Я не причинял друзьям обид.
Бог меня тогда бы покарал.
Не друзья и не родня,—
Вскоре пожалеют о моей кончине
Те, кому теперь не до меня.

* * *

«Ты, гонец мой дорогой!
Посмотри, как он живет.
Если, незнаком с тоской,
Знать не знает он забот,
Говори ему тогда,
Что я не знаю горя тоже,
Мол, разлука не беда.

На вопрос, как мне живется,
Отвечай, что превосходно.
Сердце, мол, к нему не рвется.
Мне спокойно, мне свободно.
Скрой ты от него одно:
Он для меня как ясный день.
Сердцу без него темно.

Ты любовь мою не выдай.
Разузнай сначала точно:

Хоть с печалью, хоть с обидой,
Он живет ли беспорочно,
Он мне верен или нет?
И если верен милый рыцарь,
Намекни на мой секрет.

Если он задумал сам
Возвратиться наконец
(Я тебе добром воздам
За такую весть, гонец),
Ты скажи ему, что нужно
Воздержаннее быть в речах.
Добродетель безоружна.

Он любовью смерть зовет.
Этот холод, этот жар,
Этот пламень, этот лед
Хуже самых страшных кар.
Не любовь — сплошная жуть!
Наверно, лучше ненавидеть,
Чем любить кого-нибудь.

Ах, как женщина слаба!
Заболталась я совсем!
Взвесь, гонец, мои слова.
Будь, гонец, как рыба нем.
Все разведай ты сначала.
Быть может, лучше скрыть навеки
То, что я тебе сказала!»

* * *

И в моей тоске я восхищен:
Снова жизнь мою надежда осветила.
Радость глаз моих и мой закон,
На других она смотреть мне запретила.
Даже если мне во вред
Слишком тягостный запрет,
Сурово
Царственное слово,
В ответ не скажешь: «Нет!»

Генрих фон Фельдеке.
Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи.

Разве что глупец какой-нибудь
Злоключеньям позавидует монм.
На любовь подобную дерзнуть,
Убедиться, что нисколько не любим
И что все мольбы впустую!
Обездоленный, тоскую.
Однако
Свет милее мрака.
Не полюблю другую.

Кто бы мог в таких печалях жить?
Почему я не могу любить, как все?
И зачем поклялся я служить
Самой чистой, самой солнечной красе?
Как мне быть, когда жесток
Натиск бедствий и тревог?
Мне худо.
Верю только в чудо,
Чтобы господь помог.

Боль мою за милость я приму,
Предпочтением подобным дорожа.
Значит, не ко всем, а к одному
Благосклонной остается госпожа.
Кто сказать посмеет мне:
«Будем угождать жене
Совместно!»
Кто любил бесчестно,
Тот согрешил вдвойне.

Я как будто сокол прирученный.
Чует сокол солнечную высоту
И, своей свободой увлеченный,
Корм привычный забывает на лету.
Говорит любовь: «Лети!»
Нет обратного пути.
Утраты
Позабыл крылатый.
Блажен я во плоти.

С госпожой моей не довелось
До сих пор поговорить мне по душам,
Я боюсь, что наши души врозь.
Что мне дальше предпринять, не знаю сам.

Упованьем окрыленный,
За наградой отдаленной,
Годами
Повинуясь даме,
Охотится влюбленный.

Хорошо мне в помыслах моих.
Наяву, а может быть, не наяву
Я живу счастливее других.
Кто завидует чужому торжеству,
Перед богом грешен тот.
Благо тем, кто счастья ждет,
Как прежде,
В сладостной надежде,
Годам теряя счет!

* * *

Приемлю честный божий крест
Всем помышлением своим.
Пускай святых взыскует мест
Мой разум, словно пилигрим.
Пусть мысль моя отныне служит богу,
Не смея забредать на грешную дорогу.
В далекий отправляюсь путь,
Другим оставив злую боль,
Которой мучила меня
Сия плачевная юдоль.

С меня довольно здешних благ,
И неуспеха, и успеха!
Тому, кто сам себе не враг,
Земные радости — помеха.
Всевышнего почтить бы мне хвалою,
А я смущен своею песнею былою:
«Пока живешь на белом свете,
Всех радостей отведай всласть!»
Святая дева, богоматерь!
Не дай мне снова в скверну впасть!

На мысли налагать запрет
Мне, к сожаленью, не дано.
Границ для помышленья нет.

Повсюду странствует оно.
Друзьям привет, но лишь на расстоянье,
Чтобы мое не ослабело покаянье.
Врагов своих готов простить я,
Однако даже и сейчас
Друзей коварных я боюсь.
От них страдал я столько раз!

Простимся, радость! Счастлив тот,
Кто не был обделен тобой,
Тот, кто вкусил твоих щедрот.
И у меня был день такой,
И ночь была. Чего же сердцу надо?
Как больно мне тебя забыть, моя отрада!
Заказаны мне все дороги,
Которые ведут к тебе.
Иным велениям внимаю.
Не властен я в своей судьбе.

* * *

«Все печали достаются мне одной
И не дают житья,
Сердце бедное пугая.
Разделить нельзя тоску с другой женой.
Страдая, как и я,
Что сказала бы другая?
На меня в обиде тот,
Кто мне всех дороже.
Чтобы соблюсти себя,
Нужно быть с любимым строже.

Как зато мне было весело сначала!
Мой рыцарь лучше всех.
Я чернить его не вправе.
Сколько нежных слов я от него слыхала!
Расстаться с милым — грех!
Господи меня избави!
Чтобы не поддаться вдруг
Сладкому недугу,
Я велела замолчать
Очарованному другу.

Был в запальчивости отдан мой приказ,
И рыцарь на чужбине
Сохнет, мается в кручине,
Смолк, смиренный, и не кажет больше глаз,
Хоть не к лицу мужчине
Женской потакать гордыне,
Уступая ей во всем.
Лучше бы мольбами
Донимал меня поныне.
Слышать их приятно даме.

Как мне больно, как отрадно вспоминать!
Нет, сердцу моему
Не забыть счастливой встречи!
Не хотела я любимого прогнать.
Я знаю, почему
Смолкли пламенные речи.
Он любви моей желал.
А любовь — не скрою —
С детских лет казалась мне
Самой страшною игрою.

В мире я не знаю рыцаря другого,
Чья речь бы мне была
Год за годом так любезна.
Обольстить меня едва ли может слово.
Сладчайшая хвала
Тут, пожалуй, бесполезна.
Пусть поет мой милый рыцарь!
Песня мной любима.
Только бы при встрече с ним
Я была неколебима!»

* * *

От этих бед печаль жива
В моем напеве заунывном.
В моих ладах день ото дня
Отчаянье мое слышней.
Мне свой привет послав сперва,
Зачем же в гневе беспрерывном
Теперь наказывать меня?

Не согрешил я перед ней.
Я знаю, как она добра.
Давно меня спасать пора.
Отрадно будет нам обоим,
Когда в согласии беспечном
Друг другу душу мы откроем.

Моя сердечная тоска
Всегда терзает плоть мою.
Все чувства хором подтвердят,
Что нет мучительнее хвори.
Смерть сердцу моему близка.
Ни от кого не потаю:
Один меня снедает яд —
Всепоглощающее горе.
Лишь тот, кого не покидали
Моим подобные печали,
Кого сломил подобный гнет,
Лишь тот поверит в скорбь мою,
Лишь тот мою тоску поймет.

Но нет! Чужим я не открою
Причину горести моей.
Пусть больно мне, пускай тревожно,
Чужим не до моих тревог.
Делиться не хочу тоскою.
Кручину от моих друзей
Скрывать, однако, невозможно.
Советом кто бы мне помог?
Лишь сердце мне дает совет:
«Храни заветный свой секрет!»
Придется мне молчать и впредь.
Оберегая честь ее,
Собою нужно мне владеть.

Не суждено самой весне
Пробиться к сердцу моему,
Когда в молчании суровом
Любовь меня на гибель шлет.
Мне так темно, так больно мне,
Что сам себя я не пойму.
Растаять бы моим оковам
На солнце, как весенний лед!

Моей отчаянной мечты
Не могут вылечить цветы.
Любовь меня свела с ума,
И я не слышу певчих птиц.
На сердце вечная зима.

* * *

Если я вздумаю хвастать победой,
Песенный мой дар я навсегда утрачу.
Скажут мне люди: ты сперва изведай,
А потом уж воспевай свою удачу!
Пусть счастливец весело поет!
Слишком глуп я. Лгать мне в песнях не расчет.
Старую мою тоску не скрою.
Не старится моя тоска
С тех пор, как стала жизнь моя одной сплошной тоскою.

Пускай смеется надо мной невежда.
Как бы меня женщины ни привечали,
Где постоянство, там всегда надежда.
Утолит моя любовь мои печали.
Суетную радость я презрел.
Без награды будет жалок мой удел.
Каждая, конечно, бы хотела,
Чтобы служили ей, как я
Единственной моей служу, покорен ей всецело.

Когда ей жалобы так надоели
И не нужно ей моих ладов унылых,
Она бы мне преподала веселье.
Видит бог, я научиться сам не в силах.
«Да»,— сказала бы она в ответ,
Не твердила бы упрямо: «Нет и нет!»
Как тогда запел бы, окрыленный!
И надо ведь ей до сих пор
В ответ на все мои мольбы остаться непреклонной!

Все чаще мучают меня сомненья.
Слишком долго ждал я, слишком терпеливо,
Чтобы в награду получить гоненья!
Почему любовь моя несправедлива?

Болью служба вознаграждена,
И заслуге и вине одна цена.
Если все мои моленья слабы
И бесполезны все слова,
Упорство скорбное мое вознаградить пора бы!

* * *

Где же справедливость наконец?
Эта красота меня казнит.
Ею только и живу, глупец.
Нет ей дела до моих обид.
Добродетельную славлю повсеместно.
Мне другая радость неизвестна.
Благую чистоту всем сердцем чту.
Остается только славить эту чистоту!

Безутешный, неотступный бред!
Все печали у меня в груди,
Будто в мире места больше нет.
Крикнуть я не смею: «Награди!»
Все на свете я готов перестрадать,
Лишь бы выстрадать мне благодать!
Хоть мне в грядущее не заглянуть,
Знаю, наградит она меня когда-нибудь.

На судьбу роптать я не дерзну,
Если мне любить разрешено
Эту несравненную жену.
Большего мне требовать грешно.
Слава богу, хоть на службу приняла!
Жизнь без этой службы не мила.
Не зная этих сладостных забот,
Жаловаться мог бы я, несчастный сумасброд!

Выполняю все, что ей угодно.
Соблюдаю рыцарский закон.
Только жаль, что госпожа свободна,
А не пленена, как я пленен.
Пусть мне будет с каждым годом все трудней,
Лишь бы состоять всегда при ней.
Когда нельзя вступать мне с нею в спор,
Буду ей служить, как я служил ей до сих пор.

* * *

Никто не знает, как мне больно
Такое равнодушие терпеть,
Моей царице своевольной
Служить послушно и при этом петь.
Ради самых светлых в мире, ради милых этих глаз
Выполню любой приказ.
Тем, кто, завидуя безбожно,
Всех влюбленных обвиняет ложно,
Влюбиться бы самим, как я, но это невозможно.

Когда бы знала цену мне
Моя взыскательная госпожа,
Как полагается жене,
Моею верной службой дорожа!
Дорог я или не дорог? Вот мучительный секрет!
Вдруг в ответ услышу: «Нет!» —
Задав решительный вопрос?
Этого бы я не перенес.
Не знаю, принимает ли она меня всерьез.

Сказала бы: «Забудь печаль!» —
И я запел бы веселее всех.
Но ей меня ничуть не жаль.
Что ж! Смерть верней, чем суетный успех.
Песен петь не стоит больше, если на мои печали
Всюду смехом отвечали.
Не так забота тяжела,
Как людская злобная хула.
Чернят меня, хоть никому не причинил я зла.

* * *

Милость мне нужна теперь, а не вражда.
Не пережить мне всех моих обид!
Убедился я, что это навсегда.
Она одна страдальца исцелит,
Поэтому храню я верность ей.
Разноголосая молва не возмутит моих ушей.

Не смешно ли препираться мне с молвой,
Когда известно всем, что свой зарок

Не нарушил я, когда я сам не свой,
Обета моего живой залог?
Живу, как мне велит моя царица.
Не вдохновляли так меня прекраснейшие в мире лица.

Благосклонности не смею попросить.
О милостыне госпожу молю.
Неужели мне блаженства не вкусить?
Молчит она в ответ на песнь мою.
В моих речах мне утешенья нет.
Утешить ей меня пора, чтобы увидел вновь я свет.

Говорят мне друг и враг: «Твой труд напрасен!
Какая там любовь! Одни слова!
Хватит с нас велеречивых этих басен!»
За что меня преследует молва?
Пускай бы убедили госпожу,
Что я пою о ней одной и ей одной принадлежу.

Причиняя мне всегда и всюду зло,
Мой помысел и жизнь мою черня,
Говорят, что мне в любви не повезло,
Что знать не хочет госпожа меня.
Пусть недруг надо мною верх берет.
Он будет посрамлен, когда возрадуюсь я в свой черед.

* * *

Что лето мне! Всё жалобы да пени.
Пусть летом жизнь и вправду хороша,
Печать зимы — на этом песнопенье.
По-зимнему болит моя душа.
Люблю, люблю, тоской себя круша,
По-прежнему люблю ее одну.
Принес я в жертву ей мою весну,
Готов я на себя принять вину.
Нет, я любовь мою не прокляну.

Обиды все простит моя душа,
А то себе я был бы лютый враг.
Непостоянством пагубным греша,
Я сам себя лишил желанных благ.
Да, виноват я сам. Да, это так.
Тот, кто рассудку объявил войну,
У горестей окажется в плену.
Наказанный, неужто я дерзну
Бесстыдно отрицать мою вину!

Но разве не могла бы госпожа
Прочь отослать меня давным-давно,
Моею службою не дорожа,
Когда мне угодить ей не дано?
Однако же сердиться мне грешно.
Она со мною стала холодней
Не потому, что сам я мерзок ей.
Нет! Честью дорожит она своей,
Боясь моих изменчивых страстей.

Она меня приблизила к себе,
Наклонностей моих не распознав.
Отвергнутый, покорен я судьбе.
Всему виною — мой порочный нрав.
Я перед госпожой моей не прав,
И по заслугам я вознагражден.
Вольно глупцам оплакивать урон.
Тот, кто служил прекраснейшей из жен,
Мечом своим же собственным сражен.

* * *

Тот, кто охоч до знатных дам,
Владычице своей
Покорен будь во всем.
Вот вам пример: таков я сам.
Нет рыцаря верней.
Служу я день за днем,
Жизнь ей отдам,
Пускай глуха она к мольбам,
Пусть госпожа моя бесчеловечна,—
Ей предаюсь навечно.

Когда бы только я посмел
Одно сказать ей слово,
Оставив песнь мою!
Когда страданья — мой удел,
Когда любовь сурова,
От боли я пою.
Издалека
К ней шлет гонца моя тоска.
Пусть госпожа моя, певца презрев,
Услышит мой напев.

Нет, не напев, а скорбный стон.
От слез невзвидев света,
Я плачу — не пою.
Великим горем удручен,
Напрасно жду ответа
Я на мольбу мою.
Конечно, тот,
Кто, не стерпев таких невзгод,
Покинуть мог бы госпожу навек,—
Счастливый человек!

* * *

Со слов моих запомнил каждый,
Что ей одной навек я верен.
Ей сердце отдал я однажды.
Теперь я взять его намерен.
Расстаться не пора ли?
Я здесь живу в печали
За годом год.
Уж лучше мне пуститься в путь,
Когда пропгран бой
Со злой моей судьбой!
Мне повезет,
Пожалуй, больше где-нибудь.

Непостоянство мне претит.
Однако в нем, и только в нем,
Спасенье от моих обид.
Пусть порастет печаль быльем.
Когда служить невмочь,
Бежать не стыдно прочь.
Награды нет.
Пусть я всегда признать готов,
Что госпожа права.
Нужны ли тут слова?
Мне все во вред,
А ей не до моих трудов.

Упреками чернить не смею
Воспетую мной чистоту
И вечной жалобой своею
Один терзаться предпочту.
Она велит служить
И не дает мне жить.
Нет, не любовь,—
Нашел я здесь одну вражду.
К другим она щедрей,
А я не дорог ей.
Отвергнут вновь,
Награды я напрасно жду.

Господь, быть может, ей внушит,
Что, мне в награде отказав,
Моя любимая грешит.
Пусть грешен я, пусть я не прав,

Я самый верный друг,
И всех моих заслуг
Не перечесть.
Служу не месяц и не два.
Который год уже
Я вверил госпоже
И жизнь и честь.
Я жив, пока любовь жива.

Не мог я потерять ни дня
Из этих безотрадных лет.
Награда обошла меня.
Достался мне любовный бред.
Блажен в своем бреду,
Где я еще найду
Любовь такую,
Чтобы, не ведая наград,
Служить, как я служу,
И славить госпожу?
Всю жизнь тоскую
И всю-то жизнь безумно рад.

Служил я, не жалея сил,
В надежде радость обрести,
И если я не угодил,
Сказать бы нужно мне: «Прости!»
Где награждают скупо,
Там оставаться глупо.
Что за беда!
Влюбился здесь, влюбился там,
Но только я не льстец,
Охочий до сердец,
И никогда
Мою любовь я не предам.

* * *

Слишком долго я тужу
По моей отраде.
Верой-правдою служу,
А чего бы ради?
Лучше оплáчу
мою неудачу.

Как увидел я ее,
Мне на свете не житье.
Час длиннее дня.
День что седмица, седмица дольше года для меня.

Нет, я больше не могу.
Господи, доколе?
Каково ее врагу?
Друг завыл от боли.
Отдать я рад
все, чем я богат.

Бежал бы я прочь,
Да вот невмочь.
И радость мне теперь не впрок.
За каждый вздох с меня берет любимая оброк.

* * *

Святого нашего креста
И ты достоин,
Когда твоя душа чиста,
Отважный воин.
Такое бремя не для тех,
Кто глуповат,
Кто в суете земных утех
Погрязнуть рад.
Ты плащ с крестом надел
Во имя добрых дел.
Напрасен твой обет,
Когда креста на сердце нет.

Зовет воителей отвага
Под сень креста,
Где рыцарям своим на благо
Любовь чиста.
А тот, кто обделен умом
В расцвете лет,
Пусть помышляет о мирском
Себе во вред.
Вступая в нашу рать,
Чтобы завоевать
Мирскую честь в бою,
Спасете душу вы свою.

Мирских возжаждал я услад,
Мирских утех.
Соблазнам всяким был я рад,
Впадал я в грех.
Улыбкой мир меня влечет.
Он так хорош!
Колючкам потерял я счет.
Все в мире — ложь.
Спаси меня, господь,
Чтоб мир мне побороть.
Мой путь — в Святую Землю.
С твоим крестом тебя приемлю.

Смерть напесла мне страшный вред,
Отняв Христа.
Без господа не красен свет
И жизнь пуста.
Утратил радость я свою.
Кругом — тщета.
Сбылась бы разве что в раю
Моя мечта.
И я взыскую рая,
Отчизну покидая.
Пускаюсь я в дорогу.
Христу спешу я на подмогу.

И в радостях я жил, скорбя,
Средь мира злого,
Пока не выбрал для себя
Цветка Христова.
Он лето возвещает нам,
В нем благодать.
Как сладок он людским очам!
Путь указать
Бог соизволил днесь
В свою святую весь.
Достигнуть райских врат
Ценою жизни воин рад.

Однажды мир меня прельстил,
И неспроста
Мне, грешному, так был он мил.
Теперь чиста
Моя душа, и я в поход
Собраться рад,

Свободный от мирских забот,
А мой собрат
На привязи весь век,
Пропащий человек.
Отправлюсь в дальний путь,
К войскам святым готов примкнуть.

* * *

В несчастье вряд ли весел тот,
Кто даже в счастье хмурится, тоскуя и скорбя.
Но я хитрей моих забот.
Когда беда грозит, я повторяю про себя:
«Будь что будет! Ропот не поможет.
Не навсегда
Твоя беда.
Пускай с надеждой век твой будет прожит!»

Наперекор клеветникам
Непостоянных отвергает верный женский нрав.
Я убедился в этом сам,
Расположенье госпожи прекрасной потеряв.
Сладок был пленительный привет.
Кто перед ней
Меня грешней?
В немилость впал я. Счастья нет как нет.

На пользу мне пойдет урок.
Своим непостоянством я лишен таких услад!
А постоянством я бы мог
Наверняка загладить все, в чем был я виноват.
Искушен я в постоянстве так,
Что госпожу
Расположу
К себе я вновь, добившись прежних благ.

* * *

Только бы меня приветила она,
Когда я наконец предстану перед ней!
Надоела мне чужая сторона.
С моей любовью бы мне свидеться скорей!

Скромность нежная отрадней всех услад.
Любимой ведомо: я странствовать не рад.
Одна утеха нам: сердца сильней разлук,
И в сердце верность не умрет, покуда верен друг.

Перед богом и людьми грешит жена,
Безжалостно забыв того, кто верен ей.
Постоянством верность вознаграждена.
О постоянстве мы взываем столько дней,
Чтобы женщину любить и чтить, любя.
Изменою пятнает женщина себя.
Обласканный по возвращении своем,
Служить я буду госпоже усердней с каждым днем.

Если верить пересудам этим вечным,
Любая женщина обманет все равно.
Глупо хвастать постоянством безупречным,
Когда оно изменой вознаграждено.
Не прислушиваюсь к толкам этим вздорным,
Нет, не запятнан я предательством позорным!
Я помню истину, известную давно:
С любовью правда заодно. Чернить любовь грешно.

* * *

Нет мечте моей простора.
Слишком редко я встречаю
Госпожу мою, в которой
С давних пор души не чаю.
Я присягаю песней днесь:
Удел мой весь
Только здесь, навеки здесь.
Если госпожа меня
Другом не признала,
На любовь надежды мало.
Мрачнее жизнь день ото дня.

В мире столько милых жен!
Был бы всюду я любим.
Постоянством удручен,
Я завидую другим.
Не вижу в жизни я просвета.

За летом лето
Ни ответа, ни привета.
Как понять молчанье это?
Песнями я вторю
Государынину горю.
Ее веселье не воспето.

* * *

На свете счастлив только тот,
Кто треволнений избегает,
Тот, кто любви не признает,
Кто красотой пренебрегает,
Тот, кто не ведает обид,
Которыми другой убит,
Другой, служивший столько лет
Без всяких льгот, без всяких благ,
А, кроме бед, награды нет.
Что делать! Жизнь я прожил так,
Как будто сам себе я враг.

Услышав зов любви моей,
Не знаю счастия доселе.
Оставил я своих друзей,
Забыл беспечное веселье.
Перед любовью не греша,
Спасется ли моя душа?
Но как моя страдает плоть!
Вот вся награда: сердце мне
Такою болью уколоть,
Чтобы предался я вполне
Одной-единственной жене.

* * *

Пускай забуду я все дни другие,
Сладостный день в моей памяти вечно,
Когда впервые черты дорогие
Увидел я и полюбил сердечно.
Себе на благо и ей не во вред
Впервые в жизни увидел я свет.

Ей повинуюсь я, покорный богу.
Я вышел на счастливую дорогу.

Часа блаженного я не забуду.
От восхищенья собой не владею.
Благодаря какому только чуду
Наедине я беседовал с нею?
По вдохновению душу открыв,
Вознагражден я был за свой порыв.
Прекрасную вознагради ты, боже!
Такой венец мне всех венцов дороже.

В разлуке с ней мое грешное тело,
А сердце верное с ней, как вначале.
Пусть будет все, как милая хотела.
Ей жить и жить, прогнав мои печали.
В ней моя радость, в ней моя тоска.
Везде и всюду мне она близка.
Отрадной верности я не нарушу.
Храни ей, господи, тело и душу!

* * *

«Зимой тебе утехи нет,
Когда ты слишком любишь летние цветы.
Хороший мне дают совет:
С любимым лежа, не боишься темноты.
И если птицы не поют,
В объятиях найди приют.
Мои давнишние сомненья тут как тут.

Вести хотят со мной игру
Два рыцаря, но что сказать могу двоим?
Обоих я не изберу,
А если одного, то как мне быть с другим?
Решать мне нужно бы смелее,
Кто мне дороже, кто милее.
А как решить, обоих рыцарей жалея?

Нет, мне советы не нужны.
Я ведаю сама, кого мне награждать.
Его заслугам нет цены.
Мой рыцарь не устал служить, устал он ждать.

Что, если, к моему стыду,
Блаженства с ним я не найду
И вместо рая мы окажемся в аду?

Всего, чем только бы могла
Отвагу преданную наградить жена,
Достойны славные дела,
Которыми я так была поражена.
Горжусь возлюбленным таким,
И чем нежнее он любим,
Тем сладостнее сердцу властвовать над ним».

* * *

Я теперь не слишком рад,
Когда друзья мне говорят:
«Сходим, Гартман, к дамам,
К благородным самым!»

Оставят пусть меня они,
И к дамам пусть идут одни.
В глазах у знатных этих дам
Так жалок я, что стыд и срам.

И я бы даму полюбил,
Когда бы дамам был я мил.
Коль знатных я не стою,
Утешусь я с простою.

На белом свете их не счесть.
Покладистые всюду есть.
С какой же стати к знатным лезть?
Простых готов я предпочесть!

Был и я когда-то глуп,
И словеса слетели с губ:
«Ах, госпожа! Я стражду.
Утолите жажду!»

Ответом был мне взгляд суровый.
Не говоря худого слова,
Лишь в ту рискну влюбиться снова,
Что и меня любить готова.

* * *

Привет прощальный мой собрату и соседу.
Поклон мой вам, друзья и господа!
Меня спросить хотите вы, зачем я еду?
Открою вам без ложного стыда.
Любовь меня взяла в полон, и дал я ей обет:
По вольной воле буду я покорен ей во всем.
Она велит, и я иду святым путем.
Кто клятву не сдержал, тому спасенья нет.

Иные хвастаются доблестью своею.
Слова, конечно, громче славных дел.
Но кто послужит ей, как я служить умею?
Вот на такого я бы поглядел!
Лишь тот воистину любил, кто родину свою
Покинул волею любви, отважный паладин.
Будь государь мой жив, на что мне Саладин!
По мне бы лучше умереть в родном краю.

Ты, миннезингер, не надейся на удачу.
Загубишь песнь безумием своим.
Я хорошо пою, слов даром я не трачу.
Пою, пока люблю и сам любим.
Тебя не хочет знать любовь. Тебя влечет мечта.
Морочит, ластится, манит, безумного дразня.
Всем предпочла моя желанная меня.
И в песне и в любви я не тебе чета.

* * *

«Тебе хотел бы, госпожа,
Достойный рыцарь послужить.
Твоей наградой дорожа,
Готов он сердце заложить.
Он был бы рад все это лето провести,
Покорствуя тебе и у тебя в чести.
Привет послала бы со мной! Всегда на сердце веселей,
Когда хороших ждешь вестей».

«Я службой верной не гнушаюсь.
Однако рыцаря чужого
Вслух я приветить не решаюсь.

Гонец! Мое запомни слово:
Он мне чужой, а как чужого я приму?
Другие, может быть, благоволят к нему.
Пока не лучше ли, гонец, мне дать уклончивый ответ?
И не привет и не запрет...»

Не знаю, могут ли завлечь
Красавицу мои слова?
Дождусь ли я желанных встреч,
Не преуспев ни в чем сперва?
Пусть буду счастлив я, пусть буду я несчастен,
Я над моей любовью более не властен.
Не даст уехать мне любовь, которая меня сильней,
И я во всем согласен с ней.

Когда не знать, не ведать мне
Свободы на своем веку,
Самовластительной жене
Вознаградить мою тоску
Придется радостью, которую она
Способна даровать мне, грешному, одна,
Мои заслуги оценив, мои тревоги разогнав,
Признав, кто прав и кто не прав.

Иные люди говорят:
«Любовь такая — тяжкий грех!»
Неправда! Этот пламень свят!
Любовь отрадней всех утех.
Блажен, кто преданно любил, кто честен был.
Любовь иначе не любовь: преступный пыл.
С любовью несовместна ложь. Любовь без чести и стыда
Мне будет мерзостна всегда.

* * *

Почему-то мы грустим,
Будто темен белый свет.
Сколько лет и сколько зим
Наслажденья нет как нет.
Между тем кругом луга
Зеленеют и цветут.
Весна всему живому дорога.

За хорошие дела
Вправе рыцарь ждать наград.
Верным рыцарям хвала!
Верный верному собрат.
Горше в мире нет судьбы,
Если губы дорогие
Ответа не дают на все мольбы.

Если женщина верна
И сомнений в этом нет,
Мне нужна она одна.
Без нее не мил мне свет.
И когда я так любим,
Ни на шаг не отойду,
Привязан к ней служением своим.

Пусть она меня корит,
И не чтит моих заслуг,
И со смехом говорит,
Что, мол, ей не нужен друг!
Обижаться мне грешно:
Мой мучительный недуг
Однажды вылечить ей суждено.

Я наградам был бы рад,
Только честь всегда была
Мне дороже всех наград.
Если добрые дела
Худо вознаграждены,
Нехристь постыдился бы
Подобной непростительной вины.

* * *

«Вот сквозь облака сверкнули на востоке
Пронзительные когти дня.
На вид они в рассветном сумраке жестоки,—
Напоминанье для меня
О том, что рыцарю пора.
Расстаться надобно двоим.
Я к ней впустил его вчера.
Меня пленил он мужеством своим».

«Ты песней прогоняешь радость мою, страж,
И накликаешь злую муку.
Ты никогда мне всласть натешиться не дашь,
Чуть свет сулишь ты мне разлуку.
Ах! Не тревожь ты госпожу!
Слуга мой верный, ты не пой,
И я тебя вознагражу.
Пускай со мной побудет милый мой!»

«Ты, сладостная, отпусти его скорей!
Смотри: настал рассветный час.
Втайне любовью ты дари его своей,
Чтоб жизнь свою и честь он спас.
Он доверяется мне сам.
Его к тебе я ввел в ночи.
Ты потеряла счет часам,
Так поцелуи были горячи».

«Пой, сколько хочешь, лишь оставь его ты мне!
Постылой песнею своей

Напоминаешь ты о ненавистном дне.
Вовек не видеть бы лучей,
Которые всегда некстати.
Едва забрезжит этот свет,
Ты вырвешь из моих объятий
Мою любовь, но не из сердца — нет!»

Вспыхнул день в окне, тревожней страж запел:
«Прекрасный рыцарь! Уходи!»
Одуматься бы ей, пока любимый цел.
Но перси льнут к его груди,
И в нем проснулся прежний пыл.
Хоть голос песнею сорви!
По всем статьям он рыцарь был
И на прощанье отдал дань любви.

* * *

Твой скорбный плач над нами
Всегда бывал утрами
Горчицей после меда:
Когда звезда восхода
Встает сквозь мрак,
Любовное свиданье
Закончить расставаньем
Даешь ты знак.
Уж лучше, сторож, помолчи,
Все ведомо и так.

Кто это знает или знал,
Кто сам с чужой женой лежал,
Надеясь на охрану,—
Как я, он скажет: рано
Заканчивать свидание,—
Уж в этом мне поверьте —
Дня надобно дождаться.
Ему ль бояться
Угрозы смерти!
Он к ней готов заранее.

Такую сладость нам дает
Лишь прелюбодеяние.

* * *

В пору майского цветенья
Звуки старых птичьих песен
Вновь по-юному свежи.
Я весенние виденья
Превращаю в песнопенья
И не жду, не жду награды
От высокой госпожи!
Я пою, а птичий хор
В середине лета смолкнул,
Не слыхать его с тех пор.

Напоенные росою,
Чистым блеском и сверканьем,
Обновляются цветы.
Хор лесной поет весною,
Чтобы песней убаюкать
Всех птенцов до темноты.
Не заснет лишь соловей:
Я опять стою на страже
Ночью с песнею своей.

Я хочу найти отраду
У моей прекрасной дамы,
Умоляя госпожу:
Дай за службу мне награду,
Я тебе служил исправно
И до смерти дослужу...
Пусть утешится певец,
Чтобы жалобе столь длинной
Наконец пришел конец.

Помогла бы, снизошла бы!
Если только ты захочешь
Мне помощницею быть,
Вмиг печаль моя убудет,
И мольбой своею страстной
Цель свою смогу добыть.
Милый образ мне велел,
Чтобы я, как ты прикажешь,
Дольше иль короче пел.

Дама, высшее созданье,
Твой прелестный гнев лишает
Многих радостей меня.
Заслужу ли состраданье?
Только слово молви нежно,
От тоски меня храня.
Скорбь мою ты отпугни,
Чтобы мужеством веселым
Я твои наполнил дни.

* * *

«Сквозь дали, сквозь туманы —
Бушует дождь иль вьюга —
Ищу, в окошко глядя,
Возлюбленного друга.
Напрасно: никогда он
Ко мне не возвратится.
И за любовь, как видно,
Глазам моим придется
Слезами расплатиться.

И снова возвращаюсь
На башню от окошка:
Я на восток и запад
Опять гляжу сторожко,
Ищу того, кто сердце
Уже давно тревожит.
Не «юною девицей»,
А «старою старухой»
Любовь назваться может.

Плыву я по теченью,
Волн покоряюсь воле,
Просматриваю дали
На тридцать миль и боле,
Жду, что благие вести
Услышу я в округе
И горе позабуду,
Навеки успокоив
Тоску о милом друге.

Куда ушло веселье
И с гордостью что сталось?
Во мне от них обоих
Одно «увы» осталось.
Отныне суждено мне
Узнать одно страданье.
Но верю — хоть он скрылся,—
Тоска его пригонит
И страстное желанье».

* * *

«Вам, госпожа, венок! —
Красивой девушке сказал я как-то раз.—
На танцах он бы мог,
Да, он на зависть дамам украсить мог бы вас.
Будь я богат камнями
Цветными, дорогими,
Я б вас украсил ими.
По совести и чести я поступил бы с вами».

Она взяла венок —
Воспитанной девицей она не зря слыла.
Румянец юных щек
Пылал, как будто роза меж лилий расцвела.
И потупила взгляд,
С поклоном — все как надо.
То мне была награда.
А если б... Но о том молчат.

«Я каждый день венок
Готов сплетать для вас и вашей красоты.
Вы знаете лужок,
Где белые растут и красные цветы?
Пойдемте — в этом месте,
Где только иташек пенье
Звучит в уединенье,
Цветы срывать мы будем вместе».

И вот со мной она,
И я счастливей не был, с тех пор как я живу.
Мы рядом. Тишина.
И падают цветы с деревьев на траву.
А я смеюсь невольно.
Какое наслажденье
Такое сновиденье!
Проснулся — яркий день, глазам от света больно.

Я жил всегда беспечный,
Но этим летом, потеряв покой,
Ее ищу я в каждой встречной.
А вдруг найду — вот праздник-то какой!
Но это пляшет не она ли?
О девушки, прошу прощенья:
Я загляну под ваши украшенья —
Ее глаза из-под венка сияли.

* * *

Любимая, пусть бог
Благословит твой каждый час.
Когда б сильней сказать я мог,
Сказал бы, верь мне, сотни раз.
Но что сказать сильней, чем то,
Что весь я твой, что так любить тебя не будет уж никто.

От многих слышал я упрек,
Что, мол, низкорожденную пою.
Но кто сказать такое мог,
Тот не любил, я слово в том даю.
Да, не любил, я повторяю вновь,—
Кто жаждет только обладанья да красоты,— какая тут любовь!

Красотки ой как часто злы!
Мила не та, кто хороша,
Но те красивы, кто милы,
И красоты куда важней душа:
Пусть женщина добра, чиста,
А красота — пустое дело, пустое дело красота!

Что мне их пересуды, смех!
Советы их — на кой мне ляд?

Ты для меня красивей всех,
Так пусть болтают, что хотят.
Я за тебя их всех отдам,
И за твое стеклянное колечко — все золото придворных дам.

С тобой ни горя, ни забот,
Ты постоянна, ты верна.
И мне никто не подмигнет:
Мол, штучка у тебя жена!
А если стал я слеп, любя,
Так лучше б я тебя не знал,— не дай мне бог страдать из-за тебя!

* * *

Беседуя, лежал
В объятьях милой рыцарь,
Но вот рассвет на небе забрезжил голубой,
И перед ним редеет и отступает тень.
«Проклятый этот день!
Опять он помешал,—
Вздохнув, сказала дама,— блаженствовать с тобой!
Любовью боль назвать — кто мог так ошибиться!»

«Моя любовь, мой друг,
Не плачь, судьбу кляня,
Для нас обоих лучше, коль я уйду сейчас.
Уже настало утро, и на дворе светло».
«О милый, тяжело
С тобой расстаться вдруг.
Не делай сердцу больно, как делал много раз,
Или к другой спешишь ты? Иль разлюбил меня?»

«Ну что ты, госпожа!
Я навсегда с тобой,
Но лишь открой, что сердце твое мне повелит:
Как выйти, чтобы стражу и завтра обмануть?»
«Мой милый, труден путь,
Но боль острей ножа:
Пока с тобой не лягу, тоска мне грудь сверлит.
Приди ж как можно раньше, дай верить мне: ты мой!»

«Ужель хочу иного?
Мне тяжко самому.

И день с тобой в разлуке мне горек, госпожа.
Но в сердце ты со мною, но сердцем я с тобой».
«Мой друг, иди за мной,
И вместе будем снова,
Коль вновь без колебаний придешь ты, мне служа.
Увы, сияет солнце, и день рассеял тьму».

«Что мне в букете роз,
Когда я ухожу?
Любимая! Подруга! Противны мне цветы,
Как бесприютной пташке суровая зима».
«О, я сойду с ума,
День горе мне принес,
И я еще не знаю, когда вернешься ты.
Побудь еще минуту, порадуй госпожу!»

«О госпожа, прости!
Я твой, в твоей я власти,
Оставь же подозренья и мне уйти позволь!
С дневною песней сторож обходит третий круг».
«Тогда пора, мой друг,
Пора тебе идти.
Но твой уход лишь горе мне принесет и боль.
Пускай тебя всевышний хранит от злой напасти!»

И рыцарь прочь идет,
Терзаемый тоской.
Идет, в глубоком горе оставив госпожу.
Она глядит в окошко, и горько слезы льет,
И молвит: «Проклят тот,
Кто песню дня поет.
Уже прошло все утро, а я в слезах сижу.
Ушел, ушел любимый и отнял мой покой!»

* * *

Любовь — что значит это слово?
Я так неискушен, скажите ж, господа,
Вы все, кому любить не ново:
Ну почему любви присуща боль всегда?
Любовь для радости дана,
Любовь печальная любовью быть не может,
Так верно ли она любовью названа?

Рейнмар.
Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи.

Коль правильно мое сужденье
О существе любви, скажите «да» в ответ.
Любовь — двух душ соединенье.
Без разделенных чувств любви счастливой нет.
Но груз любви неразделенной
Для сердца одного невыносим.
Так помоги мне, госпожа, не будь неблагосклонной.

Мне тяжко жить с моим страданьем,
О, не тяни, ты можешь мне помочь.
И если ты глуха к рыданьям,
Я пересилю боль, но лишь скажи мне: «Прочь!» —
И я свободен буду вновь,
Но знай, ты не найдешь другого,
Кто б так сумел воспеть тебя, моя любовь.

Как! За любовь платить презреньем,
За радость горечью мне отравляя дни!
Но там не место восхваленьям,
Где унижением певцу грозят они.
Иль верить ей не нужно было?
Но ты, Любовь, мой слух и зренье отняла,
Что ж может видеть тот, кого ты ослепила?

* * *

«О госпожа, сердиться не надо.
Верьте, учтив и приятен мой слог.
А для меня и честь и награда —
Если б я вам понравиться мог.
Я женщин красивее вас не видал,
Если же вы красоту с добротою
Соединили в себе — я не скрою:
Вы достойны высших похвал».

«Что же, хвалите, если угодно,
Видите, я уже не дитя.
Тот, кто воспитан, может свободно
Все мне сказать — и всерьез и шутя.
Мне говорили, что я хороша,
Но я бы хотела еще и другого:
Быть женщиной в лучшем значенье слова.
При красоте важна и душа».

«Я вам открою, что делать должны вы,
Чем, как женщина, славиться впредь:
Вы должны быть с достойным учтивы,
Ни на кого свысока не смотреть.
И, одного безраздельно любя,
Принадлежа одному всецело,
Взять в обмен его душу и тело,
Я вам дарю их,— дарю вам себя».

«Если не всех я встречала приветом,
Если была неучтива, горда,
Я бы охотно исправилась в этом.
Вы-то со мною любезны всегда!
Да, вы мой рыцарь, и вот ваша роль:
Я бы вас другом видеть хотела.
А отнимать у кого-нибудь тело
Я не хочу — это страшная боль».

«О госпожа, я готов попытаться,
Мне приходилось терпеть и не то.
Ну, а чего же вам-то бояться?
Если умру, то счастливым зато».
«Пусть умереть вам охота приспела,
Значит, и мне — на смертное ложе?
Я не хочу умирать, так чего же
С вами меняться на душу и тело?»

* * *

Одна мечта во мне жила,
Когда ж блеснул надежды свет,
Он грусть и боль оставил мне,
Чтоб радость их сменить могла.
Другого утешенья нет,
Чем то, что видел я во сне:
Что та, кто женщин всех одна
На все затмила времена,
Любовью вспыхнет мне в ответ.
Я чту в одной и всех других,
Но от других мне нужен лишь привет.
«Кто беспорочен, кто правдив,
Тому и честь супругом быть
И господином надо мной.

И, сердце радостям открыв,
Я буду истинно любить,
Я буду верною женой.
В нем счастье, узнанное мною
Как женщиной и как женою.
И долг мой — счастьем быть его.
Нет места для достоинств мужа
Надежней сердца моего».

Так радость я обрел в жене
На весь мой век. Покуда жив,
Я буду все делить с ней дружно.
Ее любовь — опора мне:
Пришла, мне милость подарив,
И стала всем, что в жизни нужно.
Я счастлив был, когда она
Сказала, нежно смущена,
Что всю себя мне отдает.
Не удивляйтесь, если в сердце с тех пор я не таю забот.

* * *

Одно скажи: «Благодарю!»
Я видел, как прекрасна ты,
И вот стихи тебе дарю
Как воплощенью красоты.
Я по тебе одной тоскую,
Хоть всем служу охотно вам.
Другой пусть изберет другую
И славит в ней прекрасных дам.
Язык наш тот же: я пою
Свою красавицу, пусть он поет свою.

Как совершенна голова!
Смотрю — и небо я постиг.
Лицо — таких найдешь ли два?
То херувима нежный лик.
И две звезды на нем блестят.
Глядеться в них — и быть с ней рядом,
Быть с нею вместе,— взгляд во взгляд!
О, вдохновленный этим взглядом,
Я стал бы молодым.
Любовью болен я, но боль ушла б, как дым.

Бог, дав ей краски для ланит,
Из роз и лилий сплел букет,
И белый в них с пурпурным слит
В один необычайный цвет.
Пусть Небо мне во грех зачтет,
Но мне приятней видеть их,
Чем солнце, чем небесный свод,—
О, что сболтнул мой глупый стих?
Так поклоняясь ей,
Я не заставлю сердце страдать еще сильней?

Когда б губами я прильнуть
К ее подушке красной мог,
Здоровье пролилось бы в грудь,
Я б исцелился, видит бог.
Когда в постель, неся огонь,
Идет она — вот быть бы там!
Подушку эту только тронь,
Польется запах — как бальзам!
Ах, я б украл ее
И к ночи приносил бы милой сокровище мое.

А стройность шеи, рук и ног —
Не волшебства ль на всем печать?
Что между них я видеть мог,
О том я должен умолчать.
Но я не крикнул ей: «Прикрой!»
Когда, свежа, обнажена,
Меня не видя, мой покой
Навек разрушила она,
Подъемлясь из ручья
И влажных прелестей от света не тая.

* * *

День за днем страдать, друзья,—
Кто способен этот крест нести?
Не велит воспитанность моя,
А не то бы крикнул: «Счастье, заходи!»
Но у счастья всем ответ один:
Счастье не для тех мужчин,
Что верны навек.
Так чего ж тогда я жду, верный человек?

Боже, что за горький плод
Сам себе взрастил я, на беду!
Вся моя порядочность не в счет,
Униженье — все, чего я жду.
Нравы доброй старины
Ныне кажутся и глупы и смешны.
А богатство, честь —
Что ж, для тех, кто злонамерен, все, конечно, есть.

Кто в мужчинах совесть усыпил?
Женщины! Увы, но это так!
Встарь их дух высок и ясен был,
И для них был мир и радостен и благ.
Беспорочна их душа была.
Далеко молва об этом шла.
А теперь беда —
Нравится им тот, в ком нет стыда.

Когда я средь женщин нахожусь,—
Что всего обиднее, не скрою:
Чем я вежливей держусь,
Тем они надменнее со мною.
Им порядочность смешна.
Только если женщина достойна и умна
(Эти здесь не в счет),
Больно ей, когда постыдный слух о женщинах идет.

Но уж если женщина чиста,
Муж достоин — вот счастливый брак.
Их да воспоют мои уста,
Им я лучших пожелаю благ.
И скажу вам, как велит мне честь:
Если мир не станет лучше, чем он есть,
Знайте, жить я буду,
Как мне нравится, а пенье и стихи навек забуду.

* * *

Славлю тот день, когда встретился с нею,
Околдовавшей и дух мой, и тело.
В мыслях ее неустанно лелею,
Ею захвачен мой разум всецело.

С ней меня слили на все времена
Нежность ее, доброта, красота,
Алые, с милой улыбкой, уста.

Сердце мое навсегда покорилось
Ей, наделенной во всем совершенством,
Если б для нас эта жизнь озарилась
Тем, что мне кажется высшим блаженством!
Радость давала мне только она,
Нежность ее, доброта, красота.
Алые, с милой улыбкой, уста.

* * *

Если б я тропой неразделимой
В песнях, плясках, вместе сквозь года
Шел, цветы срывая для любимой,
С нею связан дружбой навсегда,
Осушая вместе хмельный кубок,
Поцелуй срывая с алых губок,—
Мук любви не знал бы я тогда.

Но к чему и песнь, и речи сладость,
Женский взор, исполненный тепла,
Если нет борения за радость,
За добро и правду против зла,
Если щедрость, честь и воспитанье —
Все уходит, все ушло в преданье,
Если Духа радость умерла.

* * *

Желаний и томлений дни
Прошли — и столько принесли утрат.
Мне пали на зиму они.
Я думал, летом все пойдет на лад.
Я мнил, придет счастливый час,
И был обманут столько раз!
И все ж надежду я таил,
Но и надежды больше нет.
Был радости недолог цвет,
И мне она, не я ей изменил.

Я жил мечтой. Так почему
Меня счастливым называют вновь?
Счастливец только тот, кому
Любимая всегда дарит любовь.
Пусть жизни радуется он,—
Увы, я этим обделен!
Но пусть он прячет торжество:
Мол, я любимою любим!
Я рад бы поменяться с ним,
Но мне Любовь не дарит ничего.

Хвала и мужу и жене,
Когда они живут в любви.
Их душу с телом наравне
На каждый час, господь, благослови!
И в полном счастье пусть их жизнь пройдет
Сомненья нет, блажен и тот,
Кто добродетель чтит в себе,
Как в той, кого избрал одну,
И кто на радость взял жену,
Подругу в жизни и судьбе.

Жену из благородных дам
Не каждый хочет взять, однако.
Глупцы не ведают, что нам
И честь и радость от такого брака.
Кто легкомыслен, рад любить
Ту, что легко сумел добыть.
Но, радость возлюбив и честь,
Женись на той, кто познатней,
И если другом стал ты ей,
В том честь уже и радость есть.

Кой толк в любви, когда она
Нам без служенья удалась?
Его ли то, ее ль вина —
Любовью можно ль звать такую связь?
Не жди, себя избавив от служенья,
Достойной дамы уваженья.
Любя воспитанность в мужчине,
Она мужлану далека.
Лишь дура ценит дурака,—
Сказать ли, по какой причине?

* * *

«В роще под липкой
Приют наш старый
Если найдешь ненароком ты,
Молвишь с улыбкой:
«Что за парой
Травы примяты и цветы?»
На опушке среди ветвей —
Тандарадай —
Пел свидетель — соловей.

Молча брела я
Средь бездорожья,
Пока не встретила дружка.
Он обнял, пылая,
Матерь божья!
Обнял — и стала душа легка.
Сколько раз?
Да кто ж сочтет?! —
Тандарадай,—
Видите — в кровь нацелован рот.

Дружок меня манит
Прилечь на ложе.
Рассыпал он цветы да хмель.
Ведь кто-нибудь станет
Смеяться позже,
Сыскав подобную постель.
Сломлен шиповник — ясно для всех,—
Тандарадай, —
Как был нам сладок смертный грех.

Ни лаской, ни силой
Не открою
Вам тайну эту, помилуй бог!
Что сделал милый там со мною,
Знаем лишь я, да мой дружок,
Да пичужка меж ветвей,—
Тандарадай,—
Все пришлось увидеть ей».

* * *

В роще, в поле, на поляне —
Чудеса весны.
Все духовные, миряне —
Все оживлены!
Май исполнен сил,
Неким чудом он владеет.
Все мгновенно молодеет,
Где б он ни ступил.

Кто не чтит его обычай?
Ну-ка, от души
Смейся, пой, пляши,
Но без грубости мужичьей.
Каждый Маю рад.
Если так распелись птицы,
Неученые певицы,
Запевай им в лад.

Слава Маю! Мир отрадный
Он разлил вокруг.
Лес и поле так нарядны,
Так наряден луг!
Сколько пестроты!
«Ты малыш, вот я большая!» —
Шепчут, чашечки качая,
Клевер и цветы.

Алый ротик, брось кривиться,
Зубками дразня.
Стыдно! Он еще глумится,
Огорчив меня!
Как же можно так?
Я люблю, а ты не любишь,
Ты меня с улыбкой губишь,
Словно лютый враг.

Да, моей лихой кручины
Вы одна виной.
Друг мой, нет у вас причины
Строгой быть со мной.
Вы добры для всех,
А ведь я ваш раб усердный.

Быть такой немилосердной —
Право, тяжкий грех.

Но испортить Мая сладость
Я и вам не дам.
Как! Забыть я должен радость
Лишь на радость вам?
Где ваш долг весне?
Вместе быть все твари рады,
Так хоть капельку отрады
Подарите мне!

* * *

Мужу правды радостна весна,
И зима для радости дана.
Только будет радость неполна,
Если не от женщины она.
Чествуй женщин всех, мой стих,
Только лучшими хвалами чествуй лучших среди них.

Радоваться должен человек,
Вот и мне бы радоваться той,
Кто меня приворожит навек
Верностью, Любовью, Чистотой.
Если б сердце увидало
Ту, пред кем бы, как пред чудом, вечно счастье трепетало!

Я ж ее и видел только раз,
Но доныне ей дивлюсь, как чуду.
Или так близка она от глаз,
Что без глаз мне видится повсюду?
Как такое колдовство прекрасно:
Видеть милую не видя, видеть всюду и всечасно.

Люди спросят: «Что ж за колдовство?
За сто миль глаза твои глядят!»
Это мысли сердца моего
И сквозь стены видят милый взгляд.
Будьте вы хранителями ей,
Чувства, чьи глаза всезрящи, страсть и жар души моей.

Доживу ль узнать, что мне в ответ
На меня без глаз она глядит,
Каждой мыслью мне стремится вслед
И любовь мою вознаградит.
Пусть я милой буду мил,
Пусть любовью мне ответит: ей любовь я подарил!

* * *

«Это чувство и сладко и ново,
И все ж это боль, отчего — не пойму.
Я рыцаря полюбила младого
И отказывать больше не в силах ему.
Мне трудно бороться с его мольбой,
И не знаю, не знаю, что делать с собой.

Порою себе я кажусь непреклонной,
Хозяйкой воли своей, и тогда,
Как ни просит мой рыцарь влюбленный,
Я остаюсь перед ним тверда.
Но тут же вопрос себе задаю:
Сохраню ли до завтра я твердость мою?

Если бы он навещал меня реже,
Было б не так искушенье сильно,
Он уходит, а мысли все те же:
Я ведь ему уступлю все равно.
И рада б я сдаться, но женский мой стыд
Подольше не соглашаться велит.

И страхи в сердце моем теснятся,
И мысли шепчут со всех сторон,
Что — как ни страшно — приходится сдаться,
Исполнить то, что требует он.
И мне не избегнуть этого дня.
Ведь этого сердце и хочет и ждет от меня.

Лучшие люди меня уверяли,
Что вся его жизнь образцовой была.
Так я равнодушной остаться могла ли?
Я сердце до гроба ему отдала.
Каждый мне в сердце проникнуть бы рад,
Но все проиграли игру, всем дал мой возлюбленный мат».

* * *

Когда солнцу, от росы блестящи,
Ранним утром или в полдень мая
Шлют улыбку первые цветы
И в полях, в растормошенной чаще
Свищут птицы, радость изливая,—
Что прекрасней этой красоты?
Словно рай, земля сияет всюду.
Но вот я дивлюсь другому чуду
И хочу заверить вас:
Я не раз уже им восхищался
И могу им восхищаться сотни раз.

Если дама вежлива, спокойна,
Хорошо одета, благородна,
Если целомудренна, скромна,
Если свиту выбрала достойно,
Обо всем беседует свободно,
То, как солнце, светит всем она.
За нее, не размышляя,
Я отдам всю радость мая,
Ибо прелесть нежной чистоты,
Красота лица и тела
Лучше, чем весна, и зелень, и цветы.

Если ж выбор кажется вам странен,
Побродите по земле весенней,
Где дружины Мая все в цвету,
И поймете, чем я в сердце ранен,
Почему без долгих размышлений
Благородных дам я предпочту.
Если бы мне выбрать приказали,
Я с ответом медлил бы едва ли,
В этом слово рыцаря даю,
Сударь Май, вы Январем бы стали
Прежде, чем отверг бы я красавицу мою.

* * *

В майский день, порой чудес,
Обновивших луг и лес,
В ясный полдень мая
Я гулял, мечтая.

Я бродил без цели
Там, где птицы пели,
Где звенит, журчит струя
Говорливого ручья,
Слушал пенье соловья.

И под липой над ручьем
Я уснул счастливым сном,
Я в тени прохладной
Мир вкусил отрадный
В неге и покое,
Где забыл о зное,
Где развеял в забытьи,
Близ играющей струи
Злые горести свои.

И увидел я во сне,
Что король я в той стране,
Что, блаженствам рая
Душу предавая,
Чем угодно тело
Услаждаю смело.
Нет заботы, тишь да гладь,
В сердце божья благодать,—
Сон был — только спать да спать!

Я и спал, но — мерзкий звук! —
В сон мой «карр» ворвалось вдруг
Из вороньей глотки.
Человек я кроткий,
Но ворон за это
Сжил бы я со света.
Спать еще б хоть пять минут!
Попадись мне камень тут,
Был бы твари той капут.

Но попалась мне зато
Только бабка лет под сто
И мне очень мило
Сон мой объяснила.
Если вы в сомненье,
Это объясненье
Я могу пересказать:
Два да три в итоге пять,
А мамаша — та же мать.

* * *

Я в двух отношеньях отзывчив, хоть в общем не знаю пощады.
Был я таким еще в детстве, таким я буду всегда.
Радоваться умею, если другие рады,
И уж не стану смеяться, когда у другого беда.
Радуюсь ради людей,
Из-за людей озабочен бываю.
Если печаль душою владеет моей —
Что из того? Я свое настроенье скрываю.
Я — как другие, но лишь для того,
Чтоб не задеть никого.
Многим весьма безразличны чужие печали.
Что ж, окружающим это приятно? Едва ли.

Было пристойно, любезно общество в прежние годы,
Вот почему воспевал я радость, бывало.
Прежде любимым служили, но это вышло из моды,
Вот отчего у меня и песен прежних не стало.
Песня знает свой час,
Она — как ее окруженье.
Если исчезнет грубость у нас,
Вновь по-придворному будет звучать мое пенье.
Радости вслед и для песен время придет.
Тот, кто его дождется, увидит счастья приход.
Пусть же никто надо мной не смеется.
Я-то уж знаю, когда какая песня поется.

Прямо скажу вам, что обществу только во вред:
Женщины слишком хотят с мужчинами быть наравне.
Худшим из нас, как и лучшим, у них любовь и привет,
Равенством радость и честь убиты в нашей стране.
Если б дамы ценили по-разному нас,
К ним относились различно и мы бы тем самым.
Это полезнее в тысячу раз
Было бы и мужчинам и дамам.
Если для них между нами различия нет,
Кто же плохой, кто хороший — дайте ответ.
Каждой скажу благородной даме:
Кой-что мы в женщинах смыслим, будь вы для нас одинаковы,
вы обижались бы сами.

«Женщина» — лучшее имя для женщин, и нет им причины
Думать, будто почетнее дамой родиться.

Если ей стыдно быть женщиною — вот ей слово мужчины:
Пусть прослушает все и больше не будет стыдиться.
Дамы есть и не женщины, я говорю это смело.
Но среди женщин — откуда неженщине быть?
Женщину — женскую душу и тело —
Любим, любили и будем любить.
Дама, как ни знатна,
Женщиной быть все равно должна.
«Дама» — двуликое слово. Эта хвала
Может подчас и хулой обернуться.
«Женщина» — это корона достойного славы чела.

Встарь воспевал я женщин за их мимолетный привет,
Песне моей награду я находил даже в этом.
Там, где теперь для меня и простой благодарности нет,
Пусть другие поют, радуясь их приветам.
Где мне за песню хотя бы один
Признательный взгляд не пошлют ненароком,
Их слуга, но и сам — господин,
К ним я спиной повернусь или боком.
Это значит: «Мне до тебя
Столько же, сколько тебе до меня».
Женщин лишь тех я люблю воспевать,
Которым свойственна благодарность.
Что мне спесивая дамская знать!

* * *

Сидел я, брови сдвинув
И ногу на ногу закинув,
А щеку подперев рукой,
И обсуждал вопрос такой:
Как надо жить на свете.
Но кто решит задачи эти?
Нам надобно достичь трех благ.
И ни одно не обойти никак.
Два первые — богатство и почет.
Они друг другу часто портят счет.
А третье — божья благодать,—
Ее превыше тех должны мы почитать.
Все три хотел бы я собрать в одно,
Но, к сожаленью, людям не дано,

Чтобы почета, божьей благодати,
Да и богатства, кстати,
Один был удостоен в полной мере.
Судьба пред нами закрывает двери,
Предательство в засаде ждет,
Насилье сторожит и выход наш, и вход.
Забыли мы о праве и покое.
Покуда эти двое так больны, не могут быть здоровыми те трое.

* * *

В ручье среди лужайки
Я видел рыбок стайки,
Видал огромный мир чудес,
Траву, камыш, и луг, и лес,
Ползущих, и летящих,
И по земле ходящих,
И знаю, что везде, всегда
Царит жестокая вражда.
И червь, и зверь, и птица
Должны с врагами биться,
И, чтоб в ничтожество не впасть,
Они установили власть.
Поскольку без правленья
Терзают граждан тренья,
Там избран царь, там каждый род
И слуг имеет и господ.
А с вами, немцы, горе,
Вам любо жить в раздоре.
Порядок есть у мух, у пчел,
А немец дрязги предпочел.
Народ мой! Не впервые
Хотят князьки чужие
Твои разрушить рубежи.
Отдай имперский трон Филиппу, а тем их место укажи!

* * *

Я подсмотрел секреты
Почти что всей планеты,
Мужчин и женщин наблюдал
И не один скандал видал.

Был Рим во славу божью
Кругом опутан ложью,
И вышел спор двух королей,
Какого мир не видел злей.
Исход его был странен:
Церковник и мирянин
Пошли друг друга бить со зла,
И гибли души и тела.
Церковников миряне
Разбили в лютой брани.
Те тотчас, отложив булат,
Надели сто́лы вместо лат.
Но церкви разрушали,
Кого хотели — гнали,
Не тех, кого бы гнать пора.

В углу церковного двора
Из кельи в прошлый вторник
Взывал один затворник:
«Он молод, наш святой отец,
Спаси, о боже, христиан, спаси твоих овец!»

* * *

Что же радость — надоела всем?
Стали жить уныло, точно в келье.
Молодых я не пойму совсем:
Где их пляски, шутки, их веселье?
И кого бранить? Кто виноват?
Почему угрюмы
И юнцы и толстосумы?
Не пристала грусть-унылость тем, кто молод и богат.

Но судьба не знает, что кому к лицу.
Я вот весел, хоть и нищ мой дом.
А богатому скупцу
Все не так среди его хором.
Эх, судьба-судьбина, маху ты дала,
Мне, веселому, богатства пожалела.
Это разве дело?
Бедняку тоска да скука больше бы к лицу была.

Но уж я таков: найдет тоска —
Вспоминаю о достойной даме.
Вспомню лето, зелень, тень леска —
Мысли станут радостными сами.
В зимний день и я грущу всегда,
Но пример мне луг соседний:
Луг стыдится грустных бредней,
Чуть леса зазеленели, он краснеет от стыда.

Ах, когда б ты знала, госпожа:
Вспомню, как достойна ты, чиста —
Сердце так и вскинется, дрожа.
Без любви оно не может, без любви в нем пустота.
А «мила», «милей» — не все ль равно?
Что милей того, что я скажу?
В целом мире уж давно
Я одну мою люблю, обожаю госпожу.

* * *

Я не видал, чтоб кто-нибудь
Из вежливости весел был, как я.
Среди людей, пусть горе гложет грудь,
Смотрите, как я радостен, друзья,
Как — тоже для людей — себе же лгу я часто.
Тебе везет,— скажу себе,— и баста!
Она целебна, ложь моя.

Я помню радость, песни, смех —
Все, что из сердца выбросить пора.
Кто не видал былых утех,
Тому ль понять, как боль по ним остра!
Нет, радость изменила нам!
Душа стремится к прошлым временам,
Теперь печаль — ее сестра.

Кто, вслед мне глядя, не сказал:
Удачлив — вот и радостен всегда!
Я сроду радости не знал
И не узнаю — разве лишь тогда,
Когда хорошим станет немец вновь
И та ответит на мою любовь,
Кем сожжены мои года.

Служу я людям от души
И так служить всю жизнь привык.
А что в награду мне? Гроши!
Все думают: не разглядит старик.
Не разглядит! Да разве я слепой?
Что я выпрашивал слезами да мольбой,
Дурак у них добудет вмиг.
Так что же с ними делать мне?
Сегодняшний обычай мне претит,
А как начну по старине,
Удачи нет, лишь натерплюсь обид.
Одним держусь: то, чем людей берут
Успеха ради и наглец и плут,
Ее вовек не соблазнит.

* * *

О князь Апулии, хранящий Вечный град,
Я нищ, хотя Искусством так богат.
Мне только б свой очаг — я не прошу палат!
Я воспевал бы птиц, поля, цветы, потоки,
Я пел бы, как умел в былые дни певать,
И славили б меня красавицы опять,
И вновь бы с розами я сравнивал их щеки.
Теперь, незваный гость, стыжусь за свой приход,—
Хозяин лучше песнь о солнышке поет.
Князь, помогите мне в невзгодах,
И бог спасет вас от невзгод.

* * *

Мне Тегернзее хвалил знакомый люд:
Мол, гостю там всегда и пища и приют.
Я сделал добрый крюк в две мили,
Ведь я же странный человек:
Себе не верил я вовек,
А верил в то, что мне другие говорили.
Я не глумлюсь,— господь, помилуй души наши!
Поставили мне воду,
И, мокрый, дал я ходу:
Как под дождем бежал, покинув стол монаший.

* * *

Увы, промчались годы, сгорели все дотла!
Иль жизнь мне только снилась? Иль впрямь она была?
Или казалось явью мне то, что было сном?
Так значит, долго спал я и сам не знал о том.
Мне стало незнакомым все то, что в долгом сне,
Как собственные руки, знакомо было мне.
Народ, страна, где жил я, где рос я бестревожно,
Теперь чужие сердцу, как чуждо все, что ложно.
Дома на месте пашен, и выкорчеван бор,
А с кем играл я в детстве, тот ныне стар и хвор.
И только то, что речка еще, как встарь, течет,
Быть может, уменьшает моих печалей счет.
Теперь и не кивнет мне, кто прежде был мой друг.
Лишь ненависть и злоба господствуют вокруг.
И стоит мне подумать, зачем ушли они,
Как след весла на влаге, исчезнувшие дни,
Вздыхаю вновь: увы!

О молодые люди, увы, прошла пора,
Когда, любивший радость, растил вас дух Двора.
И вас теснят заботы, вам изменил покой.
Как радость обернулась нерадостью такой?
Где песни, смех и танцы? Задохлись от забот.
Где в мире христианский так низко пал народ?
Не красят женщин ваших уборы головные.
В крестьянском платье ходят и господа иные.
А тут еще и буллу прислали нам из Рима,
И, горе нам оставив, проходит счастье мимо.
Все это мучит, гложет — иль так я сладко жил,
Что смехом только слезы под старость заслужил?
В лесу от наших жалоб печалится и птица,
Так если я печален, увы, чему дивиться!
Но почему, безумец, браню я все кругом:
Кто счастлив в этом мире, тот кается в другом!
И вновь и вновь: увы!

Увы, под маской доброй тая повадку волчью,
Мир угощает медом, который смешан с желчью.
Снаружи мир прекрасен: он зелен, розов, бел,
Но смерть и мрак увидел, кто в глубь его глядел.
Соблазны всех прельщают, надежда тешит всех:
Мол, покаяньем легким искупишь тяжкий грех.

О рыцари, вставайте, настал деяний час!
Щиты, стальные шлемы и латы есть у вас.
Готов за веру биться ваш посвященный меч.
Дай сил и мне, о боже, для новых славных сеч!
Богатую добычу я, нищий, там возьму.
Мне золото не нужно и земли ни к чему,
Но, может быть, я буду, певец, наставник, воин,
Небесного блаженства навеки удостоен.
В град божий через море, через валы и рвы!
Я снова пел бы радость и не вздыхал: увы!
Нет, никогда: увы!

* * *

Земля, хозяину скажи ты,
Коль обо мне случайно спросит:
Я расплатился, мы с ним квиты,
И вексель пусть под стол он бросит.
Я должников его жалею:
По мне, чем быть в долгу у черта,
уж лучше должным быть еврею:
Он выждет всем известный срок,
Потом, коль ты платить не можешь,
процент учетверит в залог.

«Нет, Вальтер, ты еще побудь,
За что ты сердишься, старик?
Когда просил ты что-нибудь,
Я все давала в тот же миг,
Чего душа твоя желала.
И больно мне лишь оттого,
что редко ты просил и мало.
Смотри, тебе здесь благодать,
А если ты решишь расстаться,
то радости не будешь знать».

Я насосался до отвала,
И грудь твою забыть бы рад.
Ты мне веселье обещала,
Но лгал он, любящий твой взгляд.
Твое лицо светло и ясно,
И вся, коль спереди смотреть,
не стану спорить, ты прекрасна.

Но сзади — что за мерзкий вид!
А я тебя увидел сзади,
с тех пор мой стих тебя язвит.

«Пускай меня ты разлюбил,
Но лишь одно: хоть иногда
Припоминай, как счастлив был,
И на меня смотри тогда,
Ведь там бывает так тоскливо!»
Я был бы рад, но мне противно,
что лицемерна ты и лжива
И всех умеешь обмануть.
Дай бог тебе спокойной ночи,
а я иду в последний путь.

* * *

Я разделю, пока я жив,
И земли и добро свое,
Чтобы не смел, кто нагл и лжив,
Не о своем сказать: мое!
Свои злосчастья оставляю тем я,
Кто сеет зависти и ненависти семя,
Но им же — яд раскаянья в крови.
Мои печали —
Тем, кто клялись и лгали,
Мои дурацкие порывы —
Тем, кто в любви фальшивы,
А женщинам — тоску по радостям любви.

* * *

За красоту хвалите женщин — им по нутру такая дань,
Но для мужчины это будет так скользко, что сойдет за брань.
Пусть у него отважным, щедрым и постоянным будет дух,
И это третье — постоянство — отличный спутник первых двух.
Послушайте, что вам скажу я, и вы тотчас поймете сами,
Как надобно хвалить мужчину, чтоб не бесчестить похвалами.
В нем человека надо видеть, чтобы его понять сполна.
Когда по внешности мы судим, нам сердцевина не видна.
Как много в мире чернокожих, в чьем сердце дух прямой и смелый,
И сердце черное как часто скрывается под кожей белой!

* * *

Плох ты, мир, ты совсем оголтел —
Все от черных, от собственных дел.
Миримся мы с тобой против воли!
Ты потерял последний стыд.
Бог видит, я на тебя сердит.
Мир, мы терпим и ждем, но доколе?
Честь — о ней помышляешь ты мало.
Радости прежней совсем не стало,—
Где ей, бедной, теперь цвести!
«Щедрость» и вовсе бранное слово.
В моду вошли богатей и скряга.
Мир, ты забыл, что такое благо,
Сбился ты, бесноватый, с пути.
Верность и Правда остались без крова,
Все достоинства не в чести.

* * *

Господь! Кто набожен на вид
И десять заповедей чтит,
Но преступает их, тот вряд ли любит бога.
Тебя отцом назвать он рад,
Но если я ему не брат,
То чувства в нем сыновнего не много.
Мы все в родстве. Богатый, нищий
Равно для тела просят пищи —
Да претворится в плоть она!
Кто отличит слугу от господина
(Хотя б мы их живыми знали),
Когда их черви доконали,
Объев скелет? И заповедь одна
Для всех, кто смертен — для христианина,
Язычника, еврея — все едино:
Служить тому, кем жизнь сотворена!

* * *

Бог ставит королем, кого захочет он,
И этим я не удивлен.
Но вот попам дивлюсь я много:
Чему они учили весь народ,

То стало все у них совсем наоборот.
Так пусть во имя совести и бога
Нам растолкуют, что безбожно,
Что истинно,— начистоту!
Ведь мы им верили недаром,
Где ж правда — в новом или в старом?
Коль то правдиво, значит, это ложно:
Два языка не могут быть во рту!

* * *

Я вышел в поисках чудес
И видел чудные дела:
Я видел три пустые трона,
Где Зрелость, Мудрость, Чистота
В былые годы восседали.
Сын девы, дай нам знак с небес,
Чтоб эта троица могла
Воспрянуть, как во время оно,
И прежние занять места!
Их горести моею болью стали.
Тройная власть и все их троны богатым заняты юнцом.
Мы вместо трех высоких духом склонились пред одним глупцом.
Воспитанность и Право гибнут, и в людях больше нет стыда.
Так жалуюсь и вяну я в печали.

* * *

С веленьем божьим, как посол,
К вам, император, я пришел:
Земли владыка! Вас владыка всей вселенной
Как своего наместника винит
В том, что язычник вас теснит,
Глумясь над господом в его стране священной.
За право божье в бой, скорее в бой!
Не вы ль Христа и бога щит!
И сыном божиим вам суждена награда:
С ним заключите договор святой,
Тогда он ваше право отстоит
Хоть перед чертом в безднах ада.

* * *

Во всех, чье сердце бес не совратит,—
Сам папа ныне ереси плодит! —
И дух господень жив, и вера их жива.
А взять попов — дела их и слова!
Встарь были чисты дело их и слово,
Теперь глядишь — они едины снова.
Но где их чистота? Глазам и слуху стыд!
Поп мерзко учит, мерзкое творит!
И человек простой недаром с толку сбит.
Заплакал бы отшельник мой от зрелища такого.

* * *

Епископы, церкви князья, и вы, все монахи на свете,
Смотрите, папа вас тянет прямехонько в чертовы сети.
Ключи святого Петра ему достались от бога,
Почто же слово святого он так преследует строго?
Смотрите, он торговать задумал божьим ученьем,
Но это запрещено самим Христовым крещеньем.
Ведь ясно: он чернокнижью учился у сатаны.
Теперь вы чертову мудрость нести всем людям должны.
Но ваши хоры — под кровлей, от снега защищены.
А наш алтарь — под дождем, и души полны смущеньем.

* * *

Как набожно папа смеется, как свято каждое слово,
Когда своим чужеземцам он сообщает: «Готово!»
Но лучше б даже не думал того, что сказать он так рад:
«Теперь у меня два немца под одной короной сидят.
Пускай доводят страну скорей до разрухи и смуты,
Мы будем ларцы набивать, не упустим ни минуты.
Я к жертвеннику пригнал их, до нитки всех обобрав.
Запру их немецкие деньги в свой чужеземный шкаф.
Церковники, ешьте, и пейте, и тешьте веселый нрав,
А прочие немцы — поститесь, не то мы будем круты».

* * *

Проснитесь, близок день Суда!
Вам от него не скрыться никуда,
Язычники, евреи, христиане!
Иль вам знамений грозных мало?
Писанье истину сказало.
Одумайтесь — мы все в господней длани!
Темнеет солнце, и земля должна
Растить измены черной семена.
Нет утешенья нам в печали!
Сын предает отца лукаво,
Брат оболгать стремится брата.
Мы у священников к спасенью путь искали,
Но лгут они, ничто не свято.
Насилье торжествует, гибнет право.
Вставайте! Все мы долго спали!

* * *

Ни мудрость, честь, ни сила слова,
Ни яркость облика мужского,
Увы, не вечны, как не вечно тело.
И плачет горько тот знаток,
Что оценить утрату смог:
Твоя, о Рейнмар, лютня отзвенела!

Хвалы потомков ты стяжал по праву.
Неутомимо пел ты женщин славу.
Их вечный долг — благодарить поэта.
Когда б ты спел одно лишь это:
«Восславься, женщина!» — уже б ты сделал много.
И каждая из них теперь за Рейнмара пусть молит бога.

* * *

Я плачу, Рейнмар, о тебе
Сильней, чем ты бы плакал обо мне,
Когда б не ты, но я лежал в гробу холодном.
Я честно сознаюсь и в том,
Что слезы лью не о тебе самом —
Лишь о твоем искусстве благородном.

На добрый лад настраивая лиру,
Своим искусством нес ты радость миру.
Но нет красноречивых уст, чудесных песен больше нет!
Увы, я жив, но их уже не стало.
Куда спешил, зачем ты жил так мало?
И сам я скоро кончу петь, и сам уйду тебе вослед.
Мир духу твоему, о Рейнмар, благодарю тебя, поэт!

* * *

Горе песням благородным,
Если грубых звуков сила —
Видит бог! — безвкусьем модным
Даже Двор заполонила.
У друзей нерадостные лица.
Где вы, где, творцы высоких песен?
Будь что будет, но коряв и пресен
Этот стиль, что быть искусством тщится.

Кто вернет нам верность чувства,
Стройный стих и радость пенья?
Он от всех друзей искусства
Заслужил бы одобренья.
В этом был бы дух Двора, тот самый
Дух, который мы доныне чтим.
Так судили рыцари и дамы,
А теперь отступник не судим.

Мало тех осталось в мире,
Кто, любя былой обычай,
Благозвучье ценит в лире.
Я ж воспитан старой притчей:
Кто играть на мельнице захочет,
Где шумят колеса и вода,
Где скрежещет жернов и грохочет,—
Разве арфу принесешь туда?

Хоть собой они довольны
И стряпней своей плачевной,
Те, кто в песнях своевольны,
Вызывают смех мой гневный.

Квакают, как жабы в майском хоре,
Горлопанят — кто во что горазд.
Соловью от них такое горе,
Что ни звука бедный не издаст.

Если б шум их прекратили,
Ходу в замках не давали,
Мы бы так не загрустили,
Мы бы радость воспевали.
При Дворе не к месту этот сброд,
Если бы я мог его прогнать!
Пусть в хоромы мужичья идет,
Для него там благодать.

* * *

Неверно счастье нам неверностью особой:
Схватить сумел, но удержать попробуй.
Его дает не право, не пристрастье.
Захочет, раньше времени найдет.
Уйдет и все до срока уведет.
Глупеет тот, кому привалит счастье.

Веселостью прислуживай страданью:
В стеклянном счастье радуйся сверканью,
Пока на сердце горе не скребется.
Ведь счастье так нетвердо:
В глаза блеснет, засветится лишь гордо
И тут же на осколки разобьется.

* * *

Все, что летом знало радости расцвет,
Чует наступленье хмурых зимних
дней.
Всюду приумолкло
щебетанье птах.
Ни цветов уже, ни травки больше нет.
Кажется, что вся природа
сделалась бедней.
Иней серебрится, наш лужок
зачах.
Всесветной жалобе вторю,
Оплачу мой праздник летний:
Конца не будет горю
Даже в мой день последний.

Удивит вас, верно, жалоба на то,
Что поведал я ко благу
милых избранных друзей.
Объяснить хочу, чтоб вы сказали:
«Да, ты прав».
Не живет на свете без греха никто.
Все грешим, грешим —
а оттого и мир все злей.
Тают годы, дни мои летят, короче став.
Мне ли весельем упиться,
Что не от сердца явилось,
Службой Христу поступиться,
В которой благость и милость?

Я грехи омыть раскаяньем хочу,
Но ведь госпожа ждет новых песен
для своих детей.
Я же должен буду в песнях
даме отказать.
Приглашенья к ней тогда уже не получу.
Ах, беда, расстанусь
я со службою своей.
Я на то решился — душу надо мне спасать.
Ведь она так далека
От господа бога,
Но есть господня рука,
Душам подмога.

Госпожа моя стара, как древняя мощa,
Но при этом безрассудна,
как ребенок семи лет.
Я другую столь дурную никогда и не знавал.
Очень нравится меня ей совращать.
Все надеется, останусь я служить,
а вышло — нет.
От нее гонец привет мне и любовь передавал.
На ум взбрело ей, хоть и стара,
Ко мне примоститься.
Ну тут я и решил: пора
С мошенницей распроститься.

Госпожа, ну говорите, что вам надо от меня?
А! Хоть тысяча мальчишек пусть меня
заменят впредь.
Стать хочу слугой господним, дам ему обет.
Не останусь я певцом у вас ни дня.
А не то на этой службе
не смогу я вдруг стерпеть,
Что душе моей и духу было бы во вред.
Все же, как мне убраться отсюда,
Это долго обдумывать надо.
Но служить я отныне не буду
Даже той, чья повыше награда.

Мудрых величают там божьими детьми
(Я узнал бы, я приду ли с ними
в сонмище детей
К общему содружеству; увы, неблизко мне),

В светлый мир блаженства чад своих прими,
Дай мне бог, господь небесный,
не сойти с твоих путей;
Пересиль все силы, чувства укрепи вдвойне,
Чтобы я души своей счастье
У тебя захотел заслужить,
Ставший вечной радости частью
Твоей сладости мог вкусить.

* * *

Ликуйте, стар и млад,
Вновь май пришел в наш сад.
Прогнал он зиму злую,
Шумит напропалую.
Как прекрасно соловей
Распевает,
Трели рассыпает
Среди ветвей.

Лес в листья разодело.
«А мне-то что за дело?» —
Мать говорит девчонке.
А та из комнатенки:
«Ноги вздумала связать
Мне веревкой,
Чтоб неловко
Было к мальчикам бежать!»

Мать это услыхала.
«Ах, так! Выходит, мало
Тебя лупили с детства.
Найдем другое средство.
Хочешь прыгнуть из гнезда?
Нет, лентяйка!
Залатай-ка
Мне рукав. Ну, сядь сюда».

«При помощи дубины
Вам бы свои морщины,
Матушка, разгладить,
Чтоб барабан наладить.

Буквица из «Градуалий» аббатства Сен-Мишель.
XI век.

За год вы еще глупей,
Вижу, стали.
Что пристали?
Мол, садись, рукав зашей!»

Старуха подскочила:
«Нечистая ты сила!
Ишь выросла дурною!
Все лается со мною.
Только ветер в голове!»
«Не серчайте, есть утеха:
Вот еще одна прореха
Вдоль каймы на рукаве».

* * *

«Пой, петушок золотой, дам тебе зерен!»
Весел я стал,
Возликовал.
С ее дозволенья пою я охотно,
Всем повеленьям любимой покорен.
Круглый год —
В сердце мед.
Если сдержать обещанье ей будет угодно,
Я, счастливейший рыцарь, познаю веселье
И вновь запою.
Но горесть мою
Разве заметит она?.. А я ведь печален доселе.

Чу, слышу: в этом доме танцы.
Для господ —
Настежь вход.
Вот они толпятся — дородные крестьянки,
Кружатся все в танце-ридеванце.
Жарят скрипачи!
Ах, скрипка, помолчи!
Бедному влюбленному сейчас не до гулянки!
А пирушка продолжается, все поет, танцует.
Шум да гам!
Адельгам,
Как всегда, меж двух девиц гарцует!
Нам не надо стульев и скамей,
Стол, посуда —
Вон отсюда!

Танцевать сегодня будем до упаду.
Двери распахните поскорей,
Чтобы смог
Ветерок
Девушкам вдохнуть за лифчики прохладу.
Если ж в комнате вдруг станет тихо,
В тот же час
Мы для вас
Наш придворный танец спляшем лихо.

Вернеболь, Виллебольд, Гумпрехт и Эппе,
Госбрехт,
Виллебрехт,
Юный мызник Тузе,
Мегенбольд, сын мызника, и Реппе,
Иренварт,
Зигехарт,
Гизелер, и Фридегер, и Узе.
Пляшет Холингер.
Взгляните: вот балбес-то!
Сватается целый год,
Но — куда там! Не дает
Дурачку согласия невеста.
И — ни с места!

Между тем
Он нам всем
Нос утрет осанкою и статью.
За Христа
В дальние места
Он уйдет на войну с Христовой славной ратью.
Лента в две ладони шириной
У его меча.
А камзол каков у силача!
Позавидуешь, ей-ей, такому платью!
Прилатано двадцать четыре
Лоскутка у молодца на рукава.
Да, одежда такова,
Что ничто с ней не сравнится в целом мире!

А ведь он мужик по всем приметам.
Как не злиться?
Говорят, что он
Захотел дочь Энгебольда Аву.
Чтоб ему на этом месте провалиться!

Нет, она
Создана,
Чтобы графской, не мужицкой стать женою!
Эй, не лезь!
Ты гляди, дурак, не слишком куролесь,
А не то под Майнцем встретишься со мною!

Ах, не столь уж и нарядно разодет он,
Не речист,
Не голосист,
Чтоб такую соблазнить девицу.
И не пел, а только жвачку этим летом
Он жевал.
Горе я переживал,
Рядом увидав их лица.
Если же отдаст она мне предпочтенье,
Замок для нее не жаль.
Лучший в мире: Ройенталь,
Высшей грезы воплощенье.

* * *

Посмотрите, стал я стар:
Голова как снег бела.
От крестьянского сыночка
Я понатерпелся зла.
Ох уж этот Энгельмар!
Он, болван, всему виной:
Прикарманил мой подарок —
Зеркальце у Фридеруны
Он посмел украсть.
И с тех пор,
Как явился этот вор,
С легким сердцем я не пожил,
Грусть и горечь я познал,
Душу горем растревожил
И любовью все к любимой
Сердце бедное терзал.

* * *

Бродил по далеким краям
Бочар из веселой артели,
А был он любителем дам,
И там, где бывал он при деле,
О деле потом не жалели.

«Хозяин, не нужен ли в дом
Работник?» — «А что за работа?»
«Работа? Тешу долотом.
Я бондарь. Кому есть охота,
Я сделаю бочку в два счета».

Он взял из мешка молоток
И обручи вынул для кадки,
Он многое вынуть бы мог,
Поскольку при добром достатке
Держал инструменты в порядке.

Хозяйка была молода
И сразу его оценила.
«Спаситель послал вас сюда»,—
Сказала, пощупав зубило.
И дело пошло, покатило.

Вот бочку связали вдвоем
Не меньше, чем на девять ведер,—
На то и хозяйка: всё в дом.
Однако и бондарь не людырь —
Уважил хозяина бондарь!

* * *

«Только услышу, как начали скрипки,
Лучше бы, думаю, мне умереть,
Чем над качалкой зевать!
Ах, убежать бы под майские липки
И в хороводе с подругами петь
И танцевать, танцевать!
Скрипки играют, зыбки скрипят,
Малые дети спать не хотят.
Милочка, скоро ль тебя укачаю, я уж и света не чаю!

Няня, возьми — у меня нет терпенья —
Дитятко на руки, будь так добра,
Ты одна можешь помочь.
Я бы терпела, когда бы не пенье,
Если б не песни всю ночь до утра,
Песни и танцы всю ночь.
Скрипки играют, зыбки скрипят,
Малые дети спать не хотят.
Милочка, скоро ль тебя укачаю, я уж и света не чаю».

* * *

Госпожа, я мог бы счастье излучать,
Но без вашего участья нет житья.
«Ах, оставьте! Много проще получать
Утешенье у других. При чем тут я?»
Кто теперь меня утешит, кроме вас и бога?
«Бросьте глупые насмешки, вы болтаете так много!»

Нет, прекрасная! Единственная, нет!
Не отталкивайте преданность мою.
«Ах, но разве я давала вам обет,
Вашу скорбь нести желала, как свою?»
Знайте: я — на грани смерти, сжальтесь над страдальцем.
«Ради вашего спасенья шевелить не стану пальцем».

Я утратил вкус к насмешливым словам,
Не до шуток, если боль долбит виски.
«Ну так что же я должна позволить вам,
Чтоб избавить вас от гибельной тоски?»
Я бы дал совет охотно, вам помог бы в этом.
«Ах, боюсь, что я не скоро обольщусь таким советом».

Ваша холодность и ваш надменный смех
Сердце бедное мое вгоняют в грусть.
«Ваша просьба для приличной дамы — грех,
Хватит гневаться, не то я разозлюсь!»
Гнев — без пользы, вашу нежность лучше взять в подмогу.
«Я клялась мужчин коварных сторониться всю дорогу».

Мне не свойственно коварство, госпожа,
Я, ей-богу, без подвоха вам служу.
«Если правда все, что молвите, дрожа,
Я огромное спасибо вам скажу».
Если б это помогало, я воскрес бы, знайте.
«Ну тогда воспряньте духом и надежду не теряйте!»

* * *

Позор, фон Цветер Регимар,—
Как свой, ты двор чужой подмел,
Нос подточил ты, как комар,
И четвертушку в фунт возвел.
Да, если сам себе не врешь.
День вырос в год, стал юн, кто стар;
Дрофой стал гусь, скворцом орел,
Оленю дал ты речи дар,
Как пса, ты волка в дом привел.
Но где ты доводы берешь?
Ложь льется с языка легко,
Как истина для всех.
Цедил ты птичье молоко,
Носил ты рыбий мех.
Трех чудищ ты уговорил:
Скупость,
Зависть,
Ненависть.
Ты вор, крадущий слог и стих,
Пивко без солода сварил:
Хлебни-ка! Прихвостней своих,
Хозяин, слушай ложь.

* * *

Я, люди, песню бы свою
Пропел теперь для вас...
Но ждет, как я ему спою,
Всяк лишь на свой заказ.

Один желает знать о том,
Как Дитрих Бернский пал.
Второму спой, как королем
Когда-то Ротер стал.
О нападенье русов
Рассказа третий ждет.
Четвертому поведай
Про Экхартовы беды.
А пятый заказал
Кримгильду вспомнить песней.
Шестой наказ мне дал:
Ему лишь интересно,
Где лютичей народ.
Так каждый в свой черед,—
Разнообразье вкусов!—
Припомни, просит, о былом:
Как Зигфрид прожил, песню спой,
Как Экке кончил путь мирской.
Седьмому спой про гóтов племя,
Про подвиг Виттиха и Гейме.
Одних любовных песен
Потребовал восьмой.
Девятый прочь уходит,
Соскучившись со мной.
Десятый песням рад,
Лишь был бы в песне лад,
Пропой про то, про се,
Он в уши впустит все.
О Нибелунгах слушать сказ
Иной всегда готов,
Он чувства в этой глыбе закопал.
Я для такого пов.
Я для такого мал.
И песнь, что я слагал,
Для множества ушей сейчас
Как стук о мрамор топоров.
Но я таков:
Чтó, люди, я пою для вас,
На то король мне не указ,
Я сам хозяин слов.

* * *

Вьюги завыли,
мы дома засели,
други, не мы ли
устроим веселье!
Ну-ка, за мной,—
будут подмиги,
подсмехи, интриги —
в утехе земной.

Будем любезны,
но к милым прижмемся,
дудки исчезнут —
так пеньем займемся.
Шлейфы ловп:
сможешь резвиться,
вертеться и виться,—
добиться любви.

Братцы, стремитесь
успеть за фортуной,
каждый займитесь
избранницей юной:
сладостный труд!
Грейте же руки
на бедрах подруги,—
ведь годы идут.

Братцы, влеченье
тиранить не надо:
страсти значенье
усилит преграда.

Кстати, любовь
неоспоримо
волнует незримо
возлюбленным кровь.

Радость, храни же
от горя и скуки!
Ну-ка, поближе,
угрюмые буки!
Если подружка
смотрит с насмешкой,
лучше не мешкай:
готова ловушка.

* * *

Солнце жаркостью могучей
Волны воздуха согрело,
И пустился дождь брызгучий
Освежать земное тело.
Расплодилась радость в гнездах
От укромного зачатья:
Это сделал свежий воздух,—
Разве, братья, стану врать я!
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

Душно в спальне и в столовой,
С крыши вьются ливня стружки:
Влезть в сарай — совет толковый,
Он от опытной старушки.
Все заботы позабыты,
Все печали улизнули —
В пух и прах они разбиты,
Смяты в пляске и разгуле.
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

Сладкозвучные мотивы
Боль утрат смягчили нежно.
Стали снова те, кто живы,
Обращаться безмятежно
К мыслям о делах счастливых.

Кто способен веселиться,
От любовных мук тоскливых
Легче сможет исцелиться.
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

Выше слов моя подруга!
А бутон в прическу вложит —
Ослепит, как солнце Юга:
Кто взглянул, грустить не сможет.
Это знают очевидцы,
А моя душа особо:
Там сумела утвердиться
Эта чудная особа.
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

* * *

Как весел, кто несется вскачь
По апулийским нивам...
Уймись, душа, и зависть спрячь
К тем вольным и счастливым.
Поет охотничий рожок,
Ручей ласкает око...
И милый девичий кружок
Я вижу издалека.

По своему желанью я
Теперь расстался с вами:
Не сокола пускаю, не за лисой гоняюсь,
Уже не я за ланью теперь скачу лесами,
Не я венок сплетаю и розою пленяюсь,
Не ты меня приветишь,
Зайдя со мной в траву,
В саду меня не встретишь
Средь юношей пригожих: я по морю плыву.

Себе порой я в тягость сам,
Мне нет нигде покоя —
Сегодня здесь, а завтра там —
Желание такое!
Мотаюсь я по свету,
И хоть легко поется,
Будь утро или вечер,
С тяжелою заботой душа не расстается.

Все напрягаю силы,
Чтоб в мире, полном зла,
Вода не поглотила,
Земля не подвела.
Но пусть я в платье драном,
Пускай я нищ и наг,
Закрыта даль туманом,
А в сердце метит враг,—
Я все равно не струшу,
Я муки все приму,
И верность не нарушу
Всевышнему владыке,
владыке моему.

Кто был, как я, бедою бит,
Не чаял избавленья?
Мне стал бы гробом остров Крит,
Но дал господь спасенье.
Однажды бурей злою
Меня к скале прижало,
А в этом — я не скрою —
Веселенького мало.
Когда сломались весла, смекните, что случилось!
Порвало парус в клочья, пустило по воде.
Мне все гребцы сказали, что им не приходилось
Терпеть, как этой ночью, и я скорбел в беде.
На море шторм продлился
Так до шестого дня.
Я от него не скрылся,
Он, наравне с другими,
Не миновал меня.

Двенадцать яростных ветров
На судно нападали —
То с африканских берегов,
То из турецкой дали.
Был шторм свиреп и бешен,
Крутил с нездешней силой...
За то, что я так грешен,
Господь меня помилуй!
Моя вода закисла, сухарь мой черств и горек,
Протухла солонина, кислятина вино,
Вонь, что смердит из трюма,
Не лучший спутник в море,

Я предпочел бы розу, когда бы суждено.
Горохом и бобами
Не кормится душа:
Захочет бог быть с нами,
Тогда любая пища
Мне станет хороша.

Ах, тот, кто движется вперед,
Счастливейший на свете!
А я все жду, когда придет
Ко мне попутный ветер!
Сирокко шел с востока,
Летела трамонтана,
Зюйд-вест трубил жестоко
С пустыни океана.
Мистралем обжигало и греческим пронзило,
Норд-ост дул и Арзура, Левант им отвечал,
Подуло африканским, турецким просквозило,—
Одиннадцать свистели, двенадцатый крепчал.
Узнать бы их не много
На суше я успел.
Я шел во имя бога,—
Лишь так, а не иначе,—
Что б я ни претерпел.

* * *

Ловко в мае пелось,
Пел я, как хотелось,
Слышно далеко.
Юные просили
Песен в дни весны.
Под ветвистой кроной
Я свои канцоны
Складывал легко.
Да, меня любили
И со мною были
Веселы, вольны.
Как жилось отрадно,
Как певалось ладно!
Ах, но минул сон:
И поет нескладно

Тот, кто был изрядно
Прежде одарен,
Но свой дар промотал
Вскорости нещадно.
Теперь я тяжко, трудно
Слагаю эту песню.
Душа ее пуста.

* * *

Не знался б ты с бедою,
Будь милая с тобою.
Плясал бы в буйном раже,
От счастья прыгал даже!
Любовь — прыгунья та же:
То есть она, то нет.
Ищи ее получше,
Спеши за нею вслед.

Смотри, как водит нас,
Танцуя, кружа!
Ах, где-то сейчас
Моя госпожа?
Я прыгаю пред нею
И на нее глазею.
Смотрите, что за ножки
У этой милой крошки!
Как сладостны шажочки!
Как пламенеют щечки!..

* * *

Когда я блещу, тебе должно светиться,
Когда я плещу, тебе — бурно излиться,
Когда ты вдыхаешь, то сердце мое
впитываешь в свое.
В разлуке ты — моя рука
Вернет тебя издалека.
Возлюбишь — станем мы с тобой двуедины,
И боле —
Мы никогда не узнаем кручины
И боли,
И ждут нас только любовь да отрада —
За нашу любовь Христова награда.
Господи, как я жду —
В голоде, в жажде, в томленье,
В радости, в исступленье,
Жду — пресветлый час идет
И божественный твой рот
Речью сладостною дышит.
Никто из нас тех слов не слышит,
Их слышит только душа одна,
Что от земли освобождена.
Ухо ее лежит на устах твоих...
Да, так вершится любовь двоих.

* * *

О ты, огненный пик, о ты, солнечный круг раскаленный!
О ты, ясный месяц во тьме, о ты, источник бездонный!
О ты, высота недоступная,
О ты, бесконечно прозрачная глубина!

О мудрость без меры!
О милосердье без ограниченья!
О вседержавность без сопротивленья!
О венец всей чести!
Тебе хвалу воздает
ничтожная малость
из сотворенного когда-либо тобою!

* * *

Ты только ничто полюби,
Ты к нечто любовь обруби,
Ты одиноким будь,
Ты знай: к никому твой путь.

Трудом ты должен жить,
Рабом вещей — не быть.
Ты пленным дай свободу,
Сам пей мучений воду.
Дай бедным кров и пищу,
А сам будь голым нищим.
Любви питай ты пламя
Лишь добрых дел дровами.
Тогда войдешь в обитель,
Где правда — вседержитель.

* * *

Кто был изранен в свой черед
Любовью истинною, тот
Век исцеленья не найдет,—
Он исцеловывает рот,
Который больно душу рвет.

* * *

Если б моим был мир земной,
Если бы он был сплошь золотой,
Если бы вечно царить мне одной
Самой могущественной императрицею,
Самой прекрасной и молодой,

Я от этой отравы отвратила б уста;
Но радостно видеть мне господа,
Мною возлюбленного Иисуса Христа
Там, на троне небесном, где чиста высота.

Измерь, что терпят те, которые ждут своего так долго.

ИЗ КНИГИ «РАЗУМЕНИЕ»

О ЖИЗНИ

Мы мед вкушаем жадным ртом
И желчью кормимся потом.

Нам в этом мире не житье
Без слова сладкого «мое»...

Жизнь — переменчивое море:
Сегодня — счастье, завтра — горе.

Но небесам любезен тот,
Кто жизнью праведной живет.

Людскую не пожнет хвалу,
Кто вероломно служит злу.

Бывает: горько сердце плачет —
Пусть горечь слез улыбка спрячет.

Мир все хуже, все развратней,
Ужас все невероятней.

Страшный жребий мы влачим,
Ибо мир неизлечим!..

О СТАРОСТИ

Старик, горящий юным жаром,
Юнец, до срока ставший старым,
По мне — равно не хороши...
Коль молод — пой, гуляй, пляши,
А коли стар — блюди степенство!..

В почтенье к старшим совершенство
Обрящет юноша любой!

Умеющий владеть собой —
И в меру стар, и молод в меру...

Благому следуя примеру,
Помалкивай, не суесловь,
И славу встретишь и любовь.

О ПОПАХ

Тому, чья жизнь — одни пороки,
Грешно другим давать уроки.
Под белоснежным одеяньем
Не скрыться черным злодеяньям.
Найдешь ли к истине дорогу,
Коль пастырь твой не верен богу?
Клянусь, что только для глупцов
Важнее тысяча слепцов,
Чем — пусть один, но все же зрячий!..
Сие не кончится удачей.
Дарует людям свет свеча,
Сама сгорая, сгоряча.
Иной с благим к нам льнет советом,
А сам отнюдь не благ при этом.

Неверный свет несущий
Во тьме споткнется тьмущей.

Бывает: жажда велика,
Но важен выбор родника.
Пусть замутненный ближе,
Есть чистый ключ!.. Внемли же!..

О КОРОЛЯХ И КНЯЗЬЯХ

В сердцах — разлад, в стране — разгром,
Когда король — дитя умом
Или князья взбесились,
Обогатиться силясь.
Пусть у сиятельных князей
Пошире будет круг друзей!
Советчиков — помене!
И заперт путь к измене!..

Нередко — боже, помоги! —
Слуга последнего слуги
Самим монархом правит,
Коль ум того оставит.
Негоже волку бить мышей!
В отличие от малышей,
Жуков не ловит сокол!
Король чтоб ручку чмокал
Презренному ростовщику?!
Бывало ль это на веку?..
Мечтаючи о ссуде,
Он продал честь Иуде!

Мне смертный холод сердце сжал:
Я из страны бы прочь сбежал,
Когда моя бы воля...

Сидящий на престоле
Всегда окажется в беде,
Поскольку всюду и везде
Монархи правят худо!
И, стало быть, не чудо,
Что их наказывает рок
И настает отмщенья срок:
Вступает час расплаты
В дворцовые палаты.

Монарх! Господень чти завет:
Господне слово, божий свет
Не заслоняй собою —
Иль будешь бит судьбою!
Что власть, что хитрость, нрав крутой,
Когда — взгляни — комар простой
Кусает то и дело

Твое монаршье тело.
И ты не знаешь, как спастись
(Терпеньем надо б запастись)...
А сколько раз бывает:
Блоха повелевает
Могущественным королем,
Резвясь и прыгая на нем!
Мы оба смертны: я и он.
В чем высший равенства закон?
Король и я — мы оба —
Добычей станем гроба.

Лишь к праведному королю
Я в услуженье поступлю,
И будет мной воспетым,
Кто ясным светит светом...

У нас — живущих — своего
Нет и не будет ничего.
Будь мало или много:
Все занято у бога.
Всё, хоть всего не перечесть —
Душа и плоть, добро и честь,—
На время нами взято,
Чтоб возвратить когда-то...

Я правду вам открыть хочу.
Но нет уж... Лучше промолчу,
Чтоб честным разговором
Не привести к раздорам.

Восплачь, немецкая страна!
Суды, правители, казна,
Все, посланное богом,
Отмечено подлогом.

Во всем — бесчинство и разбой!
Все, все глумится над тобой!
Все люди — изуверы.
И никому нет веры.

Что мне прославленная знать?
Ее я не желаю знать!
К чему мне быть богатым?
Для помыканья братом?!

Скажите, от каких особ
Произошел соломы сноп?
Не тот ли подороже,
Что родом от вельможи?

Предавшись пагубной тщете,
Мы воду носим в решете.
Все носим мы и носим,
Ну, а зачем — не спросим.

О СОКРОВИЩАХ И ДЕНЬГАХ

Твое богатство, толстосум,
Твой бедный совращает ум.

Глубóко в землю клад зарыл,
А ум и сердце разорил.

Трепещет сердце и дрожит:
Надежно ль клад в земле лежит?..

Не будет у стяжателя
Ни друга, ни приятеля.

О РИМЕ

Где гордый возвышался Рим —
Чертополох, бурьян мы зрим.
Сие наглядная картина:
Вот что князьям сулит кончина!..
Во прахе пред Петром святым,
Болезнью, голодом томим,
Просил калека подаянья.
И кроткий голос состраданья,
В ком боль и скорбь отозвались,
Сказал: «Восстань и исцелись!
Ни серебра не жаль, ни злата
Во имя исцеленья брата.
Все, все тебе я отдаю,
Чтоб излечить болезнь твою!..»

О, если б папу нам такого —
Подобие Петра святого,
О, если бы такой нам клир!
Воспрял бы христианский мир!..

Мы бремя тягостное носим
И папу о подмоге просим.
Что значит: ближнего любить?
Нам, трижды грешным, пособить.
А что на деле происходит?
Он нас поборами изводит,
Забывши совесть и смущенье.
Плати — и получай прощенье!

Лежат готовые облатки.
Взял, заплатил, и — все в порядке!

А ведь в долгу мы не пред ним,—
Лишь перед господом одним,
И только бог прощать нам вправе,
Коль мы смиримся, не лукавя.

Нет, нет, не папе нас прощать!
Ему бы души укрощать,
А не куражиться над нами!..
Побит он мог бы быть камнями
За то, что Рим плодит обман,
Мороча бедных христиан.
Благословенья ли, проклятья
Готов от папы воспринять я,
Была б его нелживой речь!..
Пусть беспощадно рубит меч,
Коль наказанье справедливо!
Но посмотрите: что за диво —
Вам говорю не сгоряча:
У папы в ножнах — два меча!
Два — сразу! В тех же самых ножнах!
Событие из невозможных!
Один другого иступил!..
Зачем так папа поступил?
Владыка церкви христианской
Давно к империи Германской
Хотел бы подобрать ключи...
Вот и попортились мечи!

Не знали в Риме сети той,
Которой рыбу Петр святой
В морских волнах ловил когда-то...
Рим ловит земли, деньги, злато,
Святому не в пример Петру,
Злу угождая, не добру.

* * *

Кто мечтает кануть в благодать,
Пусть прильнет скорей к зеленой липе:
И тогда он сможет обладать
Пышностью ветвей в цветущей кипе.
Там детский хор птенцов поет
И крону украшает.
И этот майский, райский вид
Сердца влюбленных чудно возвышает.

На лугу — обилие цветов,
Блеск весны проник в дела отчасти
И насытить радостью готов
Тех, кто не раздавлен гнетом страсти.
И я бы ликовал вовсю,
Когда бы столь упрямо
Над болью искренней моей
Одна прекрасная не издевалась дама.

Смейся, смейся, алый рот, но впредь
Не терзай мой нрав, мое здоровье,—
Лучше приучись на них смотреть,
Добрый смех являя в добром слове.
И даже майским цветникам
Сегодня невозможно
Взбодрить мой дух, но, боже мой,
Вам подобреть ко мне совсем не сложно!

Рощицы, лужайки и стрижи,
Солнце мая в синеве атласной
Меркнут рядом с розой госпожи,
Рядом с розой губ моей Прекрасной.

Мгновенно гаснет солнца свет,
Когда встречаю розу эту —
Цветущий ароматный рот,
Бокал с росой, напитка слаще нету.

Пребывал в блаженстве только тот,
Кто сумел сорвать удачно розу.
Сколько роз вокруг цвело, цветет,—
Этой розе вялость не в угрозу.
Сорви, о, сколько можешь, роз,
Принадлежащих Даме,—
Как быстро на ее устах
Сменяет роза розу перед нами!

* * *

Кто это с улыбкою привета
Нам кивает, спрятавшись в траве,
Кто хлопочет, рук не покладая?
Это разноцветье, это лето
Птах пасет в зеленой синеве,
Это радость бродит молодая!
Не ее ль разбуженная сила
Все спешит закончить в свой черед?
Дай бог, чтобы осень заключила
С честью круг положенных работ.

Ах, когда б не слабая надежда,
Легче умереть от вечных «нет»,
Чем тягаться с прихотью чужою.
Да живу зачем-то, жду прилежно:
Как за ночью следует рассвет,
Так влачусь и я за госпожою.
Может, ее сердце и смирится,
Призовет меня: мой господин.
Смей, несчастный, я его добиться,
Я бы стал счастливей всех мужчин.

Если окропить козлиной кровью,
И алмаз возможно расколоть,
А уж прав ее переупрямить
Обхожденьем можно и любовью.
Если виноват, казнил бы плоть,
Господи, за что же душу ранить?
О любовь, вознагради сторицей,
За страданье отплати добром,
Радостью воздай — и да святится
Смысл высокий в имени твоем!

* * *

Я награды не имел
От тебя, кому я пел
За одну надежду.
Так спою я лучше ей,
Той, что сбросила с ветвей
Майскую одежду.
Старой повести конец,
Горестно известный:
В ней всегда любви певец
Неудачник честный.
Так смотри: я преступил
Через повесть эту:
Ну-ка! Волю обрести,
Жизнь разгульную вести
Я пойду по свету.

Осень, лаской одари
И в сообщники бери
Против солнечного мая.
Прочь, любовное нытье!
Здравствуй, новое житье,—
В услуженье поступаю.
Буду скромным новичком.
«Штейнмар, я решу потом.
Прежде чем на службу взять,
Я сперва хотела б знать,
Как споешь ты в честь мою».
Ну-ка! Слушай, как спою!

Осень, слушать начинай-ка.
Ты, хозяйка, начиняй-ка
Жирной рыбой тесто,
Вин заморских не жалей,
Ставь свинину, кур, гусей,—
Для всего есть место,
Блюда громозди на стол
да корми на славу нас:
Осушу до дна бокал,
ни кусочка не оставлю
от жаркого и колбас.
Стой, хозяйка, на одном:
Ну-ка! Горестное сердце
утешается вином.

Что ни дашь мне, все приму,
В пьянке мерка ни к чему.
Пусть утроба пышет жаром,
Мы глотком собьем угар,
Жар потушим, как пожар,
Попотеем мы не даром,
Обмахнемся опахалом.
Снедь тащи к нам из сусека,
Чтобы рот у человека
Стал душистым, как аптека.
Я перед вином немой.
Ну-ка! Наливай, хозяйка,
в дружбе ты со мной.

Воротами стал мой рот:
Сквозь меня куда-то прет
Снедь с вином в охотку.
Ей с дороги не свернуть,
Здесь один проезжий путь:
Славлю эту глотку.
Как-то раз я съел гуся,
он прошел совсем не туго.
Послужить возьми меня,
осень, милая подруга.
Вся душа горит, поверь.
Ну-ка! Укажи, куда ей
спьяну выпрыгнуть теперь.

* * *

«Эх, и нравы ныне! —
Старая ворчит.—
Что в трактирной песне?
Ну-ка, разбери!
Слушают разини,
А про что бренчит,
Не поймешь, хоть тресни,
Пес ее дери!
День и ночь в проулке этом
Раздаются крики,
Склада-лада нет в пропетом,
Только шум великий!»

Слышалась тогда
Песенка такая:
«Старая карга,
Ты совсем седая!»

«Зря ты пилишь парня,—
Дочка молвит ей,—
Ничего худого
В этом пенье нет.
Варит пивоварня
Пиво для парней,
Пьют, поют толково —
Что им твой запрет!..»

Буквица из «Апокалипсиса», Альби.
Вторая половина XI века.

«Он тебя украсть пытался
Из моей кровати.
Как-то черт дурной остался
Около дитяти».

Слышалась тогда
Песенка такая:
«Старая карга,
Ты совсем седая!»

«Матушка родная,—
Дочка говорит,—
Вспомни-ка, на милость,
Кто украсть хотел.
Вижу, дума злая
Зря тебя гневит,
Зря ты рассердилась,
Что шинкарь запел.
На него напрасна злоба:
Брат ведь был виновен».
Бабка ей: «Порочны оба.
Каждый красть проворен».

Слышалась тогда
Песенка такая:
«Старая карга,
Ты совсем седая!»

«Людям сумасбродным
Хочешь ты помочь,
Эка дурь,— сказала
С укоризной мать.—
На пути негодном,
Дерзкая ты дочь!
Что с тобою стало?
Я хотела б знать.
Думаешь, тебе он кротко
Песню посвящает?
Ты совсем не та красотка,
Кто его прельщает».

Слышалась тогда
Песенка такая:
«Старая карга,
Ты совсем седая!»

Гордая девчонка,
Глаз не опустив,
Песенку запела,—
Робкой не была.
Повторяла звонко
Песенки мотив,
Сладко так звенела,—
И печаль сплыла.
Мать вздыхает: «Ах, несчастье!
Зря себя морочишь.
Я от пенья жду напасти.
Не сбежать ли хочешь?»

«Мама,— дочка молвит,— да,
Я хочу в поля, где жатва,
Или все равно куда».

* * *

Вот какая грусть —
Мне от страсти больно,
Страсть велела: пусть
Жертва добровольно
Направит помыслы на гибельный предмет.
Ах, прорву бед
Моя влюбленность предлагает мне в ответ!

Розовый овал
Щек так свеж привольно,
Свет облюбовал
Впрямь, а не окольно
Ту, перед кем слабеет плоть моя и суть.
Ах, как-нибудь
Устрой, прелестница, и скорбь мою избудь!

Сладкая моя,
Лучше сердобольно
Возлюби, ведь я
Гибну добровольно,
И жжет меня влеченья огненный венец.
О, мой птенец,
Дай утоленье, а иначе мне конец.

* * *

На газоны
Росы пали,
Розы щедро
Окропив.
И бутоны
Краше стали,
Робко недра
Приоткрыв.
Птичка села
Близ цветка,
Звонко пела
И пьянела
От цветочного медка.

Должен в страсти
Подчиняться
Чести
Норов наш хмельной,
Чтоб на счастье
Повенчаться
Мужу
С умною женой.
У любви своя цена,
Велика
Наверняка,
Но плати ее сполна.

Свой успех
Венчал изменой,
Воровато
Сцапал плод:
Сок утех
Любви растленной
Кисловато
Свяжет рот.
Не изменой заплати:
Только с верной,
Неразменной
Страстью
Счастье
По пути.

* * *

Когда два сердца трепетно
Рассвета ждут, с опаской
Ловя денницы луч
На небе мутном,—
Тогда, мой друг,
Конец их тайным ласкам:
Бежит любовник-вор,
Застигнут утром.
И поутру, тоской влеком,
Он слезы точит,
Весельем он в тот день
Себя не позабавит.
Тот, кто в любви игру
тайком
Прекрасных жен
вовлечь захочет,
Тот утро мудрое
Вперед хулой ославит.

* * *

На земле другого нет
тайника такого,
Где любовь с повадкой хитрой
вас настичь готова,—

Кроме сердца дорогого,
вечно близкого, родного,
Сердца женщины одной.

Ах, как счастлив тот, кого
знак любви отметит
И украдкой отличит
одного на свете.
Благородный этот знак
на виду не светит,
Ускользает стороной
И несет добычу к ней,
К милой женщине моей.
Там она в норе своей
Прячет друга поскорей.
Никуда из тайника
не уйти ему, не скрыться,
Там любовь ее таится,
Для любимого она
там на ласки не скупится;
И велит за поцелуй
поцелуем расплатиться.
Там закон любви земной.

* * *

Ах, кротким суждено скончаться рано!..
Страшащихся обмана,
В чьем сердце честь живет,
Господь не оставляет:
Поспешно избавляет
От тягот злых мирских забот.
Они живут на свете мало,
Чтоб радости познала
Их чистая душа скорее там,
Средь ангелов, в заоблачном просторе,
В стройном хоре...
А черным душам заперт путь в небесный храм.
Господь злодея тем накажет,
Что долго мыкаться обяжет
На горестной земле —

В грязи, в грехах, в разврате,
Лишенным благодати,
И, наконец, низринув в ад,
Пребыть в кромешной мгле.

* * *

Липы зеленой
Сочен росток,
Буен расцвет,
Сладостен сок.
Майский цветок
Вышел на свет,
В мир обновленный,
Освобожденный,
Чудо принес.
Мир был хорош
В эти часы,
Через поток
Чистой росы
Светлому маю
Вслед я пустился
Дальше...
И что ж?
Я оступился,
Остановился:
Где же те росы?
Ноги, что босы,
Переступили вдруг на ледок,
В снег и в мороз.
Ветер пронзает меня, леденя.
Сгинь ты, недобрая зимняя хворость!
Пусть бы тоска не томила меня.
Ветер на сердце наносит лишь горесть,
Гасит костра разгоревшийся хворост.
Так я страдал
Прежде не раз!
Рана моя
Не исцелялась
той, что любима.
Ею бывал
Раненным я.

Только сейчас
Тело с душой
Опять невредимы.
В долгом томленье
Мучимый страстью,
Слышу всечасно скорби обеты,
Скорби обеты:
  только терпенье!
  Счастье однажды
    сбудется.
      Это
И есть уже счастье.
Платье веселья сверкает на мне.
Горе исчезло, страдание скрылось.
В радости я как в надежной броне.
Сердце поэтому не износилось,
Страстью нежнейшей оно засветилось.

Чтоб тебе, свет,
В славе сиять,
Должен ты детям
Дыхание дать
Не на бесчестье —
Вот мой совет.
Кто тебе служит,
Оберегай,
Во всем помогай.
Любя,
Сам ищи того,
Кто ищет тебя
Одного.
Огради от бед,
Награди казной
И чистой женой —
Вот мой совет.
Женские чувства и нравы — одно.
Тех, кому чистое чувство дается,
Облагородит, украсит оно:
Мне это платье носить удается,
Верною службой оно достается.

* * *

Я в мае радуюсь цветам,
Красны, свежи они на вид.
Зимой, неведомые нам,
Они терпели тьму обид.
Май выслал холоду вослед
Иные, солнечные дни,
Стал радостью наполнен свет.

Чем мне поможет летний зной
И день, что весел безоглядно?
Весь свет мой в женщине одной,
Но дни проходят безотрадно.
Когда же милость мне она
Окажет, как ей подобает,
Жизнь станет радости полна.

Но если я с любимой в ссоре,
Конец веселости моей.
Увы, мне чахнуть вновь от горя,
Зачем же я спознался с ней?
Любви не знаю, госпожа.
А надо бы платить любовью
Тому, чья юность так свежа.

* * *

Было времечко когда-то!
Мы, беспечные ребята,
На лугах паслись тогда,
В те далекие года.
На зеленом склоне балки
Рвали мокрые фиалки...
Ныне ходят там стада.

Помню я, как на просторе
Мы сходились в детском споре,
Кто из нас прекрасней всех.
Там звенел задорный смех,
Наше детство в пляске мчалось,
Луговым венком венчалось...
Скрылось времечко утех.

Там, где елки, посмотри-ка,
Поспевала земляника.
Через камни, по кустам
Мы шныряли тут и там.
Из ветвей, как дело к ночи,
Нам лесной колдун гуркочет:
«Эй, ребята, по домам!»

Всей землей вчера владели,
Землянику сладку ели,
Много знали мы затей,
То — всё игры для детей.

Наши пастыри тревожно
Звали: «Дети, осторожно!
Здесь так много страшных змей».

Шел один парнишка лугом,
Вдруг он крикнул нам с испугом:
«Эй, ребята, тут, где я,
Ядовитая змея!
Ей ужален был наш крестный.
Яд смертелен вредоносный
Дьяволова острия!

Прочь из леса выходите!
Если ж вы не поспешите,
Попадете все впросак:
Хворь вас на землю повалит,
В сердце, в грудь змея ужалит,—
Верьте мне, уж это так!»

Притчу должен помнить каждый:
Пять девиц пришли однажды
Поиграть на царский луг.
Царь ворота запер вдруг:
Девы плакали, рыдали —
С них одежду всю содрали
Пять проворных царских слуг.

* * *

Твой цвет, искусство песнопенья —
Фиалок нежное цветенье,
Огня высокое горенье —
Принес прекрасный плод:
На древе славы он растет,
Вершины украшенье.
Лилейно строг был струн его настрой
И звездно ясен духа небосклон,
Сиянием лучистым окружен
И чистым золота сверканьем озарен
Расцвет его и путь его не торный,
Его желаний жемчуг светлый и отборный
Был в серебре его деяний отражен,
Их блеск в родстве с алмазною игрой.
О, плачь, гармония! Искусства больше нет,
О, плачь и ты, великий сонм планет:
Опора неба и печали цвет,
Прими его, о троица святая,
Ты, дева, чистотой блистая,
Пошли ему свой благостный привет,
Когда предстанет пред тобой
Конрад — поэт
И Вюрцбурга герой.

* * *

Благословен души моей хозяин
И счастья милый гость, что вновь и вновь,
В любое время
Отрадные готовит перемены,
Блаженство мне высокое даря:
О, женщина, которая не зря
На дух мой тягостное возложила бремя,
В глубины радости влекущую любовь,
И ей противиться мне не хватает силы,
И сам я счастлив в плен ее попасть.
Она меня без боя победила,
И я вкусил ее победы сласть.
О, чистая, о, нежная,
О, сладостная власть!
Какое чудо, что она
Во мне победу одержала надо мною.
Любовь виною
В том, что мысль одна
И разум мой, и дух затмила,
И хоть усилия она к тому не приложила,
Но узнаю я всякий раз
По выраженью милых глаз
Мой смертный час и к жизни возвращенье.
И с ней одною
Надеждой страстною я связан и тоскою,
И ей одною желание мое и утешенье
Исчерпано до дна.

* * *

Что случилось со мной? Помутился мой взор,
По земле я брожу очумело.
Этот рот — он пылает, что в поле костер!
Не сравнимо ни с чем ее тело!
Мне себя не унять, страсти не побороть.
Нет таких совершенств, что ей не дал господь:
Он на розах вскормил ее жаркую плоть!

Отчего ж недостойнейший плут и дурак
Смеет с нею вкушать наслажденья,
А до гроба ей преданный рыцарь никак
Не добьется ее снисхожденья?
Справедливость загублена в нашем краю.
Побеждает бесчестный в любовном бою.
Как сумел этот черт оказаться в раю?!

О господь, твоя воля превыше всего!
Перед нею и сильные — слабы.
Сделай так, чтоб она разлюбила его
И меня — не его! — предпочла бы!
Лишь тогда, под твоей благодатной рукой,
На горючей земле обрету я покой
И поверю, что род не погибнет людской.

* * *

Славься, денечек, когда мой дружочек —
Ах, вспоминаю опять и опять! —
Ротиком жгущим, к играм зовущим,
Пролепетал сокровенное: «В пять!»

Алые губки верной голубки
Я целовал, целовал без конца.
Так отчего же, праведный боже,
Разъединились наши сердца?

Вспомню и млею: снега белее
Шейка лебяжья и ручка ее.
Мучусь тоскою... Нет мне покою...
И на земле без нее — не житье!

* * *

«Я за полночь слышу, как тянет прохладной травой
И ветер шуршит из предутренней мглы луговой,
Который, как я понимаю, зовется норд-остом.
Я, стражник, — послушайте! — я говорю вам: грядет
Рассвет из клубящейся чащи лесов и вот-вот
Заря разольется по кронам деревьев и гнездам.
Разносятся трели певцов из зеленых кустов —
Чижей, соловьев, долгоносиков, черных дроздов,
Долины и горы внимают их громкому пению.
И ежели кто-то в местечке укромном лежит,
Кто ночь удовольствию отдал, пускай поспешит —
Не время, не время любовному уединению!»

А дева спала непробудно в постели,
И юноша спал, не внимая совету,
И если бы птицы в листве не запели,
Они бы едва ли проснулись к рассвету.
И дева пустилась рассвет упрекать:
«Не можете ль вы, господин, подождать
И честь соблюдать, как положено по этикету!»

Накидочку белую быстро она подала
Возлюбленному и капризно рукой повела.
«Взгляни-ка на небо,— сказала,— не скоро ль светает?»
И юноша встал, и окно широко распахнул,
И только на небо, как дева просила, взглянул:
«О боже,— воскликнул,— и вправду рассвет наступает!»
Рассвет пробивался сквозь толщи невидимых сфер,
И в зареве ярком свой блеск потушил Люцифер,

Со светом теряя и чары свои, и заклятья.
И юноша деву привлек и вздохнул тяжело:
«Ах, душенька, и получаса еще не прошло,
Как мы неразлучно, казалось, смыкали объятья».

И вновь они стали стенать и молить,
Минуты вымаливать, млея от страсти,—
Как будто их хочет рассвет разлучить,—
И солнца боялись, и ждали напасти.
Она говорила: «Возлюбленный мой,
Останься минуту-другую со мной,
Пусть будет что будет, любимый, я вся в твоей власти!»

И в то же мгновенье пронзительно рог затрубил —
Увы, это стражник, очнувшись, приход возвестил
Восточного гостя в слепящем глаза одеянье.
И дева, увидев, как сделалось всюду светло:
«Ах, солнце,— воскликнула,— как ты некстати взошло,
Куда бы приятней ты было в закатном сиянье!
К чему, в самом деле, мне блеск ослепительный твой?
Достаточно было б мерцанья звезды голубой
На небе ночном, чтоб исполнилось неисполнимое!»
А юноша лишь рассмеялся: «Ах, радость моя,
И рад бы — да солнцу не властен приказывать я,
Любовью томясь, я тебя покидаю, любимая».

«Постой же,— взмолилась она,— подожди!
Ты видишь, и я, как в горячке, пылаю.
Ты душу мне вынул — так не уходи,
Побудь, я о большем уже не мечтаю!»
И разом прильнули... И что тут сказать?
И рук не могли... не могли оторвать.
«Прощай, моя радость, прощай... я тебя покидаю...»

* * *

Оттаяло и сердце от тоски,
Как только побежали ручейки
И снег слежалый облаком навис
Над Зейзеральпом брезжущим и Флакком.
Проснулись испарения земли,
И русло все потоки обрели,

Из Кастельругта в Эйзак, вниз и вниз,
По склонам ниспадая и оврагам.
Я слышу, как пичуги по лесам
Вокруг Гауенштейна, там и сям,
Уже, прочистив горла, издают
Какие-то немыслимые трели
От «до» и вверх — все выше, выше — к «ля»,
И так поют, как будто вся земля,
Все голоса ее, весь гам и гуд,
По капельке слились в одной капелле.

Оттаяло и сердце от тоски,
Как только соловей из-за реки
С неделю после пахотных работ
У Матцена защелкал над лугами.
Четырежды я видел их обряд,
Где пара с парой, распушив наряд,
Как кошки, затевали хоровод
И пробовали землю коготками.
А вы, кто зиму просидел в норе,
Возрадуйтесь и вы своей поре,
Которую несет нам месяц май,
Оставьте ваши логова и норы!
Ищите каждый пастбище свое —
Ты, подъяремный скот, и ты, зверье,—
Для каждой твари сыщется свой край,
Где луг не мят и свет не застят горы!

* * *

«Ату их!» — Лионгарт фон Волькенштейн,
И Освальд, и Георг фон Волькенштейн
Так сорвались, оставив Грейфенштейн,
Что смельчаки от страха дали деру.

Мы не́ дали опомниться врагам
И по горам прошли, как ураган.
К чему мечи и шлемы дуракам?
Что им в обузу, нам придется впору!

А их лачуги, утварь и зерно
С полями мы спалили заодно,
Ты, герцог Фридрих, наш должник давно,—
Так расплатись сполна по уговору!

От перестрелки звон стоял в ушах.
Вблизи Раубенштейна в камышах
Схватился кое-кто на бердышах
И был пробит болтом из арбалета.

Крестьяне из Сент-Йоргенской земли —
Канальи! — нас едва не обошли,
Но нам раубенштейнцы помогли —
Да будет верной выручка соседа!

Метание и гром, пальба и гам.
Мышиный треск пошел по чердакам.
А ну, на корм их красным петухам,
Живее, рыцарь, смерть или победа!

Уже зарнтальцы, йенцы, всякий сброд,
Спешили с гор, а мельтенцы в обход,
Но мы их силу в слабость обратили:
Коней поворотили — и вперед!

* * *

Ну ладно, разойдемся спать!
Слуга, свечу! Да проводи нас,
Чтоб не споткнуться где неловко.
Еще мы можем постоять,
Как нас ни валит ночь-бесовка!
И если поп какой иль тать
Жен захотел бы испытать —
Вот началась бы потасовка!

Бокалы выше! Решено,
В бутылях капли не оставим,
Допьем, друзья, что не успели,
И над собой увидим дно!
Иль не мужи мы, в самом деле?
Иль в руки отдает вино?
А в ноги вступит — все равно:
Тычками, а пойдем к постели.

Куда спешить? Идем тишком.
Уж коли прямо в дверь не выйдем,
Так выйдем косо, как рубаки.
О, черт! Что тут? Ведро с песком.

Хозяин, где тебя собаки?..
Да мы свои. К чему тайком?
Два пальца в рот — и языком,
Как это делают поляки.

Пусть первый — головой вперед
Его тихонечко внесите —
Почиет, как на поле воин.
Кто богу славу воздает,
Тому и бог — так мир устроен!
А нас нелегкая несет.
Хозяин, осторожно: лед!
Держись, хозяин, пол неровен.

Теперь, пожалуй, вкусим сна.
Увидим, вправду ли, служанка,
Ты по перинам мастерица.
Солянка вышла солона,
Да соль не сор, как говорится.
Была и каша не жирна,
Да не оставлено вина,
Так что не следует браниться!

* * *

Говорила дама: «Ясный сокол
На охоту дальнюю сорвался.
Высокó он залетел, высóко,
Да боюсь, чтоб в сети не попался.
Я уж его холила-растила,
Да не ладно путы отпустила,
Потому раскаянье ревниво
Обжигает сердце, как крапива.

Знаю, знаю, утром или к ночи
Возвратится он без промедленья,
Только потеряет колокольчик
Или обломает оперенье.
Только вьюга по полю завьюжит,
Только сердце о другом затужит,—
Прилетит он вновь к своей пшенице,
Если на чужую не польстится.

Ах, когда б он кречэтом назвался,
А не ясным соколом проворным,
Он всегда при мне бы оставался
И сидел на жердочке покорно.
Много ль толку от речной плотвицы,
Если она удочки боится?
И от птицы в небе проку мало,
Как бы та высóко ни летала».

* * *

«Который час? Не близок ли рассвет?» —
Я стражника спросил, и он в ответ
Сказал мне: «Скоро утро. Но послушай,
К чему о часе спрашивать дневном,
Когда ты сам во времени ином?
Ты лучше бы взглянул на путь минувший!
Ты до полудня прожил на земле
Свой век и скоро скроешься во мгле,—
Воистину, твой срок еще не худший.
Пока ты не забылся вечным сном,
Подумай о прибежище ночном
И отрекись, в ничтожестве заблудший!»

Он так сказал: «Послушай мой совет:
Тебе в земной юдоли дела нет,
Одна душа твоя избегнет тленья.
А красота и молодость пройдут,
Поэзия твоя — бесплодный труд,
Смерть уничтожит все без сожаленья.
Так к господу молитвы обрати,
А с ним и богородицу почти,
Тогда ты ум проявишь, без сомненья.
Над ней корона звездная горит,
Моли ее — и Сын тебя простит:
«О матерь божья, дай душе забвенье».

«Ты, стражник, прав. Мне горек твой упрек,—
Ответил я,— но если бы я мог
Отречься, я не знал бы и упрека.
И все же, стражник, на рассвете дня

Чтоб не погиб я, разбуди меня,
И я предстану пред очами бога.
Кто знает, может, он меня скорей
Благословит по милости своей —
У господа щедрот господних много.
О, дева непорочная, прости
Грехи мои и с миром отпусти —
Уже рассвет торопится с востока!»

* * *

Ах, я без милой робко
Томился много дней,
Потом придумал ловко,
Как объясниться с ней:
В одежде пилигрима
Стою я у дверей,
Она из церкви мимо
Спешит пройти скорей.
В то тайное свиданье
Мне удался мой план:
Любовное посланье
Я сунул ей в карман.

Она, мне показалось,
Решила в страхе так:
«Видать, рехнулся малость!
Чего хотел, чудак?»
Ни жестом, ни устами
Мне подан не был знак,
И, как пристало даме,
Прошла, ускорив шаг.
Того ль я ждал немало,
В неистовстве дрожа,
Чтобы с письмом сбежала
Святая госпожа!

С моим письмом что сталось,
Узнать мне не дано:
Хранимое, осталось
Иль порвано давно?

Надеюсь, сердце милой
Растрогало оно
Тем, что с такою силой
Любить мне суждено.
Нет от нее ни взгляда,
Ни слова с того дня...
Увы, моя отрада,
Ты ранила меня.

Я не решился к милой
Гонца с письмом послать:
А вдруг она не в силах
Мне милость оказать,
И тайную преграду
Ей должно соблюдать.
Ужель она пощаду
Душе не может дать?
Причиной вдруг не скромность,
А гнев — все потому,
Что верил в благосклонность?
В чем дело, не пойму.

Она мне сердце ранит.
Ах, как оно болит!
Она его тиранит,
Она его сверлит.
При ране столь глубокой
К ней радостью горит
И госпоже высокой
Остаться в нем велит.
В том сердцу уступает:
Послушно внутрь вошла.
А сам я прочь ступаю.
Но нет в ней вовсе зла.

Мне мнится, всем известно,
Кто лучшая из дам.
В моей груди ей тесно,
Рвет сердце пополам.
Чиста и миловидна,
Внимает похвалам.
Я так ее, как видно,
Высоко ставлю сам.

Быть с ней не запретила,
Но, сохранив предел:
Все ж счастья не открыла,
Которого хотел.

Увы! Моя отрада
Уходит от меня.
Но чувств крепка ограда:
Умру, любовь храня.
Чтоб сердце не узнало
Блаженства с ней ни дня,
Любовь вдруг болью стала,
Лишенною огня.
Все лучшее мне видно,
Я чище с этих пор,
Мне не знаком обидный
За верностью надзор.

* * *

Плывет с бесценным грузом
Кораблик по волнам,
Несет господня сына,
Господне слово к нам.

Плывет кораблик малый
По тихой глади вод.
Небесная царица
На корабле плывет.

Плывет корабль, груженный
До самых до верхов.
Мария пресвятая,
Избавь нас от грехов!

Плывет кораблик дивный,
Кораблик непростой,
Где милосердье — парус,
А мачта — дух святой.

* * *

Полежать
в полдень сладко тем,
Кто лег спать
на солому в темь,
На поветь
с милой своей:
Сердцем млеть
там веселей.

Ладно с ней —
к парню крепко льнет
Грудью всей,
ай, как славно жмет!
От дружка
отпрянет вдруг,
От рожка
придя в испуг,

Слыша зов
пастуха: пора!
Гнать коров
надо со двора.
Вот досада
ей уходить:
Их ведь надо
еще доить.

Она: Пора мне, милый мой дружок,
Я слишком долго здесь с тобой спала.

Он: Иди, подружка, но свидетель бог,
Я не хочу, чтоб ты сейчас ушла.
Она: Мне подоить коров придется наспех,
Пойду-ка я потороплюсь,
Не то меня поднимут люди на смех,
Когда одна за стадом поплетусь.

Припев: Веселая девчонка знает,
Как поступить верней.
Небось себя не растеряет —
Все лишь забава ей.

Он: Отрада сердца, я с тобой ложусь,
А ты мне, вижу, вовсе не верна!
Она: И денег и работы я лишусь,
Свидетель бог! — я уходить должна.
Мне хорошо, и вот те слово,
Обратно прибегу
И здесь с тобой улягусь снова,
Как только я смогу.

Припев: Веселая девчонка знает,
Как поступить верней.
Небось себя не растеряет —
Все лишь забава ей.

Где гульба опричь всего,
Батраку тут и приманка.
Злато, скот не для него,—
Предпочтительней служанка.
Утром рано мужика разбудит,
Прежде чем затопит печь,—
С ней всегда на сердце радость будет:
Может огонек разжечь!

Припев: Веселая девчонка знает,
Как поступить верней.
Небось себя не растеряет —
Все лишь забава ей.

* * *

Славься, Мария, розой без терний цветя.
Предал преступно я
Родное твое дитя:
Отведи его гнев от меня.

Славься, Мария, ради него, кто спас
Кровью своею нас,
Хлеб ангелов дай наказ
Принять мне в последний час.

Славься, Мария, склоняюсь я перед тобой,
Боль в душе твоей как прибой;
Ради крови его живой
Дай мне в конце покой.

Славься, Мария, владычица, просвети,
Ангела ниспусти,
Когда мне из мира уйти.
От злых врагов охрани меня в пути.

* * *

Сердце, плачь, и, очи, плачьте,
Плачьте кровью красных слез.
Плачьте много, слез не прячьте,
Плакать вволю довелось.
Что любила, предала.
И теперь на этом свете
Сердцем бога избрала.

Я хожу, ломая руки,
Всей душой того любя,
Кто смиренно наши муки
В муках принял на себя.
Нет спасения в ином.
Жду возлюбленного сердцем,
Вся полна тоской о нем.

Я жила в полях блаженных,
Для него любовь храня.
Ныне путь мой — скорбь смиренных,
Будто кинул он меня.
Сладость чистая, прости!
Дай, Иисус, тебя найти мне,
Радость вновь дай обрести.

* * *

Очам души угодна,
Как радость бытия,
Юна, высокородна
Избранница моя.
Ее тысячелетья
Несли, в себе тая.

Высокого рожденья,
Превыше всех родов,
Она как сад в цветенье,
Что краше всех садов.
Дала мне утешенье
В тщете земных трудов.

На сердце благость льется
Из розового рта,
Блаженно сердце бьется,
Добры ее уста.
Надеждой отзовется
Глаз дивных чистота!..

Взор у нее соколий,
Полет как у орла.
И горести и боли
От сердца отвела.

Ах... всей любовной волей
Она меня взяла.

Она венец творенья
И девичий венок:
Небесное даренье
И ангельский чертог,
Сравниться с ней в значенье
Свет солнечный не смог.

Отец — младенцем-богом,
Мать — мамкою при ней,
И лань с единорогом
Покорно служат ей...
Здесь сказано о многом.
Тот понял, кто умней.

* * *

Посмотри, сколь дивен путь в страну
блаженных,
Где любимый любит неустанно!
В мировом круженье нет желаний бренных,
Там одна его любовь желанна.
Подойди, и страх отступит вдруг.
Там любовь не ведает разлук,
Шепчутся там, льнут и отдаются,
Там, не смешиваясь, вина Кипра пьются.

* * *

Милый мой, приди ко мне,
днем молю я и во сне.
Днем молю я и во сне,
милый мой, приди ко мне.

Рот всех слаще и алей,
исцели и пожалей.
Исцели и пожалей,
рот всех слаще и алей.

EXPLICIVNT CARMINA
INCIPIT LIBER II

**Буквица из «Толкований» Захария из Безансона.
Вторая половина XII века.**

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

ИЗ «КЕМБРИДЖСКОЙ РУКОПИСИ»

СНЕЖНОЕ ДИТЯ

Я расскажу вам, не шутя,
рассказ про снежное дитя...
Жила-была на свете баба —
жена доверчивого шваба.
Был этот шваб купцом, видать.
Ему случалось покидать
пределы города Констанца.
Уедет — в доме смех да танцы.
Муж далеко. Зато жена
толпой гуляк окружена,
ватагой странствующих мимов,
шутов, вагантов, пилигримов.
Ну, словом, благородный дом
был превращен в сплошной Содом.
Не удивительно, что вскоре,
покуда муж болтался в море,
раздулось брюхо у жены
(тут объясненья не нужны),
и, как велит закон природы,
в урочный час случились роды,
явился сын на белый свет...
Затем прошло еще пять лет...
Но вот, закончивши торговлю,
под обесчещенную кровлю
из дальних странствий прибыл муж.
Глядит: ребенок! Что за чушь?!

«Откуда взялся сей мальчишка?!»
Дрожит жена: «Теперь мне крышка».
Но тут же, хитрости полна,
Затараторила она:
«Ах, обо мне не думай худо!
Случилось истинное чудо,
какого не было вовек:
сей мальчик — снежный человек!
Гуляла в Альпах я однажды
и вдруг занемогла от жажды,
взяла кусочек снега в рот —
и вскоре стал расти живот.
О, страх, о, ужас! Из-за льдышки
я стала матерью мальчишки.
Считай, что снег его зачал...»
Супруг послушал, помолчал,
а через два иль три годочка
с собой взял в плаванье сыночка
и, встретив первого купца,
за талер продал сорванца.
Потом вернулся он к супруге:
«Мы были с мальчиком на юге,
а там ужасный солнцепек.
Вдруг вижу: парень-то потек
и тут же превратился в лужу,
чтоб ты... не изменяла мужу!»
Сию историю должна
запомнить всякая жена.
Им, бабам, хитрости хватает,
но снег всегда на солнце тает!

ПЕСНЯ ПРО ЛГУНА

Эй, слушай, старый, слушай, малый,
рассказ про случай небывалый,
что сделал зятем короля
неисправимого враля.

Воззвал король однажды с трона:
«Любой, кто, не страшась закона,
всех лучше врет у нас в краю,
получит в жены дочь мою!»

Одушевленный сим указом,
шваб, даже не моргнувши глазом,
пред королем заговорил:
«Вчера я зайца подстрелил,

его разделал на жаркое.
И вдруг — о, диво! Что такое?!
Гляжу и сам не верю: он
по горло медом начинен.

А вслед за тем из брюха зайца
златые выкатились яйца,
кольцо с брильянтами, алмаз
и высочайший твой указ,

где я наследником объявлен...»
«Наглец! Ты был бы обезглавлен,—
король в восторге заорал,—
когда бы чуть поменьше врал!

Но прекратим допрос дальнейший.
Отныне ты мне друг первейший.
Ты главный лжец у нас в краю!
Бери-ка в жены дочь мою!»

СВЯЩЕННИК И ВОЛК

Эй, братцы! Навострите уши —
хочу потешить ваши души,
но есть особая изнанка
у незатейливого шванка.

Поп — деревенский старожил —
своих овечек сторожил,
поскольку после каждой стрижки
звенело у него в кубышке.

Ах, как родных детей — отец,
лелеял поп своих овец...
Но вот несчастье! В том поселке
внезапно появились волки

и, не имеючи сердец,
нещадно крали тех овец,
чтобы полакомиться в чаще
едой, что всяких лакомств слаще.

Наш поп, обиженный судьбой,
решил пресечь такой разбой,
и в лес направился он прямо,
чтоб ночью вырыть волчью яму.

Свой замысел продумав тонко,
он в яму поместил ягненка,
и вот, знакомый чуя дух,
волк на приманку в яму — бух!

Явив завидную смекалку,
поп длинную хватает палку,
желая волку в глаз попасть:
мол, мы тебя отучим красть!

Но хитрый волк, сидевший в яме,
своими острыми клыками
вцепился в палку что есть сил
и старца в яму затащил.

Теперь, возьмите это в толк,
их в яме двое: поп и волк.
Священник, глядючи на волка,
молитвы шепчет втихомолку.

«Господь,— твердит он, заикаясь,—
я пред тобой смиренно каюсь,
что, осквернив поповский сан,
нещадно грабил прихожан.

Я имя господа порочил,
я людям головы морочил
и, злее лютых обирал,
сирот невинных обирал.

Тобой подвергнутые мести,
мы с волком здесь подохнем вместе.
Яви же милосердья чудо
и дай мне выбраться отсюда!»

Всю ночь промаялся старик.
Вдруг волк ему на шею — прыг
и мигом выбрался на волю,
осуществляя божью волю.

Сбежалась вскорости толпа.
Из ямы извлекли попа.
Он с этих пор живет — не тужит
и, чистый сердцем, богу служит.

МОНАХ ИОАНН

Спешу поведать вам сейчас
мной в детстве слышанный рассказ.
Но, чтоб он был усвоен вами,
перескажу его стихами.

Жил коротышка Иоанн.
Монашеский он принял сан,
и по пустыне, бодрым маршем,
шагал он вместе с братом старшим.

«Ах, мой любезный старший брат!
Мирская жизнь — сплошной разврат!
Мне не нужна еда и платье.
Поддержка мне — одно распятье!»

Резонно старший возразил:
«Кем ты себя вообразил?
Неужто истина, дружище,
в отказе от питья и пищи?»

«Нет,— отвечает Иоанн,—
твои слова — самообман.
Постом изматывая тело,
мы совершаем божье дело!»

Дав сей торжественный обет,
в сутану ветхую одет,
он с братом старшим распростился
и дальше в странствие пустился.

Подставив солнышку главу,
он ел коренья и траву,
стремясь достичь высокой цели...
Так длилось более недели.

На день десятый наш монах
вконец от голода зачах
и поспешил назад, к деревне,
где брат его гулял в харчевне.

Глухой полночною порой
он стукнул в ставенку: «Открой!
Твой брат несчастный — на пороге,
и он вот-вот протянет ноги.

Изнемогаю без жратвы!»
Но старший брат сказал: «Увы!
Для тех, кто ангелоподобны,
мирские блюда несъедобны!»

Монах скулит: «Хоть хлебца дай!»
Хохочет брат: «Поголодай!
В питье и пище — проку мало,
а здесь у нас — вино да сало!»

Взмолился бедный Иоанн:
«На что мне мой поповский сан!
Пусть голодают херувимы,
а людям есть необходимо!»

Ну, тут его впустили в дом...
Сказать, что сделалось потом?
Монах объелся и упился
и, захмелев, под стол свалился.

А утром молвил Иоанн:
«Нам хлеб насущный богом дан!
Ах, из-за пагубной гордыни
я брел голодным по пустыне!

Попутал бес меня, видать!
В еде — господня благодать!
Видать, господь и в самом деле
велит, чтоб пили мы и ели!»

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

Повеял утренний зефир,
теплом обдав холодный мир.
Запели птицы веселей
в лиловом воздухе полей.

В наш неуютный, хмурый край
пришел веселый братец Май,
пришел он, полный юных сил,
и все вокруг преобразил.

Надев цветастый свой камзол,
он устелил цветами дол,
одним касанием руки
из почек выбив лепестки.

Уже глухая глушь лесов
звенит созвучьем голосов,
и гимны слышатся окрест
в честь женихов и в честь невест.

Когда я слышу этот хор,
когда я зрю цветов узор
и пробужденье познаю,
теснят рыданья грудь мою.

Ужель весь век томиться мне
с моей тоской наедине,
приняв жестокий приговор?!
И глух мой слух. И слеп мой взор.

О разлюбезный братец Май!
Спаси! Помилуй! Выручай!
И, чудо-ключиком звеня,
на волю выпусти меня!

БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ
ИЗ «CARMINA BURANA» И ДРУГИХ СБОРНИКОВ

ОРДЕН ВАГАНТОВ

«Эй,— раздался светлый зов,—
началось веселье!
Поп, забудь про Часослов!
Прочь, монах, из кельи!»
Сам профессор, как школяр,
выбежал из класса,
ощутив священный жар
сладостного часа.

Будет ныне учрежден
наш союз вагантов
для людей любых племен,
званий и талантов.
Все — храбрец ты или трус,
олух или гений —
принимаются в союз
без ограничений.

«Каждый добрый человек,—
сказано в Уставе,—
немец, турок или грек,
стать вагантом вправе».
Признаешь ли ты Христа,
это нам не важно,
лишь была б душа чиста,
сердце не продажно.

Все желанны, все равны,
к нам вступая в братство,
невзирая на чины,
титулы, богатство.
Наша вера — не в псалмах!
Господа мы славим
тем, что в горе и в слезах
брата не оставим.

Кто для ближнего готов
снять с себя рубаху,
восприми наш братский зов,
к нам спеши без страху!
Наша вольная семья —
враг поповской швали.
Вера здесь у нас — своя,
здесь — свои скрижали!

Милосердье — наш закон
для слепых и зрячих,
для сиятельных персон
и шутов бродячих,
для калек и для сирот,
тех, что в день дождливый
палкой гонит от ворот
поп христолюбивый;

для отцветших стариков,
для юнцов цветущих,
для богатых мужиков
и для неимущих,
для судейских и воров,
проклятых веками,
для седых профессоров
с их учениками,

для пропойц и забулдыг,
дрыхнущих в канавах,
для творцов заумных книг,
правых и неправых,
для горбатых и прямых,
сильных и убогих,
для безногих и хромых
и для быстроногих.

Для молящихся глупцов
с их дурацкой верой,
для пропащих молодцов,
тронутых Венерой,
для попов и прихожан,
для детей и старцев,
для венгерцев и славян,
швабов и баварцев.

От монарха самого
до бездомной голи —
люди мы и оттого
все достойны воли,
сострадания и тепла
с целью не напрасной,
а чтоб в мире жизнь была
истинно прекрасной.

Верен богу наш союз,
без богослужений
с сердца сбрасывая груз
тьмы и унижений.
Хочешь к всенощной пойти,
чтоб спастись от скверны?
Но при этом по пути
не минуй таверны.

Свечи яркие горят,
дуют музыканты:
то свершают *свой* обряд
вольные ваганты.
Стены ходят ходуном,
пробки — вон из бочек!
Хорошо запить вином
лакомый кусочек!

Жизнь на свете хороша,
коль душа свободна,
а свободная душа
господу угодна.
Не прогневайся, господь!
Это справедливо,
чтобы немощную плоть
укрепляло пиво.

Но до гробовой доски
в ордене вагантов
презирают щегольски
разодетых франтов.
Не помеха драный плащ,
чтоб пленять красоток,
а иной плясун блестящ
даже без подметок.

К тем, кто бос, и к тем, кто гол,
будем благосклонны:
на двоих — один камзол,
даже панталоны!
Но какая благодать,
не жалея денег,
другу милому отдать
свой последний пфенниг!

Пусть пропьет и пусть проест,
пусть продует в кости!
Воспретил наш манифест
проявленья злости.
В сотни дружеских сердец
верность мы вселяем,
ибо козлищ от овец
мы не отделяем.

НИЩИЙ СТУДЕНТ

Я кочующий школяр...
На меня судьбина
свой обрушила удар,
что твоя дубина.

Не для суетной тщеты,
не для развлеченья —
из-за горькой нищеты
бросил я ученье.

На осеннем холоду,
лихорадкой мучим,
в драном плащике бреду
под дождем колючим.

В церковь хлынула толпа,
долго длится месса.
Только слушаю попа
я без интереса.

К милосердию аббат
паству призывает,
а его бездомный брат
зябнет, изнывает.

Подари, святой отец,
мне свою сутану,
и тогда я наконец
мерзнуть перестану.

А за душеньку твою
я поставлю свечку,
чтоб господь тебе в раю
подыскал местечко.

* * *

Ну, здравствуй, дорогое лето!
Ты пышной зеленью одето.
Пестреют на поле цветы
необычайной красоты,
и целый день в лесу тенистом
я внемлю птичьим пересвистам.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Из-за леса, из-за гор
свет весенний хлынул,
словно кто-то створки штор
на небе раздвинул.
Затрещал на речке лед,
зазвенело поле:
по земле весна идет
в светлом ореоле.
Выходи, же, стар и млад,
песню пой на новый лад,
пляши до упаду!

Лишь угрюмая зима
убралась отсюда,
вспыхнул свет, исчезла тьма,
совершилось чудо.
Вновь весна устелет двор
лепестками вишен,
и влюбленных разговор
всюду станет слышен.
Выходи же, стар и млад,
песню пой на новый лад,
пляши до упаду!
О, как долго, о, как зло
в стужу сердце ныло,
а желанное тепло
все не приходило.
И тогда весны гонец
постучал к нам в дверцу,
дав согреться наконец
стынущему сердцу.
Выходи же, стар и млад,
песню пой на новый лад,
пляши до упаду!
Упоителен разлив
соловьиной трели,
зелень трав, раздолье нив,
синь морской купели.
И весенний этот мир,
как алмаз, сверкает
и на свой победный пир
всех людей скликает.
Выходи же, стар и млад.
песню пой на новый лад,
пляши до упаду!

ПРОЩАНИЕ СО ШВАБИЕЙ

Во французской стороне,
на чужой планете,
предстоит учиться мне
в университете.
До чего тоскую я —
не сказать словами...

Плачьте ж, милые друзья,
горькими слезами!
На прощанье пожмем
мы друг другу руки,
и покинет отчий дом
мученик науки.

Вот стою, держу весло —
через миг отчалю.
Сердце бедное свело
скорбью и печалью.
Тихо плещется вода,
голубая лента...
Вспоминайте иногда
вашего студента.
Много зим и много лет
прожили мы вместе,
сохранив святой обет
верности и чести.

Слезы брызнули из глаз...
Как слезам не литься?
Стану я за всех за вас
господу молиться,
чтобы милостивый бог
силой высшей власти
вас лелеял и берег
от любой напасти,
как своих детей отец
нежит да голубит,
как пастух своих овец
стережет и любит.

Ну, так будьте же всегда
живы и здоровы!
Верю, день придет, когда
свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
если на чужбине
я случайно не помру
от своей латыни,
если не сведут с ума
римляне и греки,
сочинившие тома

для библиотеки,
если те профессора,
что студентов учат,
горемыку школяра
насмерть не замучат,
если насмерть не упьюсь
на хмельной пирушке,
обязательно вернусь
к вам, друзья, подружки!

Вот и все! Прости-прощай,
разлюбезный швабский край!
Захотел твой житель
увидать науки свет!..
Здравствуй, университет,
мудрости обитель!
Здравствуй, разума чертог!
Пусть вступлю на твой порог
с видом удрученным,
но пройдет ученья срок,—
стану сам ученым.
Мыслью сделаюсь крылат
в гордых этих стенах,
чтоб отрыть заветный клад
знаний драгоценных!

СВОЕНРАВНАЯ ПАСТУШКА

Лето зноем полыхало —
солнце жгло, не отдыхало,
все во мне пересыхало.
Тяжко сердце воздыхало...
Где найти бы опахало?
Хоть бы веткой помахало
деревцо какое!

Ах, пришел конец терпенью!..
Но, по божьему хотенью,
был я скрыт густою тенью
под платановою сенью,
разморен жарой и ленью,
рад нежданному спасенью,
в неге и покое.

Сладкозвучнее свирели
зазывали птичьи трели
в синеве речной купели
ощутить блаженство в теле...
Ах, невиданный доселе,
сущий рай на самом деле
был передо мною!

Так, в краю благоуханном,
не прикрыв себя кафтаном,
на ковре, природой тканном,
возлежал я под платаном.
Вдруг пастушка с дивным станом,
словно посланная Паном,
встала над рекою.

Я вскричал, как от ожога:
— Не пугайся, ради бога!
Видишь ты не носорога.
Ни к чему твоя тревога.
Дорогая недотрога,
нам с тобой — одна дорога!
Страсть тому виною!

— Нет,— ответила девица,—
мать-старушка станет злиться.
Честной швабке не годится
с кавалерами резвиться.
Может всякое случиться.
Нам придется разлучиться.
Не пойду с тобою!..

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ПАСТУШКА

На заре пастушка шла
берегом, вдоль речки.
Пели птицы. Жизнь цвела.
Блеяли овечки.

Паствой резвою своей
правила пастушка,
и покорно шли за ней
козлик да телушка.

Вдруг навстречу ей — школяр,
юный оборванец.
У пастушки — как пожар
на лице румянец.

Платье девушка сняла,
к школяру прижалась.
Пели птицы. Жизнь цвела.
Стадо разбежалось.

* * *

Я скромной девушкой была,
вирго дум флоребам,
нежна, приветлива, мила,
омнибус плацебам.

Пошла я как-то на лужок
флорес адунаре,
да захотел меня дружок
иби дефлораре.

Он взял меня под локоток,
сед нон индецентер,
и прямо в рощу уволок
вальде фраудулентер.

Он платье стал с меня срывать
вальде индецентер,
мне ручки белые ломать
мультум виолентер.

Потом он молвил: «Посмотри!
Немус эст ремотум!
Все у меня горит внутри!
Планкси эт хок тотум.

Пойдем под липу поскорей
Нон прокул а виа.
Моя свирель висит на ней,
тимпанум кум лира!»

Пришли мы к дереву тому,
диксит: седеамус!
Гляжу: не терпится ему.
Лудум фациамус!

Тут он склонился надо мной
нон абскве тиморе.
«Тебя я сделаю женой...»
Дульцис эст кум оре!

Он мне сорочку снять помог,
корпоре детекта,
и стал мне взламывать замок,
куспиде эректа.

Вонзилось в жертву копьецо,
бене венебатур!
И надо мной — его лицо:
лудус комплеатур!

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Когда-то — к сведенью людей —
я первым был средь лебедей
на родине моей.
Терпеть изволь
такую боль:
на раны сыплют соль!
И хоть я лебедь, а не гусь,
как гусь, на вертеле верчусь,
в жаркое превращусь.
Терпеть изволь
такую боль:
на раны сыплют соль!
Ах, я бескрылый инвалид!
Я едким уксусом облит.
Все ноет, все болит.
Терпеть изволь
такую боль:
на раны сыплют соль!

Кто крыльев белизной блистал,
как ворон черный, черен стал.
Мой смертный час настал!
Терпеть изволь
такую боль:
на раны сыплют соль!
Ощипан шайкой поваров,
лежу на блюде. Я готов.
И слышу лязг зубов.
Терпеть изволь
такую боль:
на раны сыплют соль!

* * *

Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина — трактир.
Нам пивная — божий храм.
Ночь проведши за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель — стариканам,
безрассудство — молодым!
Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.
Май отблещет, отзвенит —
быстро осень подойдет
и тебя обременит
грузом старческих забот.
Плоть зачахнет, кровь заглохнет,
от тоски изноет грудь,
сердце бедное иссохнет,
заметет метелью путь.
Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.
«Человек — есть божество!»
И на жизненном пиру
я Амура самого

в сотоварищи беру.
На любовную охоту
выходи, лихой стрелок!
Пусть красавицы без счету
попадут к тебе в силок.
Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.
Столько девок молодых,
сколько во́ поле цветов.
Сам я в каждую из них
тут же втюриться готов.
Девки бедрами виляют,
пляшут в пляске круговой,
пламя в грудь мою вселяют,
и хожу я сам не свой.
Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.

* * *

Ах, там в долине, под горой
блаженной майскою порой
гуляла с младшею сестрой
любовь моя.

Лился пленительный напев
из чистых уст прелестных дев.
Но обмерла, меня узрев,
любовь моя.

Светился луговой простор,
резвился божьих пташек хор,
и к богу устремила взор
любовь моя.

Не лучше ль было б под кустом
улечься нам в лесу густом
и там ко рту прижаться ртом,
любовь моя?!

* * *

Когда б я был царем царей,
владыкой суши и морей,
любой владел бы девой,
я всем бы этим пренебрег,
когда проспать бы ночку мог
с английской королевой.

Ах, только тайная любовь
бодрит и будоражит кровь,
когда мы втихомолку
друг с друга не отводим глаз,
а тот, кто любит напоказ,
в любви не знает толку.

* * *

Без возлюбленной бутылки
тяжесть чувствую в затылке.
Без любезного винца
я тоскливей мертвеца.

Но когда я пьян мертвецки,
веселюсь по-молодецки
и, горланя во хмелю,
бога истово хвалю!

ЗАВЕЩАНИЕ

Я желал бы помереть
не в своей квартире,
а за кружкою вина
где-нибудь в трактире.
Ангелочки надо мной
забренчат на лире:
«Славно этот человек
прожил в грешном мире!

Простодушная овца
из людского стада,
он с достоинством почил
средь хмельного чада.
Но бродяг и выпивох
ждет в раю награда,
ну, а трезвенников пусть
гложат муки ада!

...

Пусть у дьявола в когтях
корчатся на пытке
те, кто злобно отвергал
крепкие напитки!
Но у господа зато
есть вино в избытке
для пропивших в кабаках
все свои пожитки!»

Ах, винишко, эх, винцо,
vinum, vini, vino!..
Ты сильно, как богатырь,
как дитя, невинно!
Да прославится господь,
сотворивший вина,
повелевший пить до дна —
не до половины!

Вольно, весело я шел
по земным просторам,
кабаки предпочитал
храмам и соборам,
и за то в мой смертный час,
с увлажненным взором:
«Со святыми упокой!» —
гряньте дружным хором!

ДОБРОЕ, СТАРОЕ ВРЕМЯ

Вершина знаний, мысли цвет,—
таким был университет.
А нынче, волею судеб,
он превращается в вертеп.

Гуляют, бражничают, жрут,
книг сроду в руки не берут,
для шалопая-школяра
ученье — вроде бы игра.

В былые дни такой пострел
всю жизнь над книжками потел,
и обучался он — учти —
до девяноста лет почти.

Ну, а теперь — за десять лет
кончают университет
и в жизнь выходят потому,
не научившись ничему!

При этом наглости у них
хватает поучать других.
Нет! Прочь гоните от дверей
таких слепых поводырей.

Неоперившихся птенцов
пускают наставлять юнцов!
Барашек, мантию надев,
решил, что он ученый лев!

Смотри: сидят, упившись в дым,
Григорий и Иероним
и, сотрясая небеса,
друг друга рвут за волоса.

Ужель блаженный Августин
погряз в гнуснейшей из трясин?
Неужто мудрость всех веков
свелась к распутству кабаков?!

Мария с Марфой, это вы ль?
Что с вами, Лия и Рахиль?
Как смеет гнилозубый хлюст
касаться чистых ваших уст?!

О добродетельный Катон!
Ты — даже ты! — попал в притон
и предназначен тешить слух
пропойц, картежников и шлюх.

То гордый дух былых времен
распят, осмеян, искажен.
Здесь бредни мудростью слывут,
а мудрость глупостью зовут!

С каких же, объясните, пор
ученье — блажь, прилежность — вздор?
Но если названное — тлен,
что вы предложите взамен?!

Эх, молодые господа,
побойтесь Страшного суда!
Прощенья станете просить —
да кто захочет вас простить?!

КАБАЦКОЕ ЖИТЬЕ

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире —
скука, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда.
Задают вопрос иные:
«Чем вам нравятся пивные?»
Что ж! О пользе кабаков
расскажу без дураков.

Собрались в трактире гости.
Этот пьет, тот — жарит в кости.
Этот — глянь — продулся в пух,
у того — кошель разбух.
Все зависит от удачи!
Как же может быть иначе?!
Потому что нет средь нас
лихоимцев и пролаз.

Ах, ни капельки, поверьте,
нам не выпить после смерти,
и звучит наш первый тост:
«Эй! Хватай-ка жизнь за хвост!..»
Тост второй: «На этом свете
все народы — божьи дети.
Кто живет, тот должен жить,
крепко с братьями дружить.

Бахус учит неизменно:
«Пьяным — море по колено!»
И звучит в кабацком хоре
третий тост: «За тех, кто в море!»
Раздается тост четвертый:
«Постных трезвенников — к черту!»
Раздается пятый клич:
«Честных пьяниц возвеличь!»

Клич шестой: «За тех, кто зелье
предпочел сиденью в келье
и сбежал от упырей
из святых монастырей!»
«Слава добрым пивоварам,
раздающим пиво даром!» —
всею дружною семьей
мы горланим тост седьмой.

Пьет народ мужской и женский,
городской и деревенский,
пьют глупцы и мудрецы,
пьют транжиры и скупцы,
пьют скопцы, и пьют гуляки,
миротворцы и вояки,
бедняки и богачи,
пациенты и врачи.

Пьют бродяги, пьют вельможи,
люди всех оттенков кожи,
слуги пьют и господа,
села пьют и города.
Пьет безусый, пьет усатый,
лысый пьет и волосатый,
пьет студент, и пьет декан,
карлик пьет и великан!

Пьют монахиня и шлюха,
пьет столетняя старуха,
пьет столетний старый дед,—
словом, пьет весь белый свет!
Всё пропьем мы без остатка.
Горек хмель, а пьется сладко.
Сладко горькое питье!
Горько постное житье...

СПОР МЕЖДУ ВАКХОМ И ПИВОМ

Чтоб потешить вас, братцы, беседою,
я вам байку смешную поведаю:
Вакх и пиво однажды повздорили
и нещадно друг друга позорили.

В жарком споре случается всякое...
Диспут мог бы окончиться дракою,
ибо Вакх выдвигал обвинения,
как всегда находясь в опьянении.

«Ты,— кричал он, махая ручищами,—
до небес превозносишься нищими!
Я ж, являясь богов украшением,
подвергаюсь порой поношениям.

Можно ль мерить нас общею мерою?
Говорят: рождено ты Цererою.
Нет! При всей своей мнимой безвредности,
эта ложь — порождение бедности.

Нищетой рождено в беззаконии,
ты — утеха для нищей Саксонии,
ты, как шлюха, сошлось с голодранцами,
будь то швабами или фламандцами.

Пьют бродяги тебя и отшельники,
школяры и монахи-бездельники,
воры пьют со своими подружками,
громыхая огромными кружками.

Всех ты, подлое пиво, бесстыжее,
опоило проклятою жижею,
так что даже особы священные
соблазнялись порой твоей пеною!

Да, ты брызжешь, ты плещешь, ты пенишься
и, возможно, поэтому ценишься.
Но, хоть славы вовсю домогаешься,
понапрасну со мною тягаешься!

Вакх — бессмертной природы творенне —
возвращает незрячему зрение,
и способно творение богово
сделать юношей старца убогого!

Вакх с любою кручиной справляется:
безнадежно больной поправляется,
холостяк стать супругом готовится,
а скалдырник транжиром становится.

Разливая вино виноградное,
Вакх приходит к вам с вестью отрадною,
и, отведав напиток, резонно вы
повторяете строки Назоновы:
«Душу нам греет вино, ее открывая веселью...»

Вакх освоил науки премногие —
от грамматики до астрологии,
от черчения до элоквенции,
вплоть до тонкостей юриспруденции.

Упоительна мудрая речь его!
С глупым пивом равнять его нечего,
потому что для доброго гения
оскорбительны эти сравнения!

Эх ты, горькое пиво кабацкое!
Ну-ка спрячь свое рыло дурацкое!
Убирайся назад в свою бочечку
и сиди там хоть целую ночечку!..»

...Пусть же славится Вакха всесилие!
Благовонный, как роза и лилия,
от души тебя крепко целуем мы,
и тебе воспоем «Аллилуйю» мы!

* * *

Ах, куда вы скрылись, где вы,
добродетельные девы?
Или вы давным-давно
скопом канули на дно?!

Может, вы держались стойко,
но всесветная попойка,
наших дней распутный дух
превратил вас в грязных шлюх?!
Все предпринятые меры
против происков Венеры,
насаждающей чуму,
не приводят ни к чему.
От соблазнов сих плачевных
застрахован только евнух,
все же прочие — увы —
крайней плотью не мертвы.
Я и сам погряз в соблазнах
и от девок безобразных
оторваться не могу.
Но об этом — ни гугу!..

ОТПОВЕДЬ КЛЕВЕТНИКАМ

Хуже всякого разврата —
оболгать родного брата.
Бог! Лиши клеветников
их поганых языков.

Злобно жалят, словно осы,
их наветы и доносы,
ранит грудь, как острый нож,
омерзительная ложь.

Про меня — о, я несчастный! —
распустили слух ужасный,
будто я неверен той,
что сверкает чистотой!

Как могу я быть неверен
той, с которой я намерен,
в единенье двух сердец,
встать хоть нынче под венец?!

Сей поклеп невероятен!
На душе моей нет пятен!
Я Юпитером клянусь,
что немедленно женюсь!

Никогда — ни сном, ни духом,—
вопреки коварным слухам,
мой чистейший идеал,
я тебе не изменял!

Я клянусь землей и небом,
Артемидою и Фебом,
всей девяткой дружных муз,
что незыблем наш союз.

Я клянусь стрелой и луком:
пусть любым подвергнусь мукам,
пусть в геенну попаду —
от тебя я не уйду!

В чем секрет столь жгучей страсти?
В чем причина сей напасти?
Очевидно, в том, что ты
воплощенье красоты.

С чем сравнить тебя я вправе?
Ты алмаз в златой оправе.
Твои плечики и грудь
могут мир перевернуть.

Ты — редчайший самородок!
Носик, губки, подбородок,
шейка дивной белизны
для лобзаний созданы.

Нет! Покуда мир не рухнет
или солнце не потухнет,
изменять тебе — ни-ни!
Ты сама не измени!

РАЗДОР МЕЖДУ ЧТЕНИЕМ КНИГ И ЛЮБОВЬЮ

Преуспев в учении,
я, посредством книг,
в беспрестанном чтении
мудрости достиг.
Но, сие учение
в муках одолев,

я познал влечение
к ласкам жарких дев.
И, забросив чтение,
тешу плоть свою:
нынче предпочтение
девам отдаю.
Да... И тем не менее
(хоть в любви везет)
тайный червь сомнения
сердце мне грызет.
Что мне — по течению
безрассудно плыть
иль, вернувшись к чтению,
гением прослыть?
Ну, а развлечения
бросив целиком,
можно стать из гения
круглым дураком!
«Только через чтение
к счастью путь лежит!» —
в крайнем огорчении
разум мой брюзжит.
«Быть рабом учения
глупо чересчур»,—
не без огорчения
шепчет мне Амур.
«Слышишь! Прочь смущение!
Розы жизни рви!
Радость ощущения —
в воле и в любви...»
В дивном озарении
начертал господь,
чтоб сошлись в борении
разум, дух и плоть.

* * *

Я с тобой, ты со мной
жизнью станем жить одной.
Заперта в моем ты сердце,
потерял я ключ от дверцы,
так что помни: хошь не хошь,
а на волю не уйдешь!

DOMC. VIIII. POST OCT PEN.
LC SCI EV. SCDM MATHEV.

NIMO R. Dixit ihc dis
cipulis suis; Nemo potest
duobus dominis seruire;
Et cetera; OMEL VENER BEDE
PBRI. DE EMDL. IX.

Nemo
potest
duob;
domini
seruire.
quia n
ualet
simul transi-
toria
& eter na

Хозяин и слуга.
Миниатюра из сборника проповедей Реймсского собора.
XI век.

* * *

В утренней рани почудилось мне:
сторож запел на зубчатой стене...
Слышишь, дружок?
Утро уже протрубило в рожок —
та-ра-ра-ра!
Значит, пришла расставанья пора,
милый ты мой!
Ночь от недобрых, завистливых глаз,
словно сообщница, прятала нас,
кутала тьмой.
Горькие слезы застлали мой взор.
Хмурое утро крадется, как вор,
ночи вослед.
Проклято будь наступление дня!
Время уводит тебя и меня
в серый рассвет.

* * *

Вновь облетела липа, и лес осенний гол,
но милый не вернулся, но милый не пришел.
Смолк в рощах голос птичий, мир холодом сражен.
Мой милый стал добычей неверных чьих-то жен.
Он с ними шутки шутит, мне жизнь, что ночь, черна.
Он с ними спит и кутит, а я ему верна.
Они его морочат! О, глупенький птенец!
Чего же он не хочет вернуться наконец?
Горька моя утрата, не счесть моих скорбей.
Промчались без возврата дни юности моей.

ПЛАЧ ПО ПОВОДУ БЕГСТВА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Шумит веселый май.
А я, как Менелай,
покинутый Еленой,
один во всей вселенной,
реву, судьбу кляня:

сбежала от меня
моя подружка Флора.
Не вынесу позора!

Едва настала ночь,
ты упорхнула прочь!
А мы ведь так хотели
понежиться в постели!
Что делать? Не пойму.
Она ушла. К кому?
Неужто дал ей пфенниг
какой-нибудь мошенник?
Я весь в слезах — смотри!
Глаза мои утри!
Ужель ты так развратна,
что не придешь обратно?!
Твой бедный голубок,
кляня жестокий рок,
стал выжатым, как губка,
от твоего поступка!

Я высох, я зачах,
темно в моих очах;
тоски не одолею
и скоро околею.
Молю тебя: приди!
Прижмись к моей груди!
Когда мы будем вместе,
забуду я о мести!
Я по свету брожу,
стенаю и дрожу,
ищу, ищу лекарства
от женского коварства!

Нет! Не желаю впредь
на девушек смотреть.
Ах, мне ничто не мило,
коль ты мне изменила.
Я обошел весь свет.
тебя ж все нет и нет.
Ужель не отзовешься?
Я плачу — ты смеешься.

ЛЮБОВЬ К ФИЛОЛОГИИ

О возлюбленной моей
день и ночь мечтаю,—
всем красавицам ее
я предпочитаю.
Лишь о ней одной пишу,
лишь о ней читаю.

Никогда рассудок мой
с ней не расстается;
окрыленный ею дух
к небесам взовьется.
Филологией моя
милая зовется.

Я взираю на нее
восхищенным взором.
Грамматическим мы с ней
заняты разбором.
И меж нами никогда
места нет раздорам.

Смог я мудрости веков
с нею причаститься.
Дорога мне у нее
каждая вещица:
суффикс, префикс ли, падеж,
флексия, частица.

Молвит юноша: «Люблю!» —
полон умиленья.
А для нас «любить» — глагол
первого спряженья.
Ну, а эти «я» и «ты» —
два местоименья.

Можно песни сочинять
о прекрасной даме,
можно прозой говорить
или же стихами,
но при этом надо быть
в дружбе с падежами!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЯ ШКОЛЯРОВ СВОЕМУ УЧИТЕЛЮ

Муж, в науках преуспевший,
безраздельно овладевший
высшей мудростью веков,
силой знания волшебной,—
восприми сей гимн хвалебный
от своих учеников!

Средь жрецов науки славных
нет тебе на свете равных,
наш возлюбленный декан!
Ты могуч и благороден,
сердцем чист, душой свободен,
гордой мыслью — великан!

Всех искусней в красноречье,
обрати свою к нам речь и
наш рассудок просвети!
Помоги благим советом
цели нам достичь на этом
нами избранном пути.

Снова близится полночный
час, как девой непорочной
был господень сын рожден,
смерть и муку победивший,
в злобном мире утвердивший
милосердия закон.

Так пускай горит над всеми
свет, зажженный в Вифлееме,
под один скликая кров
из мирского океана
многомудрого декана
и беспутных школяров!

ПРОКЛЯТИЕ

Шляпу стибрил у меня
жулик и притвора.
Всеблагие небеса,
покарайте вора!

Пусть мерзавца загрызет
псов бродячих свора!
Пусть злодей не избежит
божья приговора!

Да познает негодяй
вкус кнута и плетки,
чтобы грудь и спину жгло
пламенем чесотки!
Пусть он мается в жару,
чахнет от чахотки.
Да изжарит подлеца
черт на сковородке!

Пусть он бродит по земле
смертника понурей,
пусть расплата на него
грянет снежной бурей!
Пусть в ушах его гремит
жуткий хохот фурий.
Пусть его не защитит
даже сам Меркурий!

Пусть спалит господень гнев
дом его пожаром,
пусть его сразит судьба
молнии ударом!
Стань отныне для него
каждый сон кошмаром,
чтобы знал, что воровство
не проходит даром!

Сделай, господи, чтоб он
полным истуканом
на экзамене предстал
пред самим деканом.
Положи, господь, предел
кражам окаянным
и, пожалуйста, не верь
клятвам покаянным!

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Слезы катятся из глаз,
арфы плачут струны.
Посвящаю сей рассказ
колесу Фортуны.
Испытал я на себе
суть его вращенья,
преисполнившись к судьбе
чувством отвращенья.
Мнил я: вверх меня несет!
Ах, как я ошибся,
ибо, сверзшися с высот,
вдребезги расшибся
и, взлетев под небеса,
до вершин почета,
с поворотом колеса
плюхнулся в болото.
Вот уже другого ввысь
колесо возносит...
Эй, приятель! Берегись!
Не спасешься! Сбросит!
С нами жизнь — увы и ах! —
поступает грубо.
И повержена во прах
гордая Гекуба.

ВЗБЕСИВШИЙСЯ МИР

Блуд и пьянство
в христианство
золотой привнес телец.
Мир разврата
без возврата
в Тартар рухнет наконец.
Наши души
ночи глуше,
наши хищные сердца
осквернили,
очернили
всемогущего отца.

Блудодейство,
лиходейство,
воровство, разбой и мор!..
Мир греховный!
Суд верховный
грозный вынес приговор.
Тлена тленней
лист осенний.
Навзничь падают дубы.
Не спасете
бренной плоти
от карающей судьбы.
Все услады
без пощады
смерть сметет в урочный час.
Так покайтесь!
Попытайтесь,
чтоб господь хоть душу спас!
Надо всеми
в наше время
меч возмездья занесен.
Безутешен
тот, кто грешен,
тот, кто праведен,— спасен!
Скажем людям:
«О, пробудим
совесть спящую свою!
Коль пробудим,
так пребудем
не в геенне, а в раю!»

АПОКАЛИПСИС ГОЛИАРДА

Солнечным полднем, под липой тенистою,
славил я песнями деву пречистую,
вдруг — не пойму, наяву иль во сне,—
сам Пифагор обратился ко мне.

Скорбь омрачала лицо Пифагорово,
скорбь излучал опечаленный взор его,
и, преисполнясь тоски неземной,
рек он таинственно: «Следуй за мной!

Небом я послан тебе в провожатые!»
И, нескрываемым страхом объятые,
мы поспешили вступить на тропу,
где повстречали большую толпу.

Тут из толпы, о пощаде взывающей,
выступил ангел, что солнце сияющий,
и повелел мне глаза протереть,
дабы великое чудо узреть.

«Сам над собой человек надругается!
Страшная гибель на мир надвигается!
Стой и замри!.. Ты услышишь сейчас
с горних высот обвиняющий глас!»

Взвыл ураган, и, моля о спасении,
я оказался средь землетрясения,
а над дрожащими пиками гор
некто уже оглашал приговор:

«Знайте, земли недостойные жители!
Вас погубили священнослужители!
Днесь повторилось, что было вчера:
продан Спаситель за горсть серебра!

Пьянствуя, лакомясь сладкими блюдами,
стали отцы пресвятые Иудами!
Паства без пастыря бродит во тьме,
ибо у пастыря блуд на уме!

О, наглецы, на людей непохожие!
Мир обезумел от скверны безбожия,
и, надругаясь над святостью месс,
в душах безбожных беснуется бес!

Так преступленье вершится великое!
Папство глумится над вышним владыкою!
Лжепроповедников злые уста
дважды и трижды распяли Христа!

Что им господь? Что святая им троица?
Лишь бы схитрить да получше устроиться,
все христианство погрязло в грехах
из-за того, что творится в верхах.

Архиепископ в великую пятницу
в грязном притоне ласкает развратницу!
Стал ведь однажды Юпитер быком,
мерзкою похотью в бездну влеком!

Ах, из-за вас, из-за вас, проповедники,
вздулись у многих бедняжек передники!
Ради притворства сутаны надев,
скольких же вы перепортили дев!

Вы, кто вершит злодеянья позорные!
Вам не помогут молитвы притворные!
Господа хитростью не побороть!
Страшною казнью казнит вас господь!»

В то же мгновение ангел сияющий
поднял с земли стебелек засыхающий
и записал в моем бренном мозгу
все, что сейчас вам поведать могу.

Тут же неведомой силой чудесною
был я взнесен в высоту поднебесную
и, не встречая препятствий, проник
в третьего неба заветный тайник.

О, что узрел, что узнал я!.. Судейские
наши дела разбирали злодейские!
Нашему миру — о, голод! о, мор! —
вынесли смертный они приговор.

Не избежать никому наказания!
Сам я едва не лишился сознания,
но у меня эта жуткая весть
вдруг пробудила желание есть.

Ангелы божьи в плащах одинаковых
дали отведать мне зернышек маковых,
в Лету меня окунули потом
и напоили каким-то питьем.

Тут я на землю упал, чтоб впоследствии
вам рассказать о грядущем к нам бедствии,
и приготовил пространную речь,
чтобы вас, грешники, предостеречь!

Ждет нас несчастие невероятное!..
Но говорю почему-то невнятно я:
знать, пересекши рубеж бытия,
крепкого слишком отведал питья!

ПРИЗЫВ К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

Что предрекает царь Давид,
осуществить нам предстоит,
освободив господня сына
от надругательств сарацина!
В неизъяснимой доброте
принявший муку на кресте,
к тебе взывают наши песни,
и клич гремит: «Христос, воскресни!»

Мы не свернем своих знамен,
покуда гроб твой осквернен,
вовек оружия не сложим,
покуда псов не уничтожим!
Неужто Иерусалим
мы сарацину отдадим?
Неужто не возьмем мы с бою
сей град, возлюбленный тобою?!

Господь, проливший кровь за нас!
Поверь, мы слышим: пробил час
тебя спасти от мук безмерных,
мечи обрушив на неверных!
О, мы, погрязшие в грехах,
преодолеем низкий страх,
с победой в град священный вступим
и тем грехи свои искупим!

О, всемогущею рукой
ты сам, без помощи людской,
врагов изгнал бы окаянных
из этих мест обетованных.
Но, милосердьем одержим,
ты разрешил стадам своим,
сомкнувшись в грозные дружины,
избыть бесчисленные вины!

ПРОТИВ СИМОНИИ

Глас услышите вы ныне
вопиющего в пустыне.
Бог того, кто согрешил,
милосердия лишил.
Скоро гром над всеми грянет,
мир продажный в пропасть канет,
божий гнев замкнет уста
осквернителей Христа!
Посмотрите: в самом деле
честь и совесть оскудели,
правда спит, убит закон,
превратился храм в притон.
Да, не выразить словами,
что творится в божьем храме,
где святейшие ханжи
совершают грабежи.
От аббата до прелата
духовенство алчет злата,
под прикрытием сутан
обирая христиан.
Дни ужасные настали.
Розы терниями стали,
вера в господа мертва
из-за Си́мона, волхва.
Симон, Симон, волхв презренный,
обесчестив сан священный,
всюду свой справляет пир,
развратив, испортив клир.
Ныне поп в любом приходе
бредит только о доходе.
Загляните в каждый храм:
Симон тут и Симон там.
Тех, с кого он получает,
он особо отличает:
сунешь в лапу — вверх пойдешь,
а не сунешь — пропадешь!
Все на свете продается,
всяк разврату предается.
Стать святым желает вор?
Сунь — и кончен разговор!
Опалевши от богатства,
Симон хапает аббатства.

и дружкам своим — смотри! —
раздает монастыри.
О, небесная царица!
Как понять, что здесь творится?!
Неужель навек подпасть
нам под Симонову власть?
Нет! Такого быть не может!
Добрым людям бог поможет.
Ниспослать давно пора
к нам апостола Петра.
Он злодея в ад низринет,
и — глядишь — вся шайка сгинет,
чтобы снова расцвела
жизнь, спасенная от зла.

Аминь!

ФЛОРА И ФИЛИДА

В час, когда сползла с земли
снежная хламида,
и вернула нам весну
добрая планида,
и запели соловьи,
как свирель Давида,—
пробудились на заре
Флора и Филида.

Две подружки, две сестры
приоткрыли глазки.
А кругом цвела весна,
как в волшебной сказке.
Расточал веселый май
радужные краски,
полный света и любви,
радости и ласки.

В поле девушки пошли,
чтоб в уединенье
полной грудью воспринять
жизни пробужденье.

В лад стучали их сердца,
в дружном единенье,
устремляя к небесам
песнь благодаренья.

Ах, Филида хороша!
Ах, прекрасна Флора!
Упоительный нектар
для души и взора.
Улыбалась им светло
юная Аврора...
Вдруг затеяли они
нечто вроде спора.

Меж подружками и впрямь
спор возник горячий.
Озадачили себя
девушки задачей:
кто искуснее в любви,
награжден удачей —
рыцарь, воин удалой
иль школяр бродячий?

Да, не легкий задают
девушки вопросец
(он, пожалуй, бы смутил
и порфироносиц),—
две морщинки пролегли
возле переносиц;
кто желаннее: студент
или крестоносец?

«Ах,— Филида говорит,—
сложно мир устроен:
нас оружием своим
защищает воин.
Как он горд, как справедлив,
как красив, как строен
и поэтому любви
девичьей достоин!»

Тут подружке дорогой
Флора возражает:
«Выбор твой меня — увы! —
просто поражает.

Бедным людям из-за войн
голод угрожает.
Ведь не зря повсюду жизнь
страшно дорожает.

Распроклятая война
хуже всякой муки:
разоренье и смерть,
годы злой разлуки.
Ах, дружок! В людской крови —
рыцарские руки.
Нет! Куда милей студент —
честный жрец науки!»

Тут Филида говорит:
«Дорогая Флора,
рыцарь мой не заслужил
твоего укора.
Ну, а кто избранник твой?
Пьяница! Обжора!
Брр! Избавь тебя господь
от сего позора!

Чтят бродяги-школяры
бредни Эпикура.
Голодранцам дорога
собственная шкура.
Бочек пива и вина
алчет их натура.
Ах! Ваганта полюбить
может только дура.

Или по сердцу тебе
эти вертопрахи —
недоучки, болтуны,
беглые монахи?
Молью трачены штаны,
продраны рубахи...
Я бы лучше предпочла
помереть на плахе.

Что касается любви,
тут не жди проворства.
Не способствуют страстям
пьянство и обжорство.

Все их пылкие слова —
лишь одно притворство.
Плоть не стоит ничего,
если сердце черство.

Ну, а рыцарь неохоч
до гульбы трактирной.
Плоть он не обременил
грузом пищи жирной.
Он иной утехой сыт —
битвою турнирной,
и всю ночь готов не спать,
внемля песне лирной».

Флора молвила в ответ:
«Ты права, подружка.
Что для рыцарей — турнир,
то для них — пирушка.
Шпага рыцарю нужна,
а студенту — кружка.
Для одних война — разор,
для других — кормушка.

Хоть подвыпивший студент
часто озорует,
он чужого не берет,
сроду не ворует.
Мед, и пиво, и вино
бог ему дарует:
жизнь дается только раз,
пусть, мол, попирует!

Там, в харчевне, на столах
кушаний навалом!
Правда, смолоду школяр
обрастает салом,
но не выглядит зато
хмурым и усталым,
и горяч он, не в пример
неким самохвалам!

Проку я не вижу в том,
что твой рыцарь тощий
удивительно похож
на живые мощи.

В изможденных телесах
нет любовной мощи.
Так что глупо с ним ходить
в глубь зеленой рощи.

Он, в святой любви кляпясь,
в грудь себя ударит,
но колечка никогда
милой не подарит,
потому что рыцарь твой —
скопидом и скаред.
А школяр свое добро
мигом разбазарит!

Но, послушай, милый друг,—
продолжала Флора,—
мы до вечера, видать,
не окончим спора.
И поскольку нам любовь —
верная опора,
то, я думаю, Амур
нас рассудит скоро».

Поскакали в тот же миг,
не тая обиды,
две подружки, две сестры,
две богини с виду.
Флора скачет на коне,
на осле — Филида.
И рассудит их Амур
лучше, чем Фемида.

Находились целый день
девушки в дороге,
оказавшись наконец
в царственном чертоге.
Свадьбу светлую свою
там справляли боги,
и Юпитер их встречал
прямо на пороге.

Вот в какие довелось
им пробраться сферы:
у Юноны побывать,
также у Цереры.

Приглашали их к столу
боги-кавалеры.
Бахус первый свой бокал
выпил в честь Венеры.

Там не выглядел никто
скучным и понурым.
Каждый был весельчаком,
каждый — балагуром.
И амурчики, кружась
над самим Амуром,
улыбались нашим двум
девам белокурым.

И тогда сказал Амур:
«Боги и богини!
Чтобы нам не оставлять
девушек в кручине,
разрешить нелегкий спор
нам придется ныне.
Впрочем, спор-то их возник
по простой причине.

Ждут красавицы от нас
точного ответа:
кто достойнее любви,
ласки и привета —
грозный рыцарь, что мечом
покорил полсвета,
или бесприютный сын
университета?

Ну, так вот вам мой ответ,
дорогие дети:
по законам *естества*
надо жить на свете,
плоть и дух не изнурять,
сидя на диете,
чтобы к немощной тоске
не попасться в сети.

Кто, скажите, в кабаках
нынче верховодит,
веселится, но притом
с книгой дружбу водит

и, в согласье с естеством,
зря не колобродит?
Значит, рыцаря студент
явно превосходит!»

Убедили наших дев
эти аргументы.
Раздались со всех сторон
тут аплодисменты.
Стяги пестрые взвились,
запестрели ленты.
Так пускай во все века
славятся студенты!

ВОСХВАЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Правда правд, о истина!
Ты одна лишь истинна!
Славит наша здравица
ту, что может справиться
со лгунами грязными,
с их речами праздными,
с пресвятыми сворами,
что живут поборами,
с судьями бесчестными,
в сих краях известными,
с шайкою мошенников
в звании священников,
с теми лежебоками,
что слывут пророками,
с бандою грабителей
из иных обителей,
христиан морочащих,
господа порочащих!

ОБЛИЧЕНИЕ ДЕНЕГ

Ныне повсюду на свете
великая милость монете.
Ныне деньгою велики
цари и мирские владыки.

Ради возлюбленных денег
впадет во грехи и священник,
И во вселенском соборе
у каждого — деньги во взоре.

Деньги то бросят нас в войны,
то жить нам позволят спокойно.
Суд решает за плату
все то, чего хочет богатый.
Все продают, покупают,
берут и опять отнимают.
Деньги терзают нас ложью,
вещают и истину божью.

Деньги — святыня имущих
и обетование ждущих.
Деньги женскую верность
легко превратят в лицемерность.
Деньги из знатных и важных
соделают тварей продажных.
Денег желая, правитель
становится сущий грабитель.
И из-за денег в народе
воров — как звезд в небосводе.

Деньги для каждого милы,
не в страх им враждебные силы.
Денег звонкое слово
для бедных людей злее злого.
Деньги — ведомо это —
глупца превращают в поэта.
С теми, кто деньги имеет,
и пир никогда не скудеет.
Деньги спасут от недуга,
купят подругу и друга.

Деньги с легким сердцем
съедают миногу под перцем.
Деньги сосут из кувшина
французские сладкие вина.
Деньги чванятся звоном,
что все перед ними — с поклоном.
Деньги пируют со знатью
и носят богатые платья,

Деньги могучи премного,
их все почитают, как бога.

Деньги больных исцеляют,
здоровым сил прибавляют,
Пошлое сделают милым,
любезное сердцу — постылым,
Станет хромой ходячим,
воротится зренье к незрячим.
Долго можно их славить,
одно лишь хочу я прибавить:

Видел я, видел намедни,
как деньги служили обедню:
Деньги псалом запевали,
и деньги ответ подавали,
Проповеди говорили
и слезы прегорькие лили,
А под слезами смеялись
затем, что с доходом остались.

Деньги повсюду в почете,
без денег любви не найдете.
Будь ты гнуснейшего нрава —
с деньгами тебе честь и слава.
Нынче всякому ясно:
лишь деньги царят самовластно!
Трон их — кубышка скупого,
и нет ничего им святого,

Пляска кругом хоровая,
а в ней вся тщета мировая,
И от толпы этой шумной
бежит лишь истинно умный.

ХРАМ ВЕНЕРЫ

Бахуса почествовав,
шел я из кружала —
Мне Венеру чествовать
нынче надлежало.

Шел я припеваючи,
разодетый знатно,
И кошель у пояса
взвякивал приятно.

В капище Венерино
дверь была замкнута —
Жаждущему не было
жданного приюта.
Изнутри же слышались
струны и напевы:
Слаще пения сирен
пели в храме девы.

Вход блюла привратница,
стоя настороже,
Росту невеликого,
но лицом пригожа;
К ней-то я приблизился,
с ней завел беседу,
И она раскрыла дверь
и сказала: «Следуй!»

Следуя красавице,
я вхожу под крышу
И вопросы умные
по порядку слышу:
«Ты откуда, юноша,
рвешься в эти стены?»
«Я из края здешнего,
чтитель ваш смиренный».

«Какова причина есть
твоего прихода?
Добрая ль привеяла
к нам тебя погода?»
«Истинно,— ответствую,—
ветр неодолимый».
«Юности ли пламенем
ты пришел палимый?»

«Жжет меня,— ответствую,—
внутренняя рана,
Коей от Венеры я
уязвлен нежданно.

Нет мне в мире снадобья,
нету исцеленья,
И к Венере-матери
я взослал моленья.

Девица блаженная,
будь же благосклонна,
Донеси мольбу мою
до Венеры трона!»
Вняв, пошла красавица
в сень святого крова
Возвестить владычице
вверенное слово.

«Ты, которой ведомы
тайны нежных таин,
Ты, что ласкова ко всем,
кто любовью маян,
О царица мощная
многосластной страсти,
Исцели болящего
от его напасти!»

Се введен я, трепетный,
во предел алтарный,
Се узрел Венеры я
облик лучезарный
И воззвал приветственно,
преклонив колени:
«О, внемли, желанная,
чтущего хваленью!»

«Кто ты,— молвила она,—
юноша речистый?
Чем взошел ты мучимый
в сень святыни истой?
Ты не оный ли Парис,
цвет земного круга?
От какого страждешь ты
томного недуга?»

«О Венера, лучшая
из богов могущих,
В судьбах ты не сведуща
прошлых и грядущих!

Я лишь бедный юноша,
смерти злой пожива,
Но меня излечишь ты,
в благости нелжива».

«Прав ты, славный юноша,
здесь явясь во храме!
Прав ты, снарядив себя
звонкими дарами!
Если дашь динарии
лучшего чекана —
Знай: твоя излечится
бедственная рана».

«Вот кошель наполненный —
все мое именье;
В нем мое да явится
жертвоприношенье!
Утоли палящий огнь
страстного калеки
И прославься от меня
присно и вовеки!»

Тесно руки сблизивши,
следуем в покои,
Где стояли девушки
стройною толпою,
Сходствуя одеждами,
сходствуя по виду
И прекрасны ликами,
как сама Киприда.

Нас они завидевши,
хором привечали
И богине в сретенье
речи их звучали:
«Благо во прибытии!
Вместе ль возликуем?»
«Нет,— Венера молвила,—
высшего взыскуем!»

Скрылись девы оные,
внявши мановенью,
Остаюсь с богинею
я в уединенье.

Услаждаюсь звуками
вежественной речи
И на ложе постланном
жажду нежной встречи.

И, совлекшись всех одежд,
мне она предстала,
И сияньем наготы
вся она блистала,
И простерла на одре
сладостное тело,
Ярость плоти мужеской
впив в себя всецело.

Налюбившись, встали мы
омовенья ради:
Тек источник сладостный
в божьем вертограде,
В коем омовение
было обновленье,
Изымавшее из тел
тягость и томленье.

Но по омовении
всчувствовало тело,
Сколь от сладострастия
много ослабело;
И к Венере обратил
я такое слово:
«Есть хочу и пить хочу:
нет ли здесь съестного?»

Вот на блюде вносятся
утки, гуси, куры —
Все дары пернатые
матери-натуры;
Вот муку на пироги
мерят полной мерой —
Так-то мне пируется
с щедрою Венерой.

Три отрадных месяца
был я при богине,
Данью достодолжною
чтя ее святыни;

Днесь иду в дальнейший путь
с праздною сумою,
Быв от мук богинею
исцелен самою.

Всех пусть добрых юношей
речь моя научит:
Если стрелы страстные
сердце ваше мучат —
Пусть единой из Венер
тело препоручат,
И целенье скорое
от нее получат.

ПРОКЛЯТИЕ ВЕНЕРЕ

Прокляну Венеру я,
Если не отстанет
И не перестанет
Прежней
мучить верою,
Поначалу нежной,
А потом мучительной,
А потом губительной
Скорбью неизбежной.

В игрища Венерины
Я вступал впервые
В дни мои былые
Скромно,
неуверенно;
Но теперь я помню:
Нет ее заманчивей,
Нет ее обманчивей,
Нету вероломней.

Венеры в ратном стане я
В дни ранние
Служил со всем старанием,
Как подобает мужу;
Уж воин я заслуженный,
Натруженный,
А все-таки я нужен ей —
Зовет меня к оружью.

Умы людей баюкая,
Лишь мукою
И тягостной докукою
Казнила их Цирцея;
Но от ее прельщения
Умение
Спасло ведь тем не менее
Скитальца Одиссея.

Зачем мне безответно
Пылать любовью тщетной?
Уж лучше ненавидеть!
Но нет, да минет любящих
Удел все узы рубящих:
Пусть радости
Их младости
Судьба не смеет тягостью
Обидеть!

Любовь хоть и обманет,
Но пусть она не станет
И ненавистью злобной!
Кто в страсти злобой лечится,
Тот тщетно духом мечется:
Стремление
К целению
Ума — вот путь, спасению
Подобный!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

В час, когда закатится
Феб перед Дианою
И она с лампадою
Явится стеклянною,
Сердце тает,
Расцветает
Дух от силы пения
И смягчает,
Облегчает
Нежное томление,
И багрец передзакатный

Сон низводит благодатный
На людское бдение.

Сон, души целитель!
Нет тебя блаженней!
Ты порывы укрощаешь
Горестных мучений,
Ты смыкаешь очи
Роем сновидений!
Ты самой любви отрадней
И благословенней!

Веянья Морфея
В наши души сеют
Сны живые,
Ветерками веют,
Нивами желтеют,
Реками струятся,
И колеса шумных мельниц
В них кружатся,
И под их круженье очи
Сном смежатся.

После наслаждений
Венериных
Полон мозг томлений
Немеренных,
И темнеет свет в моих глазницах,
И плывут глаза в челнах-ресницах...
Сладко, страстью наслаждаясь,
Сном забыться,
Только слаще, пробуждаясь,
Вновь любиться!

Где листва вновь зазеленела,
Где поет песню филомела,
Отдыхать приятно;
Но милей на траве резвиться
С нежною девицей!
Вешний луг дышит ароматно,
Розы — в изголовье!
А потом, утомясь любовью,
Сладко пить подкрепленье силам
В сновиденье милом,
Что слетит лётом легкокрылым!

Как сердце бьется
И как душа мятется
У того, кто любови предается!
Как в просторе водном волны
Носят челны,
Так ни в счастье, ни в несчастье не уверена
Рать Венерина.

НАСТАВЛЕНИЕ ПОЭТУ, ОТПРАВЛЯЮЩЕМУСЯ К ПОТАСКУХАМ

Поэт, лаская потаскуху,
учти: у Фрины сердце глухо.
Она тебе отдаст свой жар
лишь за солидный гонорар.
Нужны служительнице блуда
вино, изысканные блюда,
а до того, что ты поэт,
ей никакого дела нет.
Не вздумай сей «прекрасной даме»
платить любовными стихами.
Твои стишата ей смешны.
Ей только денежки нужны.
Когда ж на стол монету бросишь,
получишь все, о чем ты просишь.
Но вскоре тварь поднимет крик,
что ты, мол, чересчур велик,
а заплатил постыдно мало,
что вообще она устала,
что ей давно домой пора:
болеет младшая сестра...
Ей кошелечек свой отдавши,
почти не солоно хлебавши,
ты облачаешься в камзол...
Меж тем уже другой осел
ее становится добычей.
О, что за пакостный обычай
искать сомнительных утех
у девок мерзостных, у тех,

кто сроду сердца не имеет,
а лишь распутничать умеет?!
Ужели не пойдет нам впрок
и этот горестный урок?!
Весь город над тобой смеется...
Но вижу: вновь тебе неймется,
и ты уже готов опять
последний талер ей отдать.
Все начинается с начала...
Так хоть бы стерва не ворчала,
что из-за жадности своей
ты слишком мало платишь ей!

РАЗГОВОР С ПЛАЩОМ

Холод на улице лют.
«Плащ мой! Какой же ты плут!
С каждой зимой ты стареешь
и совершенно не греешь.
Ах ты, проклятый балбес!
Ты, как собака, облез.
Я — твой несчастный хозяин —
нынче ознобом измаян».
Плащ говорит мне в ответ:
«Много мне стукнуло лет.
Выгляжу я плоховато —
старость во всем виновата.
Прежнюю дружбу ценя,
надо заштопать меня,
а с полученьем подкладки
снова я буду в порядке.
Чтоб мою боль утолить,
надо меня утеплить.
Будь с меховым я подбоем,
было б тепло нам обоим».
Я отвечаю плащу:
«Где же я денег сыщу?
Бедность — большая помеха
в приобретении меха.
Как мне с тобой поступить,
коль не могу я купить
даже простую подкладку?..
Дай-ка поставлю заплатку!»

СТАРЕЮЩИЙ ВАГАНТ

Был я молод, был я знатен,
был я девушкам приятен,
был силен, что твой Ахилл,
а теперь я стар и хил.

Был богатым, стал я нищим,
стал весь мир моим жилищем,
горбясь, по миру брожу,
весь от холода дрожу.

Хворь в дугу меня согнула,
смерть мне в очи заглянула.
Плащ изодран. Голод лют.
Ни черта не подают.

Люди волки, люди звери...
Я, возросший на Гомере,
я, былой избранник муз,
волочу проклятья груз.

Зренье чахнет, дух мой слабнет,
тело немощное зябнет,
еле теплится душа,
а в кармане — ни шиша!

До чего ж мне, братцы, худо!
Скоро я уйду отсюда
и покину здешний мир,
что столь злобен, глуп и сир.

БОГАТЫЙ И НИЩИЙ

Нищий стучится в окошко:
«Дайте мне хлебца немножко!»
Но разжиревший богач
зол и свиреп, как палач.
«Прочь убирайся отсюда!..»
Вдруг совершается чудо:
слышится ангельский хор.
Суд беспощаден и скор.

Нищий, моливший о хлебе,
вмиг поселяется в небе.
Дьяволы, грозно рыча,
в ад волокут богача.
Брюхо набил себе нищий
лакомой райскою пищей —
у богача неспроста
слюнки текут изо рта.
Нищий винцо попивает,
бедный богач изнывает:
«Хоть бы водицы глоток!..»
...Льют на него кипяток.

ОРФЕЙ В АДУ

Свадьбу справляют они — погляди-ка —
славный Орфей и его Евридика.
Вдруг укусила невесту змея...
Кончено дело! Погибла семья.
Бедный Орфей заклинает владыку...
Где там! В могилу несут Евридику.
Быстро вершится обряд похорон.
Чистую деву увозит Харон.
Плачет Орфей, озирается дико:
«Ах, дорогая моя Евридика!..»
Но Евридика не слышит его:
ей не поможет уже ничего.
«Ах, ты была мне мила и любезна...
Впрочем, я вижу, рыдать бесполезно.
Надо придумать какой-нибудь трюк.
Только б не выронить лиру из рук.
Очень возможно, что силой искусства
я пробудить благородные чувства
в царстве теней у Плутона смогу
и Евридике моей помогу...»
Сто́ит во имя любви потрудиться!..
Быстро Орфей в свою лодку садится
и через час, переплыв Ахерон,
в царство вступает, где правит Плутон.
Вот он, прильнувши к подножию трона,
звуками струн ублажает Плутона
и восклицает: «Владыка владык!

Учитель и школяры.

Миниатюра из «Комментариев ко 2-й книге Декреталий» Антония де Бутрио. XV век.

Ты справедлив! Ты могуч и велик!
Смертные, мы твоей воле подвластны.
Те, кто удачливы или несчастны,
те, кто богаты, и те, кто бедны,
все мы предстать пред тобою должны.
Все мы — будь женщины мы иль мужчины —
не избежим неминучей кончины,
я понимаю, что каждый из нас
землю покинет в назначенный час,
чтобы прийти под подземные своды...
Но не болезнь, не законы природы,
не прегрешенья, не раны в бою
ныне сгубили невесту мою.
О, неужели загробное царство
примет невинную жертву коварства?!
О, неужель тебе не тяжела
та, что до старости не дожила?!
Так повели же с высокого кресла,
чтобы моя Евридика воскресла,
и, преисполнясь добра и любви,
чудо великое миру яви.
Платой за это мое песнопенье
пусть мне послужит ее воскресенье.
Сделай, о, сделай счастливыми нас —
пусть не на вечность! Хотя бы на час!
Пусть не на час! На мгновенье хотя бы!
Будь милосерд, снисходителен, дабы,
сладостный миг ощутивши вдвоем,
мы убедились в величье твоем!
Верь, что тотчас же, по первому зову,
мы в твое лоно вернуться готовы
и из твоих благороднейших рук
примем покорно любую из мук!»

* * *

Ложь и злоба миром правят.
Совесть душат, правду травят,
мертв закон, убита честь,
непотребных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери
доброте, любви и вере.

Мудрость учит в наши дни:
укради и обмани!
Друг в беде бросает друга,
на супруга врет супруга,
и торгует братом брат.
Вот какой царит разврат!
«Выдь-ка, милый, на дорожку,
я тебе подставлю ножку»,—
ухмыляется ханжа,
нож за пазухой держа.
Что за времечко такое!
Ни порядка, ни покоя,
и господень сын у нас
вновь распят,— в который раз!

ПРОСЬБА ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ САЛЕРНО

Здравствуйте! Слово привета
вам от бродяги-поэта.
Все вы слыхали, наверно,
про знаменитый Салерно.
С давних времен и поныне
учатся там медицине
у величайших ученых,
чтоб исцелять обреченных...
«Как бы мне, господи боже,
медиком сделаться тоже?»
И приступил я к ученью,
новому рад увлеченью...
Но оказалось: наука
горше, чем смертная мука,
и захандрил я безмерно
в том знаменитом Салерно.
Смыться решил я оттуда,
но одолела простуда
так, что четыре недели
я провалялся в постели
и, поглощая микстуру,
славил свою профессуру.
«Бедный вы наш сочинитель,—
молвил мне главный целитель,—
я говорю вам без шуток:
жить вам не более суток!»
Я до того огорчился,
что через день излечился,

взял свой мешок — и айда! —
тотчас же прибыл сюда.
Гляньте, друзья, на поэта:
стал я подобьем скелета,
плащ мой изношен до дыр,
не в чем явиться в трактир,
ибо в проклятом Салерно
есть небольшая таверна,
где промотал я до нитки
всю свою кладь и пожитки.
С голоду я изнываю,
к щедрости вашей взываю,
о подаянье моля
господа и короля.
Слышишь, король всемогущий?
Я — твой поэт неимущий —
славлю владыку владык,
ибо ты мудр и велик.
Призван самою Минервой,
ты, средь правителей — первый,
множеством дивных щедрот
свой осчастливил народ.
Всем оказавший подмогу,
выдели мне хоть немного!
Не оскудеет рука —
та, что спасет бедняка!
Бог да продлит твои годы!
Я ж сочиню тебе оды,
гимны сложу в твою честь:
очень уж хочется есть.

ИСПОВЕДЬ АРХИПИИТА КЕЛЬНСКОГО

С чувством жгучего стыда
я, чей грех безмерен,
покаяние свое
огласить намерен.
Был я молод, был я глуп,
был я легковерен,
в наслажденьях мирских
часто неумерен.

Человеку нужен дом,
словно камень прочный,
а меня судьба несла,
что ручей проточный,
влек меня бродяжий дух,
вольный дух порочный,
гнал, как гонит ураган
листик одиночный.

Как без кормчего ладья
в море ошалелом,
я мотался день-деньской
по земным пределам.
Что б сидеть мне взаперти?
Что б заняться делом?
Нет! К трактирщикам бегу
или к виноделам.

Я унылую тоску
ненавидел сроду,
но зато предпочитал
радость и свободу
и Венере был готов
жизнь отдать в угоду,
потому что для меня
девки — слаще меду!

Не хотел я с юных дней
маяться в заботе —
для спасения души,
позабыв о плоти.
Закружившись во хмелю,
как в водовороте,
я вещал, что в небесах
благ не обретете!

О, как злились на меня
жирные прелаты,
те, что постникам сулят
райские палаты.
Только в чем, скажите, в чем
люди виноваты,
если пламенем любви
их сердца объяты?!

Разве можно в кандалы
заковать природу?
Разве можно превратить
юношу в колоду?
Разве кутаются в плащ
в теплую погоду?
Разве может пить школяр
не вино, а воду?!

Ах, когда б я в Кельне был
не архипиитом,
а Тезеевым сынком —
скромным Ипполитом,
все равно бы я примкнул
к здешним волокитам,
отличаясь от других
волчьим аппетитом.

За картежною игрой
провожу я ночки
и встаю из-за стола,
скажем, без сорочки.
Все продуто до гроша!
Пусто в кошелечке.
Но в душе моей звенят
золотые строчки.

Эти песни мне всего
на земле дороже:
то бросает в жар от них,
то — озноб по коже.
Пусть в харчевне я помру,
но на смертном ложе
над поэтом-школяром
смилуйся, о боже!

Существуют на земле
всякие поэты:
те залезли, что кроты,
в норы-кабинеты.
Как убийственно скучны
их стихи-обеты,
их молитвы, что огнем
чувства не согреты.

Этим книжникам претят
ярость поединка,
гомон уличной толпы,
гул и гогот рынка;
жизнь для этих мудрецов —
узкая тропинка,
и таится в их стихах
пресная начинка.

Не содержат их стихи
драгоценной соли:
нет в них света и тепла,
радости и боли...
Сидя в кресле, на заду
натирать мозоли?!
О, избавь меня, господь,
от подобной роли!

Для меня стихи — вино!
Пью единым духом!
Я бездарен, как чурбан,
если в глотке сухо.
Не могу я сочинять
на пустое брюхо.
Но Овидием себе
я кажусь под мухой.

Эх, друзья мои, друзья!
Ведь под этим небом
жив на свете человек
не единым хлебом.
Значит, выпьем, вопреки
лицемерным требам,
в дружбе с песней и вином,
с Бахусом и Фебом...

Надо исповедь сию
завершить, пожалуй.
Милосердие свое
мне, господь, пожалуй.
Всемогущий, не отринь
просьбы запоздалой!
Снисходительность яви,
добротой побалуй.

Отпусти грехи, отец,
блудному сыночку.
Не спеши его казнить —
дай ему отсрочку.
Но прерви его стихов
длинную цепочку,
ведь иначе он никак
не поставит точку

ПОСЛАНИЕ К АРХИКАНЦЛЕРУ РЕГИНАЛЬДУ, АРХИЕПИСКОПУ КЕЛЬНСКОМУ

Архиканцеляриус,
славный муж совета,
Просвещенный истиной
божеского света,
Чья душа высокою
твердостью одета,
Ты чрезмерно многого
хочешь от поэта.

Выслушай, возвышенный,
робкие моленья,
Изъяви к просящему
ты благоволенье
И не заставляй меня,
внявши повеленью,
Гнуть под тяжкой ношею
слабые колени.

Я певец твой искренний,
твой слуга толковый,
По суху и по морю
для тебя готовый;
Все, что хочешь, напишу
по любому зову;
Но нехватка времени
жмет меня сурово.

За неделю можно ли
описать пристойно
Нашим славным кесарем
веденные войны?

Лишь Лукан с Вергилием
их воспеть достойны,
Год, и два, и три подряд
песнь слагая стройно.

Пожалей, разумнейший,
стихотворца участь!
Не заставь покорствовать,
жалуясь и мучась!
Жгучей торопливости
умеряя жгучесть,
Струнам растревоженным
вороти певучесть.

Ты ведь знаешь, праведный,—
в этой жизни бренной
Сила в нас не может быть
вечно неизменной:
И пророков покидал
божий дар священный,
И родник моих стихов
иссыхает, пенный.

Иногда пишу легко,
без числа и счета,
И никто не упрекнет,
что плоха работа;
Но пройдет немного дней,
пропадет охота,
И заменит мне стихи
сонная зевота.

Что однажды издано,
то уж не исправить!
И спешат писатели,
чтоб себя прославить,
Стих похуже выкинуть,
а получше — вставить,
Не желая праздный люд
без нужды забавить.

Неучей чуждается
стихотворец истый,
От толпы спасается
в рощице тенистой,

Бьется, гнется, тужится,
правя слог цветистый,
Чтобы выстраданный стих
звонкий был и чистый.

В площадном и рыночном
задыхаясь гаме,
Стихотворцы впроголодь
мучатся годами;
Чтоб создать бессмертный сказ,
умирают сами,
Изможденные вконец
горькими трудами.

Но звучит по-разному
голос наш природный!
Я вот вовсе не могу
сочинять голодный:
Одолеть меня тогда
может кто угодно,—
Жизнь без мяса и вина
для меня бесплодна.

Да, зовет по-разному
к делу нас природа!
Для меня кувшин вина—
лучшая угода:
Чем я чаще в кабаках
делаю обходы,
Тем смелей моя в стихах
легкость и свобода.

От вина хорошего
звонче в лире звоны:
Лучше пить и лучше петь —
вот мои законы!
Трезвый я едва плету
вялый стих и сонный,
А как выпью — резвостью
превзойду Назона.

Не всегда исполнен я
божеского духа —
Он ко мне является,
если сыто брюхо.

Но едва нахлынет Вакх
в душу, где так сухо,—
Тотчас Феб заводит песнь,
дивную для слуха.

Оттого и не могу,
нищий я и бедный,
Фридриха державного
славить путь победный,
Сокрушивший в Лации
корень злобы вредной,—
В этом, повелитель мой,
каюсь исповедно.

Трудно в худшей нищете
отыскать поэта:
Только у меня и есть,
что на мне надето!
А от сытых скудному
можно ль ждать привета?
Право, не заслужена
мною доля эта.

Я из рода рыцарей
вышел в грамотеи,
Я с сохой и заступом
знаться не умею,
Мне и ратного труда
книжный труд милее —
Я люблю Вергилия
больше, чем Энея.

Не пойду я в нищие —
это мне зазорно;
Не пойду и воровать,
хоть зови повторно;
Видишь сам, передо мной
нет дороги торной:
Клянчить, красть, пахать, служить —
все неплодотворно.

Как мои страдания
скорбны и жестоки,
Я не раз уже писал
горестные строки;

Но невнятны для зевак
все мои намеки —
Я блуждаю, как и был,
нищий, одинокий.

Немцев щедрые дары
я не позабуду
И достойною хвалой
их прославлю всюду...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но зато в Италии —
сущие злодеи,
Идолопоклонники,
а не иереи,
Подают мне медный грош,
серебра жалея,—
Ну так диво ли, что я
чахну и худею?

Горько мне, что вижу я:
льстивые миряне,
Глупые и праздные,
хуже всякой дряни,
Век в душе не знавшие
божьего дыханья,
Ходят разодетые
в шелковые ткани.

Если б им лишь рыцари
были доброхоты,
А о нас священники
брали бы заботы!
Только ведь и в клириках
нет для нас щедроты —
Лишь о суете мирской
все у них хлопоты.

Священнослужители
нынче стали плохи:
Наши им неведомы
горестные вздохи,

В их домах, бесчинствуя,
скачут скоморохи,
Вместо нас последние
подъедая крохи.

Сгибни, клир злонравственный
и несердобольный,
Нас забывший жаловать
милостью застольной!
Но вовек да славятся
те, кто хлебосольны,
И первейший между них —
ты, блюститель Кёльна!

Царскими заботами
ты чело венчаешь,
И от царских ты забот
имя получаешь;
Ты господню заповедь
в сердце величаешь
И пришельца-странника
с щедростью встречаешь.

Страждущий от зимнего
хладного дыханья,
Я к тебе дрожащие
простираю длани —
Ни постели у меня
нет, ни одеянья,
И смиренно я приму
всякое даянье.

Архиканцеляриус,
свет мой и опора,
Славою наполнивший
звездные просторы,
Верности прибежище
и услада взора,
Годы долгие живи
и не знай укора!

Я когда-то от тебя
деньги взять решился,
Но давно мой кошелек
вновь опустошился:

Я с одним священником
ими поделился,
Чтобы век он за меня
господу молился.

Щедрому хозяину
щедро подражая,
Я делюсь с издольщиком
долей урожая:
Каждый знает по себе,
в ком душа большая,—
Чем крупней кусок отдам,
тем вкусней вкушаю.

Не могу один в углу
наслаждаться пищей —
Половину уделю
доброй братье нищей.
А при княжеских дворах
пусть другие рыщут,
Коим высшее из благ —
толстый животище.

Архиканцеляриус,
свет мой и отрада,
Нестора премудрого
истинное чадо,
Да пошлет тебе Христос
за труды награду.
Мне же — красноречие
петь тебя, как надо.

ЖАЛОБА НА СВОЕКОРЫСТИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА

Плачет и стенает
Вальтерова лира:
Вальтер проклинает
преступленья клира.
Верить бесполезно
в райские блаженства:
все мы канем в бездну
из-за духовенства.
И по сей причине
язва сердце точит:
Вальтер быть отныне
клириком не хочет!
Расскажу подробно
о попах вельможных,
совершивших злобно
сотни дел безбожных.

Если, затухая,
солнце село в море,
значит, ночь глухая
к нам нагрянет вскоре.
Если ж полог черный
темень распластала,
тут вопрос бесспорный:
ночь уже настала.
Черной тьмой объяты,
мы живем в бессилье:
подлые аббаты
солнце погасили.
В хилом худосочье
чахнем в смрадной яме.

Почернее ночи —
короли с князьями.

Нет, не милосердье
пастыри даруют,
а в тройном усердье
грабят и воруют.
Загубили веру,
умерла надежда.
Делают карьеру
жулик и невежда.
Знай, убогий странник:
каждый настоятель —
чей-нибудь племянник
или же приятель!

Зря себя тревожишь!
В мире вероломства
выдвинуться можешь
только по знакомству.
В честном человеке
гнев созрел великий:
иль дана навеки
власть презренной клике?
Сам я, как на тризне,
скорбно причитаю,
ибо этой жизни
смерть предпочитаю.
Миром правит хитрость!
Мир вражды и кражи!
Мир, где сам антихрист
у Христа на страже!

* * *

Я, недужный средь недужных
И ненужный средь ненужных,
Всем, от вьюжных стран до южных
Глас посланий шлю окружных:
Плачьте, плачьте, верные —
Церкви нашей скверные
Слуги лицемерные
С господом не дружны!

Кто, прельщенный звоном денег,
Иль диакон, иль священник,
Утопая в приношеньях,
Погрязая в прегрешеньях,
В путь идет заказанный,
Симоном указанный,—
Тот, да будет сказано,—
Гиезит-мошенник.

Мир над клиром так глумится,
Что у всех краснеют лица;
Церковь, божия девица,
Ныне — блудная блудница;
Таинства церковные,
Благодать духовная,—
Скоро все в греховные
Деньги превратится!

Только то зовется даром,
Что дается людям даром;
Если станет дар товаром —
Будь виновник предан карам:
Он, склоненный ложию
К идолов подножию,
Будь из храма божия
Выброшен ударом!

Кто подвержен этой страсти,
Тот не пастырь ни отчасти:
Он не властен и во власти,
Он покорен сладострастью.
Алчная пиявица,
Как жена-красавица,
Папским слугам нравится,
К нашему несчастью.

Молодые наши годы
Видят в старости невзгоды;
Мы боимся: без дохода
Пропадет для нас свобода;
Нас пугает скудное —
Мы впадаем в блудное:
Такова подспудная
Смертная природа.

И помазанье святое
Продают тройной ценою,
И старик под сединою,
Деньги взяв, бодрится втрое:
Старцы обветшалые,
Словно дети малые,
Предаются, шалые,
Сладкому запою.

Таковы теперь натуры
Тех, кто ждут инвеституры,
Нежат тело, холят шкуры,
Славословят Эпикура —
Насладясь богатствами,
Пресыщаясь яствами,
Чванятся над паствами,
Не стыдясь тонзуры!

ОБЛИЧЕНИЕ РИМА

Обличить намерен я
лжи природу волчью:
Часто, медом потчуя,
нас питают желчью,
Часто сердце медное
златом прикрывают,
Род ослиный львиную
шкуру надевает.

С голубиной внешностью
дух в разладе волчий:
Губы в меде плавают,
ум же полон желчи.
Не всегда-то сладостно
то, что с медом схоже:
Часто подлость кроется
под атласной кожей.

Замыслы порочные
скрыты речью нежной,
Сердца грязь прикрашена
мазью белоснежной.

Поражая голову,
боль разит все тело;
Корень высох — высохнуть
и ветвям приспело.

Возглавлять вселенную
призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною
все полно безмерной —
Ибо заразительно
веянье порока,
И от почвы гнилостной
быть не может прока.

Рим и всех и каждого
грабит безобразно;
Пресвятая курия —
это рынок грязный!
Там права сенаторов
продают открыто,
Там всего добьешься ты
при мошне набитой.

Кто у них в судилище
защищает дело,
Тот одну лишь истину
пусть запомнит смело:
Хочешь дело выиграть —
выложи монету:
Нету справедливости,
коли денег нету.

Есть у римлян правило,
всем оно известно:
Бедного просителя
просьба неуместна.
Лишь истцу дающему
в свой черед дается —
Как тобой посеяно,
так же и пожнется.

Лишь подарком вскроется
путь твоим прошеньям.
Если хочешь действовать —
действуй подношеньем.

В этом — наступление,
в этом — оборона:
Деньги ведь речистее
даже Цицерона.

Деньги в этой курии
всякому по нраву
Весом, и чеканкою,
и сверканьем сплава.
В Риме перед золотом
клонятся поклоны,
И уж, разумеется,
все молчат законы.

Ежели кто взяткою
спорит против права —
Что Юстинианову
все ему уставы?
Здесь о судьях праведных
нету и помина—
Деньги в их суме — зерно,
а закон — мякина.

Алчность желчная царит
в Риме, как и в мире:
Не о мире мыслит клир,
а о жирном пире;
Не алтарь в чести, а ларь
там, где ждут подарка,
И серебряную чтят
марку вместо Марка.

К папе ты направился?
Ну так знай заране:
Ты ни с чем воротишься,
если пусты длани.
Кто пред ним с даянием
появился малым,—
Взором удостоен он
будет очень вялым.

Не случайно папу ведь
именуют папой:
Папствуя, он хапствует
цапствующей лапой.

Он со всяким хочет быть
в пае, в пае, в пае —
Помни это каждый раз,
к папе приступая.

Писарь и привратники
в этом с папой схожи,
Свора кардинальская
не честнее тоже.
Если, всех обславивши,
одного забудешь,—
Всеми разом брошенный,
горько гибнуть будешь.

Дашь тому, дашь этому,
деньги в руку вложишь,
Дашь, как можешь, а потом
дашь и как не можешь.
Нас от многоденежья
славно в Риме лечат:
Здесь не кровь, а золото
рудометы мечут.

К кошельку набитому
всем припасть охота;
Раз возьмут и два возьмут,
а потом без счета.
Что считать на мелочи?
Не моргнувши глазом,
На кошель навалятся
и придушат разом.

Словно печень Тития,
деньги нарастают:
Расточатся, явятся
и опять растают.
Этим-то и кормится
курия бесстыдно:
Сколько ни берет с тебя,
все конца не видно.

В Риме все навыворот
к папской их потребе:
Здесь Юпитер под землей,
а Плутон на небе.

В Риме муж достойнейший
выглядит не лучше,
Нежели жемчужина
средь навозной кучи.

Здесь для богача богач
всюду все устроит
По поруке круговой:
рука руку моет.
Здесь для всех один закон,
бережно хранимый:
«Ты мне дашь — тебе я дам» —
вот основа Рима!

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

Старопровансальская рыцарская поэзия — первая лирическая поэзия на одном из новых романских языков средневековой Европы — просуществовала около двухсот лет: первый трубадур, Гильем Аквитанский, родился в 1071 году и умер в 1127 году, а последним поэтом старой формации считается Гираут Рикьер, деятельность которого падает на 1254—1292 годы.

Блестящая старопровансальская литература, служившая в свое время, по выражению Ф. Энгельса, «недостижимым образцом» для других молодых литератур Европы и как бы воскресившая среди глубочайшего средневековья «отблеск древнего эллинства», погибла насильственной смертью. Официальным поводом для войны против южнофранцузских феодалов послужило существование на юге Франции так называемой «ереси альбигойцев», а конечным результатом «альбигойских войн» оказалось присоединение южнофранцузских земель к землям французской короны, прекращение начинавшейся консолидации самостоятельного южнофранцузского государства и уничтожение блестящей старопровансальской культуры.

Старопровансальская литература не сразу сдала свои позиции; в самом конце XIII и в начале XIV века некоторые поэты Окситании [1] еще пытаются следовать старой традиции, но почти все они близки к бюргер-

[1] Благодаря тому, что Южная Франция так и не достигла национальной консолидации, для обозначения языка, литературы и территории этого неосуществившегося государства уже начиная со средних веков употреблялись различные наименования, самыми популярными из которых были производные от латинского provincia: «провансальский», «Прованс» и т. д. Мы изберем наименования «Окситания» и «Южная Франция» для страны, а язык трубадуров будем называть «старопровансальским» — во избежание смешения с ныне существующим новопровансальским языком. Географический термин «Прованс» мы употребляем в узком его значении — как название графства Прованс, входившего в состав древней Окситании.

ству, и их стихи — это как бы связующее звено между рыцарской куртуазной поэзией и религиозно-назидательными поэмами трубадуров-бюргеров, основавших в 1323 году в Тулузе «Консисторию веселой науки», призванную поощрять усилия поэтов, прославляющих деву Марию. Разумеется, творчество этих поэтов-эпигонов не имеет ничего общего с блестящей поэзией предшествующего периода. Поэтому ограничение раздела поэзии трубадуров в настоящем томе БВЛ хронологическими рамками конца XI — конца XIII веков методологически оправдано.

Изучение окситанской литературы началось давно. Уже в XIII веке возникла необходимость объяснить творчество поэтов предшествующего времени современникам, незнакомым с обстоятельствами их жизни, в связи с чем появились «биографии» и «комментарии». Современная наука скептически относится к этим толкованиям, особенно в той их части, которая касается любовных приключений поэтов; некоторые ученые даже считают «биографии» и «комментарии» результатом сознательного художественного творчества, своего рода новеллами. Но уже давно отмечено, что конкретные биографические сведения (место рождения, дружеские связи поэта, его связи с покровителями и т. п.), содержащиеся в «жизнеописаниях» трубадуров, подтверждаются вполне достоверными документами. К тому же эти полубеллетристические произведения могут служить драгоценным свидетельством быта и литературных вкусов эпохи, когда старопровансальская поэзия еще существовала как поэзия живая, и могут иной раз облегчить понимание ее весьма трудных текстов.

Важным этапом изучения старопровансальских текстов была работа итальянских комментаторов эпохи Возрождения, которые, быть может, мало отличались от авторов старопровансальских «биографий» с точки зрения методологии, но многое сделали для сохранения литературного наследия трубадуров. У некоторых итальянских гуманистов XVI века можно отметить попытки нового, научного подхода к окситанскому материалу, но, по целому ряду причин, их замыслы не были реализованы. Переворот в развитии провансалистики совпадает с общим прогрессом в области филологических наук в начале XIX века, когда, собственно, и были заложены основы романской филологии. Работы Ренуара и Фориеля во Франции, Дица в Германии надолго предопределили дальнейший ход исследований; монументальная двухтомная работа А. Жанруа, вышедшая в 1934 году, которую иногда называют «библией провансалистов», ничего принципиально нового по сравнению с трудами Дица и Фориеля не содержит.

Следует особо остановиться на весьма интересной теории, родившейся в конце XIX века в связи с публикацией диссертации А. Жанруа «О происхождении французской лирики». В рецензии на эту работу Г. Парис отметил, что материалы, собранные автором, подводят к совершенно определенному выводу: древняя лирика Франции родилась из фольклорных песен-плясок, связанных с майскими праздниками. Теория Жанруа — Париса о фольклорном происхождении старофранцузской и старопровансальской поэ-

зий долгое время пользовалась широким распространением в науке. Однако, когда в XX веке в западной фольклористике ярко проявились антидемократические тенденции и стало хорошим тоном отрицать влияние народных масс на развитие литературы, теория эта стала одиозной для буржуазных критиков. Кроме «фольклорной теории», в дальнейшем получили распространение теории, возводившие истоки окситанской поэзии к классической латинской, арабской и латинской средневековой литературам.

В настоящее время на Западе в ряде работ делаются попытки истолкования старопровансальских текстов в структуралистском плане, а также в духе философии экзистенциализма; встречаются и отдельные грубосоциологические работы, содержащие элементы неоправданной модернизации.

Рассматривая поэзию трубадуров с марксистских позиций, правильным было бы истолковать ее как художественное отражение «величайшего нравственного прогресса» (Энгельс), связанного с появлением индивидуальной половой любви, всему прежнему миру неизвестной. Эта первая в истории форма индивидуальной половой любви была, в силу исторических причин, враждебна феодальному браку.

Если в эпоху Возрождения и позднее, в XVII и XVIII веках, знакомство со старопровансальской поэзией было привилегией отдельных лиц, то начиная с первой четверти XIX века литература древней Окситании становится достоянием «читающей публики», объектом переводов и подражаний. Во Франции, Италии и Германии с давних пор имеется большое число антологий трубадуров, часто — двуязычных, на языке оригинала и в переводе. В последнее время увеличилось число таких изданий в Англии и США.

В России стихи трубадуров переводили К. Батюшков, А. Майков, А. Блок, Ф. де ла Барт, А. Сухотин и другие. Однако сколько-нибудь значительного собрания старопровансальских текстов до настоящего времени на русском языке издано не было. Публикуемые в настоящем томе переводы Валентины Дынник выполнены специально для «Библиотеки всемирной литературы». Эти переводы воспроизводят сложную систему рифм и строфики трубадурских текстов; издававшиеся до сих пор за рубежом антологии переводов трубадурской поэзии на другие европейские языки этого принципа не соблюдали.

БЕЗЫМЯННЫЕ ПЕСНИ

«Все цветет! Вокруг весна!..» (стр. 31).— Стихотворение представляет собой образец древней фольклорной песни, связанной с пляской, а может быть, даже с драматизированной игрой, во время которой из хоровода подданных «королевы весны» изгонялся скучный «старый король», символизировавший одновременно и зимнюю стужу, и нелюбимых старых мужей. Как раз эта анонимная песня-пляска в свое время приводилась в

качестве доказательства связи древнейшего пласта старопровансальской лирики с весенними обрядами.

«Я хороша, а жизнь моя унылa...» (стр. 32).— Песня, близкая к фольклорному жанру так называемых «песен о несчастливом замужестве». Гастон Парис приписывал также и этому жанру большую роль в генезисе куртуазной лирики, хотя и воспринимал мотив несчастливого замужества как чисто обрядовый, «игровой» элемент, не имеющий никакой связи с реальной жизнью.

«Отогнал он сон ленивый...» (стр. 34).— «Альба», или «песнь рассвета», также относится к числу жанров, близких к народной поэзии. Ситуация, рисуемая альбой, характерна для рыцарской любви. Феодальный брак был откровенной политической сделкой: принимались во внимание интересы сюзерена, интересы содружества вассалов, но никак не личные чувства будущих супругов. Поэтому «первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере из господствующих классов) страсть, как высшая форма полового влечения,— что и составляет ее специфический характер,— эта первая ее форма, рыцарская любовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот. В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты воспевают это. Цвет провансальской любовной поэзии составляют «альбы» (albas), по-немецки песни рассвета. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели у своей красотки, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает ему о первых признаках наступающего рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным...» (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 21, изд. 2-е, с. 72—73).

В публикуемых альбах (с. 34, 35) говорится о тайном ночном свидании возлюбленных, которые должны будут расстаться на заре. Сетования по поводу расставания вкладываются в уста *«друга»*, либо об этом говорит *«донна»*. В соответствии с законами жанра, в припеве (рефрене) непременно фигурирует слово «рассвет».

«Глядя на зелень лугов...» (стр. 36).— Стихи эти близки «песням о разлуке», бытующим у разных народов; интересен назидательный характер некоторых строк («Верность — не праздное слово...»). Голосистый гонец — жонглер, которому дама поручает спеть возлюбленному сочиненную ею песню. Жонглерами называли исполнителей поэм, в отличие от трубадуров — создателей поэтических текстов. Жонглеры должны были уметь исполнять длинные эпические произведения, дрессировать животных, демонстрировать различные фокусы. Они пользовались меньшим уважением, чем трубадуры, чей статус часто приближался к статусу служилого рыцарства, не говоря уже о тех случаях, когда в качестве трубадуров выступали знатнейшие вельможи.

ГИЛЬЕМ IX (1071—1127)

Девятый герцог Аквитании и седьмой граф Пуатье (Пейтьеу) [1], носивший имя Гильема, старейший трубадур Окситании, был одним из самых крупных феодалов юга Франции. Остроумный, смелый и жизнелюбивый, он не упускал ни одной возможности увеличить свои огромные владения; своим вольным поведением он не раз навлекал на себя гнев папы и церковников. Принимал участие в первом крестовом походе; потерпев поражение и чудом избежав смерти и плена, вынужден был в 1102 г. бесславно вернуться в родные пределы. Через 10 лет после его смерти прекратилось самостоятельное существование всего его огромного феода, который, в качестве приданого его внучки Алиеноры Аквитанской, влился во владения французских королей (1137 г.), а затем, после развода Алиеноры с Людовиком VII в 1152 г., перешел ко второму мужу Алиеноры, семнадцатилетнему Генриху Плантагенету, ставшему английским королем под именем Генриха II (1154 г.).

Поэтическое наследие Гильема IX весьма разнообразно: он оставил шесть озорных стихотворений (одно из них, из соображений пристойности, публикуется обыкновенно только в оригинале), четыре куртуазных «канконы» (канкона — дословно «песнь» — самый высокий жанр в поэзии трубадуров) и стоящую особняком, совершенно оригинальную как по форме, так и по содержанию «покаянную песнь», публикуемую в данном томе («Желаньем петь я вдохновен...»).

Сторонники аристократического происхождения куртуазной лирики считают Гильема Аквитанского единоличным изобретателем окситанской поэзии с ее своеобразной куртуазной идеологией и терминологией; сторонники фольклорного происхождения этой поэзии резонно возражают, что герцог Аквитанский мог быть первым поэтом, творчество которого было записано и избежало забвения, ставшего уделом творений многих менее знатных поэтов. Так или иначе, при современном состоянии наших знаний, имя Гильема Аквитанского открывает список старопровансальских поэтов и знаменует таким образом переход от анонимной поэзии к осознанному личному творчеству.

«Желаньем петь я вдохновен...» (стр. 38).— *Пуату* — область средневековой Франции, с главным городом Пуатье; по современному административному делению соответствует департаментам Вандея, Де-Севр и Вьенна. Старейшая часть владений графов Пуатье. *Лимузен* — область средневековой Франции, также входившая в феод Гильема IX. Соответствует со-

[1] Географические наименования приводятся в той форме, в какой они вошли в науку; иногда мы даем также и старопровансальскую форму. Имена собственные мы передаем в транскрипции, приближенной к звучанию старопровансальского языка — за исключением случаев, когда соблюдение этого принципа привело бы к неблагозвучию с точки зрения русского языка.

временным департаментам Коррез и Верхняя Вьенна; главный город — Лимож. *...а сыну суждена...*— Сын поэта, будущий Гильем X Аквитанский, родился в 1099 г. и умер в 1137 г. *Фолькон Анжерский* — представитель знатной семьи графов Анжуйских, ближайших северных соседей Пуату; состоял в родстве в Гильемом Аквитанским. *Отныне мне не даст утех...*— Существует мнение, что Гильем IX создал это стихотворение в 1111 или 1112 г., во время тяжелой болезни.

СЕРКАМОН (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XII в.)

Серкамон — буквально «Странствующий по свету»; это прозвище говорит о принадлежности поэта к «жонглерам» (см. прим. к с. 36). Автор семи стихотворений, в том числе двух куртуазных канцон, одна из которых публикуется в наст. томе.

«Ненастью наступил черед...» (стр. 40).— Поэт начинает свою канцону не с «весеннего запева», а с описания осени, которая больше соответствует его невеселым думам. Интересны антитезы в описании психологических переживаний, связанных с чувством любви: «томленье... веселит», «счастлив... среди невзгод», «прост... сановит» и т. д. В дальнейшем антитетическое построение речи станет одной из особенностей поэтического стиля трубадуров. Эта изящная канцона пользовалась большим успехом.

МАРКАБРЮ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1130–1148)

Жонглер и наемный воин родом из Гаскони. Как поэт Маркабрю был одним из ранних представителей «темного», герметического стиля (trobar clus): по его собственному горделивому признанию, он сам себя не всегда понимал. В современном литературоведении распространены самые разноречивые толкования творчества этого талантливого и плодовитого трубадура: одни считают его плебеем и врагом куртуазии; по мнению других, он один из основателей куртуазной поэтики; третьи считают его певцом супружеской любви; четвертые видят в нем религиозного поэта, певца любви к богу.

«Встретил пастушку вчера я...» (стр. 42).— Публикуемое стихотворение — «пасторела», диалогизированное произведение, в котором описывается встреча поэта (или рыцаря) с пастушкой. Давно отмечено, что старопровансальская пасторела демократичнее севернофранцузской. Пастушка в стихотворении Маркабрю блестяще открывает портретную галерею умных и стойких героинь южнофранцузских пасторел. Сходные жанры встречаются в фольклоре ряда народов.

«В саду, у самого ручья...» (стр. 44).— Прекрасный образец средневекового «романса», небольшого лиро-эпического произведения,

в котором повествование ведется от первого лица. Героиня поэмы горько жалуется на разлуку с возлюбленным, ушедшим на Восток с армией крестоносцев: она ропщет на бога *(«...не за тебя ль идет война?»)* и проклинает французского короля Людовика VII, бывшего одним из вождей крайне неудачного и потому крайне непопулярного второго крестового похода (1147—1149 гг.).

ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ (СЕРЕДИНА XII в.)

С именем этого поэта связана одна из самых популярных легенд о возвышенной любви трубадуров. В старинной «биографии» поэта читаем: «Джауфре Рюдель де Блая был очень знатный человек — князь Блаи. Он полюбил графиню Триполитанскую, не видав ее никогда, за ее великую добродетель и благородство, про которые он слышал от паломников, приходивших из Антиохии, и он сложил о ней много прекрасных стихов с прекрасной мелодией и простыми словами. Желая увидеть графиню, он отправился в крестовый поход и поплыл по морю». На корабле знатный трубадур заболел, и его умирающего привезли в Триполи. «Дали знать графине, и она пришла к его ложу и приняла его в свои объятия. Джауфре же узнал, что это графиня, и опять пришел в сознание. Тогда он восхвалил бога и возблагодарил его за то, что бог сохранил ему жизнь до тех пор, пока он не увидел графиню. И таким образом, на руках у графини, он скончался. Графиня приказала его с почетом похоронить в соборе триполитанского ордена тамплиеров, а сама в тот же день постриглась в монахини от скорби и тоски по нем и из-за его смерти» (перевод М. Сергиевского).

Блая — город, входивший в те времена в феод графов Ангулемских. Властители Блаи, так же как и некоторые другие, даже мелкие, феодалы этой области, носили несколько необычный для юга Франции титул князя. Имя Джауфре Рюдель часто встречается в этой семье. Ряд косвенных данных говорит о том, что поэт Джауфре Рюдель действительно находился на Востоке во время второго крестового похода. Таковы факты. Все остальное могло быть придумано «биографами» на основании кансон поэта, в которых говорится о его «далекой любви». В свое время Джауфре Рюдель, оставивший потомству всего шесть стихотворений, особенным успехом не пользовался; только в двух старопровансальских текстах упоминается о нем и его романтической любви. Лишь в первой половине XIX в. легенда о Джауфре Рюделе становится широко популярной: Уланд, Гейне, Суинберн и ряд других поэтов, каждый по-своему, излагают историю жизни «князя» Блаи. К началу XX в. насчитывается уже около ста литературных обработок этого сюжета. Из всех этих произведений наибольшей известностью пользуется у нас драма Эдмона Ростана «Далекая принцесса» (в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник — «Принцесса-греза»). Таким образом печальный Джауфре Рюдель стал, по крайней мере для массового читателя, самой типичной фигурой старопровансальской лирики.

«В час, когда разлив потока...» (стр. 46).— Кансона начинается с традиционного описания весны или лета. *Гугон* — очевидно, Гуго VII Лузиньян, участник второго крестового похода, представитель знаменитого феодального рода, члены которого принимали активное участие в войне против «неверных». Потомки Гуго VII Лузиньяна основали на острове Кипре христианское государство (Королевство Кипрское), которым и правили в течение нескольких сот лет (1192—1489 гг.). *Манна* — по библейскому мифу, чудесная пища, волею бога падавшая с небес, чтобы насытить древних израильтян, странствовавших по пустыне; также название растения. *Стих романский* — то есть стих на старопровансальском языке. «Романским» называли язык трубадуров еще в XIX в. *Фильоль* — имя или прозвище жонглера.

«Мне в пору долгих майских дней...» (стр. 47).— В первой строфе — традиционный «весенний запев». *Царь царей* — бог. *В отрепья нищего одет...*— Трубадуры часто говорят о своей готовности переносить лишения и мучения ради того, чтобы добиться свиданья с любимой.

«Наставников немало тут...» (стр. 48).— Трубадуры нередко рассматривали свою песнь как результат «весенней радости», буйного разгула сил, охватывающего всю природу. Эта мысль часто высказывалась в «весенних запевах». Здесь, как и во второй строфе (*«Забавы вешние влекут...»*), Джауфре Рюдель подчеркивает, что ему недостаточно одного весеннего возбуждения. *Всех, что оттуда род ведут...*— В феодальном государстве к людям относились в соответствии с тем местом, которое они занимали в сословной иерархии. Поэтому заявление поэта, что он готов «звать сеньорами» всех жителей страны, из которой происходит возлюбленная, звучало как очень сильное выражение чувства. *Ревнивец.*— Так очень часто в языке трубадуров именуется муж возлюбленной. *Враги, клеветники, любители злословья* и т. д.— люди, старающиеся разгласить тайну сокровенных чужих чувств. Напомним, что речь идет о внебрачной любви и что соблюдение строжайшей тайны было первой обязанностью влюбленного рыцаря.

БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1150—1180)

Бернарт де Вентадорн — величайший поэт древней Окситании. Родился в замке Вентадорн. «Биограф» утверждает, что его отец был пекарем замка; по другой версии, хлебы пекла мать поэта, а отец был наемным воином, но, как говорит древний биограф, «чьим бы сыном он ни был, господь дал ему красоту, доброе и благородное сердце — качества, которые в изначальные времена давали право на родовитость,— а также разум, знания, куртуазию и красноречие». Замок Вентадорн находился недалеко от города Тюль (департамент Коррез по современному административному делению). Это был мощный феодальный замок, если судить по внушительности руин, уцелевших до настоящего времени. Наделенный красотой, благородным

сердцем и талантом плебей, по словам все того же «биографа», полюбил жену владельца замка, был любим ею и счастлив, пока муж, узнавший об их отношениях, не изгнал его из своих владений. Бернарт, покинув Вентадорн, побывал в Англии, при дворе внучки первого трубадура, знаменитой Алиеноры Аквитанской, ставшей, после развода с Людовиком VII, женой короля Англии Генриха II, посетил дочь Алиеноры от первого брака, Марию Шампанскую, двор которой был крупным литературным центром того времени. Рассказ о пребывании Бернарта в Англии и Шампани подтверждается косвенными данными. Что касается причин изгнания поэта из родного Вентадорна, то, хотя автор биографии (на этот раз не аноним, а весьма известный трубадур XIII в. Ук де Сен-Сирк) и утверждает, что узнал о них из первых рук — от сына возлюбленной поэта, мы не рискуем судить о достоверности его свидетельства в этом пункте. Но, каковы бы ни были обстоятельства личной жизни Бернарта де Вентадорна, песни его несомненно относятся к лучшим образцам старопровансальской лирики.

«Люблю на жаворонка взлет...» (стр. 52).— *Нарцисс* — прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение, бросившийся в воду и утонувший; превратился в цветок, носящий его имя (греч. миф.). *Тристан* — «сеньяль», то есть вымышленное имя, псевдоним, даваемый возлюбленным, друзьям или покровителям. Недавно было высказано предположение, что речь идет о знатном трубадуре Рамбауте д'Ауренга (см. ниже).

«Нет, не вернусь я, милые друзья...» (стр. 54).— Образ рыбы, погибающей на крючке рыболова, как символ рокового характера любви встречается в ряде литератур. *Слуга и друг.*— Этой формуле в текстах трубадуров симметрично соответствует другая: «Дама и подруга». *Прованс* (здесь — графство Прованс) — в средневековой Франции область на юго-востоке, у берегов Средиземного моря; приблизительно соответствует современным департаментам Буш-дю-Рон, Нижние Альпы, Вар, частично Воклюз и Дром. *Овернец* — сеньяль. В данном случае речь идет о Раймоне V Тулузском (1148—1194); почему Бернарт называет этого видного феодала Овернцем, учеными не установлено. *Очей Отрада* — сеньяль, относящийся к знатной покровительнице.

«Чтоб стих вдохновенно звучал...» (стр. 55).— *От глаз любопытных скрывал...*— Для того чтобы обмануть соглядатаев, поэт старается навести их на ложный след; этот мотив встречается и у других трубадуров. *Я Донну к отваге б призвал...*— Прославление специфической «женской отваги» — тоже один из постоянных мотивов старопровансальской поэзии. *Копье смертоносно метал// Пелей...*— У легендарного царя Пелея (греч. миф.) было чудесное копье, наносившее незаживающие раны. Чтобы рана зажила, нужен был вторичный удар копьем по больному месту. Бернарт сравнивает поцелуй возлюбленной с копьем Пелея, которое и ранит и залечивает им же нанесенные раны.

«Все зеленеет по весне...» (стр. 57).— *...Я в забытьи несвязных снов...*— Многие трубадуры с удовольствием описывают свою способность отдаваться любовным мечтам, делающую их безучастными ко всему окружающему миру.

«У любви есть дар высокий...» (стр. 60).— В этой знаменитой кансоне описывается колдовская сила любви, преображающей весь окружающий мир так, что зимняя стужа превращается в праздник весны. Эта модификация «весеннего запева» была подхвачена многими трубадурами. *Так кораблик... виден средь тумана...*— Образ корабля или ладьи как символ мятущейся души — один из самых древних образов в мировой поэзии. *Тристан* (или — Тристрам) — герой одного из самых знаменитых в средние века романов о трагической любви, особенно хорошо известных нам во французской и немецкой версиях. Окситанская версия романа не была найдена, но трубадуры часто упоминают о Тристане и его возлюбленной Изольде.

ПЕЙРЕ И БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН

«Мой славный Бернарт, неужель...» (стр. 65).— Стихотворение представляет собой так называемую «тенсону» (от «тенсо» — буквально: «спор») — название довольно широко распространенного в старопровансальской литературе жанра, предполагающего столкновение мнений, спор с реальным или вымышленным собеседником. Собеседником Бернарта в этой тенсоне был, по-видимому, Пейре д'Альвернья (см. ниже).

ПЕЙРЕ Д'АЛЬВЕРНЬЯ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1158—1180)

Жонглер или наемный воин родом из Альверньи (Оверни). Талантливый и своеобразный поэт, творчество которого еще не получило достаточного объяснения.

«— Соловей, прошу тебя я...» (стр. 67).— Этот «романс» и по жанру, и по манере изложения близок к народным песням; он интересен тем, что в нем изображаются чувства влюбленной женщины, во всем подобные чувствам влюбленных мужчин.

РАМБАУТ Д'АУРЕНГА (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1150—1173)

Властитель города Оранжа (Ауренга), основание которого восходит еще к римским временам. Связанный родственными узами со знатнейшими семьями Прованса и Лангедока, Рамбаут д'Ауренга умер в молодом возрасте, оставив довольно большое, по трубадурским масштабам, наследие (около 40 песен). Он был одним из самых ярких и трудных поэтов Окситании, общепризнанным представителем и защитником «темного стиля».

«В советах мудрых изощрен...» (стр. 71).— Автор дает заведомо ложные советы «влюбленным»: элемент игры, иронии, самопародии свойствен многим произведениям Рамбаута. *Жонглер прекрасный* — сеньяль возлюбленной поэта или дамы, которую он сделал поверенной своих любовных переживаний. В науке было высказано предположение, что речь идет об Азалаиде де Поркайраргес (см. ниже), одной из двух поэтесс, с которыми легенда связывает имя Рамбаута. *Верс* — обозначение строфического поэтического произведения, иногда отличного от кансоны, иногда совпадающего с ней. Рамбаут часто употребляет этот термин, когда говорит о своих произведениях. *Родез родимый.*— Поэт не является уроженцем Родеза, и речь идет, по-видимому, о дани уважения графине Родезской, которую он иногда упоминает в торнадах своих песен. Торнада — завершающая строфа стихотворения, в которой обыкновенно упоминаются имена покровителей, возлюбленных, друзей, жонглеров. В торнаде обычно воспроизводятся рифмы предшествующей строфы; часто торнада короче предшествующей строфы, но это не обязательно. Самый термин происходит от глагола «торнар» — «возвращаться», или «обращаться», а также «сворачиваться» (есть предположение, что конец свитка с торнадой сворачивался так, чтобы можно было прочесть имя «адресата»). В разных рукописях встречаются разные имена «адресатов».

ГРАФИНЯ ДЕ ДИА (КОНЕЦ XII в.)

Наиболее известная из куртуазных поэтесс Окситании. Самое существование куртуазных поэтесс-женщин противоречит традиционным взглядам на куртуазную любовь, издавна утвердившимся в западной науке, поскольку теории эти предполагают, что женщина должна была быть «неприступной владычицей», далеким божеством, а никак не активной участницей дуэта любви.

По старопровансальской «биографии», графиня де Диа была замужем за Гильемом де Пуатье (речь идет о ветви графского рода Пуатье, издавна обосновавшейся в одной из юго-восточных областей Франции) и любила поэта Рамбаута д'Ауренга, «о котором и сложила много хороших песен». К сожалению, графства Диа в период жизни Рамбаута д'Ауренга не существовало, город Диа не входил во владения графов Пуатье, а реальный Гильем де Пуатье был женат на другой. Обнаружить упоминания о «графине де Диа» в документах не удалось.

«Повеселей бы песню я запела...» (стр. 75).—*...Что нежностью Сегвина превзошла я...*— Средневековый роман о Сегвине и Валенсе известен нам только по упоминаниям поэтов.

«Я горестной тоски полна...» (стр. 76).— *Флор и Бланкафлора* — герои средневекового любовного романа, имена которых очень часто встречаются у трубадуров. Известны французская и немецкая версии этого романа.

АЗАЛАИДА ДЕ ПОРКАЙРАРГЕС

Знатная дама, родом из Лангедока. Как показывает единственное дошедшее до нас под ее именем стихотворение, она была современницей Рамбаута д'Ауренга. Есть предположение, что именно ее он воспевал под именем Жонглера (см. прим. к с. 71).

«Вот и зимняя пора...» (стр. 79).— *Мысль Овидия проста...*— См. Овидий. «Метаморфозы», кн. II; «Между собой не дружат и всегда уживаются плохо // Вместе величье и страсть...» (перевод С. Шервинского). Мысль о том, что благородное чувство любви недоступно «дурным богачам», часто встречается в поэзии трубадуров. *Правит Донна всей Нарбонной...*— Имеется в виду знаменитая Эрменгарда, виконтесса Нарбонская (1143—1192), которую современники характеризуют как женщину одинаково способную предводительствовать в военной экспедиции и принимать участие в обсуждении государственных дел. Ее часто выбирали арбитром в спорах между феодалами; она покровительствовала поэтам, и они воспевали ее достоинства.

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЙЛЬ (1165—1200)

Хотя в одном из публикуемых в нашем томе стихотворений («Сеньор Гираут, да как же так?..») поэт выступает в качестве противника «темного стиля», его собственное творчество отнюдь не легко для понимания. «Это был человек низкого происхождения,— говорит «биограф»,— но знающий и умный. И был он самым лучшим из всех предшествующих и последующих поэтов, за что его и назвали «магистром трубадуров», да и теперь еще его так называют все те, кто разбирается в искусных, хорошо сложенных речах, касающихся любви или мудрости». Тот же источник утверждает, что зимой поэт «предавался занятиям», а летом посещал дворы своих покровителей в сопровождении двух жонглеров, исполнявших его песни. «Он не был женат, и все, что зарабатывал, отдавал своим бедным родственникам или церкви города, в котором родился...» Родиной поэта был город Эксидейль близ Периге (Перигор). Сирвенты (сирвента, или сирвентес,— стихотворение, затрагивающее общественно-политические темы) Гираута де Борнейля дышат высоким моральным чувством, и, вероятно, поэтому Данте называл его «поэтом справедливости».

«— Молю тебя, всесильный, светлый бог...» (стр. 81).— В этой альбе вместо традиционного стража фигурирует друг рыцаря, всю ночь горячо молившийся богу о спасении друга (или друга и его возлюбленной). Альба пользовалась большим успехом в свое время. По-русски неоднократно публиковалась в стихотворном переводе Ф. де ла Барта.

«— У в ы м н е! — Ч т о с т о б о ю, д р у г?..» (стр. 83).— Описание робости влюбленного часто встречается в песнях трубадуров. В данном случае автор прибегает к тенсоне (см. прим. к с. 65).

«К о г д а п о р о ю з у б б о л и т...» (стр. 85).— *Я руку простираю.*— Образ пойманного сокола символизирует победу над возлюбленной. Метафора эта восходит к древнейшему сопоставлению любви с охотой.

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЙЛЬ И ЛИНЬЯУРЕ

Линьяуре — сеньяль Рамбаута д'Ауренга (см. выше).

АРНАУТ ДЕ МАРЕЙЛЬ (КОНЕЦ XII в.)

Родом из Марейля (Дордонь). По «биографии», впачале был клириком (лицом духовного звания), затем стал поэтом. Пользовался покровительством короля Альфонса II Арагонского и властителя Монпелье Гильема VIII.

«Н е ж н ы м в е т е р к а д ы х а н ь е м...» (стр. 90).— *Елена* — дочь Зевса и Леды, отличавшаяся необычайной красотой; ее похищение троянским царевичем Парисом послужило причиной Троянской войны (г р е ч. м и ф.). Миф о Троянской войне был известен трубадурам.

«В а с, Д о н н а, в с т р е т и л я,— и в м и г...» (стр. 91).— Публикуемое стихотворение является образцом особого жанра трубадурской поэзии — любовного послания (salut d'amor). Портрет возлюбленной в послании Арнаута является одним из немногих подробных описаний женской красоты в старопровансальской поэзии. Строгая строфическая кансона не допускала такого рода детализации. Яркое и подробное описание ночных грез влюбленного также стало одним из постоянных мотивов нестрофического «любовного послания».

БЕРТРАН ДЕ БОРН (УМЕР В 1210 г., ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1181—1194)

Рыцарь, владевший совместно с братом укрепленным замком Альтафорт (в наст. время небольшой городок Отефор в Дордони). Данте хвалит его как талантливого поэта, певца войны («О народном красноречии», II, II, 9), говорит о его щедрости («Пир», IV, XI, XIV), подвергает его тягчайшему наказанию за грехи среди «злосоветчиков» в восьмом круге ада: окситанский поэт предстает, держа свою отсеченную голову в руке, «как фонарь» («Божественная Комедия», Ад. XXVIII, 118—122). За что такая впечатляющая кара? По старопровансальской легенде, владелец Отефора играл решающую роль в политических событиях своего времени и был чуть ли не единоличным виновником кровавой междоусобицы, разыгравшейся во французских владениях английской королевской семьи Планта-

тестов. Реальные события, однако, складывались иначе. Сын Генриха II Плантагенета Ричард (в дальнейшем Ричард I Львиное Сердце) был наделен еще при жизни отца большими владениями во Франции, а его старший брат — Генрих (так называемый «Молодой король») номинально носил титул наследника престола, но считал себя обделенным реальной властью и материальными благами по сравнению с братом и поэтому поднял против него оружие. Король Генрих II вступился за Ричарда. Таким образом, в соответствии с феодальными нравами, брат выступил против брата, а сыновья, с оружием в руках, боролись против отца. Бертран де Борн был в числе тех южнофранцузских рыцарей, которые приняли сторону «Молодого короля». Как талантливый поэт, он очень ярко отразил идеологию мелкого рыцарства, всегда готового взяться за оружие и вынужденного, в силу экономических условий, жить войной, но он отнюдь не был единственным носителем этой идеологии. Его творчество как раз и интересно потому, что в наиболее талантливой форме выражает взгляды и чувства той части феодального класса, к которой он принадлежал. После весьма бурной жизни Бертран де Борн ушел в монастырь, где и умер в 1210 г.

«Мила мне радость вешних дней...» (стр. 94).— Известнейший сирвентес поэта. Александр Блок дал яркий стихотворный пересказ I, II и IV строф этой поэмы в качестве песни первого менестреля в своей драме «Роза и Крест» (д. IV, сц. III). Вот эти строфы:

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цветов и дерев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев
В сплетенье зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копья и шлемы на солнце горят,
Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без устали бьются и боем горят.

Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
Сквозь топот тяжелых коней!
На за́мок свой дружный напор устремят,
И рушатся башни, и стены трещат,
И вот — на просторе полей —
Могил одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.

Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их шлемы разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор
Табун одичалых коней!

Героем умрет, кто героем зачат!
О, как веселится мой дух и мой взгляд!
Пусть в звоне щитов и мечей
Все славною кровью цветы обагрят,
Никто пред врагом не отступит назад!

Среди подготовительных работ А. Блока к драме сохранился полный перевод текста этого стихотворения в прозаической форме. Песнь Бертрана де Борна упоминается — или частично цитируется в русском переводе — в большом количестве учебных пособий и работ по французскому средневековью. Наиболее известен неоднократно публиковавшийся перевод А. Сухотина. Отметим, что в публикуемом нами переводе Валентины Дынник исправлена смысловая ошибка, встречающаяся не только в русских, но и во французских, немецких и других переводах. У А. Сухотина, например, конец стихотворения звучит так: «Бароны! жить войною // Завидней, чем своих домов // Закладом, сел и городов». Этого в оригинале нет.

«Наш век исполнен горя и тоски...» (стр. 95).— Поэма представляет собой плач на смерть *Молодого Короля* (Генриха Плантагенета), скончавшегося от болезни в г. Мартеле (департамент Лот), в самый разгар борьбы против объединенных сил брата и отца. Восхваление умершего входит в число «общих мест» плача как жанра. Следует заметить, что «Молодой король» пользовался очень большой популярностью в Окситании и стал героем многочисленных легендарных рассказов, донесенных до нас авторами ранних итальянских новелл (конец XIII — начало XIV в. и позднее).

«Люблю, чтобы под старость отдавали...» (стр. 96).— Понятие «молодость» является одним из ключевых понятий идеологии трубадуров. Куртуазная идеология, по-видимому, сложилась под влиянием настроений самой многочисленной и самой необеспеченной части феодального сословия, которую составляли младшие сыновья крупных феодалов, мелкие рыцари, наемные воины, поэты, чье положение приближалось к положению служилого рыцарства. Это была одновременно и возрастная и социальная прослойка, и потому понятия «молодость», «молодой» получили широкий идейный смысл и совпали с понятиями «благородство», «благородный», а их антиподы — «старость» и «старый» слились с моральными понятиями «подлый», «подлость». Поэтому сирвентес, прославляющий молодость, и превратился под пером поэта в яркое морально-назидательное произведение, бичующее «пороки века». *Ричард* — король Ричард Львиное Сердце.

«Я сирвентес сложить готов...» (стр. 98).— *Ожье и Берар.*— Имеются в виду Ожье Датчанин и Берар де Мондидье, хорошо известные персонажи французского эпоса. *Жизор* — город в нормандской части старинной провинции Вексен; входил во владения англичан и часто служил предметом спора во время их борьбы с французскими королями. В настоящее

время в департаменте. Эр. *Паниоль* — жонглер поэта. *Король Филипп* — Филипп II Август, король Франции с 1180 г. (умер в 1223 г.).

«Донна! Право, без вины...» (стр. 99).— Донна, по утверждению «биографа»,— Маэ де Монтаньяк из знатного рода Тюреннов. *Самбелида* — сеньяль неизвестной дамы. *Элиза* — Элиза де Монфор — дама из рода Тюреннов. *Изольдиным кудрям...*— Знаменитая героиня романа «Тристан и Изольда» обладала прекрасными «золотыми» волосами. *Агнеса* — виконтесса де Рокакорт (Рошешуар). *Аудиарда* — вероятно, Аудиарда де Маламор. *Лучше Всех* — сеньяль Гюискарды де Бельджок. *Файдида, Донна Зеркальце* — сеньяли неизвестных дам. Кансона о «составной донне», в которой поэт расточает комплименты целому ряду знатных красавиц, возвеличивая вместе с тем свою собственную «возлюбленную», пользовалась очень большим успехом и вызывала подражания.

АРНАУТ ДАНИЕЛЬ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1180—1210)

Поэт родом из г. Риберака (департамент Дордонь). По утверждению «биографии», был сыном дворянина, но увлекся наукой (имеются в виду знания, необходимые поэтам) и стал трубадуром. Один из самых известных представителей «темного стиля». Данте называет его «лучшим кователем родного слова». По мнению Петрарки, «его новые и прекрасные речи все еще приносят честь его родине».

«На легкий, приятный напев...» (стр. 102).— *Нет ей и доступа к раю...*— Трубадуры часто выражают кощунственную мысль, будто бы дама лишится райского блаженства за отказ в «милостях любви»; на эту тему в лирике трубадуров мы встретим множество весьма темпераментных заявлений; посмертные муки «жестокосердых красавиц» описываются и в нелирических куртуазных текстах. Тема эта получила дальнейшее развитие в Италии эпохи Возрождения у Боккаччо и Ариосто. *Люцерна* — город в Испании. *Монкли* — по-видимому, имя героя не дошедшего до нас любовного романа. *Зайцев мне травит бычок...*— Поэт прибегает к парадоксу, иллюстрирующему и трудности любви, и сложность поэтического мастерства.

МОНАХ ИЗ МОНТАУДОНА (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1180—1213)

По сведениям «биографа», был монахом в Орильяке (департамент Канталь), затем приором в Монтаудонском монастыре, местоположение которого не установлено. Оба стихотворения принадлежат к жанру «фиктивной тенсоны» (разговор или спор с воображаемым собеседником).

«Давеча я в рай ходил...» (стр. 104).— *Король.*— Речь идет о Ричарде Львиное Сердце (царствовал с 1189 по 1199 г.). *Олерон* — остров на реке Шаранте; входил в состав владений Ричарда Львиное Сердце. *Стер-*

линг — расчетная денежная единица в Англии. *После в плен король попал...* — Намек на события, хорошо известные современникам. В 1191 г., перед концом третьего крестового похода, Ричард Львиное Сердце, один из самых активных его участников, отправился на родину инкогнито почти без охраны. Он был опознан, схвачен и более года томился в тюрьме в Австрии, затем в Германии. Чтобы выкупить из плена своего неосмотрительного монарха, английский народ вынужден был выплатить тяжелый специальный налог. *Акра* — крепость в Сирии, завоеванная крестоносцами в 1191 г. Важная портовая база во время крестовых походов.

«Я к господу как-то попал...» (стр. 105).— Изобличаемое в этом стихотворении употребление косметических средств воспринималось в средние века и вплоть до эпохи Возрождения, во-первых, как обман, во-вторых, как нарушение прерогатив господа бога — см. у Шекспира слова Гамлета: «Слышал я и про ваше малевание вполне достаточно; бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое...» (акт III, сц. 2). *Жена Монфора* — Элиза де Монфор — (см. выше, прим. к с. 99). Эта «фиктивная тенсона» дается с некоторыми сокращениями ввиду непристойности оригинала.

ФОЛЬКЕТ ДЕ МАРСЕЛЬЯ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1180—1195)

Сын богатого генуэзского торговца, ставший придворным поэтом марсельского княжеского двора. В 1195 г. постригся в монахи. Во время альбигойских войн был епископом Тулузы и прославился как жестокий гонитель «еретиков». Современники рассказывают, что, когда во время пира жонглеры начинали исполнять какую-либо из сочиненных им ранее «суетных песен», Фолькет в знак раскаяния закрывал лицо и во все время трапезы не вкушал ничего, кроме хлеба и воды. Умер в 1213 г.

«Надежный Друг, скажи, знаток...» (стр. 108).— Тенсона между Фолькетом и «Надежным Другом» (неизвестно, кто скрывался под этим сеньялем) относится к числу тех «греховных» произведений, в создании которых впоследствии так раскаивался поэт. *Гаусельма* — лицо неизвестное. Такого рода обращения к третьим лицам за разрешением «спора» обычны в торнадах тенсон.

ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1185—1220)

Родом из Юзерша (департамент Коррез). Один из самых плодовитых и известных поэтов своего времени. Пользовался покровительством Марии, жены Эбля V де Вентадорна (о ней см. ниже, прим. к с. 122), Бонифация Монферратского и ряда других вельмож. По утверждению «биографий», женился на падшей женщине; был любителем вкусной еды и азартных игр. В 1202 г. принял участие в четвертом крестовом походе.

«Нет! Хватит воли морских...» (стр. 111).— Стихотворение написано после возвращения из дальних восточных стран. Описание тягот морского путешествия, противопоставление трудностям военного похода радостей мирной жизни на родине, в веселой, культурной Окситании, осуждение несправедливостей, совершаемых под предлогом освобождения гроба господня,— темы, характерные для многих старопровансальских текстов, связанных с крестовыми походами.

УК ДЕ ЛА БАКАЛАРИЯ (НАЧАЛО XIII в.)

Жонглер, родом из Башельри (департамент Дордонь).

«Вместо нежного привета...» (стр. 113).— Это стихотворение — «альба на новый лад», в которой описываются муки влюбленного, проводящего бессонную ночь в одиночестве и мечтающего о рассвете, когда он сможет, по крайней мере, увидеть свою возлюбленную. *Андрей.*— Об «Андрее Парижском» или «Андрее из Франции» и его трагической любви к некоей французской королеве говорится в целом ряде средневековых текстов. *Амелис* — очевидно, образцовый возлюбленный, как и Тристан. Других упоминаний о нем мы не обнаружили. *Хоть Евангельем осмелюсь // Я поклясться...*— Кощунственное использование религиозных образов и выражений — одна из характерных черт старопровансальской любовной лирики. *Антиохия* — город в Сирии, захваченный крестоносцами в 1098 г.

КАСТЕЛЛОЗА

По «биографии», знатная дама из Альверньи (Оверни).

«Зачем пою? Встает за песней вслед...» (стр. 115).— *Самая Лучшая* — сеньяль подруги, поверенной, а, может быть, и соперницы. *Друг Славы* — сеньяль возлюбленного.

ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1180—1206)

Нет, кажется, ни одного старопровансальского поэта, чья бурная жизнь давала бы больший простор измышлениям «биографов». Влюбившись в даму, носившую несколько странное имя Волчицы, он, будто бы для того, чтобы оказать ей честь, напялил на себя волчью шкуру, за что и был избит пастухами и искусан собаками; во время пребывания в Греции он будто бы женился на племяннице греческого императора, почему и начал требовать, чтобы его жену титуловали императрицей, а его самого — императором... Лира Пейре Видаля была приспособлена и для нежных любовных напевов, и для резких политических нападок.

«Жарко издали впивая...» (стр. 117).— *Рона, Венса, Дюранса* — реки, протекающие по территории средневекового графства Прованс. *...Даром песен награждая...*— Трубадуры часто говорят, что поэтами их делает любовь и, следовательно, любимая женщина.

«Жаворонок с соловьем...» (стр. 118).— *Виерна* — сеньяль дамы. Предполагают, что речь идет об Азалаис, жене виконта Барраля де Бо, который покровительствовал поэту.

«Сеньор мой Драгоман, да мне б коня...» (стр. 119).— *Драгоман* — покровитель поэта; о нем ничего не известно; *Гвидон* — лицо неизвестное. *Роланд* и *Оливье* — герои знаменитой «Песни о Роланде», образец мужества и воинской доблести. *Берар* де Мондидье — храбрый рыцарь и дамский угодник, фигурирующий, по крайней мере, в двух эпических поэмах. *Король* — здесь и далее — Альфонс II Арагонский, при дворе которого бывал Пейре Видаль; интересы Альфонса II были затронуты междоусобной борьбой окситанских феодалов. *Балагьер* — город в Каталонии. *Граф* — Раймон V Тулузский. Непостоянный Пейре Видаль то воспевал, то бранил графа Тулузского, как, впрочем, и других своих покровителей. *Райньер* — общий сеньяль Пейре Видаля и Барраля де Бо. Такие «парные сеньяли» (pseudonymes réciproques), по-видимому, связаны с древними отношениями побратимства.

«Мила мне лета славная пора...» (стр. 120).— Для этого стихотворения характерно повторение ключевых слов в каждой строфе, напр., *мил, любовь, рад* и т. д.

МАРИЯ ДЕ ВЕНТАДОРН И ГИ Д'ЮССЕЛЬ

Мария, из знатного рода Тюреннов, вышла замуж за Эбля V де Вентадорна, внука того властителя Вентадорна, в доме которого был так счастлив и так несчастлив Бернарт де Вентадорн, величайший лирик Окситании. Марию часто выбирали арбитром в тенсонах, ее воспевали поэты,— в частности, Гаусельм Файдит был самым преданным почитателем ее ума и красоты. Умерла она после 1225 г.

Ги д'Юссель делил с двумя братьями и кузеном власть над городом Юсселем (в наст. время Юссель на Сарзонне, департамент Коррез). Все четверо писали стихи. Надо думать, что феод приносил им не очень большие доходы. «У вас,— говорит братьям Гаусельм Файдит,— вместо серебряных чаш подаются любезные речи, вместо ржи и пшеницы — сирвентесы, а дорогие меха заменяются кансонами». Самым интересным из четверых был Ги, но он был человеком духовного звания, и, по словам «биографа», папский легат заставил его отказаться от поэзии. Умер около 1225 г.

«— Ужель, Ги д'Юссель, вы сполна...» (стр. 122).— *Виола* — струнный инструмент, которым пользовались трубадуры и жонглеры.

ПЕЙРОЛЬ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1180—1225)

По сведениям «биографа», бедный рыцарь из замка Пейроль во владениях Дальфина Альвернского (см. с. 536). Был приближенным Дальфина до тех пор, пока этот последний не заподозрил его в любовной связи со своей сестрой, знатной дамой, да к тому же мужней женой. Изгнанный из замка Дальфина, Пейроль оказался без средств и стал жонглером.

«Я велел с недавних пор...» (стр. 124).— Эта тенсона представляет собой воображаемый спор с Любовью, которая якобы уговаривает поэта забыть о политике и вернуться к любовным песням. *Пусть пред общею бедой...*— В январе 1188 г. Филипп-Август, король Франции, и Генрих II Английский обязались отправиться в крестовый поход, но через несколько месяцев вступили в вооруженный конфликт друг с другом. *Маркиз* — Конрад Монферратский, который после падения Иерусалима, не дожидаясь помощи, вел борьбу с войсками Саладина (султана Сирии и Египта, предводителя мусульманских войск во время третьего крестового похода). *...стен Давидовых...*— Имеется в виду одно из укреплений Иерусалима.

ГИЛЬЕМ ДЕ БЕРГЕДАН (НАЧАЛО XIII в.)

По-видимому, каталонский рыцарь из окружения Педро II Арагонского.

— «Ласточка, ты же мне спать не даешь...» (стр. 127).— Единственное дошедшее до нас стихотворение поэта.

ГИЛЬЕМ ДЕ КАБЕСТАНЬ (КОНЕЦ XII в.)

Рыцарь, родом из Кабестани (близ Перпиньяна). С именем этого поэта связана одна из самых романтических легенд о трагической любви, несущей смерть. Знатный барон Раймон Руссильонский, сеньор Гильема де Кабестаня,— рассказывает «биограф»,— догадавшись о любви своей жены к молодому поэту, приказал убить его, а сердце его велел зажарить и подать жене к столу. Ничего не подозревая, дама съела сердце своего возлюбленного. Когда муж показал ей голову убитого, она заявила, что никогда не осквернит своих уст никакой другой едой, и покончила с собою, бросившись с балкона. По приказу короля арагонского убийца был заточен в тюрьму, а убитые — похоронены. И долго еще рыцари окружающих областей «ежегодно отмечали годовщину их смерти, и все истинные вздыхатели и верные любовницы молились богу о спасении их душ». Старопровансальская легенда «о съеденном сердце» оставила след в литературе: Боккаччо использовал ее в одной из своих новелл, Стендаль приводит полный текст «биографии» Гильема де Кабестаня в своем знаменитом трактате «О любви».

«Я сердцем та́ю...» (стр. 130).— *Дары волхвов...*— Золото, ладан и миро (благовонное масло), по евангельской легенде, принесенные тремя восточными мудрецами, чтобы почтить новорожденного Христа. *Раймон* — друг или покровитель поэта.

ГИЛЬЕМ ФИГЕЙРА (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1215—1245)

По «биографии», сын тулузского портного, сам некоторое время занимавшийся отцовским ремеслом. Поэтическая деятельность Фигейры, по-видимому, начинается с 1215 г., когда он покинул родной город, взятый и разграбленный войсками крестоносцев во время альбигойских войн. Пользовался покровительством Раймона VII Тулузского, затем, очевидно, направился в Италию и воспевал Фридриха II Гогенштауфена. Антипапская сатира Фигейры является блестящим образцом гражданской поэзии.

«Сирвентес сложу...» (стр. 133).— Определить точную дату создания стихотворения затруднительно; во всяком случае, она была написана до 1229 г., когда Раймон VII Тулузский вынужден был смириться и подписать мирный договор с Людовиком IX Французским. *...Англии беспечной // Рану нанесла.*— Намек на известный конфликт между папским престолом и королем Англии Иоанном Безземельным. Иоанн отказался признать архиепископом Кентерберийским Стефана Ленгтона, которого папа своею властью назначил на этот пост. Папа наложил на Англию интердикт (1208 г.), а затем (в 1212 г.) объявил Иоанна лишенным престола. Напуганный военными приготовлениями Филиппа II Августа, короля Франции, которому было поручено привести в исполнение папский приговор, Иоанн официально признал себя вассалом папы (1213 г.). *...А нам-то с вами, греки...*— Поэт употребляет выражения «мы и греки», «греки и латиняне» в смысле «весь христианский мир». *...Торговлю там открыли...*— Фигейра протестует против продажи «индульгенций», то есть против прощения грехов за деньги. Как известно, продажа индульгенций будет в дальнейшем, в эпоху Реформации, рассматриваться как одно из серьезнейших нарушений христианской морали папской курией. *Дамиетта* — важный торговый город в Египте, был взят крестоносцами в 1219 г. По настоянию папского легата кардинала Пелагия, не дожидаясь подкреплений и не прислушиваясь к предостережениям, армия крестоносцев двинулась в путь к дальнейшим завоеваниям, была отрезана от Дамиетты и понесла огромные потери. В 1221 г. Дамиетта вновь оказалась в руках мусульман. Поэт приписывает алчности папской курии неудачи пятого крестового похода. *Рим! В поход повлек...*— Крестовый поход против альбигойцев является, по мнению Фигейры, братоубийственной войной. *...Людовика ты ж // Загубил...*— Имеется в виду Людовик VIII Французский, принимавший участие в войне против южан и умерший в ноябре 1226 г., в разгар военных действий, в походе.

...звал, бесчинен, // Всех на Авиньон.— Трехмесячная осада Авиньона дорого обошлась и авиньонцам и французам, в армии которых вспыхнула жестокая эпидемия. *...Но тулузский граф...*— Имеется в виду Раймон VII Тулузский, оказывавший в это время сопротивление завоевателям. *...Чтобы вождем законным // Император стал...*— Об отношении трубадуров к Фридриху II см. также прим. к с. 149. Такому поэту, как Фигейра, должна была особенно импонировать антипапская политика Фридриха II. *...Вкупе с папой.*— Имеется в виду Григорий IX, занимавший папский престол с 1227 по 1241 г. *На Безье, в разбой // Зван Сито тобой...*— Безье — город в средневековом Лангедоке (ныне департамент Эро). *Сито* — знаменитый монастырь, основанный в 1098 г. в деревушке Сито (департамент Кот д'Ор). В 1209 г. город Безье был взят армией крестоносцев под предводительством аббата Сито Арнаута Амальрика. Известно, что, когда совестливые воины спросили у аббата, как им отличить католика от еретика, достойный пастырь ответил: «Убивайте всех! Господь отыщет своих». И руководимые рьяно выполняли распоряжение руководителя. Даже сторонник крестоносцев так рассказывает о массовой резне в Безье: «Они (крестоносцы) их всех убили... Убили и тех, что укрылись в монастыре, и, таким образом, ни крест, ни алтарь, ни распятие не смогли их защитить. Убили и священников, и женщин, и детей, так что, думаю, ни один человек оттуда не ускользнул. Пусть господь, если будет на то его воля, заберет их души в рай! Думаю, что со времен сарацинского завоевания не было столь лютых убийств, да и представить себе их было невозможно».

ПЕЙРЕ КАРДЕНАЛЬ (1225—1272)

Самый мощный сатирический поэт Окситании, обличавший в своих пламенных сирвентесах церковников, вельмож и «дурных богачей». Родился в Пюи, главном центре средневекового Велэ (в наст. время департамент Верхняя Луара). По утверждению «биографа», вначале был клириком, а затем «прельстился тщетой мира сего» и стал трубадуром.

«Хоть клирик ядовит...» (стр. 140).— *Изенгрим.*— Намек на эпизод «Романа о Лисе», в котором рассказывается, как Изенгрим (традиционное прозвище волка), прикрывшись овечьей шкурой, хозяйничал в овчарне.

«Ну вот, свободу я обрел...» (стр. 142).— Одна из немногих любовных песен этого пламенного сатирика. В кансоне с насмешкой перечисляются описания психологических переживаний влюбленного, превратившиеся в расхожие штампы.

«Искусницы скрывать свои грешки...» (стр. 143).— *Толедо* — город в Испании. *А в грабежах — бароны мастаки!* — Пейре Карденаль был одним из тех немногих поэтов, кто выступал против грабежей, даже если добыча шла на нужды традиционного кланового гостеприимства.

«Всем суждено предстать на Страшный суд...» (стр. 144).— Песнь свидетельствует о глубоком религиозном чувстве поэта и в то же время о воспринятых им еретических влияниях: мысль о «всеобщем прощении грехов», красной нитью проходящая через все стихотворение, была осуждена католической церковью как «еретическая». *Апостол Петр* — по католическим верованиям, «ключарь» у райских врат. *Приснодева* — дева Мария. *Иоанн.*— Речь идет об Иоанне Крестителе.

АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1195—1230)

Родился в Тулузе, в семье торговца сукнами. По утверждению «биографа», влюбился в соседку, жену тулузского горожанина, «и эта любовь научила его поэзии, так что он написал много хороших канзон». Поссорившись с мужем возлюбленной, нанес ему рану мечом и вынужден был уйти в изгнание. Пользовался покровительством Раймона V Тулузского, Гастона VI Беарнского, Педро II Арагонского, семейств д'Эсте и Маласпина в Италии.

«В моей любви — поэзии исток...» (стр. 148).— В торнаде («И в Арагон...») речь идет о покровителе поэта, короле Педро II Арагонском.

«Зря — воевать против власти Любви!» (стр. 149).— *К Фридриху ты, моя песня, плыви!* — Фридрих II Гогенштауфен (род. в 1194 г., с 1211 г.— король, с 1220 г.— германский император, умер в 1250 г.). Трубадуры хорошо знали Фридриха, который почти всю жизнь провел в Италии, уделяя внимание главным образом своим итальянским владениям. Многие окситанские поэты видели в нем идеального правителя, способного обуздать феодальную анархию.

АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН И ЭЛЬЯС Д'ЮССЕЛЬ

Собеседник Аймерика — Эльяс, брат Ги д'Юсселя (см. выше, прим. к с. 122).

ПИСТОЛЕТА (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1195—1230)

Родом из Прованса. Вначале был жонглером Арнаута де Марейля (самая его кличка Пистолета — «письмецо» — говорит о жонглерской профессии, так как жонглеры часто выполняли функции гонцов), затем обрел самостоятельность.

«Мне б тыщу марок звонким серебром...» (стр. 153).— В этой песне автор развивает утопические мысли и планы, тесно связанные с куртуазной идеологией южнофранцузского рыцарства (напомним, что Энгельс называл Окситанию эпохи трубадуров «дворянской республи-

кой»). Песня Пистолеты пользовалась очень большим успехом: она дошла до нас в шестнадцати рукописях, есть французские ее переделки, сохранилась запись мелодии как в окситанских, так и во французских рукописях.

СОРДЕЛЬ (1225—1270)

Несомненно, самый оригинальный из поэтов-итальянцев, писавших на провансальском языке, Сордель родился в небольшом селении близ Мантуи, в небогатой дворянской семье. Италию ему пришлось покинуть, по-видимому спасаясь от преследований: дело в том, что он похитил у графа ди Сан Бонифаччо его жену Куниццу да Романо. Она была сестрой страшного Эдзелино III да Романо, выделявшегося своей жестокостью даже на фоне тогдашней Италии, и предание говорит, что похищение было совершено по желанию Эдзелино и с его помощью. Покинув родину, Сордель отправился в Кастилию и Португалию, а затем обосновался на юге Франции, в Провансе, где пользовался покровительством ряда вельмож. Затем стал приближенным Карла Анжуйского (брата Людовика IX Французского), сопровождал его в походе в Южную Италию, за что был пожалован шестью замками в Абруццах. После 1269 г. следы поэта теряются. Сордель (по-итальянски «Сорделло») выведен в «Божественной Комедии» («Чистилище», VI, 61—76) среди людей, погибших насильственной смертью. Очевидно, Данте располагал сведениями, до нас не дошедшими.

«—Сеньор Сордель! Так вы опять...» (стр. 156).— Знатная дама, о которой идет речь,— либо графиня Гвида Родезская, либо Беатриса, графиня Прованская (жена Раймона Беренгария IV). *С Блакацем вместе вам страдать!* — О Блакаце см. прим. к след. стихотворению.

«Передаст эта песня под струн перезвон...» (стр. 158).— Блакац, смерть которого оплакивает Сордель,— представитель старинной местной знати, оттесненной на второй план правившей в Провансе Арагонской династией, но сохранившей добродетели старых патриархальных времен: храбрость, любовь к поэзии, щедрость и гостеприимство. Мы не знаем имени, данного ему при крещении (Блакацы — это род); Блакац был владельцем селения Опс (в наст. время центр кантона близ Драгиньяна, в департаменте Вар), покровительствовал поэтам и сам мог, в случае надобности, принять участие в тенсоне (до нас дошла одна его канцона и шесть тенсон). Хвалебных упоминаний о нем очень много, и смерть его (между 1235 и 1239 гг.) не прошла незамеченной.

В своем плаче Сордель использует поверье, восходящее к очень древним временам и бытующее у разных народов: для того чтобы унаследовать храбрость умершего, нужно съесть его сердце. И мантуанский поэт предлагает разделить сердце Блакаца между европейскими королями, утратившими всякую доблесть. Так же как и Бертран де Борн и многие другие поэты эпохи, Сордель вовсе не является сторонником того или иного государя,—

он готов воспевать доблесть совершенно беспристрастно, потому что в феодальном обществе, с его беспрерывной перегруппировкой сил, сегодняшний противник может завтра стать другом или сюзереном. В свое время плач Сорделя пользовался большим успехом и вызвал ряд поэтических откликов. *Император римский* — Фридрих II, который в это время боролся против североитальянских городов, образовавших так называемую «вторую ломбардскую лигу». Центром лиги был Милан. *...Проворонил Кастилью...* — Людовик IX Французский, сын Бланки Кастильской, мог, по тогдашним законам, претендовать на наследство своего деда Альфонса III, так как прямых наследников по мужской линии не было. *...мамаша ему не велит...* — Бланка Кастильская долго правила именем своего малолетнего сына, но даже когда Людовик IX достиг совершеннолетия, он очень считался с матерью и, по-видимому, даже побаивался ее. *Король англичан* — Генрих III, безуспешно пытавшийся в 1230 г. вернуть утерянные Плантагенетами французские феоды. *А Кастилец двойною короной венчан...* — Фердинанд III, двоюродный брат Людовика IX Французского, помимо Кастилии, полученной в наследство от их общего деда, в 1230 г. присоединил к своим землям королевство Галисии и Леона. Его мать, королева Беренгария, оказывала большое влияние на политику сына. *Король Арагонский* — Иаков I Арагонский, который мог считать себя ущемленным тем, что марсельцы принесли ленную присягу Раймону VII Тулузскому и таким образом ускользнули из-под власти его двоюродного брата Раймона Беренгария IV Провансальского, на наследство которого, по тогдашним законам, он мог рассчитывать. *Наваррский король.* — Граф Тибо IV Шампанский в 1234 г. получил в наследство Наваррское королевство. В 1236 г. он участвовал в восстании французских феодалов, которое было тут же подавлено Людовиком IX. По-видимому, Сордель намекает на это поражение. *Граф Тулузский.* — В результате «альбигойских войн» Раймон VII Тулузский потерял очень большую часть своих земель, что было санкционировано Парижским договором в 1229 г. *Провансальский наш граф* — Раймон Беренгарий IV, незадолго до этого потерявший власть над Марселем.

РИГАУТ ДЕ БАРБЕЗЬЁУ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1170—1200)

Барбезьеу — город недалеко от Коньяка (в наст. время в департаменте Шарант). По-видимому, Ригаут был небогатым рыцарем.

«На́ землю упавший слон...» (стр. 160). — Уже древний «биограф» отмечал пристрастие поэта к метафорам из жизни животных; метафоры эти основаны на фантастических сведениях, распространявшихся «бестиариями» (средневековыми «пособиями» по изучению животного мира). *Двор Пюи.* — В городе Пюи, по-видимому, время от времени собирались любители и знатоки поэзии, устраивавшие поэтические конкурсы. Поэтому слово «Пюи» стало обозначать самые эти собрания. *Симон-маг* — по

христианским преданиям, лжечудотворец, посмевший соперничать с Иисусом Христом, за что и был посрамлен и тяжко наказан. Ригаут де Барбезьеу сравнивает свои притязания на любовь дамы с дерзостью Симона. *Феникс* — по сведениям «бестиариев», чудесная птица, сжигавшая себя раз в пятьсот лет, чтобы затем вновь возродиться из пепла.

«Жил в старину Персеваль...» (стр. 161).— *Персеваль* — герой средневековой легенды о поисках «святого Грааля», драгоценного сосуда, в котором якобы хранилась кровь, пролитая Христом на кресте. Персеваль был излишне робок и, впервые увидев Грааль, от смущения не смог произнести ни слова, чем причинил много вреда и себе, и другим героям легенды о Граале.

ДАЛЬФИН И ПЕРДИГОН

Дальфин Альвернский — знатный вельможа, упоминания о котором встречаются в документах с 1167 по 1235 г. На гербе его и на печати был изображен дельфин (по-окситански «дальфин»), и современники называли его Дальфином. Это не было ни титулом, ни именем, полученным при крещении; по-видимому, мы встречаемся здесь с тем же, что в Древней Руси называлось «княжое имя», то есть имя, бытующее в какой-либо знатной семье в придачу к крестному имени. К концу XII в. имя Дальфин превратилось в титул, а от титула образовалось название области, которой правили потомки и родичи старопровансальского вельможи. Так появилась средневековая провинция Дофине, аннексированная Францией в 1349 г. Тогда же титул «дофин» стал официльным титулом наследников французского престола. Дальфин Альвернский, проживший долгую жизнь, пользовался очень большой популярностью. Он поддерживал отношения с целым рядом трубадуров, и даже такой крупный поэт, как Гираут де Борнейль, считал его компетентным судьей в вопросах поэзии. Как-то он навлек на себя гнев римского папы тем, что начал нападать на монастыри с целью ограбления монастырских библиотек.

Пердигон (около 1190—1212) — сын бедного рыбака из Лесперона (небольшой городок, ныне в департаменте Ардеш), ставший жонглером. Пользовался покровительством целого ряда знатных лиц, начиная от Дальфина Альвернского и кончая Педро II Арагонским и Альфонсом VIII Кастильским. По некоторым сведениям — правда, не подтвержденным никакими документами,— так же как и Фолькет де Марселья, в дальнейшем изменил своим окситанским друзьям и стал ярым сторонником «крестового похода» против альбигойцев.

«— Пердигон! Порой бесславно...» (стр. 164).— В тенсоне разбирается вопрос о том, что́ важнее, знатное происхождение или личное благородство. Обычно появление этой темы связывают с развитием буржуазного мировоззрения в эпоху Возрождения, приводя в качестве примера хотя бы трактат Поджо Браччолини «О благородстве». Как видно из публи-

куемой тенсоны, трубадуры подняли этот вопрос за две сотни лет до итальянских гуманистов. *Кота-мурлыку сколь ни гладь...*— История кошки, «воспитанной в благородстве», но забывшей о высоких принципах при виде мыши,— традиционный пример, иллюстрирующий превосходство «породы» над «воспитанием». *Файдит* — трубадур Гаусельм Файдит (см. с. 111 наст. тома).

ГАВАУДАН (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1195—1230)

Поэт родом из Гаваудана (Жеводана, в наст. время департамент Лозер). Принимал участие в походе против испанских мусульман. Представитель «темного стиля».

АРНАУТ КАТАЛАН (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII в.)

О поэте известно только то, что он посещал Прованс — может быть, двор графа Тулузского — и североитальянские города (Ломбардию). Судя по имени, был родом из Каталонии.

ПЕЙРЕ ДЕ БАРДЖАК (НАЧАЛО XIII в.)

По утверждению «биографа», рыцарь из Барджака (департамент Гар).

«К вам, моя Донна, пришел я просить...» (стр. 170).— Единственное дошедшее до нас под именем поэта стихотворение относится к жанру «комджата», то есть прощального послания. По сдержанности тона поэма Пейре де Барджака выгодно отличается от многих других «комджатов». *Если вам страшно обет преступить...*— В средние века придавали очень большое значение клятвам и обетам, вплоть до самых кощунственных.

ПЕЙРЕ РАЙМОН (1180—1225)

Сын тулузского горожанина, ставший жонглером. По-видимому, бывал в Арагоне. Безусловно, пользовался покровительством княжеских дворов Маласпина и д'Эсте в Италии.

«Знаю, как любовь страшна...» (стр. 172).— В этой широко известной канcоне поэт использует формулу «любовь — болезнь», один из древнейших образов мировой поэзии. *Ландрик* и *Айя* — герои не дошедшего до нас средневекового романа. *Алмаз* — сеньяль жонглера.

ЭЛЬЯС КАЙРЕЛЬ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII в.)

Родом из города Сарлата (департамент Дордонь). По утверждению «биографа», был золотых и серебряных дел мастером и «рисовальщиком гербов». Стал жонглером и в качестве такового провел несколько лет в Греции среди участников четвертого крестового похода. Затем жил в Италии, а может быть, и в Испании.

«— Сеньор Эльяс Кайрель, задать...» (стр. 174).— *Изабелла* — по-видимому, знатная итальянка из окружения Бонифация Монферратского, одного из вождей четвертого крестового похода. *Иоанн* — вероятно, Иоанн Каматерос, занимавший с 1199 г. престол константинопольского патриарха. Умер в 1206 г.

БЕРТРАН КАРБОНЕЛЬ (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1270—1300)

Поэт, несомненно, близкий к бюргерству.

«Господь велел, чтоб Ева и Адам...» (стр. 176).— В этом тексте Карбонель выказывает себя сторонником «ереси», официально осужденной христианской церковью: с точки зрения церкви, со времени «грехопадения» Адама и Евы все люди «зачинаются во грехе».

ДАУДЕ ДЕ ПРАДАС (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)

Поэт родом из Прадаса (в наст. время департамент Авейрон). Возможно, был лицом духовного звания.

«Сама Любовь приказ дает...» (стр. 177).— Четвертая строфа этой песни *(«Закон Любви нарушит тот...»)*, вне контекста, обычно приводилась в старых русских работах в качестве единственного образца старопровансальской поэзии и в качестве доказательства «платонизма» любви трубадуров.

КЛАРА АНДУЗСКАЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)

По-видимому, знатная дама из Андузы (департамент Гар). В «биографии» поэта первой половины XIII в. Ука де Сен-Сирка упоминается о его долгом и полном драматических перипетий романе с некоей «дамой из Андузы». Предполагается, что это и была Клара Андузская.

ГИРАУТ РИКЬЁР (ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — 1254—1292)

Родом из старинного города Нарбонны, выходец из народа или из мелкого бюргерства. Единственный трубадур, который сам датировал свои произведения в рукописи. В течение нескольких лет воспевал окружение виконта Амальрика Нарбоннского, в дальнейшем посетил двор знаменитого Альфонса X Кастильского и, наконец, после 1279 г. нашел приют при дворе Генриха II Родезского. Гираут Рикьер много говорит об исчезновении старинной доблести и упадке поэзии. В длинной назидательной поэме, адресованной Альфонсу X, он умоляет короля установить своего рода табель о рангах для окситанских поэтов, чтобы «докторов поэтического искусства» (Don Doctor de trobar) не смешивали с самыми презренны-

ми из жонглеров. Эти претензии, может быть, еще яснее, чем жалобы, свидетельствуют о действительном упадке древней окситанской поэзии. Гираута Рикьера не без основания называют «последним трубадуром».

«Дама к другу не была...» (стр. 180).— Благодаря этому стихотворению, старопровансальская поэтика обогатилась новым жанром — «сереной», или «вечерней песнью». Серена построена по «обратной аналогии» с альбой: в альбе возлюбленный опасается наступления утренней зари, в серене он торопит наступление ночи.

«Пора мне с песнями кончать...» (стр. 181).— Это стихотворение завершает творческий путь Гираута Рикьера. Оно написано в 1292 г. *Нам час пришел — за ратью рать // Святую землю покидать.*— Последний, по счету восьмой, крестовый поход, начавшийся в 1270 г., был цепью сплошных неудач для европейских завоевателей. Они теряли одно за другим свои владения в «святой земле». В мае 1291 г. пала Акра, последний укрепленный пункт крестоносцев. Потеря этой крепости считается заключительным эпизодом истории бесславных крестовых походов.

Таким образом, последняя песня последнего трубадура не только завершает целый период в развитии старопровансальского рыцарского общества, но и отмечает конец целой эпохи в истории европейского средневековья.

Р. Фридман

ПОЭЗИЯ МИННЕЗИНГЕРОВ

Первые записи произведений миннезингеров, сочинявших, как правило, и стихи и музыку (или заимствовавших темы и мелодии у трубадуров), были сделаны не самими авторами. Миннезингеры, принадлежавшие к рыцарскому сословию, чаще всего не умели читать и писать, хотя сочинение и исполнение песен составляло часть воспитания молодых рыцарей. Они поручали делать записи писцам, но настоящими распространителями их творчества становились обычно странствующие актеры — шпильманы, которые слышали миннезингеров при дворе или в городах и замках. Шпильманы составляли для себя маленькие сборники песен. Неточные и неполные, теперь уже давно исчезнувшие, эти записи послужили в свое время основой первых рукописных изданий поэзии миннезанга.

Время возникновения большинства рукописей — конец XIII — начало XIV в. Самой полной из них является так называемая Большая Гейдельбергская рукопись, которая содержит тексты ста сорока авторов. Составленная в Цюрихе около 1330 г., она была дополнена к 1340 г. Принято считать, что это та самая рукопись, о которой упоминает один из миннезингеров XIV в.— Иоганнес Хадлауб. По его сведениям, рукопись была собрана представителями знатного цюрихского рода Манессе — Рюдигером и его сыном Иоганном. Тексты, включенные в собрание Манессе, видимо, редак-

тированы разными лицами; разным авторам принадлежат и иллюстрации — цветные миниатюры с портретами миннезингеров. В XVI в. рукопись оказалась в руках курфюрста Пфальцского в Гейдельберге. В 1622 г., во время Тридцатилетней войны, рукопись исчезла. После захвата Гейдельберга предводитель католиков Максимилиан Баварский подарил знаменитую гейдельбергскую библиотеку папе, однако рукопись не попала в Рим: она была обнаружена только в 1657 г. в королевской библиотеке Парижа. В 1888 г. правительство Германии приобрело ее в свою собственность. Самым старым собранием является Малая Гейдельбергская рукопись, включающая сочинения тридцати четырех миннезингеров. Составленная в XIII в., вероятно, по указанию страсбургского епископа Конрада фон Лихтенберга, она издана на пергаменте и изящно оформлена, хотя не иллюстрирована. Значительными должны считаться Констанцская, или Вейнгартнерская, рукопись, где даны тексты тридцати авторов, а также Большая Иенская рукопись, представляющая двадцать девять поэтов и содержащая, кроме стихов, ноты. Ноты имеются и в таких крупных собраниях, как Венская и Кольмарская рукописи. Некоторый материал дает рукопись, известная под названием «Carmina Burana» (о ней см. ниже, прим. к поэзии вагантов).

В XIII—XIV вв. появился ряд персональных сборников. В Кёльне вышли сочинения проповедника Таулера, редактированные, вероятно, самим автором. В 60-х годах XIV в. была издана «Венгерская хроника» Генриха фон Мюгельна, в переложении прозой, сделанном, возможно, им же самим. Собрание сочинений сестры Мехтхильд из Магдебурга было издано в первые десятилетия XIV в. под названием «Струящийся свет божества»; в 1340 г. оно было переведено с нижненемецкого на верхненемецкий. Сохранился записанный на пергаментной обложке расчетной книги монастыря св. Вольфганга в Регенсбурге текст Генриха фон Фельдеке.

В XVI—XVII вв. появляются отдельные произведения миннезанга, переведенные на современный немецкий язык. Себастьян Брант в 1508 г. обработал и издал сборник Фрейданка «Разумение». Первым переводчиком Вальтера фон дер Фогельвейде выступил Гофман фон Гофмансвальдау.

Но настоящее открытие миннезанга началось в середине XVIII в., в период заметной «лиризации» немецкой литературы. Получивший на время в свое распоряжение Большую Гейдельбергскую рукопись, Иоганн Якоб Бодмер осуществил частичное издание ее, выпустив в 1748 г. книгу «Образцы швабской поэзии XIII в.». В 1758 г. рукопись была издана почти полностью в двух томах под названием: «Собрание песен миннезингеров швабского периода, содержащее произведения ста сорока поэтов». Новый период изучения миннезанга связан с романтизмом. Первым среди романтиков обратился к творчеству миннезингеров Л. Тик. В 1803 г. он издал книгу текстов, переведенных со средневерхненемецкого: «Любовные песни швабской эпохи», и написал статью «Любовные песни немецких миннезингеров». Основательно занимался миннезангом и Л. Уланд. В 1822 г. он выпустил книгу «Вальтер фон дер Фогельвейде, старонемецкий поэт». На-

следию миннезингеров уделено большое место в его «Материалах к истории немецкой поэзии и саги» (1866—1867).

В 1838 г. Фридрих Генрих фон дер Хаген полностью представил Большую Гейдельбергскую рукопись в четырех частях под названием: «Миннезингер». С этого времени возрастает число научных изысканий в области миннезанга. В 50-х годах К. Лахманом была разработана периодизация. Особо выделив время расцвета средневековой немецкой лирики, обогащения ее новыми мотивами, Лахман создал понятие «весна миннезанга», включив в него поэтов от Кюренберга до Вальтера фон дер Фогельвейде, представляющего собой новый этап. В 1857 г. Лахман подготовил сборник научно обработанных и комментированных текстов, названный «Des Minnesangs Frühling». Сборник выдержал ряд переизданий в XIX и XX вв. Издания с комментариями и биографическими справками выпустил К. Барч, затем его ученик Г. Пфафф. Вопросы миннезанга были освещены в труде В. Дильтея «О немецкой поэзии и музыке». В XX в. большую работу по анализу и комментированию текстов провел К. фон Краус.

При подготовке настоящего тома были использованы следующие научно-критические издания: «Des Minnesangs Frühling». Nach Karl Lachmann, Moriz Haupt und Friedrich Vogt neu bearbeitet von Karl von Kraus. S. Hirzel Verlag, Leipzig, 1954; «Deutsche Lyrik des Mittelalters». Auswahl und Übersetzung von Max Wehrli. Manesse Verlag, Zürich, 1955.

Переводы произведений миннезингеров на русский язык появились во второй половине XIX в. Впервые их представил Н. В. Гербель в книге «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1877). Наряду с отрывками из поэм Гартмана фон Ауэ, Вольфрама фон Эшенбаха и Готфрида Страсбургского, здесь даны переводы любовных песен Дитмара фон Айста, Генриха фон Фельдеке и Вальтера фон дер Фогельвейде. Переводы сделаны Д. Минаевым. В начале XX в. песни миннезингеров переводил К. А. Иванов. В свою книгу «Трубадуры, труверы и миннезингеры» (Пг., 1915) он включил переводы из Вальтера фон дер Фогельвейде, императора Генриха, Генриха фон Фельдеке и Фрейданка. Наиболее полно на русском языке миннезанг представлен в книге «Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков» (сост. Б. И. Пуришев и Р. О. Шор, М., 1953), содержащей переводы песен Кюренберга, Дитмара фон Айста, Генриха фон Фельдеке, Фридриха фон Хаузена, Гартмана фон Ауэ, Генриха Морунгена, Рейнмара фон Хагенау, Вальтера фон дер Фогельвейде, Вольфрама фон Эшенбаха, Нейдхарта, Готфрида фон Нейфена; переводы выполнены Б. Ярхо, О. Румером, Р. Шор. Все переводы, помещенные в настоящем томе, публикуются впервые.

КЮРЕНБЕРГ

Жил около 1160 г. Именем Кюренберг называет себя в песнях по месту своего рождения (Кюренберг в Австрии). Происходил из рода австрийских дворян, исполнявших вассальную повинность. Один из первых пред-

ставителей миннезанга, связанного с народной традицией. Песни представляют собой отдельные строфы, содержащие монолог мужчины или женщины; близкие по смыслу строфы иногда передают диалог влюбленных.

МЕЙНЛОХ ФОН СЕФЕЛИНГЕН

Дворянин из Сефелингена близ Ульма, из рода швабских рыцарей. Двенадцать строф, бесспорно принадлежащих ему, обнаруживают и его близость к народной традиции, и поэтическое своеобразие. У него особенно заметна черта, отличающая немецкий миннезанг: изображение не столько самой любви, сколько вызванных ею переживаний, противоречивых чувств («душевный подъем и печаль», «любовь и зависть»). У него впервые появляется тема любовного служения.

БУРГГРАФ ФОН РЕГЕНСБУРГ

Происходил из рыцарского рода. Автор любовных песен, некоторые из них вложены в уста женщины. Форма песни восходит к старонемецкой: длинные строчки, разделенные цезурой.

БУРГГРАФ ФОН РИТЕНБУРГ

Возможно, сын миннезингера бургграфа Регенсбурга Генрих. Автор однострофных песен, в которых изображается служение даме, иногда даются картины природы. Характерная для Ритенбурга парная рифма придает звучанию его строфы особую легкость.

СПЕРФОГЕЛЬ

С этим именем связано развитие дидактического жанра шпруха, характерного для певцов нерыцарского происхождения. Исследователи считают, что часть шпрухов Сперфогеля написана значительно раньше остальных, и, исходя из этого, говорят о существовании Сперфогеля Старшего. В отличие от Сперфогеля, жившего около 1200 г., Сперфогель Старший жил в середине XII в., его имя — Гергер или Керлинг. В Большой Гейдельбергской рукописи творчество Сперфогелей дано как целое: в нем трудно заметить как жанровое различие, так и различия в содержании. Шпрухи содержат моральные сентенции и религиозные декларации; среди них — басни о людях и животных, пословицы, основанные на фольклорных представлениях. Повествование о жизни бродячего бездомного певца содержит намеки на личную судьбу автора и позволяет причислять его к странствующим миннезингерам.

ДИТМАР ФОН АЙСТ

Человеку с этим именем приписывались песни, возникшие в разное время и различные по характеру. Известно, что в начале 70-х годов XII в. дворянин Дитмар фон Айст состоял на службе у Генриха II Австрийского. Как все миннезингеры нерейнских областей, далек от влияния трубадуров и связан в своем творчестве с народными традициями. Очевидно, и в быту тяготел к простым сословиям: Большая Гейдельбергская рукопись изображает его в одеянии странствующего купца с товарами, верхом на ослике, у городских ворот. Некоторые из песен восходят по форме к старонемецким (две рифмованные строки), отличаются живой образностью, простотой и задушевностью. Ему принадлежит первая из сохранившихся «утренних песен» миннезингеров (см. альба у трубадуров, прим. к с. 34).

ИМПЕРАТОР ГЕНРИХ (ГЕНРИХ VI, 1165—1197)

Император Священной Римской империи германской нации, при котором достигла расцвета власть династии Гогенштауфенов (1138—1254 гг.). Сын Фридриха I Барбароссы, присоединивший к владениям Германской империи часть итальянских земель посредством брака с сестрой короля Сицилии (1186 г.), что весьма способствовало усилению императора в борьбе с папой. Стал императором в 1191 г. За короткое время проявил себя суровым и даже жестоким правителем. Как обычно при дворе Гогенштауфенов, в его время процветал миннезанг, сочинение песен считалось занятием для особенно знатных. Был автором трех песен, написанных скорее всего до 1191 г. Самая большая из них выдержана в куртуазной манере, две близки к народным своей простотой и задушевностью.

ФРИДРИХ ФОН ХАУЗЕН

Принадлежал к кругу придворных миннезингеров Гогенштауфенов. С 1171 г. многократно упоминается в документах как один из рыцарей, наиболее близких к Фридриху I Барбароссе и молодому Генриху VI. В 1175 и 1186 гг. был с Генрихом VI в Италии. В 1187 г. присутствовал при исторической встрече Фридриха I с Филиппом Августом Французским. Погиб в третьем крестовом походе в 1190 г. в битве при Филомелиуме (в Малой Азии), незадолго до гибели Фридриха Барбароссы. Был видным представителем жанра «крестовой песни» (песни, содержащей призыв к крестовому походу), великолепным выразителем религиозной миссии крестоносцев. В любовных песнях Фридриха фон Хаузена, представляющих образец куртуазного миннезанга, постоянно обыгрывается мотив, заимствованный у трубадуров: разлад тела с душой, борьба между стремлением к возлюбленной и всепобеждающим долгом воина-крестоносца. Часто встречается параллель между человеческими чувствами и природой. Мелодии обычно заимствованы у трубадуров,— в частности, у Бернарта де Вентадорна.

«О, как она была горда...» (стр. 214).— *Пускай, мол, я зовусь Эней, // Она не согласится стать // Моей Дидоной никогда.*— По римскому преданию, Эней — один из участников Троянской войны, долго странствовавший после ее окончания. Дидона, легендарная основательница Карфагена, полюбила Энея и умерла от тоски, когда он покинул ее. Поэт хочет подчеркнуть глубокое равнодушие дамы к нему и к его доблестям.

ГЕНРИХ ФОН ФЕЛЬДЕКЕ

Происходил из долины реки Мааса, писал на лимбургском наречии. Принадлежал к немногочисленным в то время образованным рыцарям. Современник Фридриха I Гогенштауфена, присутствовал в 1184 г. при посвящении в рыцари во время праздника Троицы сыновей императора — Генриха (будущего Генриха VI) и Фридриха. Автор романа «Эней» — первого в Германии произведения куртуазного эпоса, представляющего собой обработку старофранцузского романа на античную тему. Характерный для романа изысканный куртуазный стиль нашел отражение и в лирике Генриха фон Фельдеке. Большинство песен безусловно заимствованы у трубадуров, хотя провансальский оригинал их не сохранился. Содержанием песен является служение даме, иногда — супруге сюзерена. Встречаются нравственные назидания на тему любви (своеобразные шпрухи). Для поэзии Генриха фон Фельдеке характерно светлое, радостное чувство, в котором нет особой глубины. Трактовка любви приобретает временами иронический оттенок. На форме песни также сказывается романская традиция: строфа, как правило, рифмована посредством двух рифм. Заметно и некоторое влияние народного творчества: рефрен, частые обращения к природе, которые становятся определенной манерой в противоположность непосредственности фольклора.

«Любовь сразила Соломона...» (стр. 230).— *Соломон* — царь Израиля и Иудеи (X в. до н. э.), личность которого нашла отражение в библейских преданиях. Прославившийся своей мудростью, Соломон, согласно «Песни песней» (авторство которой приписывается ему же), был охвачен страстной любовью к Суламифи.

РУДОЛЬФ ФОН ФЕНИС (1158—1192)

Представитель швейцарского рода графов фон Нейенбург. Содержание его песен является чаще всего переложением провансальских канцон, повторяется и форма строфы провансальской канцоны.

АЛЬБРЕХТ ФОН ЙОХАНСДОРФ

Происходил, очевидно, из Баварии, из рода рыцарей, находившихся в вассальном подданстве у архиепископов Пассау и Бамберга. Имя встречается в документах 1201, 1204 и 1209 гг. Как явствует из его песен, участ-

вовал в крестовом походе летом 1190 г. в войске Леопольда V Австрийского. Содержание песен, кроме воспевания любви, составляют рассуждения о нравственном долге, о человеческом достоинстве; автор их предстает как цельная и благородная натура. Это определяет своеобразие его лирики при заметном влиянии на нее как французской куртуазной поэзии, так и народного творчества.

«Добрый человек! // Богатых ты богаче во сто крат!..» (стр. 239).— Содержание песни — беседа рыцаря с возлюбленной перед отправлением в крестовый поход.

ГЕНРИХ ФОН МОРУНГЕН

Принадлежал к роду министериалов (сословие служилых рыцарей) Тюрингии. В документах 1213 и 1221 гг. упоминается как немолодой уже человек, состоящий на службе у маркграфа Дитриха Мейсенского. Деньги, получаемые за службу, жертвовал монастырю св. Фомы в Лейпциге. Участвовал в крестовом походе, вероятно, в свите Дитриха Мейсенского в 1197 г. Сложившаяся вокруг него слава благочестивого человека способствовала возникновению народной песни «О благородном Моринге», включенной Уландом в его собрание. В песне, видимо, не без основания воссоздана вокруг Морунгена (Моринга) ситуация старой легенды: долго отсутствовавший муж неожиданно возвращается к жене в тот момент, когда она собирается вступить в брак. Творчество Морунгена блестяще представляет лирику куртуазного стиля. Большое место занимает описание женских добродетелей и красоты посредством изысканных метафор. Частично песни представляют собой переложение провансальских — Бертрана де Борна, Пейре Видаля, Джауфре Рюделя и других трубадуров. Изящество формы в песнях Морунгена соединяется с непосредственностью чувства: заметна и душевная тревога автора, и многообразие переживаний, вызванных любовью. Песни хорошо передают особенности средненемецкого языка и часто служат материалом для его исследователей.

«Если бы не все на свете совершенства...» (стр. 243).— *Сын мой — наследник всех моих скорбей...*— Строка дает основания предполагать, что песня посвящена жене, изменившей поэту, что подтверждает правдоподобие народной легенды.

«Горевать и плакать некому со мною...» (стр. 256).— *Может быть, влюблен я в госпожу Венеру?* — Античный мотив: любовь богини и смертного.

«Голос отдаленный...» (стр. 257).— Принадлежность трех строф, передающих три маленькие сцены, к одной песне, точно не установлена. *Всей стране быть в огне.*— Поэт подразумевает: от его любовного жара.

«Неужто ночь прошла?..» (стр. 261).— «Утренняя песня» в форме характерного для куртуазной поэзии «обмена» — диалога влюбленных.

«Чаянья, мечты, предположенья!..» (стр. 262).— *Так в колодец день за днем глядел юнец...*— Мифологический образ Нарцисса, юноши, влюбившегося в свое отражение в воде и зачахнувшего от любви, заимствован у Бернарта де Вентадорна (см. с. 53).

РЕЙНМАР [ФОН ХАГЕНАУ]

Документальных сведений о миннезингере нет. Происходил, по-видимому, из Эльзаса, из рода высокопоставленных министериалов. Готфрид Страсбургский в «Тристане» оплакивает смерть «соловья из Хагенау» (город в Эльзасе), отсюда можно заключить, что Рейнмар умер около 1207 г., еще молодым. В 1190 г. участвовал в крестовом походе в войске Леопольда V Австрийского. Поселившись при австрийском дворе раньше Вальтера фон дер Фогельвейде, жил там и в одно время с ним. К этому времени относится известная поэтическая полемика Рейнмара и Вальтера по вопросу о том, что должно быть предметом искусства. Неизменной темой песен Рейнмара, наиболее плодовитого среди миннезингеров, является любовь, любовная тоска. Он как бы создает культ страдания, за что в XIX в. Л. Уланд назвал его «схоластиком несчастной любви». Часть песен написана от лица женщины.

«Поют не от хорошей жизни...» (стр. 277).— Одна из наиболее прославленных песен Рейнмара, в которой восхваляется не только возлюбленная, но и женщина вообще как предмет поклонения. Культ женщины, характерный для немецкого миннезанга, был в значительной мере подготовлен сложившимся к XII в. культом богоматери. Женский образ перерастает в символ вечного вдохновения и обновления жизни. *Пускай судачит злая спесь...*— намек на язвительные нападки Вальтера фон дер Фогельвейде, упрекавшего Рейнмара в однообразии тематики. См. также прим. к с. 346.

«Весна вернулась,— говорят...» (стр. 279).— Песня написана от лица вдовы Леопольда V, умершего в 1194 г.

«Хорошо мне, только бы чуть-чуть...» (стр. 286).— Песня написана, по-видимому, в период полемики с Вальтером фон дер Фогельвейде.

«Приемлю честный божий крест...» (стр. 290).— Написано перед крестовым походом в 1190 г.

ГАРТМАН ФОН АУЭ (1170—1210)

Родом из Швабии, рыцарь, участник крестового похода 1197 г. Поэтическая деятельность Гартмана началась с 1190 г. Прославился как мастер стихотворного повествования, переложивший в стихах французские куртуа-

азные эпопеи: «Эрек и Энида», «Ивэйн» и религиозную повесть «Грегор». Автор популярной стихотворной новеллы «Бедный Генрих», представляющей по жанру переход от религиозной дидактической повести к рыцарской эпопее куртуазного стиля. Песни отличаются изяществом формы, также свойственным куртуазной поэзии, однако имеют своеобразное содержание. В противоположность «высокой любви» — любви к знатной даме, в них воспевается «низкая любовь» — к женщине из низшего сословия. В этом противопоставлении заложена та же идея, что и в «Бедном Генрихе»: нравственное превосходство простой женщины над высокородной.

«Нет мечте моей простора...» (стр. 305).— *Песнями я вторю государынину горю...*— Строки указывают на то, что песня, вероятно, посвящена вдове сеньора Ауэ, которому служил Гартман, не раз упоминающий о смерти своего господина.

«Я теперь не слишком рад...» (стр. 308).— Образец песни, прославляющей «низкую любовь».

«Привет прощальный мой собрату и соседу...» (стр. 309).— Известная «крестовая песня», приписываемая иногда другому миннезингеру, Блиггеру фон Штейнаху. *...отважный паладин.*— Паладин — рыцарь из свиты феодального государя, здесь — верный рыцарь. *Будь государь мой жив, на что мне Саладин?* — Саладин (Салах ад-Дин) — султан Египта во второй половине XII в. (умер в 1193 г.), разбивший крестоносцев во время третьего крестового похода.

ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ (УМЕР ОКОЛО 1220 г.)

Служилый рыцарь из знатного, но обедневшего рода, из города Эшенбаха в Баварии, вассал графов Нижней и Верхней Франконии. В 1203—1216 гг. жил при дворе ландграфа Германа Тюрингского, известного своим покровительством поэтам и ученым. После смерти Германа вернулся на родину. Не умевший писать (а может быть, и читать), Вольфрам фон Эшенбах тем не менее проявил себя как один из самых оригинальных поэтов своего времени. В романах «Парцифаль» и «Титурель» им разработан мистико-фантастический цикл куртуазного эпоса — легенда о св. Граале. Незавершенный роман «Виллегальм» является обработкой старофранцузского эпоса, повествующего о битве при Алискансе (VIII в.). Своеобразие юмора, сложность художественных образов, чрезмерная афористичность в произведениях Вольфрама делали их трудными для понимания. Его «темный стиль» высмеял Готфрид Страсбургский в «Тристане». Отпечаток этого стиля носят в значительной степени и восемь песен Вольфрама. Чаще всего это «утренние песни». В некоторых из них изображение дамы с ее мелкими делами и заботами создает снижение лирического жанра. О сохранившейся славе поэта свидетельствует появление его образа в произведениях немецкой

литературы последующих веков. Он явился одним из главных героев поэмы «Война певцов», возникшей в начале XIV в. в среде странствующих певцов, одним из персонажей рассказа Э.-Т.-А. Гофмана «Состязание певцов» и оперы Вагнера «Тангейзер».

«Вот сквозь облака сверкнули на Востоке...» (стр. 312) — «утренняя песня», в которой впервые в миннезанге выводится третье действующее лицо — страж, ведущий диалог с дамой.

ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ
(РОД. ОКОЛО 1170 г., УМЕР В 1230 г.)

Бедный австрийский дворянин из рода министериалов или малоземельных рыцарей, был профессиональным певцом. Искусству сочинения и исполнения песен учился у Рейнмара фон Хагенау при дворе австрийского герцога Фридриха Католического. Связь со средой австрийского дворянства способствовала развитию его интереса к политической жизни. Вскоре после смерти Фридриха (1198 г.) поссорился с его преемником Леопольдом VI. Причиной ссоры могло послужить выступление Вальтера против близкого Леопольду Рейнмара. К этому времени Вальтер перерос своего учителя: он был свободнее и в самом выборе темы, не ограничиваясь изображением любви. Однако, скорее всего, Леопольду могло не понравиться то, что у поэта была самостоятельная политическая ориентация, которой он не скрывал, несмотря на свое невысокое положение. Покинув Вену, Вальтер много странствовал по Германии, Италии и Франции, что дало ему возможность почувствовать современный мир, познакомиться с жизнью разных сословий. Некоторое время жил в Вартбурге при дворе ландграфа Германа Тюрингского. Современник острой борьбы империи и папства — борьбы германских императоров с папой римским за экономическое и политическое первенство, Вальтер всегда выступал на стороне императора. В императоре, опиравшемся на мелкое рыцарство и города, поэт мечтал найти идеального владыку страны. Был среди немногочисленных приверженцев Филиппа Швабского в борьбе с Оттоном IV, поддерживаемым папой. Очевидно, разочарование в личности Филиппа способствовало тому, что после его смерти (1208 г.) Вальтер перешел к Оттону IV, который, став единственным императором, поссорился с папой. В 1212 г. поступил на службу к императору Фридриху II Гогенштауфену, от которого получил небольшой лен. Вальтер фон дер Фогельвейде был в равной степени лирическим и политическим поэтом. В его песнях нашли отражение и куртуазный стиль, и поэтика народного творчества. Воспевание «высокой любви» вскоре сменилось в них прославлением любви к простой девушке. Часто даются картины природы, имитируются народные гадания. Используется размер, мотив и припев плясовых «женских песен», пастушеских песен (пасторалей). Кроме любовных, есть «крестовые песни», выражающие воинские и религиоз-

ные идеалы рыцарства. Особенно интересны политические шпрухи, содержащие прямой отклик на события и настроения времени: скорбь по поводу мирового зла, обличение духовенства, оценка состояния искусства.

«Вам, госпожа, венок!..» (стр. 317).— Характерное для миннезанга воспевание девушки вместо замужней дамы: венок — символ девичьей чистоты. Содержание песни подается в виде рассказа о сновидении.

«О госпожа, сердиться не надо...» (стр. 321).— Песня имеет распространенную в куртуазной поэзии форму диалога между рыцарем и дамой (тенсона у трубадуров, см. прим. к с. 65).

«Одно скажи: «Благодарю»...» (стр. 323).— Разработка античного мотива телесной красоты в противовес религиозной литературе средних веков, проповедовавшей ничтожество плоти.

«В роще под липкой...» (стр. 328).— Пастораль в форме монолога девушки.

«Сидел я, брови сдвинув...» (стр. 335).— Шпрух, написанный, по-видимому, в июне 1198 г., вскоре после разделения власти между Филиппом Швабским и Оттоном IV; размышления поэта о том, что неупорядоченность общественной жизни мешает каждому человеку идти к благополучию достойным путем.

«В ручье среди лужайки...» (стр. 336).— Один из трех шпрухов, являющихся вершиной политической лирики Вальтера. Написан в 1198 г., в разгар борьбы между Филиппом Швабским и Оттоном IV. Построен на противопоставлении упорядоченности мира природы смутам на немецкой земле.

«Я подсмотрел секреты...» (стр. 336).— *Был Рим во славу божью кругом опутан ложью...*— Выпад против папы, бывшего вдохновителем вражды между германскими государями. *И вышел спор двух королей...*— Упоминание о ссоре Филиппа Швабского, выбранного императором, с законным наследником германского престола, четырнадцатилетним Фридрихом II, сыном императора Генриха VI. *Церковник и мирянин // Пошли друг друга бить...*— Имеется в виду столкновение партий Филиппа и Оттона («церковник»). *...надели столы вместо лат.*— Стола — часть облачения католического духовенства. *...не тех, кого бы гнать пора.*— Намек на то, что победа Филиппа не принесла порядка и справедливости. *...взывал один затворник...*— Образ затворника, выражающего страх благочестивых немцев перед общественными распрями,— символический.

«О князь Апулии, хранящий Вечный град...» (стр. 339).— Обращение к Фридриху II с просьбой о выделении лена. *Апулия* — область в Южной Италии, принадлежавшая Фридриху. *Вечный град* — Рим, к югу от которого были расположены земли Фридриха, считавшегося по своим итальянским владениям вассалом папы. В начале 20-х годов отношения между Фридрихом и папой были нарушены, следовательно, песня Вальтера возникла до 1220 г.

«Мне Тегернзее хвалил знакомый люд...» (стр. 339).— *Тегернзее* — известный в то время монастырь в Баварии. *Поставили мне воду...*— Имеется в виду положенное омовение рук перед едой.

«Увы, промчались годы, сгорели все дотла!..» (стр. 340).— Известная песня, выражающая душевное состояние поэта в последние годы жизни, неприятие им современного мира. *А тут еще и буллу прислали нам из Рима...*— Булла — папская грамота. Песня написана в 1227 г., после отлучения императора Фридриха II от церкви папой Григорием IX.

«Земля, хозяину скажи ты...» (стр. 341).— Хозяином земли поэт считает черта.

«Во всех, чье сердце бес не совратит...» (стр. 345).— *Заплакал бы отшельник мой от зрелища такого.*— Отшельник, или затворник (см. с. 337),— повторяющийся у Вальтера образ истинно благочестивой натуры, противопоставляемой официальным носителям религии.

«Епископы, церкви князья и вы, все монахи на свете...» (стр. 345).— *Ключи святого Петра ему достались от бога...*— По католической концепции, папа римский — преемник апостола Петра, считающегося первосвященником Рима. *Смотрите, он торговать задумал божьим ученьем.*— Вальтер говорит здесь о симонии — продаже церковных должностей, запрещенной каноническим христианством, но весьма распространенной в средние века. В преддверии Реформации симония вызывала яростный протест прогрессивно настроенных людей; в период же жизни Вальтера борьбу вокруг нее вели феодалы, стремившиеся отвоевать у папства право продажи церковных должностей — огромный источник дохода. Слово «симония» происходит от имени Симона Волхва, который, согласно Новому завету, просил апостола Петра продать ему дар творить чудеса.

«Как набожно папа смеется, как свято каждое слово...» (стр. 345).— *Когда своим чужеземцам он сообщает...*— Чужеземцы — короли многих стран (Англии, Арагона, Португалии, Швеции, Дании, Польши, Армении), признававшие себя вассалами папы. *Теперь у меня два немца под одной короной сидят.*— Речь идет о политическом акте папы Иннокентия III, который в 1213 г., поссорившись с коронованным им ранее Оттоном IV, короновал Фридриха II.

«Проснитесь, близок день Суда!..» (стр. 346).— Шпрух возник, вероятно, в 1201—1203 годах, под влиянием ожесточенной внутренней борьбы в Германии. *Темнеет солнце...*— Имеется в виду солнечное затмение 1201 года.

«Ни мудрость, честь, ни сила слова...» (стр. 346).— Написано в 1210 г., после смерти Рейнмара фон Хагенау. *Когда б ты спел одно лишь это: // «Восславься, женщина!»...*— Вальтер цитирует стих из песни, написанной в свое время Рейнмаром в ответ на его нападки по поводу злоупотребления любовной темой.

«Горе песням благородным...» (стр. 347).— Реакция на «деревенский миннезанг», приобретавший популярность в придворных кругах.

ГОТФРИД СТРАСБУРГСКИЙ (УМЕР ОКОЛО 1210 г.)

Бюргерского происхождения, городской секретарь в Страсбурге в начале XIII в. Очень образованный для своего времени, знал французский язык и латынь, был хорошо знаком с творчеством Овидия и Вергилия. Приобрел известность как автор незаконченного романа «Тристан», созданного на основании нескольких французских редакций романа о Тристане. Уже известному к тому времени в Германии сюжету сумел придать новую форму, изящную и увлекательную. До некоторой степени образцом для него послужил Гартман фон Ауэ. В повествовании постоянно ощущается личность автора, есть ряд авторских отступлений, содержащих характеристики современников (Вольфрама фон Эшенбаха, Рейнмара фон Хагенау). Особый стиль создается обилием аллегорий. В песнях, прославляющих земную любовь, проявил себя как мастер куртуазного стиля.

НЕЙДХАРТ ФОН РОЙЕНТАЛЬ (1180—1240)

Бедный рыцарь из Баварии. Участвовал в крестовом походе, очевидно, в пятом (1217—1219 гг.), в войске Леопольда VI Австрийского. Окончательно разорившись, потерял лен, полученный от своего сеньора герцога Баварского, и поступил на службу к Фридриху II Австрийскому, благодаря чему получил новый лен на Дунае. В песнях развивал идею «низкой любви» — любви к простой крестьянке — и явился зачинателем сельской куртуазной поэзии, так называемого «деревенского миннезанга». Ввел народные мотивы, изображение ссор влюбленных и распрей из-за любви, диалоги, сценки. Форма песни Нейдхарта заимствована у «весенних» крестьянских песен с их танцевальным ритмом. Часто писал пародии на «зимние песни» крестьян, сатирически изображая сельские занятия. Очевидно, насмешки Нейдхарта доходили до крестьян и вызывали столкновения с ними, так как в песнях есть рассказ о вражде между бедным рыцарем и богатыми крестьянами. Известное низшим слоям, имя Нейдхарта надолго снискало дурную славу: ему безосновательно приписывается ряд песен непристойного содержания. Народная молва отнесла Нейдхарта к придворным шутам, его произведения попали в народную «Книгу дураков». Вокруг личности миннезингера сложился цикл шванков, составивших в XV в. книгу «Нейдхарт Лис», возникла авантюрно-сатирическая стихотворная повесть «Нейдхарт с крестьянами», уже в конце XIV в. существовал ее драматический вариант «Игра о Нейдхарте».

ГОТФРИД ФОН НЕЙФЕН

Из рыцарского рода, в документах упоминается с 1234 по 1255 г. Был причастен к политической борьбе своего времени. Куртуазные песни Готфрида фон Нейфена отличаются высоким стилем при заметном однообра-

зии содержания. Более удачны его стихотворения, близкие к народной поэзии. Являясь в них последователем Нейдхарта, он в определенном смысле разделяет и судьбу основоположника «деревенского миннезанга»: ему приписывается ряд фольклорных произведений фривольного характера. Может быть, по этой причине за ним укрепилась слава искателя любовных приключений — в таком качестве он выведен в «Песне о благородном Моринге».

«Бродил по далеким краям...» (стр. 356).— Одна из песен, в которых авторство Готфрида фон Нейфена установлено неточно; однако такого рода «низкие» непристойные песни имели большой успех при дворе наследников Фридриха II.

«Только услышу, как начали скрипки...» (стр. 357).— Сценка из сельской жизни, близкая по композиции, звукописи и ритму к хороводной песне.

УЛЬРИХ ФОН ЗИНГЕНБЕРГ (1-я ТРЕТЬ XIII в.)

Принадлежал к сословию министериалов. В 1228 г. учредил лазарет Святого Духа. В песнях много деталей, указывающих на личные контакты автора с историческими лицами: Ульрихом IV Саксонским, королем Генрихом (сыном Фридриха II), Вальтером фон дер Фогельвейде, которым даны интересные характеристики. Ученик Рейнмара фон Хагенау (умерший раньше учителя, так как Рейнмар оплакивал его смерть), находился более под влиянием Вальтера фон дер Фогельвейде. Любовные песни Ульриха фон Зингенберга задушевны и печальны, среди них есть «утренние песни»; часто используется песенный диалог.

МАРНЕР

Известен как странствующий певец из Швабии. Документальных данных о миннезингере не сохранилось, упоминания в Большой Гейдельбергской и Кольмарской рукописях позволяют составить лишь предположительно его биографию. Очевидно, настоящее имя поэта — Конрад, имя же Марнер указывает скорее на род занятий,— он был моряком или корабельщиком (от *лат.* marinarius — моряк). Убит, будучи уже слепым стариком. Был достаточно образован, знал немецкий героический эпос, куртуазный эпос, а также творчество Рудольфа фон Фениса, Генриха фон Ругге, Нейдхарта, о которых часто упоминается в его сочинениях. Своим учителем называл Вальтера фон дер Фогельвейде, хотя не был лично знаком с ним. Автор двух латинских песен, посвященных духовным лицам, нескольких «утренних песен», написанных на средненемецком, как и шпрухи, которые составляют основную часть его творчества, начавшегося, вероятно, около 1230 г.

«Позор, фон Цветер Регинмар...» (стр. 360).— Пример обращения одного миннезингера к другому с критикой его творчества, ставшего своеобразным жанром со времен полемики Вальтера фон дер Фогельвейде и Рейнмара фон Хагенау. Намеки на шпрухи фон Цветера, казавшиеся Марнеру несамостоятельными, как в содержании, так и в мелодии.

«Я, люди, песню бы свою...» (стр. 360).— *Как Дитрих Бернский пал.*— Дитрих Бернский — популярный герой раннесредневекового германского эпоса. Прототипом Дитриха явился Теодорих, король одного из германских государств на территории бывшей Римской империи — остготского (V—VI вв.). Прозвание «Бернский» получил как победитель в битве при Берне (средневековое название Вероны) в 489 г. *...как королем // Когда-то Ротер стал.*— Король Ротер — герой средневековой немецкой поэмы (первая половина XII в.), созданной на основе эпоса XI в. *...про Экхартовы беды...*— Экхарт, «верный Экхарт» — один из персонажей цикла Дитриха Бернского. Бескорыстно помогавший племянникам короля остготов Эрманариха (к ним относился и сам Дитрих), преследуемым дядей, Экхарт вошел в немецкое народное творчество и литературу как символ преданности. *...о нападенье русов...*— Очевидно, имеются в виду нападения русских на орден меченосцев в Ливонии в начале XIII в. *...Кримгильду вспомнить песней...*— Кримгильда — героиня германского эпоса XIII в.— «Песни о Нибелунгах». *...где лютичей народ...*— Славянское племя лютичей населяло земли между Эльбой и Одером и оказывало упорное сопротивление иноземным нашествиям, которым положил начало Карл Великий (789 г.). Лютичи потеряли независимость во второй половине XII в., в результате похода немецкого князя Альбрехта Медведя. *...как Зигфрид прожил...*— Зигфрид — герой цикла героических преданий, восходящих к древней богатырской сказке, переработанных, в частности, в «Песни о Нибелунгах». *...как Экке кончил путь мирской.*— Богатырь Экке — герой тирольского народного сказания, относящегося к циклу Дитриха Бернского. *...про битвы Виттиха и Гейме.*— Имена противников Дитриха Бернского, предавших его вассалов. *...о Нибелунгах слушать сказ...*— Возникшая в первом десятилетии XIII в., «Песнь о Нибелунгах» содержит рассказ о событиях, происходящих в V в., в эпоху великого переселения народов, когда Западная Европа подверглась нашествию гуннов. Сюжетную основу песни составили несколько эпических циклов — о Дитрихе Бернском, о Зигфриде и других.

БУРКХАРТ ФОН ХОЭНФЕЛЬЗ

Упоминается в документах с 1216 по 1242 г. как младший сын рыцарского рода, находившегося в вассальной зависимости у констанцского монастыря. По роду службы принадлежал к министериалам, одно время, до 1228 г., находился в окружении императора Генриха VII. Автор куртуазных песен и трех песен, близких к «деревенскому миннезангу». Часто дает реалистические зарисовки, в основном сценки из охотничьей жизни.

ТАНГЕЙЗЕР

Предполагаемые годы жизни — 1240—1270. Биографические сведения содержатся в основном в песнях самого поэта. Рыцарь из Баварии, служил германскому императору Фридриху II и его сыну Генриху VII, а также Фридриху Австрийскому. Совершил паломничество в Палестину, возможно, как участник крестового похода. Разорившись в результате разгульной жизни, продолжал беззаботное существование странствующего миннезингера. Излюбленный жанр Тангейзера, в котором он писал славословия Фридриху Австрийскому и другим высокородным лицам,— лейх (песнь, состоящая из нескольких строф, различных по своему строению и по сопровождающей их мелодии). Писал также шпрухи и любовные песни, близкие к «деревенскому миннезангу». Изображение культа любви приобретает у него ироническую и фривольную окраску. Употребление галантных французских слов в плясовых песнях создает ярко выраженную пародию на куртуазную поэзию. Нарисованный в его песнях образ певца, смело и бездумно наслаждающегося жизнью, способствовал тому, что вокруг имени Тангейзера сложилась легенда; старейшие варианты ее включены Л. Уландом в собрание «Alte nieder- und hochdeutsche Lieder». Легенда XVI в. изображает его пленником и возлюбленным богини Венеры (по варианту XIV в.— древнегерманской богини Хольды), его фигура как бы воплощает в себе языческий культ чувственности, в противоположность христианскому аскетизму. В XIX в. немецкие романтики обращались к фигуре Тангейзера как к яркому выражению индивидуальности, внутренней свободы человека. Л. Тик написал повесть «Верный Экхарт и Тангейзер», Р. Вагнер — оперу «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге», в которой, взяв за основу средневековую поэму «Война певцов» (около 1300 г.), изменил ее сюжет в соответствии с легендой о Тангейзере: в поэме участники состязания при дворе ландграфа Германа Тюрингского воспевают своих покровителей — у Вагнера Тангейзер воспевает любовь к богине. В XX в. образ Тангейзера — пленника Венеры — был использован как метафора Т. Манном в романе «Волшебная гора».

«Как весел, кто несется вскачь // По апулийским нивам...» (стр. 365).— Воспоминания о жизни во владениях императора Фридриха II Гогенштауфена, владевшего, кроме Германии, Италией. *С тяжелою заботой душа не расстается* — с заботой о спасении души: песня написана по дороге в Палестину. *Сирокко шел с востока... одиннадцать свистели, двенадцатый крепчал.*— Перечисление ветров, дующих, по свидетельству моряков, на Средиземном море.

МЕХТХИЛЬД ИЗ МАГДЕБУРГА

Родилась в 1210 г. в Нижней Саксонии, умерла после 1280 г. В 1235—1270 гг. жила в Магдебурге. Вела аскетический образ жизни и в 1270 г. стала монахиней цистерцианского монастыря. Происходила из рыцарской

семьи, была знакома с куртуазной литературой. Творчество Мехтхильд представляет собой одно из самых ярких явлений немецкой мистической поэзии. В ее представлении путь к богу лежит через чувство любви, доходящее до экстаза, в котором душа очищается и возвышается. Любовь — это ощущение человеком некоего начала, которым он сотворен; с этим началом человек пребывает в разлуке и одновременно в постоянной, непреодолимой связи. Единство двух возлюбленных — бога и человеческой души — неизменный образ произведений сестры Мехтхильд, основная идея их: «Любовь пробуждает спящую душу». По жанру сочинения сестры Мехтхильд вернее всего определить как стихотворения в прозе. Энергичные и в то же время плавные каденции придают ритмизированной прозе звучание стиха. В XIV в. собрание ее сочинений было переведено монахами с нижненемецкого на верхненемецкий и латинский языки.

ФРЕЙДАНК

Странствующий поэт, современник падения династии Гогенштауфенов. Творчество Фрейданка отличает интерес к политическим событиям. В 1227 г. откликнулся на отлучение императора Фридриха II; будучи сторонником императорской власти, выступал с резкой критикой феодалов и духовенства, меркантильной сущности бюргерских кругов. Называл себя Фрейданк, что означало вольнодумец (Frîdank). Автор сборника «Разумение» (Frîdanks Bescheidenheit), состоящего из рифмованных изречений, афоризмов, пословиц. Один из зачинателей бюргерской дидактической поэзии, вытекающей из традиции шпруха и предваряющей мейстерзанг. В неприятии существовавших общественных порядков и в рассуждениях на богословские темы явился предшественником Лютера и Ульриха фон Гуттена. Любовь в сочинениях Фрейданка — проявление всей природы человека: с одной стороны, это тяготение к греху, с другой — выражение благородства души. Признавая женщину источником счастья, поэт склонен видеть это счастье лишь в супружестве.

ИЗ КНИГИ «РАЗУМЕНИЕ»

Книга состоит из многочисленных глав, содержащих разносторонние наблюдения над жизнью и характеризующих мир современного автору человека в различных отношениях. В настоящем издании главы даны выборочно и сокращенно, в виде отдельных рассуждений.

О королях и князьях (стр. 374).— *Король чтоб ручку чмокал // Презренному ростовщику...*— Намек на возраставшее покровительство королевской власти городам, оказывавшим ей большую материальную поддержку. *Мечтаючи о ссуде, // Он продал честь Иуде.*— Именем Иуды здесь назван ростовщик. По преданию, один из учеников Иисуса, Иуда Искариот, ведал кассой в обществе апостолов и присваивал деньги.

О Риме (стр. 376).— *Во прахе пред Петром святым... Просил калека подаянья.*— Рассказ об одном из чудес апостола Петра во время его деятельности в Риме (по книге «Деяния апостолов»). *Лежат готовые облатки.*— Облатки из теста с изображением агнца и креста, употреблявшиеся в католической церкви с XII в. при святом причастии вместо хлеба. Подразумевается отпущение грехов за деньги, все более распространявшееся через продажу индульгенций — папских грамот, дарующих прощение грешникам. *У папы в ножнах два меча!* — По евангельскому преданию, Христос вручил апостолу Петру, следовательно, и его преемнику — папе римскому — два меча для защиты христиан; одним должен обладать папа, другим — император. Стремление папы стать не только духовным, но и светским владыкой христианской империи Фрейданк считает нарушением божьей воли. *Не знали в Риме сети той, // Которой рыбу Петр святой // В морских волнах ловил когда-то.*— Апостол Петр занимался рыбацким промыслом. Упрек папам в том, что им чужда жизнь праведника.

КРАФТ ФОН ТОГГЕНБУРГ

Вероятно, Крафт II из рода графов Тоггенбург, владевшего богатыми, обширными землями в предгорьях Альп в Швейцарии и вымершего к середине XV в.

ФОН БУВЕНБУРГ

Имя появилось в 1255 г. в документах архиепископа Констанцского. Очевидно, происходил из рода швабских дворян. Песни Бувенбурга отличает насмешливое отношение к женщине, иногда — грубонатуралистическое изображение любви. Так же, как Штейнмар, может считаться певцом плодоносной осени.

ШТЕЙНМАР

Миннезингер из знатного рода, один из двух братьев, упоминающихся в документах между 1251 и 1288 гг. Вероятнее всего, это Бертольд, сопровождавший в 1276 г. своего сеньора Вальтера фон Клингена в Вену к Рудольфу Габсбургу, что явствует и из песен (второй брат Конрад в это время находился на родине). Штейнмар является последователем «деревенского миннезанга». Среди его сочинений есть пародии на «утренние песни». От «высокой любви» он обращается к «низкой», воспевает чувство к крестьянской девушке. В его песнях нет культа любви: не добиваясь успеха у возлюбленной, он с легкостью отказывается от любовного служения и ищет утешения в других плотских радостях; именно поэтому он часто воспевает осень с ее обилием плодов и вина.

УЛЬРИХ ФОН ВИНТЕРШТЕТТЕН

Упоминается в документах 1241—1280 гг. Принадлежал к духовному сословию, хотя происходил из рода швабских министериалов. С 1258 г. был каноником в Аугсбурге. Автор сорока песен, среди них — куртуазные «утренние песни», а также пародии, шуточные и танцевальные песни. Особого внимания заслуживают последние: свойственная куртуазной поэзии любовная жалоба сменяется веселой сельской песней в ритме танца.

ГЕСС ФОН РЕЙНАХ

Происходил из духовенства или из сословия министериалов. Умер около 1280 г.

КОНРАД ВЮРЦБУРГСКИЙ

Бюргер из города Вюрцбурга. Странствующий певец, поселился в Базеле, где в 1287 г. умер вместе с семьей от эпидемии. Автор большого количества стихотворений — лирических, аллегорических и эпических (в частности, на сюжеты античного цикла о Троянской войне). Творчество Конрада фон Вюрцбурга отличает цельность мировосприятия, в котором заметно влияние Тангейзера. Ему чуждо изображение любовных страданий, в трактовке любви ощущается умиротворенность, убежденность в гармоничности мира. Обращает на себя внимание совершенная форма его стихотворений.

КОРОЛЬ КОНРАД ЮНЫЙ

Личность миннезингера установлена не вполне точно. Есть предположение, что им мог быть король Германии Конрад IV (1228—1254), сын императора Фридриха II. Но вероятнее, что это сын Конрада Конрадин (1251—1268), последний из династии Гогенштауфенов. Совершив поход в Италию, потерянную Германией после смерти его деда Фридриха II, был разбит Карлом Анжуйским, братом французского короля, поддерживавшим гвельфов (сторонников папы), захвачен в плен и обезглавлен. Автор двух песен куртуазного содержания.

ДИКИЙ АЛЕКСАНДР (2-я ПОЛОВИНА XIII в.)

Странствующий певец, происходил, вероятно, из бюргеров. Большая Гейдельбергская и Иенская рукописи дают ему прозвище Дикий, возможно исходя из содержания одной его строфы. Прозвищу соответствует портрет в Большой Гейдельбергской рукописи: всадник на лихо скачущем коне. Но более вероятно, что прозвище связано с образом жизни миннезингера, так и не осевшего ни в одной земле, не принявшего ничьего подданства: слово «wild» (в современном нем. языке — «дикий») в средневерхненемецком имело также значение «unstet» — «непоседливый». Написал шпрухи и небольшое количество песен. Был хорошо знаком с римской и латинской литературой.

«Было времечко когда-то!..» (стр. 394).— *Дети, осторожно! // Здесь так много страшных змей.*— По-видимому, реминисценция из 3-й эклоги Вергилия:

Дети, вы рвете цветы, собираете вы землянику,—
Прочь убегайте, в траве змея холодная скрыта.

(Перевод С. Шервинского)

Ей ужален был наш крестный.— Аллегория, очень характерная для творческой манеры Александра. Подразумевается грехопадение Адама, совершившееся из-за того, что Еву ввел в соблазн дьявол в образе змеи.

ГЕНРИХ ФРАУЕНЛОБ

Родился около 1250 г., умер в 1318 г. Настоящее имя — Генрих, родом из Мейсена, бюргерского происхождения. Странствующий певец, основоположник мейстерзанга — песенной лирики бюргерства, сменившей рыцарский миннезанг. Получил образование в церковной школе. Автор любовных песен и «плачей» (плач о смерти императора Венцеля II, плач о смерти императора Рудольфа), а также морально-дидактических стихотворений, продолжающих традицию шпрухов. В произведениях заметны широкая образованность и схоластическое мышление автора; их отличает претенциозный стиль. Мейстерзингеры высоко ценили его виртуозность в области формы, особенностью его творчества считали «цветущую мелодию». Наиболее популярен был у современников лейх во славу девы Марии, с этим связано и прозвище Фрауенлоб (буквально: возносящий хвалу богоматери). Дифирамб богоматери — первой среди женщин — в то же время возвеличивает человеческую любовь как изначальную и священную основу всякого творения. Каждая женщина создает земного человека по образу и подобию сына Марии; таким образом, женщина представляет собой божественно одаренное создание, совершенное и величественное. Фрауенлобом была основана первая «певческая школа» (в г. Майнце), по примеру которой возникли «певческие братства» — центры мейстерзанга.

ВЕРНЕР ФОН ГОМБЕРГ (1284—1320)

Принадлежал к роду швейцарских графов из епископства Базель. В 1304 г. участвовал в походе немецких рыцарей на Литву, в 1310—1313 гг.— в походе императора Генриха VII в Италию, проявив себя храбрым бойцом и способным военачальником. Погиб в Ломбардии, где был наместником Генриха VII.

ГЕНРИХ ГЕТЦБОЛЬД ФОН ВАЙСЕНЗЕЕ

Происходил из Эрфурта. Упоминается в документах 1312—1345 гг.

ОСВАЛЬД ФОН ВОЛЬКЕНШТЕЙН (1377—1445)

Происходил из старого рода тирольских рыцарей. Десятилетним мальчиком принял участие в походе против Пруссии, сопровождал императора Сигизмунда в Персию и Турцию. По требованию юной тирольской дворянки Сабины Егер, пожелавшей испытать его мужество, совершил паломничество в Палестину. Застав свою возлюбленную по возвращении уже замужней дамой, отправился в 1402 г. в Италию, в войске Рупрехта Пфальцского. Вернувшись на родину, примкнул к борьбе тирольского дворянства против герцога Фридриха Пустая Мошна. В 1407 г. отправился в Испанию воевать с маврами, побывал во многих городах, выдавая себя иногда за арабского князя. В 1414 г. присутствовал на Констанцском соборе, принявшем, в частности, решения по борьбе с ересью. В Тироле снова вступил в ряды оппозиции и был арестован благодаря коварству Сабины. Отпущенный за большой выкуп, был арестован вторично, когда Фридрих поссорился с Сигизмундом, к которому всегда был близок Освальд. После освобождения участвовал в подавлении движения гуситов. Автор ста двадцати пяти песен, напоминающих авантюрные новеллы как содержанием, так и живой манерой изложения, построенных на автобиографическом материале. Среди них — песни, близкие к бюргерской поэзии, шуточные, кабацкие. Есть песни религиозного содержания: скорбь по поводу нравственного упадка рыцарства соединяется с предсказаниями возмездия за грехи. Для Освальда характерно воссоздание родного пейзажа, сельского быта, в который он переносит и ситуацию «утренней песни». В изображении любви усилен эротический момент, воспеваются брачные узы. Многие из песен посвящены второй жене миннезингера Маргарите фон Швангау.

«Я за полночь слышу, как тянет прохладной травой...» (стр. 400).— «Утренняя песня», содержащая картины природы. *И в зареве ярком свой блеск потушил Люцифер.*— Люцифер (буквально: носитель света) — здесь: утренняя звезда, одно из прежних названий планеты Венеры.

«Оттаяло и сердце от тоски...» (стр. 401).— Лирическое изображение швейцарской весны. *Над Зейзеральпом брезжущим и Флакком... из Кастельрута в Эйзак... у Матцена защелкал над лугами...*— Названия вершин, рек и местностей, сохранившиеся в Швейцарии до нынешнего времени. *Вокруг Гауенштейна, там и сям...*— Гауенштейн — замок, где Освальд поселился в 1427 г. и где он умер.

«А ту их!» — Лионгарт фон Волькенштейн...» (стр. 402).— Один из эпизодов борьбы тирольских дворян с австрийским герцогом Фридрихом — прорыв из осады братьев фон Волькенштейн. *...так сорвались, оставив Грейфенштейн...*— Грейфенштейн — замок, принадлежавший одному из дворянских родов, примыкавших к оппозиции. *Крестьяне из Сент-Йоргенской земли...*— Тирольское крестьянство выступало на стороне герцога.

«Ну ладно, разойдемся спать!..» (стр. 403).— Кабацкая песня, по своему содержанию и примитивно реалистическому стилю тяготеющая к бюргерской литературе.

ГЕНРИХ ФОН МЮГЕЛЬН

Поэт из бюргерской среды, сведения о котором сохранились лишь в его собственных сочинениях. Около 1346 г. поселился в Праге и состоял при императоре Карле IV. Затем жил при дворе герцога Рудольфа VI Австрийского, для которого написал «Венгерскую хронику». Язык ее — смесь восточнобаварского со следами средневерхненемецкого — представляет интересный образец канцелярского стиля того времени. Тот же текст Мюгельн написал и латинскими стихами. Его творчество включает и аллегорические стихотворения, и переводы из латыни. Басни и песни отличаются своеобразным реализмом — обилием житейских подробностей.

«Говорила дама: «Ясный сокол...» (стр. 405).— Вариация одной из песен Кюренберга (см. с. 188), где впервые дан образ сокола, вырвавшегося из женских рук. С Кюренбергом сближает песню и ярко выраженный лиризм.

ГУГО ФОН МОНТФОРТ (1357—1423)

Граф, владелец больших земель, подвергавшихся нападениям со стороны Богемии и Швейцарии в начале XV в. Участник Констанцского собора (1414 г.). Писал любовные песни, любовные послания и приветствия, поучения. Стремясь соблюдать традиции куртуазной поэзии, был тем не менее ближе к народному творчеству. В отличие от большинства миннезингеров, писал только стихи для своих песен, чаще всего — простые рифмованные двустишия; музыку к ним сочинял его оруженосец. Стихотворения проникнуты религиозным настроением и морализаторскими тенденциями; мысли о бренности земного, об ожидающем потустороннем возмездии придают его творчеству трагическое звучание.

«Который час? Не близок ли рассвет?..» (стр. 406).— Своеобразный жанр духовной «утренней песни», где обычное содержание — переживания из-за разлуки с возлюбленной — заменено религиозно-дидактическим: тяжелыми раздумьями о бренности земного.

ИОГАННЕС ХАДЛАУБ

Предполагают, что это имя носил человек, поселившийся в начале XIV в. в Цюрихе. Жил в бедности, хотя, как явствует из его песен, был дружен с высокопоставленными лицами. В частности, он упоминает о Рюдигере II Манессе и его сыне Иоганне, прославляя собранную ими книгу сочинений миннезингеров. В песнях заметна тенденция к реалистическому изображению, в них отражены документально известные факты. Среди его песен — «осенние», пиршественные и крестьянские.

ИОГАННЕС ТАУЛЕР (1304—1361)

Страсбургский проповедник, монах-доминиканец. Ученик Экхарта (1260—1327), одного из крупнейших мистиков средневековья, который выступал против официальной церкви, был связан с ересями и преследовался инквизицией. Таулер был близок к средневековому пантеизму, считавшему человеческую душу одним из проявлений божественного, что было направлено против ортодоксального духовенства, провозглашавшего свое посредничество между богом и человеком. Рассматривая человека как слабое, несовершенное творение, способное возвыситься до бога лишь благодаря божьей «благодати», Таулер видел путь к божеству в осознании человеком ничтожности земного мира, в аскетизме. Подтверждая таким образом идею Экхарта о непосредственном контакте человека с богом и о второстепенной роли церкви, Таулер был одним из тех, через кого эта идея дошла до Лютера и Томаса Мюнцера. Однако в своей практике он всегда оставался блюстителем официальных церковных догм, выступал против еретиков и даже против Экхарта.

ЗАЛЬЦБУРГСКИЙ МОНАХ (2-я ПОЛОВИНА XIV в.)

Очевидно, один из приближенных архиепископа Зальцбургского, скорее всего священник Мартин Кульхмейстер, создавший наряду с духовными более пятидесяти песен светского содержания. В них часто соединяются куртуазные стихи и народные мелодии. Для многих песен характерно озорное настроение, персонажами их являются простые люди.

«Полежать // в полдень сладко тем...» (стр. 412).—*...на поветь с милой своей...*— Поветь — уголок крестьянского двора, прикрытый навесом.

БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ

«Славься, Мария, розой без терний цветя...» (стр. 414).— Славословие богоматери (в данном случае — молитва грешника) — жанр, распространенный в латинской литературе средних веков; с XII в. появляются славословия и на немецком языке. *Хлеб ангела* — манна небесная.

«Сердце, плачь, и, очи, плачьте...» (стр. 414).— Типичное произведение религиозной лирики, принадлежащее неизвестному автору, содержит рассказ об отступничестве женской души от «небесного жениха» — Иисуса и предании ее земному чувству. Ощущение потери покоя и твердости, питаемых ожиданием потустороннего блаженства, придает песне трагический характер.

«Очам души угодна...» (стр. 415).— Обожествление возлюбленной, восходящее к гимнам в честь богоматери, характерный для позднего средневековья образец религиозно-лирической поэзии: лирическая тема выражена посредством религиозной символики. Смысл образа возлюбленной здесь двойственный, в нем воплощается и божественное, и земное. *Отец — младенцем-богом...*— Намек на то, что избранница — сама богоматерь, творение бога-отца и мать бога-сына, составляющих единство в христианской религии. *Мать — мамкою при ней...*— Мать, очевидно, богоматерь, а «избранница» — уже земная дева, хранимая ею. *И лань с единорогом покорно служат ей.*— Лань, в соответствии с одним из текстов Нового завета,— символ духовной жажды, стремления соединиться с Христом; единорог — существо фантастическое, реально не существующее (символ воплощающегося Христа), покровительствует обычно непорочной деве.

«Посмотри, сколь дивен путь...» (стр. 416).— Религиозная песня, созданная, очевидно, по мотивам «Песни песней», где любовь имеет смысл слияния человеческой души с божественным источником жизни. Судя по образам, автор песни находился под влиянием мистического мироощущения, получившего распространение в XII—XIII вв. *Там, не смешиваясь, вина Кипра пьются.*— Заимствованный из «Песни песней» символ свершения любви.

Д. Чавчанидзе

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

Поэзия вагантов дошла до нас в нескольких рукописных сборниках XII—XIII вв.— латинских и немецких; основной из них, содержащий более двухсот песен и стихотворений различного характера — морально-дидактических, сатирических, любовных — «Carmina Burana» (Бейренские песни — от латинизированного названия монастыря Бенедикт Бейрен, где была впервые найдена эта рукопись XIII в.). Большая часть стихотворений этого сборника, так же как тексты других рукописей — Кембриджской, Оксфордской, Ватиканской и других, названных так по их местонахождению в тех или иных библиотеках, принадлежит неизвестным поэтам. Исследователям удалось более или менее точно установить авторство лишь очень немногих произведений вагантов, раскрыв имена — или хотя бы прозвища — поэтов Примаса Орлеанского, Архипиита Кельнского, Вальтера Шатильонского.

Большинство стихотворений вагантов, напечатанных в настоящем томе, содержится в «Carmina Burana». Для перевода были использованы также издания лирики вагантов на латинском и немецком языках, подготовленные немецкими исследователями-медиевистами Людвигом Лайстнером, Мартином Лепельманом и другими.

До 1970 г. на русском языке были опубликованы лишь отдельные стихотворения вагантов, в основном в хрестоматиях (см. «Хрестоматию по зарубежной литературе средних веков». Сост. Б. И. Пуришев и Р. О. Шор. М., 1953). В 1970 г. был издан первый сборник вагантской поэзии на русском языке: «Лирика вагантов в переводах Льва Гинзбурга» (М., «Художественная литература», 1970).

Поэзия вагантов представлена в книге «Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков» (М., «Наука», 1972).

При подготовке настоящего тома были использованы переводы из двух вышеупомянутых изданий. Примечания к стихотворениям принадлежат — соответственно — переводчикам.

ИЗ «КЕМБРИДЖСКОЙ РУКОПИСИ»

Снежное дитя (стр. 419).— Стихотворение представляет собой один из первых в европейской литературе поэтических шванков. В XIII в. анекдот про «снежное дитя» был обработан странствующим поэтом Штрикером, автором известной «плутовской» книги о попе Амисе, предшественнике Тиля Эйленшпигеля.

Песня про лгуна (стр. 420).— Так же, как «Снежное дитя», относится к зачаткам плутовской литературы.

БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ
ИЗ «CARMINA BURANA» И ДРУГИХ СБОРНИКОВ

Орден вагантов (стр. 426).— Этим стихотворением открывается «Carmina Burana» Л. Лайстнера, где латинский и немецкий тексты даны параллельно. Название стихотворения, как и в ряде других случаев, принадлежит Лайстнеру: в латинской рукописи стихи озаглавлены не были. Понятие «орден вагантов» следует воспринимать метафорически. В действительности никаких специальных организаций вагантов, объединенных общим уставом, не существовало.

Прощание со Швабией (стр. 431).— Как явствует из этой песни, «швабский житель» отправился учиться во Францию, в Парижский университет. Опасения простодушного шваба насчет того, как бы парижские профессора его «не замучили насмерть», отнюдь не беспочвенны. Курс обучения — например, на богословском факультете — длился десять лет. На последнем экзамене выпускник, по утверждению академика Е. Тарле, от шести часов утра до шести часов вечера выдерживал «натиск» двадцати

диспутантов, которые сменялись каждые полчаса, он же был лишен отдыха и не имел права за все двенадцать часов экзамена ни пить, ни есть. Выдержавший испытание становился доктором и увенчивался особой черной шапочкой.

«Я скромной девушкой была...» (стр. 435).— В оригинале немецкие строки чередуются с латинскими — прием, характерный для поэзии немецких вагантов.

Virgo dum florebam	— когда я цвела невинностью
Omnibus placebam	— всем нравилась
Flores adunare	— собирать цветы
Ibi deflorare	— там лишить девственности
Sed non indecenter	— но весьма пристойно
Valde fraudulenter	— очень коварно
Valde indecenter	— очень непристойно
Multum violenter	— очень грубо
Nemus est remotum!	— Роща ведь в сторонке!
Planxi et hoc totum	— я плакала и все прочее
Non procul a via	— недалеко от дороги
Tympanum cum lira	— тимпан и лира
Dixit: sedeamus!	— Он сказал: давай сядем!
Ludum faciamus!	— Давай поиграем!
Non absque timore	— не без робости
Dulcis est cum ore	— он сладкоречив
Corpore detecta	— обнажив тело
Cuspide erecta	— подняв копье
Bene venebatur	— хорошо поохотился
Ludus compleatur!	— Да свершится игра!

«Когда б я был царем царей...» (стр. 439).— *Когда проспать бы ночку мог // с английской королевой...*— Вероятно, имеется в виду королева Элеонора (1122—1204), оказывавшая покровительство трубадурам и миннезингерам.

Завещание (стр. 439).— По мнению Лайстнера, представляет собой один из вариантов «Исповеди» Архипиита Кельнского (см. с. 484). *Пусть у дьявола в когтях // корчатся на пытке // те, кто злобно отвергал // крепкие напитки!* — Пародия на церковные инвективы, предававшие анафеме грешников; характерный пример пародийного «переосмысления».

Доброе, старое время (стр. 440).— *Блаженный Августин* (354—439) — средневековый философ, один из наиболее известных отцов церкви. *Мария с Марфой, это вы ль?* — Марфа и Мария — сестры Лазаря из евангельского рассказа о посещении Христом Вифании. *Что с вами, Лия и Рахиль?..*— Лия — старшая дочь упоминаемого в Библии Лавана, Рахиль — его младшая дочь; обе были женами патриарха Иакова. *О, добродетельный Катон!..*— Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) — римский цензор, знаменитый оратор, обличавший распутство.

Спор между Вакхом и пивом (стр. 444).— Стихи-диспуты — один из самых излюбленных жанров школярской, да и вообще средневеко-

вой поэзии (см. также «Флора и Филида», «Раздор между чтением книг и любовью»). Абеляр писал о «турнирах мысли», которые он предпочитал всем иным поединкам. В университетах и школах риторов искусству диспутов уделялось особое внимание: непременным условием считалось, чтобы каждая из спорящих сторон могла изложить свои аргументы и была, таким образом, выслушана. Впрочем, «Спор между Вакхом и пивом» не столько диспут, сколько шуточная пародия на таковой. *«Душу нам греет вино, ее открывая веселью».*— Цитата из Овидия Назона «Наука любви», кн. I, ст. 237.

«Ах, куда вы скрылись, где вы...» (стр. 445).— Одно из шуточных средневековых причитаний по поводу «всеобщего падения нравов».

«Вновь облетела липа...» (стр. 449).— Один из ранних образцов немецкой «женской лирики».

Рождественская песня школяров своему учителю (стр. 452).— Отрывок из студенческого гимна XIII в.

Колесо Фортуны (стр. 454).— Стихотворение служит прологом к кантате немецкого композитора Карла Орфа «Carmina Burana». *Гордая Гекуба.*— Гекуба — жена троянского царя Приама. После поражения Трои попала в руки греков. По Еврипиду (трагедия «Гекуба»), она пережила принесение в жертву греками ее дочери Поликсены и гибель своего сына Полидора, убитого фракийским царем Полимнестром. По Овидию, Гекубу, превращенную в суку, забросали камнями фракийцы.

Апокалипсис Голиарда (стр. 455).— Стихотворение пародийно переосмысливает «Откровение святого Иоанна». Любопытно, что в свой «Апокалипсис» поэт-вагант вводит Пифагора в качестве предвестника Страшного суда.

Флора и Филида (стр. 460).— Характерное для вагантов стихотворение-диспут.

ПРИМАС ГУГО ОРЛЕАНСКИЙ

Уроженец Орлеана, примас пользовался громадной известностью, одно время учительствовал, но большую часть жизни провел в скитаниях. Последним его пристанищем оказались Британские острова. По мнению немецкого исследователя Карла Лангоша, примас оказал влияние на многих вагантов, в том числе и на Архипиита Кельнского.

Наставление поэту, отправляющемуся к потаскухам (стр. 477).— *У Фрины сердце глухо...*— Фрина (здесь: обозначение распутницы) — афинская гетера IV в. до н. э.

Богатый и нищий (стр. 479).— Обработка евангельской притчи о бедняке Лазаре, лежавшем возле дома бессердечного богача. Пребывание Лазаря и его обидчика в загробном мире стало предметом множества назиданий и проповедей.

Орфей в аду (стр. 480).— Переосмысление Овидия в духе песен вагантов. Мольба о воскрешении Евридики, которая содержится в стихо-

творении Гуго Орлеанского, лексически почти совпадает с соответствующим местом из «Метаморфоз». Однако поэт-вагант придает этой мольбе совершенно иную, более простонародную и живую интонацию.

АРХИПИИТ КЕЛЬНСКИЙ

До нас дошло десять стихотворений Архипиита, написанных между 1159 и 1165 гг. Настоящее имя его неизвестно, так же как его национальная принадлежность, хотя, по всей видимости, он был немцем. Все стихотворения Архипиита обращены к Рейнальду (Регинальду) фон Дассель — канцлеру императора Фридриха Барбароссы и архиепископу Кельнскому. «Исповедь», по всей вероятности, написана в 1163 г. Высокую оценку этому произведению дал Якоб Гримм, отмечавший ни с чем не сравнимую «свободу и благозвучие языка, беспредельную мощь рифмы».

Исповедь (стр. 484).— *Ах, когда б я в Кельне был не архипиитом, // а Тезеевым сынком — скромным Ипполитом...*— Ипполит — сын афинского царя Тезея. Вторая жена Тезея — Федра, любовь которой Ипполит отверг, оклеветала его перед отцом, что послужило причиной его гибели.

ВАЛЬТЕР ШАТИЛЬОНСКИЙ (1135—1200)

Поэт-клирик. Учился в Париже и в Реймсе, в Реймсе же был каноником, затем состоял на службе при дворе Генриха II. По заданию французского короля в 1166 г. отправился с особым поручением в Англию. Преподавал в монастырской школе в Шатильоне, изучал право в Болонье, совершил паломничество в Рим. Его весьма бурная жизнь окончилась в Париже, где, как гласит легенда, он умер от проказы.

Одна из главных тем Вальтера Шатильонского — обличение духовенства.

«Я, недужный средь недужных...» (стр. 496).— *Гиезит-мошенник.*— Отрок Гиезий, слуга пророка Елисея, пытавшийся брать взятки с тех, кого благодетельствовал его хозяин, считался, наряду с Симоном Волхвом, зачинателем симонии.

Обличение Рима (стр. 498).— *Словно печень Тития...*— Образ Тития взят из описания загробных мук в «Энеиде» Вергилия (VI, 595 сл.). *Здесь Юпитер под землей, а Плутон на небе.*— Подземный бог Плутон и бог богатства Плутос часто смешивались в средние века.

М. Гаспаров, Л. Гинзбург.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Пуришев. Лирическая поэзия средних веков 5

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

Перевод Валентины Дынник

БЕЗЫМЯННЫЕ ПЕСНИ

«Все цветет! Вокруг весна!..» 31
«Я хороша, а жизнь моя уныла...» 32
«Отогнал он сон ленивый...» 34
«Боярышник листвой в саду поник...» 35
«Глядя на зелень лугов...» 36

ГИЛЬЕМ IX

«Желаньем петь я вдохновен...» 38

СЕРКАМОН

«Напастью наступил черед...» 40

МАРКАБРЮ

«Встретил пастушку вчера я...» 42
«В саду, у самого ручья...» 44

ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ

«В час, когда разлив потока...» 46
«Мне в пору долгих майских дней...» 47
«Наставников немало тут...» 48

БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН

«Коль не от сердца песнь идет...» 51
«Люблю на жаворонка взлет...» 52
«Нет, не вернусь я, милые друзья...» 54

«Чтоб стих вдохновенно звучал...» 55
«Все зеленеет по весне...» 57
«Дням пасхи каждый рад...» 58
«У любви есть дар высокий...» 60
«Нет зеленых сéней...» 62

ПЕЙРЕ И БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН

«— Мой славный Бернарт, неужель...» 65

ПЕЙРЕ Д'АЛЬВЕРНЬЯ

«— Соловей, прошу тебя я...» 67

РАМБАУТ Д'АУРЕНГА

«В советах мудрых изощрен...» 71

ГРАФИНЯ ДЕ ДИА

«Мне любовь дарит отраду...» 73
«Полна я любви молодой...» 74
«Повеселей бы песню я запела...» 75
«Я горестной тоски полна...» 76
«Друг мой! Я еле жива...» 76

АЗАЛАИДА ДЕ ПОРКАЙРАРГЕС

«Вот и зимняя пора...» 79

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЙЛЬ

«— Молю тебя, всесильный, светлый бог...» 81
«Любви восторг недаром я узнал...» 82
«— Увы мне! — Что с тобою, друг?..» 83
«Когда порою зуб болит...» 85

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЙЛЬ И ЛИНЬЯ́УРЕ

«— Сеньор Гираут, да как же так?..» 88

АРНАУТ ДЕ МАРЕЙЛЬ

«Нежным ветерка дыханьем...» 90
«Вас, Донна, встретил я — и вмиг...» 91

БЕРТРАН ДЕ БОРН

«Мила мне радость вешних дней...» 94
«Наш век исполнен горя и тоски...» 95
«Люблю, чтобы под старость отдавали...» 96
«Я сирвентéс сложить готов...» 98
«Донна! Право, без вины...» 99

АРНАУТ ДАНИЕЛЬ

«На легкий, приятный напев...» 102

МОНАХ ИЗ МОНТАУДОНА

«Давеча я в рай ходил...» 104
«Я к господу как-то попал...» 105

ФОЛЬКЕТ ДЕ МАРСЕЛЬЯ

«— *Надежный Друг,* вот вы знаток...» 108

ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ

«Нет! Хватит волн морских...» 111

УК ДЕ ЛА БАКАЛАРИА

«Вместо нежного привета...» 113

КАСТЕЛЛОЗА

«Зачем пою? Встает за песней вслед...» 115

ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ

«Жадно издали впивая...» 117
«Жаворонок с соловьем...» 118
«Сеньор мой Драгоман, да мне б коня...» 119
«Мила мне лета славная пора...» 120

МАРИЯ ДЕ ВЕНТАДОРН И ГИ Д'ЮССЕЛЬ

«— Ужель, Ги д'Юссель, вы сполна...» 122

ПЕЙРОЛЬ

«Я велел с недавних пор...» 124
«— Мой сеньор, сейчас вопрос...» 125

ГИЛЬЕМ ДЕ БЕРГЕДАН

«— Ласточка, ты же мне спать не даешь...» 127

ГИЛЬЕМ ДЕ КАБЕСТАНЬ

«Когда впервые вас я увидал...» 129
«Я сердцем та́ю...» 130

ГИЛЬЕМ ФИГЕЙРА

«Сирвенте́с сложу...» 133

ПЕЙРЕ КАРДЕНАЛЬ

«Хоть клирик ядовит...» 140
«Ну вот! Свободу я обрел...» 142
«Искусницы скрывать свои грешки...» 143

«Всем суждено предстать на Страшный суд...» 144
«Морские волны! Море вас несет...» 146
«Стереги...» 146

АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН

«В моей любви — поэзии исток...» 148
«Зря — воевать против власти Любви!..» 149

АЙМЕРИК ДЕ ПЕГИЛЬЯН И ЭЛЬЯС Д'ЮССЕЛЬ

« — Эльяс, ну как себя держать...» 151

ПИСТОЛЕТА

«Мне б тыщу марок звонким серебром...» 153

СОРДЕЛЬ

«Не мудрено, что бедные мужья...» 155

ПЕЙРЕ ГИЛЬЕМ И СОРДЕЛЬ

« — Сеньор Сордель! Так вы опять...» 156

СОРДЕЛЬ

«Передаст эта песня под струн перезвон...» 158

РИГАУТ ДЕ БАРБЕЗЬЕУ

«На́ землю упавший слон...» 160
«Жил в старину Персеваль...» 161

ДАЛЬФИН И ПЕРДИГОН

« — Пердигон! Порой бесславно...» 164

ГАВАУДАН

«Конь по холмам меня носил...» 167

АРНАУТ КАТАЛАН

«Я в Ломбардии, бывало...» 169

ПЕЙРЕ ДЕ БАРДЖАК

«К вам, моя Донна, пришел я просить...» 170

ПЕЙРЕ РАЙМОН

«Знаю, как любовь страшна...» 172

ЭЛЬЯС КАЙРЕЛЬ

«— Сеньор Эльяс Кайрель, задать...» 174

БЕРТРАН КАРБОНЕЛЬ

«Господь велел, чтоб Ева и Адам...» 176

ДАУДЕ ДЕ ПРАДАС

«Сама Любовь приказ дает...» 177

КЛАРА АНДУЗСКАЯ

«Заботами наветчиков моих...» 179

ГИРАУТ РИКЬЕР

«Дама к другу не была...» 180
«Пора мне с песнями кончать!..» 181

ПОЭЗИЯ МИННЕЗИНГЕРОВ

КЮРЕНБЕРГ
Перевод В. Микушевича

«Зачем сулишь мне горе, любимая моя?..» 185
«Радость будет позже, тоска сначала...» 185
«Одна поздно ночью стою на башне...» 185
«Стоял я поздно ночью у твоей постели...» 186
«Когда в одной рубашке, бессонная, стою...» 186
«Этот сокол ясный был мною приручен...» 186
«Ах, как текут слезы от боли нестерпимой!..» 187
«Моею будь, красавица!..» 187
«Во мраке ночи быстро скрывается звезда...» 187
«Знатнейшая девица, она прекрасней всех...» 187
«Женщину и сокола знай только замани!..» 187

МЕЙНЛОХ ФОН СЕФЕЛИНГЕН
Перевод В. Микушевича

«О тебе наслышан, решил я на тебя взглянуть...» 188
«Свои разносят сплетни по всей стране клеветники...» 190

БУРГГРАФ ФОН РЕГЕНСБУРГ
Перевод В. Микушевича

«Как добрый рыцарь мой хорош!..» 191
«Всю зиму проболел я...» 191

БУРГГРАФ ФОН РИТЕНБУРГ
Перевод В. Микушевича

«Нам теперь друг друга надо...» 192
«Смолк соловушка в долине...» 192
«Мирская мудрость в том порука...» 193

«Весной преобразился год...» 193
«Испытала ты меня...» 193
«В путь она меня послала...» 194

СПЕРФОГЕЛЬ

Перевод А. Исаевой

«О бедность горькая!..» 195
«Трави медведя молодою сворой...» 195
«Героям должно и в беде являть отвагу...» 195
«Добра не жди, кто волка звал на ужин...» 196

ДИТМАР ФОН АЙСТ

Перевод И. Грицковой

«Какое горе и какая мука!..» 197
«Страданьям дамы не было конца...» 197
«Заиграла весна на свирели...» 198
«Посреди зеленого луга...» 198
«Прощай, блаженство лета!..» 199
«Зима была бы хороша...» 199
«Как мне печаль свою избыть...» 200
«Служил я даме верно и послушно...» 200
«Скорей проснись, желанный...» 201
«Много дней пронеслось, много ночек...» 201
«Хоть полно друзей вокруг...» 202

ИМПЕРАТОР ГЕНРИХ

Перевод В. Микушевича

«Сподобился я тоже всей роскоши земной...» 203
«Зачем бы я пустила тебя в такую даль?..» 203
«Привет мой с песней шлю, томясь в надежде...» 204

ФРИДРИХ ФОН ХАУЗЕН

Перевод В. Микушевича

«Привиделось во сне...» 206
«Пришлось расстаться с ней...» 206
«Любовь мне сердце рвет...» 207
«Воистину я вижу сам...» 207
«Благословен творец небесный!..» 208
«От этих вечных испытаний...» 209
«Горе мне, горе! От любви мне плохо!..» 209
«Я думаю в разлуке...» 210
«Радуюсь я и печалюсь, любя...» 211
«Не долго думая, она...» 212
«Сказал я ей давным-давно...» 213
«Когда я только доживу...» 213

«О, как она была горда...» 214
«Грешно винить меня во лжи...» 215
«С моим упрямым сердцем в ссоре тело...» 217
«Кто хочет жизнь сберечь свою...» 217
«Когда бы не душою всей...» 218

ГЕНРИХ ФОН ФЕЛЬДЕКЕ

Перевод В. Микушевича

«Ликованье в мире снова...» 219
«Дни весенние настали...» 220
«Чтоб он был, как вор, повешен...» 221
«Не только пагубная страсть...» 222
«Когда в сладостную пору...» 222
«Блажен, кто никаких грехов...» 223
«Когда солнцу роза рада...» 223
«Те времена прошли давно...» 224
«Тот, кто действительно влюблен...» 224
«Счастье в мире и веселье...» 225
«Пусть завистникам досадно...» 225
«Ни числа, ни счета цветам в апреле...» 225
«Давно твердят...» 226
«Господь! На белом свете...» 227
«Перед ней не виноватый...» 227
«Мои песни ей желанны...» 227
«Сотню тысяч звонких марок...» 228
«Щебечут птицы по весне...» 228
«Задрожали дерева...» 228
«Никакого нет секрета...» 229
«Всем скорбям любовь причиной...» 229
«Снова год весною светел...» 229
«Кто держит женщину под стражей...» 229
«В зелени ликует птица...» 230
«Прекрасное близится лето...» 230
«Любовь сразила Соломона...» 230
«Слово с музыкой — услада...» 230
«Семь лет, не говоря ни слова...» 231
«Будет песням рад моим...» 231
«Кто выполнить готов любой приказ...» 231
«Сколько горя ты, зима, нам причинила!..» 232

РУДОЛЬФ ФОН ФЕНИС

Перевод В. Микушевича

«Заманивает и морочит, грозя...» 233
«В несчастии поется поневоле...» 234
«Должно быть, сам себе я враг исконный...» 235

АЛЬБРЕХТ ФОН ЙОХАНСДОРФ
Перевод В. Микушевича

«Она меня так донимала...» 236
«Отмечен милостью особой...» 237
«Встретился с прекрасной...» 238
«Добрый человек!..» 239

ГЕНРИХ ФОН МОРУНГЕН
Перевод В. Микушевича

«На все государство славится она...» 241
«Она моя отрада...» 242
«Если бы не все на свете совершенства...» 243
«Сердце в небо воспарило...» 244
«Очень многих этот мучает недуг...» 245
«Если вам наскучила моя хвала...» 246
«Сколько женщин знатных...» 246
«Требует, чтобы я был послушен...» 247
«Эту даму неспроста...» 248
«Я навеки пленник злополучный...» 249
«Все страданья в мире я постиг...» 250
«Стоит ей только посмотреть сурово...» 250
«Как тяжело...» 251
«Как мне своего добиться...» 252
«Зачем, прельщен безумною мечтою...» 253
«Дорогая!..» 253
«Госпожа! Спаси меня!..» 254
«Я виновен пред тобою, знаю сам...» 255
«Горевать и плакать некому со мною...» 256
«Голос отдаленный...» 257
«Если женщин я кляну...» 257
«Красное лето скрылось в отдаленье...» 258
«Не правда ли, странно?..» 259
«Невмоготу... Душа — рана сплошная...» 260
«Император без короны...» 261
«Неужто почь прошла?..» 261
«Чаянья, мечты, предположенья!..» 262
«Так, значит, вы, палач мой нежный...» 263

РЕЙНМАР
Перевод В. Микушевича

«Мою любовь я не забуду...» 264
«Вновь едут рыцари сюда...» 265
«Людей послушать я готова...» 265
«Хотел бы знать я, каково...» 266

«Что мне за дело до рассвета!..» 268
«Чуя радость впереди...» 269
«Я знал всегда, что ей смешно...» 270
«Как хорошо тому, кто был...» 271
«И я взыскую благ мирских...» 272
«Жену напрасно укорив...» 274
«Заслуга у меня еще и та...» 275
«Поют не от хорошей жизни...» 277
«Блаженная моя печаль...» 278
«Весна вернулась,— говорят...» 279
«Говорить бы смело...» 280
«Что влюбленному страдальцу мой совет...» 281
«Ею жил я столько лет...» 282
«Госпожу я заклинаю столько лет...» 283
«Много суетных утех...» 284
«Слово каждое бесценно...» 285
«Хорошо мне, только бы чуть-чуть...» 286
«Ты, гонец мой дорогой!..» 287
«И в моей тоске я восхищен...» 288
«Приемлю честный божий крест...» 290
«Все печали достаются мне одной...» 291
«От этих бед печаль жива...» 292
«Если я вздумаю хвастать победой...» 294
«Где же справедливость наконец?..» 295
«Никто не знает, как мне больно...» 296
«Милость мне нужна теперь, а не вражда...» 296

ГАРТМАН ФОН АУЭ
Перевод В. Микушевича

«Что лето мне!..» 298
«Тот, кто охоч до знатных дам...» 299
«Со слов моих запомнил каждый...» 300
«Слишком долго я тужу...» 301
«Святого нашего креста...» 302
«В несчастье вряд ли весел тот...» 304
«Только бы меня приветила она...» 304
«Нет мечте моей простора...» 305
«На свете счастлив только тот...» 306
«Пускай забуду я все дни другие...» 306
«Зимой тебе утехи нет...» 307
«Я теперь не слишком рад...» 308
«Привет прощальный мой собрату и соседу...» 309
«Тебе хотел бы, госпожа...» 309
«Почему-то мы грустим...» 310

ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ

«Вот сквозь облака сверкнули на востоке...» *Перевод В. Микушевича* 312
«Твой скорбный плач над нами...» *Перевод Н. Гребельной* . . 313
«В пору майского цветенья...» *Перевод Н. Гребельной* 314
«Сквозь дали, сквозь туманы...» *Перевод Н. Гребельной* . . . 315

ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

«Вам, госпожа, венок!..» *Перевод В. Левика* 317
«Любимая, пусть бог...» *Перевод В. Левика* 318
«Беседуя, лежал...» *Перевод В. Левика* 319
«Любовь — что значит это слово?..» *Перевод В. Левика* 320
«О госпожа, сердиться не надо...» *Перевод В. Левика* 321
«Одна мечта во мне жила...» *Перевод В. Левика* 322
«Одно скажи: «Благодарю!»...» *Перевод В. Левика* 323
«День за днем страдать, друзья...» *Перевод В. Левика* 324
«Славлю тот день, когда встретился с нею...» *Перевод В. Левика* 325
«Если б я тропой неразделимой...» *Перевод В. Левика* 326
«Желаний и томлений дни...» *Перевод В. Левика* 326
«В роще, под липкой...» *Перевод Арк. Штейнберга* 328
«В роще, в поле, на поляне...» *Перевод В. Левика* 329
«Мужу правды радостна весна...» *Перевод В. Левика* 330
«Это чувство и сладко и ново...» *Перевод В. Левика* 331
«Когда солнцу, от росы блестящи...» *Перевод В. Левика* . . . 332
«В майский день, порой чудес...» *Перевод В. Левика* 332
«Я в двух отношеньях отзывчив...» *Перевод В. Левика* . . . 334
«Сидел я, брови сдвинув...» *Перевод В. Левика* 335
«В ручье среди лужайки...» *Перевод В. Левика* 336
«Я подсмотрел секреты...» *Перевод В. Левика* 336
«Что же радость — надоела всем?..» *Перевод В. Левика* . . . 337
«Я не видал, чтоб кто-нибудь...» *Перевод В. Левика* 338
«О князь Апулии, хранящий Вечный град...» *Перевод В. Левика* 339
«Мне Тегернзее хвалил знакомый люд...» *Перевод В. Левика* . . 339
«Увы, промчались годы, сгорели все дотла!..» *Перевод В. Левика* 340
«Земля, хозяину скажи ты...» *Перевод В. Левика* 341
«Я разделю, пока я жив...» *Перевод В. Левика* 342
«За красоту хвалите женщин...» *Перевод В. Левика* 342
«Плох ты, мир, ты совсем оголтел...» *Перевод В. Левика* . . . 343
«Господь! Кто набожен на вид...» *Перевод В. Левика* 343
«Бог ставит королем, кого захочет он...» *Перевод В. Левика* . . 343
«Я вышел в поисках чудес...» *Перевод В. Левика* 344
«С веленьем божьим, как посол...» *Перевод В. Левика* 344
«Во всех, чье сердце бес не совратит...» *Перевод В. Левика* . . 345
«Епископы, церкви князья...» *Перевод В. Левика* 345

«Как набожно папа смеется...» *Перевод В. Левика* 345
«Проснитесь, близок день Суда!..» *Перевод В. Левика* 346
«Ни мудрость, честь, ни сила слова...» *Перевод В. Левика* . . . 346
«Я плачу, Рейнмар, о тебе...» *Перевод В. Левика* 346
«Горе песням благородным...» *Перевод В. Левика* 347

ГОТФРИД СТРАСБУРГСКИЙ

«Неверно счастье нам неверностью особой...» *Перевод Н. Гребельной* 349

НЕЙДХАРТ ФОН РОЙЕНТАЛЬ
Перевод Н. Гребельной

«Все, что летом знало радости расцвет...» 350
«Ликуйте, стар и млад...» 352
«Пой, петушок золотой, дам тебе зерен!»...» 353
«Посмотрите, стал я стар...» 355

ГОТФРИД ФОН НЕЙФЕН
Перевод О. Чухонцева

«Бродил по далеким краям...» 356
«Только услышу, как начали скрипки...» 357

УЛЬРИХ ФОН ЗИНГЕНБЕРГ

«Госпожа, я мог бы счастье излучать...» *Перевод Юнны Мориц* 358

МАРНЕР
Перевод Н. Гребельной

«Позор, фон Цветер Регимар...» 360
«Я, люди, песню бы свою...» 360

БУРКХАРТ ФОН ХОЭНФЕЛЬЗ
Перевод Юнны Мориц

«Вьюги завыли...» 362
«Солнце жаркостью могучей...» 363

ТАНГЕЙЗЕР
Перевод Н. Гребельной

«Как весел, кто несется вскачь...» 365
«Ловко в мае пелось...» 367
«Не знался б ты с бедою...» 368

МЕХТХИЛЬД ИЗ МАГДЕБУРГА
Перевод Н. Гребельной

«Когда я блещу, тебе должно светиться...» 369
«О ты, огненный пик, о ты, солнечный круг раскаленный!..» . . 369
«Ты только ничто полюби...» 370
«Кто был изранен в свой черед...» 370
«Если б моим был мир земной...» 370

ФРЕЙДАНК

Из книги «Разуменне». *Перевод Л. Гинзбурга*

О жизни 372
О старости 373
О попах 373
О королях и князьях 374
О сокровищах и деньгах 376
О Риме 376

КРАФТ ФОН ТОГГЕНБУРГ

«Кто мечтает кануть в благодать...» *Перевод Юнны Мориц* . . 379

ФОН БУВЕНБУРГ

«Кто это с улыбкою привета...» *Перевод О. Чухонцева* 381

ШТЕЙНМАР

«Я награды не имел...» *Перевод Н. Гребельной* 382

УЛЬРИХ ФОН ВИНТЕРШТЕТТЕН

«Эх, и нравы ныне!..» *Перевод Н. Гребельной* 384

ГЕСС ФОН РЕЙНАХ

«Вот какая грусть...» *Перевод Юнны Мориц* 387

КОНРАД ВЮРЦБУРГСКИЙ
Перевод Н. Гребельной

«На газоны...» 388
«Когда два сердца трепетно...» 389
«На земле другого нет...» 389
«Ах, кротким суждено скончаться рано!..» 390
«Липы зеленой...» 391

КОРОЛЬ КОНРАД ЮНЫЙ

«Я в мае радуюсь цветам...» *Перевод Н. Гребельной* 393

ДИКИЙ АЛЕКСАНДР

«Было времечко когда-то!..» *Перевод Н. Гребельной* 394

ГЕНРИХ ФРАУЕНЛОБ

Перевод А. Исаевой

«Твой цвет, искусство песнопенья...» 396
«Благословен души моей хозяин...» 397

ВЕРНЕР ФОН ГОМБЕРГ

«Что случилось со мной?..» *Перевод Л. Гинзбурга* 398

ГЕНРИХ ГЕТЦБОЛЬД ФОН ВАЙСЕНЗЕЕ

«Славься, денечек, когда мой дружочек...» *Перевод Л. Гинзбурга* 399

ОСВАЛЬД ФОН ВОЛЬКЕНШТЕЙН
Перевод О. Чухонцева

«Я за полночь слышу, как тянет прохладной травой...» 400
«Оттаяло и сердце от тоски...» 401
«Ату их!» — Лионгарт фон Волькенштейн...» 402
«Ну ладно, разойдемся спать!..» 403

ГЕНРИХ ФОН МЮГЕЛЬН

«Говорила дама: «Ясный сокол...» *Перевод О. Чухонцева* . . . 405

ГУГО ФОН МОНТФОРТ

«Который час? Не близок ли рассвет?..» *Перевод О. Чухонцева* 406

ИОГАННЕС ХАДЛАУБ

«Ах, я без милой робко...» *Перевод Н. Гребельной* 408

ИОГАННЕС ТАУЛЕР

«Плывет с бесценным грузом...» *Перевод Л. Гинзбурга* 411

ЗАЛЬЦБУРГСКИЙ МОНАХ

«Полежать...» *Перевод Н. Гребельной* 412

БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ
Перевод Н. Гребельной

«Славься, Мария, розой без терний цветя...» 414
«Сердце, плачь, и, очи, плачьте...» 414
«Очам души угодна...» 415
«Посмотри, сколь дивен путь в страну блаженных...» 416
«Милый мой, приди ко мне...» 416

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

Из «Кембриджской рукописи». *Перевод Л. Гинзбурга*

Снежное дитя 419
Песня про лгуна 420
Священник и волк 421
Монах Иоанн 423
Жалоба девушки 425

БЕЗЫМЯННЫЕ ПОЭТЫ

Из «Carmina Burana» и других сборников

Орден вагантов. *Перевод Л. Гинзбурга* 426
Нищий студент. *Перевод Л. Гинзбурга* 429
«Ну, здравствуй, дорогое лето!..» *Перевод Л. Гинзбурга* . . . 430
Весенняя песня. *Перевод Л. Гинзбурга* 430
Прощание со Швабией. *Перевод Л. Гинзбурга* 431
Своенравная пастушка. *Перевод Л. Гинзбурга* 433
Добродетельная пастушка. *Перевод Л. Гинзбурга* 434
«Я скромной девушкой была...» *Перевод Л. Гинзбурга* 435
Лебединая песня. *Перевод Л. Гинзбурга* 436
«Выходи в привольный мир!..» *Перевод Л. Гинзбурга* 437
«Ах, там в долине, под горой...» *Перевод Л. Гинзбурга* 438
«Когда б я был царем царей...» *Перевод Л. Гинзбурга* 439
«Без возлюбленной бутылки...» *Перевод Л. Гинзбурга* 439
Завещание. *Перевод Л. Гинзбурга* 439
Доброе, старое время. *Перевод Л. Гинзбурга* 440
Кабацкое житье. *Перевод Л. Гинзбурга* 442
Спор между Вакхом и пивом. *Перевод Л. Гинзбурга* 444
«Ах, куда вы скрылись, где вы...» *Перевод Л. Гинзбурга* . . . 445
Отповедь клеветникам. *Перевод Л. Гинзбурга* 446
Раздор между чтением книг и любовью. *Перевод Л. Гинзбурга* 447
«Я с тобой, ты со мной...» *Перевод Л. Гинзбурга* 448
«В утренней рани почудилось мне...» *Перевод Л. Гинзбурга* . . 449
«Вновь облетела лина...» *Перевод Л. Гинзбурга* 449
Плач по поводу бегства возлюбленной. *Перевод Л. Гинзбурга* . . 449
Любовь к филологии. *Перевод Л. Гинзбурга* 451
Рождественская песня школяров своему учителю. *Перевод Л. Гинзбурга* 452
Проклятие. *Перевод Л. Гинзбурга* 452
Колесо Фортуны. *Перевод Л. Гинзбурга* 454
Взбесившийся мир. *Перевод Л. Гинзбурга* 454
Апокалипсис Голиарда. *Перевод Л. Гинзбурга* 455
Призыв к крестовому походу. *Перевод Л. Гинзбурга* 458
Против симонии. *Перевод Л. Гинзбурга* 459
Флора и Филида. *Перевод Л. Гинзбурга* 460
Восхваление истины. *Перевод Л. Гинзбурга* 466
Обличение денег. *Перевод М. Гаспарова* 466
Храм Венеры. *Перевод М. Гаспарова* 468
Проклятие Венере. *Перевод М. Гаспарова* 473
Вечерняя песня. *Перевод М. Гаспарова* 474

ПРИМАС ГУГО ОРЛЕАНСКИЙ

Перевод Л. Гинзбурга

Наставление поэту, отправляющемуся к потаскухам 477
Разговор с плащом 478
Стареющий вагант 479
Богатый и нищий 479
Орфей в аду 480
«Ложь и злоба миром правят...» 481

АРХИПИИТ КЕЛЬНСКИЙ

Просьба по возвращении из Салерно. *Перевод Л. Гинзбурга* . . 483
Исповедь Архипиита Кельнского. *Перевод Л. Гинзбурга* . . 484
Послание к архиканцлеру Регинальду, архиепископу Кельнскому. *Перевод М. Гаспарова* 488

ВАЛЬТЕР ШАТИЛЬОНСКИЙ

Жалоба на своекорыстие и преступления духовенства. *Перевод Л. Гинзбурга* 495
«Я, недужный средь недужных...» *Перевод М. Гаспарова* . . . 496
Обличение Рима. *Перевод О. Румера* (1—5, 7, 12, 14) и *М. Гаспарова* (6, 8—11, 13, 15—19) 498

Примечания *Р. Фридман, Д. Чавчанидзе, М. Гаспарова, Л. Гинзбурга* 505

На задней стороне суперобложки:
Состязание певцов в Вартбурге. Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи. XIII век

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 23

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ
ПОЭЗИЯ МИННЕЗИНГЕРОВ
ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ

*

Редакторы
М. Ваксмахер и
С. Шлапоберская
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректор Г. Асланяниц

*

Сдано в набор 9/I 1974 г. Подписано к печати 3/VI 1974 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 36 печ. л. 33,588 усл. печ. л.=28,271+6 нак.= 28,711 уч.-изд. л. Тираж 303 000 (153 001—303 000) экз. Заказ 3660. Цена 1 р. 60 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16